

Воспоминания
о К. Марксе
и Ф. Энгельсе

2

**Воспоминания
о К. Марксе
и Ф. Энгельсе**

Третье, дополненное
издание

Часть 2

Москва
Издательство
политической литературы
1988

ББК 13.2

В77

В $\frac{0103010000-040}{079(02)-88}$ 30-88

ISBN 5-250-00152-1

ISBN 5-250-00195-5

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

III

П. В. Анненков
Г. А. Лопатин
Д. И. Рихтер
М. М. Ковалевский
Н. А. Морозов
Г. В. Плеханов
П. Б. Аксельрод
Н. С. Русанов
А. М. Воден
Ш. Раппопорт
Р. М. Плеханова
П. Д. Боборыкин
Ф. М. Кравчинская

Из очерка
«Замечательное десятилетие» ³²⁰

Так, по дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к известному Марксу от нашего степного помещика ³²¹, также известного в своем кругу за отличного певца цыганских песен, ловкого игрока и опытного охотника. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с учителем Лассалья и будущим главой интернационального общества *; он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу водворения экономического порядка в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать все свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции **. Далее этого увлечение идти не могло, но я убежден, что, когда лихой помещик давал все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед изумленным Марксом, и умер не так давно престарелым, но все еще пылким холостяком в Москве[...]

Я воспользовался, однако же, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находился еще в энтузиастическом настроении, и был принят Марксом в Брюсселе очень дружелюбно. Маркс находился под влиянием своих воспоминаний об образце широкой русской натуры, на которую так случайно наткнулся, и говорил о ней с участием, усматривая в этом новом для него явлении, как мне показалось, признаки непод-

* — Международного Товарищества Рабочих. Ред.

** К этой фразе Маркс на своем экземпляре воспоминаний П. Анненкова сделал на полях следующее замечание на французском языке: «Это выдумка! Он ничего подобного не говорил. Напротив, он сказал мне, что вернется к себе для наивысшего блага своих собственных крестьян! Он даже имел наивность пригласить меня поехать вместе с ним!» Ред.

дельной мощи русского народного элемента вообще. Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения, — тип, крайне замечательный и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел, однако же, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучавший как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые произносил[...] Контраст с недавно покинутыми мной типами на Руси был наирешительный.

С первого же свидания Маркс пригласил меня на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с портным Вейтлингом³²², оставившим за собой в Германии довольно большую партию работников. Совещание назначалось для того, чтобы определить, по возможности, общий образ действий между руководителями рабочего движения. Я не замедлил явиться по приглашению.

Портной-агитатор Вейтлинг оказался белокурым, красивым молодым человеком, в сюртучке щеголеватого покроя, с бородкой, кокетливо подстриженной, и скорее походил на путешествующего *коми*, чем на сурового и озлобленного труженика, какого я предполагал в нем встретить. Отрекомендовавшись наскоро друг другу и притом с оттенком изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сели за небольшой зеленый столик, на одном узком конце которого поместился Маркс, взяв карандаш в руки и склонив свою львиную голову на лист бумаги, между тем как неразлучный его спутник и сотоварищ по пропаганде, высокий, прямой, по-английски важный и серьезный Энгельс открывал заседание речью. Он говорил в ней о необходимости между людьми, посвятившими себя делу преобразования труда, объяснить взаимные свои воззрения и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменем для всех последователей, не имеющих времени или возможности заниматься теоретическими

вопросами. Энгельс еще не кончил речи, когда Маркс, подняв голову, обратился прямо к Вейтлингу с вопросом: «Скажите же нам, Вейтлинг, вы, которые так много наделали шума в Германии своими коммунистическими проповедями и привлекли к себе столько работников, лишив их мест и куска хлеба, какими основаниями оправдываете вы свою революционную и социальную деятельность и на чем думаете утвердить ее в будущем?» Я очень хорошо помню самую форму резкого вопроса, потому что с него начались горячие прения в кружке, продолжавшиеся, впрочем, как сейчас окажется, очень недолго. Вейтлинг, видимо, хотел удерживать совещание на общих местах либерального разглагольствования. С каким-то серьезным, озабоченным выражением на лице он стал объяснять, что целью его было не созидать новые экономические теории, а принять те, которые всего способнее, как показал опыт во Франции, открыть рабочим глаза на ужас их положения, на все несправедливости, которые по отношению к ним сделались лозунгом правителей и обществ, научить их не верить уже никаким обещаниям со стороны последних и надеяться только на себя, устраиваясь в демократические и коммунистические общины. Он говорил долго, но, к удивлению моему и в противоположность с речью Энгельса, сбивчиво, не совсем литературно, возвращаясь на свои слова, часто поправляя их и с трудом приходя к выводам, которые у него или запаздывали, или появлялись ранее положений. Он имел теперь совсем других слушателей, чем те, которые обыкновенно окружали его станок или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономические порядки, и потерял при этом свободу мысли и языка. Вейтлинг, вероятно, говорил бы и еще долее, если бы Маркс с гневно стиснутыми бровями не прервал его и не начал своего возражения. Сущность саркастической его речи заключалась в том, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значило просто обманывать его. Возбуждение фантастических надежд, о котором говорилось сейчас, замечал далее Маркс, ведет только к конечной гибели, а не к спасению страдающих. Особенно в Германии обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно с пу-

стой и бесчестной игрой в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот. «Вот,— прибавил он, вдруг указывая на меня резким жестом,— между нами есть один русский. В его стране, Вейтлинг, ваша роль могла бы быть у места: там действительно только и могут удачно составляться и работать союзы между нелепыми пророками и нелепыми последователями». В цивилизованной земле, как Германия, продолжал развивать свою мысль Маркс, люди без положительной доктрины ничего не могут сделать, да и ничего не сделали до сих пор, кроме шума, вредных вспышек и гибели самого дела, за которое принялись. Краска выступила на бледных щеках Вейтлинга, и он обрел живую, свободную речь. Дрожащим от волнения голосом стал он доказывать, что человек, собравший сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской друг другу помощи под одно знамя, не может назваться совсем пустым и праздным человеком, что он, Вейтлинг, утешается от сегодняшних нападков воспоминанием о тех сотнях писем и заявлений благодарности, которые получил со всех сторон своего отечества, и что, может быть, скромная подготовительная его работа важнее для общего дела, чем критика и кабинетные анализы доктрин вдали от страдающего света и бедствий народа. При последних словах взбешенный окончательно Маркс ударил кулаком по столу так сильно, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, и вскочил с места, приговаривая: «Никогда еще невежество никому не помогло!» Мы последовали его примеру и тоже вышли из-за стола. Заседание кончилось, и, покуда Маркс ходил взад и вперед в необычайном гневном раздражении по комнате, я наскоро распрощался с ним и с его собеседниками и ушел домой, пораженный всем мною виденным и слышанным.

Сношения мои с Марксом не прекратились и после выезда моего из Брюсселя. Я встретил его еще вместе с Энгельсом в 1848 г. в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции, намереваясь изучать движение французского социализма, очутившегося теперь на просторе. Они скоро оставили свое намерение, потому что над социализмом этим господствовали всецело чисто местные политические вопросы,

и у него была уже программа, от которой он не хотел отвлекаться,— программа добиваться с оружием в руках господствующего положения в государстве для работника. Но и до этой эпохи были минуты заочной беседы с Марксом, весьма любопытные для меня: одна такая выпала на мою долю в 1846 году, когда по поводу известной книги Прудона «Система экономических противоречий» Маркс написал мне по-французски пространное письмо³²³, где излагал свой взгляд на теорию Прудона. Письмо это крайне замечательно: оно опередило время, в которое было писано, двумя своими чертами — критикой положений Прудона, предугадавшей целиком все возражения, какие были предъявлены на них впоследствии, а потом новостью взгляда на значение *экономической истории* народов. Маркс один из первых сказал, что государственные формы, а также и вся общественная жизнь народов с их моралью, философией, искусством и наукой суть только прямые результаты экономических отношений между людьми, и с переменой этих отношений сами меняются или даже и вовсе упраздняются. Все дело состоит в том, чтобы узнать и определить законы, которые вызывают перемены в экономических отношениях людей, имеющие такие громадные последствия. В антиномиях же Прудона, в его противопоставлении одних экономических явлений другим, произвольно сведенным друг с другом и, по свидетельству истории, нисколько не вытекавшим одно из другого, Маркс усматривал только тенденцию автора облегчить совесть буржуазии, возводя неприятные ей факты современных экономических порядков в безобидные абстракции à la Гегель и в законы, будто бы присущие самой природе вещей. На этом основании он и обзывает Прудона теологом социализма и мелким буржуа с головы до ног. Окончание этого письма передаю в дословном переводе, так как оно может служить хорошим комментарием к сцене, рассказанной выше, и дает ключ для понимания ее.

«В одном только я схожусь с господином Прудоном (NB. Маркс везде пишет: «monsieur Pr.»), именно в его отвращении к плаксивому социализму (*sensiblerie sociale*). Ранее его я уже нажил себе множество врагов моими насмешками над чувствительным, утопическим, *бараньим* социализмом (*socialisme moutonnier*). Но

г. Прудон странно ошибается, заменяя один вид сентиментализма другим, именно сентиментализмом мелкого буржуа, и своими декламациями о святости домашнего очага, супружеской любви и других тому подобных вещах,— той сентиментальностью, которая вдобавок еще и глубже была выражена у Фурье, чем во всех самодовольных пошлостях нашего доброго г. Прудона *. Да он и сам хорошо чувствует свою неспособность трактовать об этих предметах, потому что по поводу их отдается невыразимому бешенству, возгласам, всем гневам честной души — *iraе hominis probi*: он пенится, клянет, доносит, кричит о позоре и чуме, бьет себя в грудь и призывает бога и людей в свидетели того, что не причастен гнусностям социалистов. Он занимается не критикой их сентиментализма, а, как настоящий святой или папа, отлучением несчастных грешников, причем воспекает хвалу маленькой буржуазии и ее пошленьким патриархальным доблестям, ее любовным упражнениям. И это неспроста. Сам г. Прудон с головы до ног есть философ и экономист маленькой буржуазии. Что такое маленький буржуа? В развитом обществе он вследствие своего положения неизбежно делается, с одной стороны, экономистом, а с другой — социалистом: он в одно время и ослеплен великолепиями знатной буржуазии, и сочувствует страданиям народа. Он мещанин и вместе — народ. В глубине своей совести он похваляет себя за беспристрастие, за то, что нашел тайну равновесия, которое будто бы не походит на «*juste milieu*», золотую середину. Такой буржуа верует в противоречия, потому что он сам есть не что иное, как социальное противоречие в действии. Он представляет на практике то, что говорит теория, и г. Прудон достоин чести быть научным представителем маленькой французской буржуазии. Это его положительная заслуга, потому что мелкая буржуазия войдет непременно значительной составной частью в будущие социальные перевороты. Мне

* К этой фразе Маркс на своем экземпляре воспоминаний П. Анненкова сделал на полях следующее замечание на французском языке: «Я писал совершенно обратное тому, что он мне приписывает относительно Фурье! Именно Фурье первый осмелел идеализацию мелкой буржуазии». Более точный перевод данной фразы и всего отрывка из письма Маркса см. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 411. Ред.*

очень хотелось вместе с этим письмом послать вам и мою книгу «О политической экономии»³²⁴, но до сих пор я не мог еще отыскать кого-нибудь, кто бы взялся напечатать мой труд и мою критику немецких философов и социалистов*, о чем я говорил вам в Брюсселе. Вы не поверите, какие затруднения встречается такая публикация в Германии со стороны полиции, во-первых, и со стороны самих книгопродавцов, во-вторых, которые являются корыстными представителями тенденций, мною преследуемых. А что касается до собственной нашей партии, то она прежде всего крайне бедна, а затем добрая часть ее еще крайне озлоблена на меня за мое сопротивление ее декламациям и утопиям».

Книга «О политической экономии», упоминаемая Марксом в письме, есть, как полагаю, последний его труд «Капитал», увидевший свет только недавно³²⁵. Признаюсь, я не поверил тогда, как и многие со мной, разоблачающему письму Маркса, будучи увлечен, вместе с большинством публики, пафосом и диалектическими качествами прудоновского творения. С возвращением моим в Россию, в октябре 1848 года, прекратились и мои сношения с Марксом и уже не возобновлялись более. Время надежд, гаданий и всяческих *аспираций* тогда уже прошло, а практическая деятельность, выбранная затем Марксом, так далеко убежала от русской жизни вообще, что, оставаясь на почве последней, нельзя было следить за первой иначе, как издали, посредственно и неполно, путем газет и журналов.

Впервые опубликовано в журнале
«Вестник Европы», СПб.,
1880, апрель, кн. 4

Печатается с незначительными
сокращениями по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

* К. Маркс и Ф. Энгельс. «Немецкая идеология». Ред.

Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом ³²⁶

Герман Александрович познакомился с Марксом в первую свою «эмиграцию» — в 1870 году. В России он был тогда студентом-естественником. Но молодежь того кружка, с которым он сблизился, живо интересовалась социальными и экономическими вопросами. Первое упоминание о Марксе, как «нашем учителе», они нашли у Лассалья, и выписали сначала «Zur Kritik» *, а потом и первый том «Капитала» на немецком языке. В кружке скоро возникла мысль о русском переводе этого первого тома, и все встречи Германа Александровича с Марксом, в сущности, были связаны с этим замыслом.

Принужденный бежать из России и поселившись в Париже, Герман Александрович становится членом Интернационала (секции «изучения социальных наук») и здесь сталкивается с эльзасцем Келлером, который, владея как немецким, так и французским языком, явился одним из первых пропагандистов марксизма среди французской молодежи. Вскоре судьба закидывает Лопатина в Лондон. При отъезде из Парижа он получает поручение доставить книгу семье Маркса. И вот 20-летний юноша переступает порог уже маститого тогда — 52-летнего ученого ³²⁷. Но чуть ли не с первого же «визита» проводит у него почти весь день, и вскоре, обласканный семьей, бывает у них запросто, как «свой», — хотя и не умеет толком изъясняться ни на одном из тех многочисленных наречий, которыми владела семья Маркса...

Первая черта, отмечаемая Германом Александровичем в Марксе, — это полное отсутствие той профессорской складки, которая сказывается у столь многих «знаменитостей» в обращении с молодежью и вообще «простыми смертными». «Железные» сарказмы Маркса отмечались его биографами, направлялись лишь против

* К. Маркс. «К критике политической экономии». Ред.

«врагов». В беседе с «другом» были блестящие иронии, была добродушная усмешка, — но ничего расхолаживающего, «железного» не чувствовалось. А главное — всегда сам Маркс весь отдавался своей мысли *по существу*, и беседа шла именно так — *по существу* предмета, и если собеседник им серьезно интересовался, то уставившись как бы равенство в отношениях, безотносительно к рангам и степени обладания предметом. (У Фридриха Энгельса, по замечанию Германа Александровича, эта черта не так была заметна.)

Живой, обширный, вечно деятельный ум Маркса, по выражению Лопатина, — действовал на собеседника, как кремень на огниво; он вызывал к жизни в уме собеседника идеи, которые, быть может, остались бы иначе под спудом. Уходя от Маркса, люди сами иногда удивлялись, что, по-видимому, подсознательным процессом мысли, уже раньше успели подумать по иным вопросам — без собственного ведома...

Иногда старый ученый брал юношу с собой на послеобеденную прогулку. Ходили в отдаленные концы Лондона. Беседа не прерывалась ни на секунду. Самые разнообразные темы входили сюда: и мировая литература, которую Маркс не по-дилетантски, а серьезно, изучал на всех «двунадесяти» языках, которыми владел в совершенстве; и история, не только фактической и прагматической своей стороной пристально изученная Марксом, но даже в области всяких анекдотов и «сплетен...» Маркс *все знал* и из всего извлекал ценные выводы. Что же говорить о годах и эпохах, им лично пережитых: тут его осведомленность в области общественных и политических фактов, как и в области лично биографической, была совершенно исключительной.

Сам редкостный *полиглот*, Маркс добродушно относился к затруднениям своего собеседника, когда тот ни на одном из трех иностранных языков, которыми одинаково плохо тогда владел, не умел выразить своей мысли и прибегал к мимике, к методу аологии и к «щелканью пальцами», — тому вечному жесту людей, когда они не находят нужного слова.

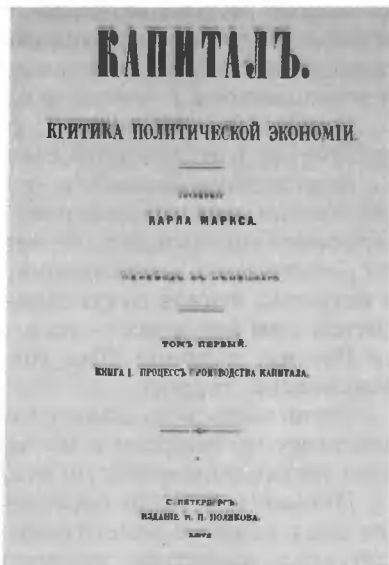
Однажды в такой момент Маркс остановился и, как довольный осенившей его мыслью, посоветовал:

— Да говорите вы на латинском — это же лучше всего!

Титульный лист
первого русского издания
I тома «Капитала»

И был очень удивлен и огорчен, узнав, что русские студенты, окончившие классическую гимназию, не умеют изъясняться по-латински.

Принявшись за перевод I тома «Капитала», Лопатин долго сидел над первыми главами. Метафизическая терминология его очень затрудняла, и он высказал Марксу, что для русского читателя эти главы могут послужить препоной, могут охладить к книге... Маркс посоветовал начать перевод с III главы, обещая переделать первые две для русского перевода. (Эта переделка, как известно, вскоре пригодилась для первого французского издания «Капитала»³²⁸.) * Русский же перевод был прерван: Герман

* Г. А. Лопатин отмечает, между прочим, как курьез, «европейскую практичность» Маркса, несколько дивившую привыкшего к русским нравам юношу. Относительно земельной ренты Г. А. однажды высказал мысль, что эта тема должна быть развита, что в I-м томе она далеко не исчерпана, и поставил Марксу целый ряд вопросов. Маркс, вставив стеклышко монокля в правый глаз, — пристально и усмехаясь посмотрел на юркого собеседника:

— А как, вы полагали бы, следует углубить этот вопрос? Лопатин высказался.

— Ну, все это вы найдете во II-м томе... (Прим. корр.)

Александрович получил известие от друзей, что можно освободить из каторги Н. Г. Чернышевского, — и научная работа сменилась революционным приключением, подвигом, приведшим к аресту и тюрьме, новому бегству и т. д. и т. д.³²⁹

В работе принимали участие Любавин и Даниельсон (Николай — он), которому, как известно, и принадлежит первый законченный перевод «Капитала» (работа Лопатина была использована Даниельсоном, о чем он и говорит в предисловии)³³⁰. Герман Александрович отмечает, что при упоминании о Чернышевском Маркс каждый раз высказывал свое уважение к нему как к революционеру и очень ценил его как экономиста.

Отношение Маркса к русскому революционному движению того времени было, конечно, сочувственное. По выражению Лопатина, он соединял с научной объективностью дух подлинного революционера. Каждый террористический акт, не находя в его мирозерцании теоретического оправдания, — глубоко волновал его и встречал живое сочувствие. В этом Лопатин мог убедиться при встречах — во время старого своего бегства из России, в конце 70-х годов, когда начался народо-вольческий террор.

Остановлюсь на известном письме Маркса к Михайловскому по вопросу о возможности для России миновать капиталистическую стадию развития...³³¹

Письмо это было передано именно через Лопатина. Он дает такие комментарии к нему. В беседах Маркс допускал известное уклонение от европейского пути развития, если бы революционерам путем политического переворота удалось осуществить радикальную аграрную реформу. Иначе дело должно пойти тем же путем, что и у прочих грешных наций.

Лопатин настаивает, что слово Profanen должно быть переведено именно так...

Упоминая о своей «карьере» в Германии, Маркс часто говорил, что буржуазные экономисты «замолчали на смерть» (todtschwiegen) его сочинения, и очень радовался интересу к нему, проявленному в России.

— Вы знаете, какой капитал я нажил на «Капитале»? — спрашивал он. И подсчитывал доход от I-го тома:

— Ровно 85 марок!

Г. А. Лопатин, по выходе из Шлиссельбурга, познакомился в русском издании с «Перепиской Маркса и Энгельса» и с теплым чувством говорит о напоминающих ему дни его юности отзывах о нем в письмах Маркса³³². С особой сердечностью относится он к дошедшим до него сообщениям, что вся семья Маркса, а особенно младшая дочь его Тусси (Элеонора), с которой он подружился в дни пребывания в Англии,— внимательно следила за судьбой «шлюшенцев»,— знала о всяких переменах в жизни русских мучеников, на всю жизнь заключенных в этом каменном мешке, и, конечно, особенно близко принимала к сердцу участь своего молодого русского друга.

Впервые опубликовано в газете
«Новый день», Пг., 1918,
4 мая (21 апреля), № 34

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Из записи беседы
с Г. А. Лопатиным
от 3 ноября 1913 года ³³³

А о чем, о чем бы не поговорил я с теми, с которыми уже не поговоришь... Да... Был я близок тоже, и даже ближе, с Марксом. Я испытывал на себе чисто отеческую любовь его ко мне. Часто видались мы с ним, горячились, спорили, случалось, говорили подолгу о пустяках... а многое, многое, очень важное, осталось невыясненным. Обо многом надо было узнать, попросить совета.

Впервые опубликовано в журнале
«Красная новь». М., 1927, № 8

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Каждому свое ³³⁴

Позволю себе сделать маленькую фактическую поправку к заметке, напечатанной в сегодняшнем № 121 вашей газеты по поводу смерти Н. Ф. Даниельсона.

Все переговоры с Марксом касательно перевода на русский язык первого тома «Капитала» вел не Даниельсон, а я, вследствие личного знакомства с автором, превратившегося потом в тесную дружбу. Ввиду моих замечаний насчет трудности понимания первой главы и приложения для широкой публики, Маркс посоветовал мне начать перевод со второй главы, пообещав, ко времени окончания мною перевода, соединить первую главу и приложение в одно целое, придав ему более общедоступную форму.

Переведа около трети книги, а именно вторую, третью главы и, помнится, начало четвертой, я прервал на время свою работу для поездки в Сибирь с целью освобождения Чернышевского. Вследствие совершенной в Женеве неосторожности, мое предприятие «отцвело, не успевши расцвести», и я очутился надолго в иркутском остроге ³²⁹. Вот тогда-то Даниельсон, мой университетский товарищ и друг всей жизни, взялся докончить мой перевод, тщательно придерживаясь повсюду установленной мною терминологии.

Но именно вследствие отсутствия личного знакомства с Марксом и тогдашней затруднительности письменных сношений с ним, а также из желания познакомить русскую публику с его трудом как можно скорее, Даниельсон был вынужден выпустить первый том «Капитала» в его первоначальном виде, причем первую главу и приложение перевел не он, а наш третий товарищ *, которого я не называю, так как с течением

* — Н. Н. Любавин. Ред.

Страница рукописи Г. А. Лопатина
(«Каждому свое»)

Смита Сидни

Познал его случайно маленьким фактом —
получил посылку из заграничка, написанной
впоследствии № 21 в том же году по поводу
смерти Н. Ф. Данилевского.

Вот переборка с Марксом касательно пере-
вода на русский язык первого тома «Капитала»
вместе с Данилевским, а не Вейдманом. Данилевский
закончил автором, превратившись в
томе в историю друзей. В виду моего замечания
такой неслучайной трудности окончания первой
главы — приключился факт: прозой публики,
Маркс изобретовал мой перевод пере-
ска в том же духе, пропуская, на время окон-
чил мою перевод, соединив первую главу
и приложив ее в одно целое, придал ему
более удобочитающую форму.

Переводского третьего книги, а именно
вторую, третью главы и, помнится, начало
Гейвертон, и прервал на время свои работы
для поездки в Сибирь и ушел освобождать
Тертишевского. Вследствие обстоятельств в
Женева неосторожностью, мое предпринятое
отсутствие не успевшее развиться и я от-
пустил покуда в Краутиском отъезде.

Вот тогда был Данилевский, мой университет-
ский товарищ и друг всей жизни, ввиду
доклада ^{посредом} моего перевода, изложил пред-
ставил, (успешно) и мой перевод.

Но и тогда Вейдманом отсылкой
лично закончил с Марксом и тогда —

времени он превратился из нашего единомышленника в ярого врага своих прежних политико-социальных взглядов.

Еще слово. Смерть «на улице», конечно, метафора. На днях Даниельсон умер в Ольгинской больнице, где лежит сейчас и его тоже умирающая сестра.

Дом писателей,
4 июля 1918 г.

Впервые опубликовано в книге:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Печатается по тексту книги

Из воспоминаний
«Житейские встречи» 335

Я жил в Лейпциге и занимался исключительно делами журнала «Вперед». В Лейпциге я вращался большей частью в кругу местных социал-демократов В. Либкнехта, А. Бебеля и других. Приходилось ездить по делам редакции «Вперед» и в Лондон. В одну из таких поездок в Лондоне я застал Льва Савельевича Гинзбурга, приехавшего из Петербурга. Гинзбург передал в редакцию, что есть возможность устроить перевозку журнала «Вперед» через Стокгольм, и кто-то из членов редакции предложил мне организовать это дело. Надо было заручиться рекомендацией в Стокгольм. Вот с этой целью я вместе с П. Л. Лавровым и отправился к К. Марксу, с которым Петр Лаврович был знаком.

Маркс жил в северной части Лондона, не особенно далеко от квартиры редакции «Вперед». Подходя к дому, в котором жил Маркс, мы встретили его дочь *, замечательно красивую девушку. Она очень приветливо поздоровалась с Петром Лавровичем и сказала, что папа дома и будет рад нас принять. Маркс действительно был дома и по своему обыкновению сидел в кабинете. Кабинет его занимал большую комнату в 3 или 4 окна, выходящих на улицу. Убранство самое простое: вдоль стен полки с книгами, почти посреди комнаты небольшой, очень простенький письменный стол, несколько кресел и стульев, не помню даже, был ли в нем диван и картины или портреты на стенах. Одно мне бросилось в глаза: на камине стояла в простенькой рамочке фотография Н. Г. Чернышевского, копия с известной его фотографии, снятой еще до ссылки. Это, как мне впоследствии сказал Маркс, подарок одного из его русских друзей, вероятно, Г. А. Лопатина.

* — Элеонору Маркс. Ред.

Сам Маркс по своей внешности не мог не произвести впечатления. Среднего роста, довольно коренастый пожилой человек (ему тогда было 57 лет), с легкой проседью на покрытой шапкой черных волос голове.

Нас встретил он очень любезно и, по-видимому, был рад поспособствовать просьбе своих русских *partei-genossen*. В Стокгольме знакомых у него не было, он даже не мог сказать, была ли там какая-нибудь социалистическая организация, но дал мне письмо в Копенгаген к главе датских социал-демократов *, члену датского парламента, по профессии адвокату, и сказал, что он для меня сделает все, что может.

Угостил нас Маркс красным вином, очевидно, это было у него в обычае, потому что, когда я был у него во второй раз, он угощал меня тем же. Поговорил с нами: с Лавровым — о какой-то научной работе, со мной — о лейпцигских «молодых» товарищах, т. е. о Либкнехте, которому тогда было лет 50, и Бебеле (около 40).

Во второй раз я был у Маркса один. О своих русских знакомых Маркс, а потом и Энгельс, который пришел к нему во время этого моего посещения и с которым Маркс меня познакомил, отзывались различно: об одних с нежностью — о Г. А. Лопатине, Н. Ф. Даниельсоне (последнего они оба знали только по письмам)³³⁶ и отчасти о П. Л. Лаврове. К последнему, особенно Маркс, относились как-то снисходительно; очевидно, они оба удивлялись обширности его знаний, но не были особо высокого мнения о его уме; между прочим, кто-то из них назвал его философом-эклектиком.

Впервые опубликовано
в газете «Неделя», М., 1965,
24—30 января, № 5

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

* — очевидно, Луи Пио. Ред.

Из статьи «Мое научное
и литературное скитальчество» ³³⁷

Мой парижский приятель Григорий Николаевич Вырубов, бывший в то время издателем *Журнала Положительной Философии*, снабдил меня рекомендацией к Джону Льюису, а другой мой приятель, Корье, открыл мне доступ в дом Карла Маркса. С этими двумя рекомендациями я вскоре перезнакомился со всеми специалистами моего предмета, журналистами и политическими деятелями, советы и указания которых впоследствии были мне весьма полезны[...]

Первое впечатление, вынесенное мною из знакомства с Марксом ³³⁸, было самое неприятное. Он принял меня в своем известном салоне, украшенном бюстом Зевса олимпийского. Его нахмуренные брови и, как показалось мне с первого разу, суровый взгляд невольно вызывали в уме сравнение с этим бюстом, особенно ввиду чрезмерного развития лба и падавших назад обильных вьющихся и уже седых волос[...] Но вскоре мне суждено было встретиться с ним на водах в Карлсбаде. Здесь, за неимением другого общества, он тесно сблизился со мною. Мы делали совместно наши утренние и вечерние прогулки и совместно нарушали диету за бутылкой рюдестгейма, к которому он чувствовал особую нежность. Вне своего обычного антуража этот великий человек становился простым и даже благодущным собеседником, неистощимым в рассказах, полным юмора, готовым подшутить над самим собою. Помню я его рассказ о том, как, оставшись однажды без денег, он понес в парижский ломбард серебряную посуду своей жены. Жена его, урожденная фон Вестфален, со стороны матери была в родстве с герцогами Аргайл. На посуде имелся поэтому дворянский герб. Это сопоставление дворянских претензий с резко выраженными чертами еврей-

ского типа повело к тому, что Маркс был задержан и жене пришлось доказывать принадлежность ей посуды и добиваться освобождения мужа. Маркс явился мне вскоре по возвращении в Англию и в неожиданном свете любящего отца семейства, готового баловать своих дочерей и внучат, а также преданного друга, испытывавшего поистине братскую привязанность к Энгельсу. Эти два человека встретились в ранней молодости и на первый раз взаимно оттолкнули друг друга. Один был гегелианцем, другой — шеллингианцем³³⁹. *Inde irae* *. Но вскоре общее дело и общая эмигрантская жизнь на чужбине сблизили их до того, что Энгельс сделался своим человеком у Маркса, и наоборот. Не знаю, удалось ли Марксу обратить Энгельса в гегелианство, но что сам Маркс оставался до конца не допускающим компромисса последователем гегелевской философии, в этом я не раз имел возможность убедиться из собственных его заявлений. Помню, как однажды он объявил мне, что есть только два способа мышления — логическое по диалектическому методу Гегеля и нелогическое. Он, впрочем, признавал за собою заслугу человека, поставившего в основание трехугольника то, что Гегелем было поставлено в его вершине, и, говоря это, он разумел, что экономические влияния признаны были им руководящими и основными даже для философских и научных теорий.

Он не прочь поэтому был считать Лоренца Штейна до некоторой степени своим учеником и охотно вспоминал о его сотрудничестве в *Rheinische Jahrbücher*³⁴⁰. Журнал этот издавался Марксом, если не ошибаюсь, в Кёльне за несколько лет до переезда сперва в Париж, откуда он был выслан Гизо, а затем в Лондон³⁴¹. В числе сотрудников был Гейне. Карл Маркс уже в это время работал над развитием своей теории *Mehrwerth'a* **. Впервые он высказал ее в систематическом виде в своих известных возражениях Прудону *Бедность философии* ***. Переезд в Лондон доставил Марксу возможность собрать богатый материал по английской экономи-

* Отсюда гнев (*Ювенал. Сатира первая*). *Ред.*

** — прибавочной стоимости. *Ред.*

*** *К. Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона»*. *Ред.*

Титульный лист
книги М. Ковалевского
«Общинное землевладение»
с дарственной надписью автора
К. Марксу

ческой истории, для чего он усердно посещал Британский музей, изучал на дому «синие книги»¹¹¹, которыми его собственная библиотека была особенно богата. Усиленные занятия надорвали его здоровье, и он нередко уже в эпоху моего знакомства с ним жаловался на какие-то внутренние боли. Видя его, однако, постоянно бодрым и умственно, и физически, все окружающие не придавали особого значения его жалобам, приписывая их мнительности, а между тем не прошло пяти лет,

и под влиянием личного горя — потери жены и старшей дочери, госпожи Лонге, нередко помогавшей ему в черновой работе, — у него развилась чахотка; он тщетно боролся с болезнью в Алжире и умер в Лондоне, не доживши до шестидесяти лет*. В середине семидесятых годов ничто не предвещало такого раннего конца.

Маркс продолжал работать усиленно, научился русскому языку и читал внимательно русские «синие книги», присылаемые ему приятелем** из Петербурга¹⁴³.

* Правильно: шестидесяти пяти лет. Маркс умер от плеврита.
Ред.

** — Н. Ф. Даниельсоном. Ред.

Письмо Ч. Дарвина К. Марксу
от 1 октября 1873 г.

Oct 1. 73

Dear Sir

I thank you for the honor which
you have done me of sending me
your great work on Capital; &
I hesitate with the I was
much wroth to receive it. I
understand you to keep a
most interesting & political economy.
Though our studies have been so
different, I believe that we both
earnestly desire the extension of knowledge,
that the only way to happiness is seen to
be the happiness of mankind.

I remain Dear Sir

Yours faithfully

Charles Darwin

Он собирался дать в ближайших своих томах особенное развитие русскому и американскому материалу, но это не мешало ему читать и много постороннего своей теме, снабжая всегда прочитанное своими заметками. Вот почему после его смерти Энгельс показывал мне тетради, наполненные выдержками из Моргана (*Древнее общество*), Карденаса (*История собственности в Испании*), моего сочинения об общинном землевладении, Кареева (*История крестьян во Франции*)³⁴². Некоторыми из этих заметок воспользовался Энгельс в своем этюде о происхождении семьи и собственности *. Указаниями Маркса руководствовался он также и в своей критике «дюринговских потуг» совершить переворот в науке **. Маркс не без некоторого самодовольства говорил мне, что Дюринг всем встречным заявляет, что источником нападок на него является не кто другой, как он, Маркс. Во время моего знакомства с Марксом он и его семья вели весьма замкнутый образ жизни. Редко когда можно было встретить в его доме чистокровных англичан, за исключением разве Гайндмана, недавнего главы английских социалистов. Ортодоксальные экономисты не находили еще нужным считаться с ним в это время. Маркс рассказал мне однажды следующий инцидент. Леви, автор истории торговли, читал публичную лекцию о согласии экономических интересов. В конце лекции дозволено было присутствующим сделать свои возражения. Встает Гайндман и объявляет, что в числе экономистов, так или иначе высказавшихся о согласии и несогласии интересов, лектор не упомянул Карла Маркса. «Я не знаю его», — последовал ответ. Такое отношение английских экономистов тем более удивляло меня, что в Берлине Вагнер и Энгель не раз упоминали имя Маркса, то соглашаясь, то споря с ним. Но англичане почему-то считают политическую экономию своим исключительным достоянием и редко когда ссылаются на иностранных писателей по этому предмету. Получивший первый том *Капитала* от автора, Спенсер, например, счел нужным передать через общих знакомых, что незнание немецкого языка ставит его в невозможность

* Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ред.

** Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». Ред.

прочесть книгу. Несколько иначе отнесся к Марксу Дарвин. Он послал ему длинное письмо, которым Маркс очень дорожил и которое сохранилось в его бумагах³⁴³.

Впервые опубликовано в журнале
«Русская мысль», М., 1895, кн. 1

Печатается с незначительными
сокращениями по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Встречи с Марксом

ИЗ РАБОТЫ «ДВЕ ЖИЗНИ»

Мне пришлось познакомиться с автором «Капитала» в самый разгар этой полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве Маркс подарил мне обе брошюры³⁴⁴. Из моих рук они перешли к профессору Зиберу и использованы были им в ряде статей частью в «Юридическом вестнике» и издававшемся мной впоследствии в Москве «Критическом Обозрении», частью в «Отечественных Записках»³⁴⁵. Моим знакомством с Марксом я обязан был человеку, спасшему жизнь его зятю Лонге, члену Парижской коммуны. Рекомендовавший меня был одним из двух авторов дневника, веденного во все продолжение восстания и озаглавленного: «Революция 18 марта»³⁴⁶. Несмотря на такую рекомендацию, Маркс отнесся ко мне на первых порах с большой подозрительностью: так сильно он был предубежден против русских со времени, как он выражался, измены Бакунина. Первые наши разговоры касались по преимуществу поведения его бывшего приятеля, которого он сам ввел в круги международной эмиграции Лондона и который одно время собирался быть переводчиком первого тома «Капитала» на русский язык. Эта задача, как известно, была выполнена впоследствии Николаем — оном *, при участии Германа Лопатина. В Лондоне в первую зиму мне пришлось быть у Маркса всего несколько раз. Он жил неподалеку от Regent's Park или, точнее, его продолжения, известного под названием Maitland Park, в полукруглом сквере (Crescent). Я помню еще номер его жилища — 41. Маркс занимал весь дом. В первом этаже помещалась его библиотека и гостиная. Здесь обыкновенно он и принимал своих знакомых. В это время две его старшие дочери ** были уже

* — Н. Ф. Даниельсоном. *Ред.*

** — Женни и Лаура. *Ред.*

замужем. Одна вышла за члена Парижской коммуны Лонге, другая — за известного теперь писателя Поля Лафарга; младшая — Элеонора, которую дома звали Тусси, — увлекалась в это время театром, игрою Ирвинга в шекспировских пьесах и одно время думала посвятить себя сцене.

Я особенно сблизился с Марксом летом на водах в Карлсбаде. Мы почти ежедневно делали совместные прогулки по горам и настолько сошлись, что в письмах того времени, недавно обнародованных в журнале «Былое», он относит меня к числу своих «научных друзей» (scientific friends)³⁴⁷. Маркс работал в это время над вторым томом своего трактата *, намеревался ответить в нем значительное место порядку накопления капиталов в двух сравнительно новых странах — Америке и России, получал поэтому немало книг из Нью-Йорка и Москвы. Его можно было считать полиглотом. Он не только свободно говорил по-немецки, по-английски, по-французски, но мог читать на русском, итальянском, испанском и румынском языках. Читал он массу и нередко брал у меня книги, в том числе двухтомный трактат по истории земельной собственности в Испании и известное сочинение Моргана «Древнее общество»³⁴², привезенное мною из моего первого путешествия в Америку. Оно доставило материал для наделавшей шум брошюры Энгельса «О происхождении семьи» **.

Знать Маркса — значило быть также приглашаемым на воскресные вечера у Энгельса, нажившего значительное состояние в Манчестере, где у него была фабрика, и охотно принимавшего у себя и членов семьи Маркса, и посторонних посетителей, по преимуществу немцев. Сам Маркс допускал к себе посторонних людей с разбором. Многие из известных европейских писателей, в том числе Лавеле, тщетно выражали ему желание вступить с ним в личное знакомство. Он сторонился от них, жалуясь на нескромность газетных и журнальных интервьюеров, раз они являлись его идейными противниками. Из англичан он был в хороших, но все же далеких отношениях с некоторыми членами кружка позитиви-

* — «Капитала». Ред.

** Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ред.

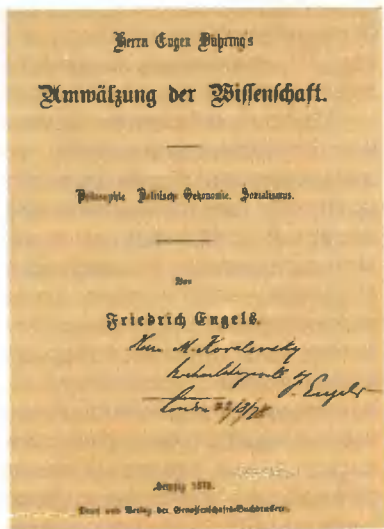
стов, в особенности с профессором Бизли, принимавшим в то время участие в издании демократической газеты «Bee-Hive» («Пчелиный улей»). Я встречал у Маркса также не раз известного английского социалиста Гайндмана, в то время еще бывшего в лагере ториев и весьма сочувственно относившегося к Дизраэли. Нельзя сказать, чтобы Маркс в это время хорошо был известен в английских литературных кругах. Его «Капитал» не был еще переведен на английский язык, и успех его ограничивался пока двумя странами — Германией и Россией. Появление первой части «Капитала» подало повод теперешнему профессору Петербургского университета Иллариону Игнатьевичу Кауфману написать весьма ученый и в общем сочувственный этюд в «Вестнике Европы»³⁴⁸. Впоследствии о «Капитале» Маркса писал немало и русский экономист Зибер, автор сочинения «Давид Рикардо и Карл Маркс»³⁴⁹. Но из всего написанного о «Капитале» в России Маркс всего более ценил статью Кауфмана. Русская экономическая и историческая литература интересовала его. В его сочинениях встречаются ссылки на «Железнодорожное хозяйство» А. И. Чупрова³⁵⁰. Одно из его писем ко мне посвящено оценке книги Кареева «Крестьянский вопрос во Франции XVIII в.»³⁵¹, а после кончины Маркса Энгельс показывал мне обширную тетрадь выписок из моей книги «Об общинном землевладении»³⁴². Маркс, долго работавший в библиотеке Британского музея и до некоторой степени надорвавший этой работой свое здоровье, привык к чтению официальных отчетов, подобных английским «Blue books»¹¹¹, и поэтому не прочь был получать из России казенные издания, касавшиеся железнодорожного хозяйства, хода кредитных операций и т. д. Николай — он * и я посылали ему, что могли, а его жена, очень озабоченная скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлетку (chop), если я своими присылками буду мешать ее мужу поставить давно ожидаемую точку. Маркс несколько раз переделывал второй и третий тома «Капитала». Он собирался закончить все сочинение «критической историей экономических

* — Н. Ф. Даниельсон. Ред.

Титульный лист книги
Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»
с дарственной надписью автора
М. Ковалевскому

доктрин», но эта часть его намерений так и осталась невыполненной³⁵².

Будничные дни Маркса уходили на работу. Он отводил сравнительно небольшое число часов на корреспонденции в нью-йоркскую газету «Tribune»*. Остальное время он сидел дома за пересмотром и исправлением уже написанных частей своего сочинения. Его библиотека, помещавшаяся в комнате в три окна, была составлена исключительно из рабочих книг, которые нередко в большом беспорядке разбросаны были на письменном столе и креслах. Иногда мне приходилось заставлять его за работой, и Маркс до такой степени был погружен в нее, что ему не сразу удавалось перейти на разговор о чем-то другом от предмета, непосредственно овладевшего его вниманием. В воскресенье он любил гулять в парке с семьей, но и во время этих прогулок темой для разговоров служили нередко вопросы, весьма отдаленные от действительности. Это не значит, однако, чтобы он не увлекался политикой. По целым часам он сидел за чтением газет, и не только английских, но всего мира. Я однажды за-

* — «New-York Daily Tribune». Здесь ошибка: Маркс перестал сотрудничать в этой газете в 1862 г. Ред.

стал его за чтением «Romanul» и имел возможность убедиться в том, что он вполне свободно справляется с мало кому доступным румынским языком. За все время моего знакомства с ним он только однажды отлучился из Лондона и уехал на несколько недель в Карлсбад. Его пропустили через Германию только под условием не оставаться в ней более нужного для проезда числа дней. Въезд в Париж оставался для Маркса запретным со времени министерства Гизо³⁴¹. Тьер и Мак-Магон едва ли охотно открыли бы ему доступ во Францию после выхода в свет его «Гражданской войны»¹⁵³, попытки защитить Коммуну, только что подавленную в крови версальским правительством.

Что всего более поражало в Марксе — это его страстное отношение ко всем вопросам политики. Оно мало мирилось с тем спокойным объективным методом, который он рекомендовал своим последователям и который для всех явлений должен был отыскивать экономические предпосылки. Если мы возьмем такие вопросы, как вопрос польской независимости, то не удивительным ли покажется найти в Марксе ее энергического поборника, совершенно не считавшегося с обычными заявлениями, что польский вопрос — будто бы вопрос о поддержании социальной розни панов и шляхты, с одной стороны, и разноплеменного с ними простонародья — с другой. Отношение Маркса к России, несмотря на увлечение русской молодежи его сочинением и на то обстоятельство, что, за исключением Германии, он нигде при жизни не пользовался таким успехом, как в нашей среде, ничем существенно не отличалось от тех предубеждений, какие питали к ней революционеры 48 г., видевшие в России оплот всякой реакции и гасителя демократических и либеральных вспышек. Маркс сам не прочь был сознаться, что его до некоторой степени поражает то признание, какое он встречает в среде моих соотечественников. П. Берлин приводит следующий интересный отрывок из его переписки с Кугельманом³⁵³. В октябре 1868 г. Маркс пишет своему другу: «Ирония судьбы такова, что русские, против которых я уже двадцать пять лет выступал не только на немецком, но и на французском и английском языках, всегда были моими доброжелателями. В 1843—44 гг. в Париже русские аристократы носили меня на

руках. Мое сочинение против Прудона, то есть «Нищета философии», вышедшее в 47 г., как и изданная Дункером «Критика политической экономии» от 59 г., не нашли нигде большего сбыта, чем в России. Первая иностранная нация, переведшая «Капитал», — русская. Все это, впрочем, нельзя ценить слишком высоко», — продолжает Маркс и объясняет затем свой успех в России следующим соображением: «Русская аристократия в юности воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она всегда гонится за тем, что Запад представляет самого крайнего. Это для нее простая гастрономия, та самая гастрономия, какой занималась часть французской аристократии в XVIII веке». Новый биограф Маркса * справедливо замечает, что автор «Капитала» имел, однако, возможность убедиться в том, что его мысли встречали сочувствие и серьезный интерес далеко не в одних высших слоях русского общества. В 1867 г. Маркс получил из Петербурга от некоего Иосифа Дицгена, мастера Владимирской фабрики кожевенных изделий, письмо следующего содержания: «Вашу первую книгу, «Критику политической экономии», я в свое время проштудировал весьма прилежно и признаюсь, что ни одно сочинение не дало мне так много новых положительных знаний и такого ясного понимания предмета». Первый том «Капитала» возбудил в Дицгене совершенный энтузиазм. «Вы помогли нам, — пишет он, — проникнуться сознанием, что производство носит стихийный характер. Предпосылку вашей глубоко обоснованной политической экономии составляет глубоко обоснованная философия»³⁵⁴. Из писем Николая — она и из статей Кауфмана и Зибера Маркс мог убедиться, что молодые экономисты в России с увлечением относятся к его взглядам и готовы следовать ему в критике господствующей экономической доктрины. Отрадное впечатление, получаемое им из России, должно было еще усилиться от сопоставления с тем систематическим игнорированием его работы, в каком повинны были до последнего времени английские экономисты. В моем присутствии Гайндман сообщил Марксу следующий факт. Вслед за популярной лекцией известного английского экономиста Леви о «гармонии интересов» назна-

* — П. А. Берлин. Ред.

чено было собеседование; на нем Гайндман решился высказать сомнение, чтобы интересы всех классов общества были согласованы между собой, находились в гармонии. В подтверждение своего скептицизма он сослался на «Капитал» Маркса. «Я не знаю такого сочинения»,— последовал ответ Леви... «Капитал» Маркса переведен был на английский язык только после смерти автора³⁵⁵ и лишь в слабой степени проник в среду английских экономистов. Я не встретил ссылок на него в сочинении наиболее авторитетного из них, Маршалла, тогда как, наоборот, с Марксом считается такой, например, выдающийся писатель-экономист, как Адольф Вагнер, постоянно выступающий с критикой отдельных взглядов «Капитала».

В те годы, когда я посещал воскресные собрания в доме № 41, Maitland Park Crescent, или встречался с Марксом у Энгельса, автор «Капитала» вел, в общем, замкнутую жизнь. Она всецело уходила на научную работу, задачи которой Маркс понимал весьма широко. Ему сплошь и рядом приходилось посвящать недели и месяцы чтению сочинений по экономической истории, в частности по истории землевладения, которые имели лишь косвенное отношение к его главной теме. Он возобновил также занятия математикой, дифференциальными и интегральными вычислениями для того, чтобы сознательно отнестись к только что возникавшему тогда математическому направлению в политической экономике, во главе которого мы находим ныне таких ученых, как Эджворс, и каким во времена Маркса являлся уже Джевонс. Начитанность автора «Капитала» в экономической литературе, в частности в английской, была громадна; но ее нельзя сравнить с той «Belesenheit»*, какой блещут немецкие профессора, и в числе их Рошер, эта «bête noire»** автора «Капитала», не раз снабжавшего свое сочинение примечаниями вроде следующего: «Г-н Рошер поспешил поддержать своим авторитетом приведенную банальность». В своих отдаленных предшественниках Маркс умел найти жизненные, допускающие дальнейшее развитие начала. Если за последнее

* — начитанностью. *Ред.*

** — буквально «черный зверь», в переносном смысле — предмет неприязни. *Ред.*

время экономисты заинтересовались «Политической арифметикой»³⁵⁶ и другими сочинениями Уильяма Петти, современника Карла II Стюарта, если мы получили не только новое собрание его сочинений, но и ряд мемуаров о Петти и притом почти на всех языках образованного мира, то этим мы в значительной степени обязаны Марксу. Знакомство с историей экономических доктрин позволяло автору «Капитала» сразу определять степень оригинальности писателей, умевших привлечь к себе общественное внимание бьющей в глаза формой своих произведений. Говоря это, я имею, в частности, в виду Джорджа, увлечение которым одно время приняло в Англии размеры, довольно близкие к тем, в каких сказалось в XVIII в. увлечение личностью и доктринами Руссо. Маркс едва ли не первый заметил, что в учении автора «Прогресса и бедности» повторяются воззрения физиократов на земледелие³⁵⁷, как на единственный источник чистого дохода, и на единый земельный налог, как долженствующий поглотить в пользу государства большую часть ренты. В бумагах Маркса найдена была критическая статья, направленная против Джорджа и доказывающая односторонность и неприемлемость его выводов. Она появилась в печати уже после смерти Маркса³⁵⁸.

Большинство имеет неверное представление о психологии человека, который проповедовал классовую борьбу, как единственное средство для рабочих достигнуть общественной справедливости — той «social justice», о которой напоминал англичанам XVIII в. пользовавшийся сочувствием Маркса Годвин.

Обыкновенно рисуют себе Маркса мрачным и высокомерным отрицателем буржуазной науки и буржуазной культуры. На самом же деле это был в высшей степени воспитанный англо-немецкий джентльмен, вынесший из тесного общения с Гейне веселость, связанную со способностью к остроумной сатире, человек жизнерадостный благодаря тому, что личные его условия сложились как нельзя более благоприятно. Маркс в большей степени, чем кто-либо из людей, с какими мне приходилось встречаться в моей жизни, не исключая даже Тургенева, имел право говорить о себе как об однолюбе. В ранней молодости он встретился с девушкой из высшего круга, фрейлейн фон Вестфален, и влю-

бился в нее, как можно только влюбляться в студенческие годы. Семья Вестфален была шотландского происхождения и в родстве с герцогами Аргайл. Это обстоятельство однажды едва не сыграло Марксу дурной шутки. В минуту безденежья в Париже он решил заложить в местном ломбарде фамильное серебро, полученное им в приданое за женой. На этом серебре нашли герб Аргайлей и задержали Маркса, как присвоившего себе чужое достояние. Я слышал этот рассказ от самого Маркса, который сопровождал его громким и добродушным смехом. Женни Вестфален была в детстве товарищем по играм мальчика Карла. На четыре года она была старше его. Здоровая, веселая, красивая. «Самая красивая из девушек Трира», как ее называли, она уже подростком сделалась царицей балов. Маркс не успел еще окончить гимназии, как влюбился в подругу своих детских игр. Уезжая в университет, он тайно обручился со своей невестой. Старик Вестфален, как рассказывал мне Маркс, принадлежал к числу людей, увлеченных доктриной Сен-Симона, и один из первых заговорил о ней с будущим автором «Капитала». Судьба разметала его детей в разные стороны: одного сделала членом прусского реакционного министерства *, другого — борцом за свободу негров в междоусобной войне северных и южных штатов Америки **. В своих воспоминаниях об отце младшая дочь Маркса — та, которую мы попросту звали Тусси, — сообщает, между прочим, следующее: «В течение всей своей жизни Маркс, который из Берлина прислал три толстые тетради своих стихотворений любимой им девушке, был буквально влюблен в свою жену». «Передо мной лежит, — пишет Элеонора Маркс в статье, напечатанной в «Neue Zeit» в 1897 г., — любовное письмо отца. По страстному юношескому огню, с которым оно написано, можно было бы думать, что автор его восемнадцатилетний юноша. Но оно отправлено было Марксом не ранее как в 1856 г., когда любимая им Женни родила ему уже шестерых детей»³⁵⁹. Ближайший в то время друг Маркса, Бруно Бауэр, говоря о его невесте, пишет ему: «Она способна

* — Фердинанда фон Вестфален. Ред.

** — Эдгара фон Вестфален. Ред.

перенести с тобою все, что только может случиться»³⁶⁰. Эти слова были пророческими. Маркс, никогда не располагавший значительным достатком, нередко испытывал нужду, но Женни с философским и в то же время веселым равнодушием относилась к этим превратностям судьбы, озабоченная только одним, чтобы ее «дорогой Карл» не уделял слишком много времени на приобретение средств к жизни. Редко кто принимал так радушно в своей скромной обстановке, как жена Маркса, и редко кто умел более сохранить в своей простоте приемы поведения и внешний облик того, что французы называют «une grande dame» *. Маркс и с седой бородой любил начинать Новый год танцем со своей женой или с приятельницей Энгельса. Я сам однажды присутствовал при том, как он весьма ловко прошелся со своими дамами под музыку в торжественном марше. Когда эти воспоминания встают в моей памяти, я решительно отказываюсь примирить с ними то, что говорил мне о Марксе известный географ Элизе Реклю, друг и ученик Бакунина и Кропоткина, а потому лишенный необходимой объективности при оценке принципиального противника. По словам Реклю, Маркс, принимая членов международного общества рабочих **, в том числе и самого Реклю, не выходил из задней части своей гостиной и держался поблизости к бюсту Зевса олимпийского, которым эта гостиная была украшена, как бы подчеркивая тем свою принадлежность к числу великих типов человечества. Такая ходульность совершенно несогласна с представлением о человеке, который настолько знал себе цену, что не видел надобности подчеркивать свое значение внешними приемами. Приходит мне на ум еще один семейный обед у Марксов. Они принимали прибывшую из Капской земли сестру Карла *** с двумя ее сыновьями ****. Сестра никак не могла помириться с тем, что ее брат — вожак социалистов, и настаивала передо мной на той мысли, что оба они принадлежат к уважаемой в Трире семье пользовавшегося всеобщим

* — «знатной дамой». *Ред.*

** — Международного Товарищества Рабочих. *Ред.*

*** — Луизу Юта. *Ред.*

**** — Генри и Чарлзом Юта. *Ред.*

сочувствием адвоката. Маркс дурачился и заливался юношеским смехом. С мнимым величием Маркса не связывалась также готовность прийти запросто пообедать, нередко под условием, чтобы одновременно с ним не был приглашен его слишком болтливый зять *. Не прочь был Маркс пойти со знакомыми в театр, послушать Сальвини в роли Гамлета или несравненно более ценимого им Ирвинга. Помню я также, как мы заседали с Марксом вместе в Aegyptian Hall, задетые оба за живое точным воспроизведением всех фокусов спиритов человеком, заявлявшим, что он был в их среде, повторяет то, чему научился, но не настолько прост, чтобы объяснить публике, как он это делает, так как в противном случае перестанут бывать на его представлениях.

Дея свои привязанности между семьями своих двух замужних дочерей ** и старым другом Энгельсом, платившим ему более чем взаимностью, Маркс посвящал им весь свой досуг. Круглый день он занят был серьезным, всецело захватившим его научным трудом, и все же находил время с жаром отзывать на все вопросы, так или иначе задевавшие интересы рабочей партии вообще и немецкой социал-демократии в частности. Из ее вожаков он более других ценил Бебеля, в меньшей степени — Либкнехта. Он не раз жаловался на то, что последний испорчен Лассалем, и прибавлял, шутя и сердясь: трудно ввести свежую мысль в голову немецкого приват-доцента (таким именно приват-доцентом, по словам Маркса, и был Либкнехт). С какой страстностью Маркс относился и в пожилом возрасте ко всяким попыткам остановить нормальные успехи рабочей партии в связи с общим развитием страны, об этом можно судить по следующему факту. Я случайно находился в его библиотеке в ту самую минуту, когда до Маркса дошло известие о неудавшемся покушении Нобилинга на престарелого императора Вильгельма. Маркс отозвался на это известие словами проклятия по адресу неудачного террориста и тут же объяснил, что от его преступной попытки ускорить ход событий можно ждать только од-

* — очевидно, Поль Лафарг. *Ред.*

** — Женни Лонге и Лауры Лафарг. *Ред.*

ного — новых преследований против социалистов. К сожалению, исполнение пророчества не заставило себя ждать: Бисмарком изданы были известные законы, значительно затормозившие успешное развитие немецкой социал-демократии ¹⁵⁰.

Поступление мое профессором в Московский университет положило конец моему двухгодичному, почти еженедельному обмену мыслями с автором «Капитала». Мы первое время изредка продолжали писать друг другу. При посещении летом Лондона я возобновлял мои визиты, обыкновенно по воскресеньям, вынося каждый раз из наших свиданий новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада. Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более, что такие темы прямо отвечали преподаваемому мной предмету. Маркс ознакомился с моими работами и откровенно высказывал о них свое суждение. Если я приостановил печатание моего первого большого сочинения об административной юстиции во Франции и, в частности, о юрисдикции налогов в ней ³⁶¹, то отчасти под влиянием отрицательного отзыва, какой дан был мне о моем труде Марксом. Он более одобрительно относился к попытке раскрыть прошлое земельной общины или изложить ход развития семейных порядков с древнейших времен на основании данных сравнительной этнографии и сравнительной истории права. Научная критика также весьма интересовала его; он был в числе внимательных читателей издаваемого мною одно время «Критического Обозрения», быть может, единственным в Англии. Годы, проведенные мною в Италии, Испании, а затем в Америке, — последние годы жизни Маркса. По возвращении в Европу, я узнал о двойном его горе: о смерти жены и старшей дочери. Я слышал также, что по причине расстроенного здоровья Маркс принужден был провести целую зиму в Алжире. Еще в те годы, когда я почти еженедельно бывал у него, он жаловался на боль в груди. Но так как его телосложение не отвечало представлению о человеке, страдающем чахоткой, все его близкие объясняли эти жалобы его мнимой мнительностью.

Оказалось, однако, что Маркс надорвал свое здоровье неумеренной работой в библиотеке Британского музея. Зима, проведенная им на юге, была ненастной. Маркс простудился и вернулся в Лондон еще более больным, чем прежде. Энгельс рассказывал мне о последних днях его жизни. И этот рассказ довольно близок к тому описанию, какое мы находим у его русского биографа³⁵³, так как оно, в конце концов, заимствовано из писем того же Энгельса к его другу Зорге. Жена Маркса скончалась в декабре 1881 года. Год спустя умерла старшая дочь Маркса, госпожа Лонге. Маркс тщетно искал забвения в усиленной работе над окончанием своего «Капитала». Здоровье его все более и более ухудшалось. В промежутке между двумя смертями он принужден был уехать на юг. Вернувшись больной, он вскоре поражен был известием о кончине дочери. Этого нового удара он не в состоянии был вынести. 14 марта 1883 г. на 65-м * году жизни Маркс умер за своим рабочим столом. «Быть может, докторское искусство, — пишет Энгельс, — и могло бы обеспечить Марксу еще несколько лет растительной жизни, но такого существования Маркс не вынес бы. Жить при сознании невозможности закончить работы — несравненно тяжелее, чем без особых мучений переселиться в вечность»³⁶².

Мои воспоминания о Марксе относятся к эпохе, следовавшей уже за выходом его наиболее полного и законченного труда: первой части «Капитала». Маркс вступил уже в это время в седьмой десяток, но сохранял еще всю свою бодрость и жизнерадостность. Анненков знал его за год до революции 1848 г., следовательно, молодым человеком, на 31-м году жизни. Интересно сравнить с моими впечатлениями те, какие наш известный писатель вынес из своей встречи с Марксом в Брюсселе. По словам Анненкова, будущий автор «Капитала» представлял из себя человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимых убеждений. «Он был замечателен и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел вид человека, требующего признания и имеющего право на него. Все его движения были смелы и самонадеянны, все приемы обращения горды и

* У Ковалевского: на 67-м. Ред.

презрительны. Резкий голос, звучащий, как металл, удивительно шел к радикальным приговорам, им произносимым. Над его безапелляционными суждениями царила резкая до боли нота уверенности в своем призвании управлять людьми, вести их за собой... Контраст с недавно покинутыми мною на Руси типами был самый решительный»³⁶³.

В моем воображении Маркс выступает с менее резкими чертами. Демагог примирился в его лице с общественным философом, с одним из тех мудрецов, которые думают, что они нашли ключ к пониманию столько же прошлого, сколько и настоящего. Этим ключом для Маркса было в мое время учение о прибавочной стоимости труда — стоимости, поступающей в руки капиталиста-предпринимателя. После выхода уже второго и третьего томов «Капитала», из которых оказывается, что Маркс примирял свою теорию прибавочной стоимости с теорией рыночной цены, определяемой спросом и предложением, его последователи стали в большей мере подчеркивать его исторический материализм, освещение им всех событий прошлого и настоящего изменениями в технике производства и обусловленными ими переменами в экономическом укладе и политической надстройке общества. Из бесед с Марксом нетрудно было вынести убеждение, что фундаментом его экономических и исторических доктрин была философия Гегеля. Он однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по диалектическому методу, ну а нелогически — хотя бы и по позитивному. Дидактический тон, какой нередко принимал Маркс и который свидетельствовал о его самоуверенности, вытекал, по-моему, из убеждения в неоспоримости того приема мышления, какой был дан ему гегелевской философией в толковании ее радикальных последователей, в их числе знаменитого Фейербаха. То, что многим казалось в Марксе отталкивающей несдержанностью и угловатостью, имело источником эту уверенность. Первая встреча Маркса с Энгельсом едва не повела к разрыву. Маркс был таким же упорным гегельянцем, каким Энгельс в то время — ортодоксальным последователем Шеллинга³³⁹. Обе системы были непримиримы, и будущие друзья, сошедшиеся в конце концов в культуре Гегеля, одно время разошлись как враги. То, что

французы называют *cassant* *, выступало в обращении Маркса даже в меньшей степени, чем у другого последователя гегелевской философии — русского мыслителя Чичерина. Презрительное отношение обоих друг к другу обуславливалось тем, что каждый обвинял противника в неправильном понимании диалектического метода и связывал с этим непрочность полученных им результатов, тогда как в действительности источником разномыслия были субъективные пристрастия: одного — к коммунистическому строю (я разумею Карла Маркса), а другого — к индивидуалистическому, сильно окрашенному, впрочем, государственностью. Нетерпимые в основных вопросах жизни и духа, оба — и Маркс в большей степени, чем Чичерин, — были покладисты в своих личных сношениях. За два года моего довольно близкого общения с автором «Капитала» я не припомню ничего, хотя бы издали напоминающего то третирование старшим младшего, какое я в равной степени испытывал в моих случайных встречах и с Чичериным, и с Львом Толстым. Карл Маркс в большей степени был европейцем и хотя, может быть, не высоко ценил своих «друзей только по науке» (*scientific friends*), предпочитая им товарищей в классовой борьбе пролетариата, но в то же время был настолько благовоспитан, чтобы не проявлять этих личных пристрастий в своем поведении. На расстоянии двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память, как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности. С этим представлением связано и другое, а именно то, что в его лице я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться его великими типами, так как в свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивных течений общественности.

Спенсер и Маркс до некоторой степени могут считаться по отношению друг к другу антиподами. Один стоял на страже индивидуальности, другой поднимал голос в защиту прав трудящихся масс. Оба были наиболее последовательными и резкими выразителями тех двух направлений, гармоническое сочетание которых

* — высокомерный. *Ред.*

одно может обеспечить, в моих глазах, счастливое развитие человечества. Индивид не может быть принесен в жертву государству и даже международному союзу, как не мог и не может он ступать перед семьей, родом, сословием или классом. Но его деятельность в то же время должна быть координирована с деятельностью других равных ему единиц, и их совокупные усилия должны быть направлены к обеспечению общего благополучия. Ни о Спенсере, ни о Марксе нельзя сказать, чтобы они относились равнодушно к этой последней цели, но каждый думал служить ей по-своему: один — настаивал, быть может чрезмерно, на автономии личности, другой — доводя общественную солидарность до тех пределов, при которых индивид становится бессознательным орудием процесса производства, действующего с какой-то стихийной силой. Оба видели истину, но, может быть, не всю. Оба сделали все от них зависящее, чтобы передать, что знали, своим современникам. А тот, кто жил для лучших людей своего времени, тот, по словам Гёте, жил для всех времен. Спенсер и Маркс, так сильно расходившиеся друг с другом при жизни, после смерти стали, по указанной причине, предметом общего культа со стороны прогрессирующего человечества, во многом обязанного им своим поступательным ходом.

Впервые опубликовано в журнале
«Вестник Европы», СПб.,
1909, июль, кн. 7

Печатается с сокращениями
по тексту книги: Русские
современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Поездка
к Карлу Марксу³⁶⁴

Сейчас я прочитал в архиве К. Маркса и Ф. Энгельса * предисловие Д. Рязанова к переписке Веры Засулич и Карла Маркса, где Рязанов, между прочим, говорит: «Ни Л. Гартман (народоволец), ни Н. Морозов, которые информировали Маркса о расколе в «Земле и воле», не могли сказать дурного слова о Засулич».

Здесь выражение «не могли» дает возможность не знающему наших личных отношений читателю подумать, как будто мы «могли бы» этого хотеть. Но это лишь неясно сформулированная фраза. Она основана на том, что после распада партии «Земля и воля» осенью 1879 года на чисто аграрную «народническую» партию «Черный передел» и на партию «Народная воля», фактически сосредоточившую свои силы на расшатании самодержавия, мешавшего всякой деятельности в народе, между обеими началась конкуренция, а Вера Засулич, несмотря на то, что действовала в духе «Народной воли» и считалась даже ее провозвестницей, присоединилась по личным связям к «Черному переделу».

Мне неизвестны первоисточники, на основании которых Рязанов написал только что приведенные строки. У меня лично не было с ним об этом разговора, и его слова могут быть основаны только на том, что я и мой товарищ по «Народной воле» Гартман действительно разговаривали с Марксом об этом предмете, излагая ему историю русского революционного движения. Но говорили мы с Марксом объективно, не порицая не только Веру Засулич, а и других видных деятелей «Черного передела», каковы были тогда Плеханов и Дейч, ставшие потом марксистами, тогда как я уже в то время признавал Маркса *гениальным уче-*

* Кн. 1, стр. 266, издания 1924 года. (Прим. авт.)

ным, начавшим первым томом своего «Капитала» новую эру в экономической науке и впервые поставившим ее на твердую научную почву.

С тех пор прошло уже более пятидесяти лет, и потому я, согласившись написать свои воспоминания о моих встречах с Марксом, буду руководствоваться, как веками, архивными документами или отрывочными заметками в тогдашних журналах, которые могут исправить мою память. Дело было так.

В феврале 1880 года мне нужно было отвезти мою первую жену Ольгу Любатович в безопасное место. Ее (и меня тоже) повсюду разыскивали жандармы в России, а она готовилась стать матерью, и, сверх того, была арестована типография «Народной воли», а новую нельзя было рассчитывать скоро завести, и в результате я должен был оставаться некоторое время без привычного своего дела — редактирования нашего печатного органа. Скрывая первую причину, по желанию Ольги (так как нас считали только в «фиктивном браке»), я выставил причиной своего отъезда необходимость организовать за границей при сотрудничестве эмигрантов толстый революционный журнал и, кроме того, завести постоянные сношения с заграничными журналами и газетами для ознакомления иностранцев с нашей деятельностью и ее целями. Против первого пункта возражал Тихомиров на том основании, что журнал, оторванный от русской жизни, не может быть ее отражением. Но большинство товарищей признавали нужным это, а потому мне и пришлось уехать, до некоторой степени, самовольно, хотя и с поручением большинства.

Исполняя свою главную задачу, я тотчас же принялся организовывать непериодический журнал под названием «Социально-революционная библиотека», что отразилось в объявлении, посланном мною в возобновившийся к тому времени «Листок «Народной воли»» от 20 августа 1880 года, такого содержания*:

«В последнее время в Женеве приступлено к изданию «Русской социально-революционной библиотеки»,

* Литература партии «Народная воля». Издательство О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Москва, 1930, стр. 82. (Прим. авт.)

при сотрудничестве Л. Гартмана, М. Драгоманова, П. Лаврова, Н. Морозова, И. Павловского и др.

Появилась уже 1-я книжка издания: «18 марта 1871 года», соч. П. Лаврова» * ³⁶⁵.

В нее Гартман и я входили как народовольцы, Драгоманов — как представитель украинофильской партии, а Лавров и Павловский — сами по себе. Редактировал же фактически я, как находившийся в Женеве, где были типография и центр сношений.

О впечатлении же, которое произвело это издание среди оставшихся в России товарищей, можно судить по письму ко мне Веры Фигнер от 29 ноября 1880 года:

««Коммуна» Лаврова (т. е. 18 марта 1871 г.) приводит в пафос, а (ты прислал) всего два экземпляра, по всему Питеру нарасхват» **.

А в начале письма:

«Постарайся прислать хоть несколько экземпляров «Коммуны»... *** ты этим даже личное одолжение делаешь мне...»

Большой успех первой книжки этого издания, следующим выпуском которого предполагался перевод книги Шеффле «Квинтэссенция социализма», заставил меня и находившихся в Женеве соредакторов постараться выпустить третьей книжкой что-нибудь из произведений Маркса, и в декабре 1880 года (как выходит по документам, а мне теперь уже кажется, что в январе, перед самым моим возвращением в Россию, я отправился в Лондон к Марксу, соединив с этим и поездку по дороге в Париж к Лаврову и французским бланкистам, предлагавшим печатать в своем органе все воззвания, присылаемые им от имени «Народной воли».

В Лондоне я прежде всего явился к своему товарищу по «Народной воле» Гартману и с ним на другой же день поехал по подземной (а отчасти надкрышной) железной дороге к Марксу, жившему тогда

* В I томе Сочинений Плеханова (1920, стр. 62—72) напечатана листовка «Об издании «Русской социально-революционной библиотеки»», а мне почему-то кажется, что она была коллективным произведением, тем более что Плеханов, как видно из этого объявления, не входил в первоначальную редакцию. Но вполне возможно, что мне изменяет память. (Прим. авт.)

** См. не напечатанный еще архив Лаврова в Институте Маркса — Энгельса — Ленина. (Прим. авт.) ³⁶⁶

*** Здесь и ниже отточие поставлено автором. Ред.

в предместье Лондона, в хорошеньком беленьком одноэтажном (как будто с мезонином) каменном домике.

Когда Гартман стукнул три раза в дверь привешенным к ней подобием молотка (заменявшем звонок), нам отворила дверь молодая девушка и на вопрос Гартмана: M-g Marx in? (Дома ли м-р Маркс?) — ответила, что нет, но дома его дочь.

Почти тотчас же к нам вышла другая хорошенькая стройная девушка, показавшаяся мне настоящей Гретхен или Маргаритой из «Фауста». Это оказалась дочь Маркса Элеонора, жившая тогда вместе с отцом, а первая была, очевидно, домработница. Гартман представил меня Элеоноре как приехавшего из России «нигилиста» (так продолжали еще по почину Тургенева называть нас иностранцы, понимая под этим именем таинственных, неуловимых заговорщиков против императорской власти в России).

Она крепко пожала нам руки, но на вопрос об отце ответила, что он теперь занимается в Британском музее и возвратится только вечером, а завтра останется весь день дома и будет очень рад нас видеть. Поболтав с нею немного, мы ушли, а на следующий день снова явились в сказанный нам час.

Маркс уже ждал нас в своем кабинете, в котором в стороне присела и его дочь. Он приветствовал нас сначала по-английски, но как только услышал, что в одной из первых же фраз я, затруднившись в каком-то выражении (потому что я хотя читал без словаря по-английски, но в разговоре не имел практики), заменил английскую фразу французской, перешел и сам на французский язык, на котором и продолжалась наша беседа.

Я уже видел тогда в эмиграции его портреты, те же самые, какие у нас находятся повсюду и теперь, потому что все они принадлежат тому самому времени, и смеясь, помнится, сказал ему, что он поразительно похож на свой портрет. А он тоже смеясь ответил мне, что ему и помимо этого случая бывало странно слышать о своем сходстве со своими портретами, тогда как обыкновенно портреты бывают сходны с оригиналом. Он был очень внимателен и приветлив ко мне, хотя и в голосе, и в манерах чувствовалось сознание им своего выдающегося положения. В его кабинете, мне

помнится, три стены, уставленные полками с книгами, письменный стол близ окна и еще другой, меньший столик у диванчика и зеленый абажур над зажженной лампой, так как, несмотря на почти полуденное время, в Лондоне стоял какой-то сизый туман, делавший день похожим на вечер. Нам подали чай с бисквитами.

Маркс больше расспрашивал меня о наших целях и средствах, чем рассказывал о своей теории, причем я, вероятно, и рассказал ему о причинах распада первоначальной «Земли и воли» на аграрный «Черный передел» и на политическую «Народную волю», о чем и говорит Рязанов в первом томе архива Маркса и Энгельса³⁶⁷.

В заключение Маркс сказал, что наша борьба по способу Вильгельма Телля с самодержавной олигархией напоминает ему что-то легендарное, чего не может уже быть в настоящее время в прозаической Западной Европе.

Других деталей этого разговора, продолжавшегося часа два, я теперь не припоминаю, но помню, как перед уходом я исполнил то, зачем приехал: просил дать что-нибудь из своих теоретических работ для ближайшей книжки «Социально-революционной библиотеки», написав к ней небольшое предисловие.

Он обещал мне подыскать и пригласил прийти на следующий день. Мы снова провели с ним час или два, причем он дал мне на выбор несколько своих печатных работ и обещал дать предисловие к той книжке, которую я выберу, как только она будет переведена и набрана по-русски.

Так мы и расстались, обещавши друг другу переписываться.

Я возвратился в Женеву и передал пачку его книжек своим соредакторам «Социально-революционной библиотеки», к которой присоединился тогда, кажется, и Плеханов, лишь в это время изучивший первый (и единственный в то время по-русски) том «Капитала» Маркса и ставший его сторонником.

А я вдруг получил из России от Перовской шифрованное письмо, написанное, как мы делали всегда, невидимыми без проявления химическими чернилами между строк обычного, явного письма самого невинного содержания.

Она писала мне, что мое присутствие в Петербурге необходимо ввиду готовящегося большого события. Я понял, что готовилось новое покушение на жизнь императора *, и, как только устроил Ольгу и крошечную дочку у друзей, отправился в Россию и был там арестован после перехода границы, около Вержболова.

С тех пор прошло полвека. Заточенный на всю жизнь в Шлиссельбургской крепости, я ничего не знал о судьбе привезенных мною от Маркса в Женеву брошюр и книжек. А после освобождения я не встречал уже никого из бывших сотрудников «Социально-революционной библиотеки» и даже не знал, продолжалась ли она.

Но вот в январе 1931 года я получил издание Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев «Литература партии «Народной воли»». Там были перепечатаны все ее номера и на стр. 178 перед концом 8—9 № «Листка «Народной воли»» от 5 февраля 1882 г. нашел «Предисловие», написанное К. Марксом и Ф. Энгельсом к предпринятому «Русской социально-революционной библиотекой» переводу «Манифеста Коммунистической партии»³⁶⁸, в котором, между прочим, Маркс и Энгельс писали:

«Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» появилось в начале 60-х годов в переводе Бакунина³⁶⁹ (издание «Колокол»). В то время Запад мог смотреть на русское издание «Манифеста» только как на литературный курьез; в настоящее же время такой взгляд невозможен... То было время, когда Россия представляла последний надежный оплот общеевропейской реакции... Совсем другое теперь. Именно европейская эмиграция дала Северной Америке возможность развить колоссальное земледельческое производство, конкуренция с которым пошатнула в самом основании европейское земледелие как крупное, так и мелкое... А Россия! Во время революции 48—49 годов не только европейские монархи, но и европейская буржуазия обрели в русском вмешательстве единственный якорь спасения ввиду только что выросшего пролетариата. Царь был провозглашен шефом европейской реакции. В настоящее же время он сидит пленни-

* — Александра II. Ред.

ком революции в Гатчине³⁷⁰, а Россия является авангардом революционного движения Европы».

Когда я прочел эти строки, на меня вдруг повеяло чем-то давно минувшим. Мне вспомнилась и «Социально-революционная библиотека» в Женеве, и моя поездка к Марксу в Лондон, и привезенная для этой библиотеки пачка его книжек, между которыми (хотя я и не помню уже ясно их заглавия) был, мне чудится, и этот «Манифест», и обещание Маркса дать небольшое предисловие, как только русский перевод его статьи будет набран. И мне стало ясно: Маркс исполнил свое обещание, и если эта книжка «Русской социально-революционной библиотеки» и вышла лишь через год после того, как я у него был, то лишь потому, что мой арест при переезде в Россию и последовавшие за ним такие крупные события, как царевубийство 1 марта 1881 года и разгром «Народной воли», не могли не приостановить временно и издания «Русской социально-революционной библиотеки».

Впервые опубликовано в газете
«Северный рабочий», Ярославль,
1976, 25 декабря, № 302

Печатается по фотокопии рукописи,
сверенной с текстом газеты

Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов

Прошло 50 лет со дня смерти гениального основоположника современной научной политической экономики и шестьдесят шесть лет с того времени, как вышел в свет его «Капитал», начавший новую эру в науке о человеческом труде. И Маркс же вместе с Энгельсом впервые объяснил при помощи диалектического материализма весь ход исторических событий.

Многие будут вспоминать о нем теперь, а вместе с ними хочется вспомнить о нем и мне, хотя наше личное знакомство было лишь мимолетным.

Это было за два года до его смерти, уже 52 года назад. Первая свежесть воспоминаний не могла не поблекнуть за это время, и я, вероятно, не решился бы написать нижеследующих строк, если б мою память не освежили такие обстоятельства.

Года полтора тому назад я перелистывал «Литературу партии «Народной воли»», изданную нашим Обществом политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Там были перепечатаны все номера «Народной воли» от ее начала 1 октября 1879 г. еще при моей редакции и до последнего ее двенадцатого номера, появившегося в октябре 1885 г., когда я уже сидел в Петропавловской крепости.

В одном из промежуточных и более коротких номеров этого органа, называвшихся «Листками «Народной воли»», мне бросилось в глаза объявление, посланное мною же в июле 1880 года из Женевы, куда я временно уехал в самом конце февраля 1880 года, главным образом для того, чтобы отвезти туда мою первую жену Ольгу Любатович, готовившуюся стать матерью, так как ей нельзя было оставаться на это время в России, потому что ее везде разыскивали жандармы, чтоб заточить в тюрьму или казнить. И с этим обстоятельством я соединил задачу организовать

в Женеве серьезный научно-революционный толстый журнал.

Приведу теперь только что упомянутое мною объявление, напечатанное на стр. 82 * «Литературы «Народной воли»».

«В последнее время в Женеве приступлено к изданию «Русской Социально-Революционной Библиотеки» при сотрудничестве Л. Гартмана, М. Драгоманова, П. Лаврова, Н. Морозова, И. Павловского и др.

Появилась уже первая книжка издания: «18 Марта 1871 года», соч. П. Лаврова»³⁶⁵.

Названные здесь «сотрудники» были на самом деле официальными редакторами, хотя в месте печатания, в Женеве, были только я и Драгоманов и на мне лежали все организационные дела. А перелистывая далее «Литературу «Народной воли»», я вдруг увидел в тексте ее 8—9 номера, вышедшего 5 февраля 1882 года, еще такой документ, написанный Марксом и Энгельсом:

*«Предисловие, написанное Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом к предпринятому «Русской социально-революционной библиотекой» переводу «Манифеста Коммунистической партии»»*³⁶⁸.

«Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» появилось в начале 60-х годов в переводе Бакунина³⁶⁹ (издание «Колокола»). В то время Запад мог смотреть на русское издание «Манифеста» только как на литературный курьез; в настоящее же время такой взгляд невозможен»...

«То было время, когда Россия представляла последний надежный оплот общеевропейской реакции. Совсем другое теперь»...

«Во время революции 48—49 годов»... «Царь был провозглашен шефом европейской реакции. В настоящее же время он сидит пленником революции в Гатчине³⁷⁰, а Россия является авангардом революционного движения в Европе»...

Лондон, 21 (9) января 1882 г.

Карл Маркс, Ф. Энгельс

* В журнале ошибочно: 178. Ред.

Я здесь привел лишь отрывки из помещенного в «Листке «Народной воли»» предисловия Маркса и Энгельса, потому что оно слишком длинно для напечатания целиком, да и говорит в остальном лишь о предметах частного интереса, уже ушедших в область истории, а мне нужны только те места, которые характеризуют общее отношение Маркса и Энгельса к деятельности «Народной воли» для того, чтобы сделать краткий абрис отношения к нему самих народовольцев.

Не раз при разговорах с некоторыми современными историками народовольческого движения я говорил им, что было бы напрасно считать однородною идеологию всех народовольцев и в особенности судить о ней по «Программе Исполнительного комитета»³⁷¹, составленной Львом Тихомировым, хотя под нею и напечатано в примечании:

«Заявляем полную свою солидарность с этой программой.— *Ред.*».

Уже сама необходимость написать такое примечание показывает, что этой солидарности автору пришлось достигнуть не без труда.

Дело в том, что мы принимали людей в свою организацию не по деталям их идеологии, а по энергии и готовности жертвовать своей жизнью в борьбе с общим врагом, и доказательством этого служит то, что наши главные деятели: Александр Михайлов, Кибальчич, Желябов, Перовская и другие не написали в «Народной воле» ни одной строки, и общий и принципиальный разговор, в котором главным образом спорили лишь Тихомиров да я, а все другие старались только нас согласовать, был лишь один раз, по поводу этой самой «Программы Исполнительного комитета».

Потом же, после получения Тихомировым согласия на ее напечатание, никто не вспоминал более о ней.

Но это еще не значит, что у нас тогда совсем не интересовались теоретическими вопросами социологического характера,— ими интересовались, но к ним относились так же спокойно, как, например, к вопросам о происхождении солнечной системы или жизни на небесных светилах. Большинство одинаково сочувствовало Бакунину, Лаврову, Михайловскому, Лассалю, Марксу и Энгельсу. А из немногих теоретиков одни,

как Тихомиров, считали как бы долгом верности своему прошлому симпатизировать более народничеству, другие же, как я, допускали и эволюцию в своих теоретических представлениях. На меня еще до возникновения «Народной воли» огромное влияние произвело чтение «Капитала» Маркса.

И до тех пор я много читал по политической экономии — и Адама Смита, и Рикардо, и Джона Стюарта Милля, — но ясно чувствовал, что все они ходят вокруг чего-то основного, но не в состоянии его сформулировать. И вот наглядное выражение Маркса, что «товар есть откристаллизовавшийся полезный труд», объединило для меня все формы продуктов в их трудовой ценности, которую до Маркса смешивали с рыночной ценою, тогда как она производит на деле лишь приливы и отливы на уровне трудовой ценности в зависимости от колебаний спроса и предложения на данный продукт. Я понял, что только с этого момента политическая экономия стала действительной наукой, и вывел из основных положений Маркса дальнейшие последствия, в результате которых появилась первая программная трещина между мною и Тихомировым.

Отсюда очевидно, как захотелось мне, во время пребывания за границей в 1880 году, привлечь и Маркса к сотрудничеству с нами в только что основанной при моем участии «Социально-революционной библиотеке».

В конце концов я поехал в Лондон, побывав по дороге и у Лаврова, который очень сочувственно отнесся к моему замыслу, но познакомил меня с Марксом не он, а мой товарищ по «Народной воле» Гартман, который часто бывал у Маркса.

На второй же день после моего приезда он отправился со мной к Марксу по лондонскому метрополитену, ходившему еще на локомотивах. Приехав в предместье, то по крышам домов, то в тоннелях, мы увидели наконец хорошенький беленький коттедж, где Маркс жил в те дни со своей дочкой Элеонорой. Я помню хорошо первое впечатление этой поездки. *Mister Marx in?* (Дома мистер Маркс?) — спросил Гартман молоденькую домашнюю работницу, когда она отворила выходящую на улицу дверь, после того, как мы три раза ударили в нее висящим молоточком, заменяющим в Англии звонок.

Она ответила Гартману, как знакомому, что Маркс еще находится в Британском музее, но дочка его дома. Почти тотчас же после нашего входа в приемную вышла и она, хорошенькая и стройная девушка немецкого типа, напоминавшая мне романтическую Гретхен.

Мы начали разговор по-английски, но она, заметив, что я, затруднившись сказать какое-то английское слово, употребил вместо него французское, сейчас же перешла на французский язык, на котором уже и продолжались все наши разговоры.

И вот здесь мои воспоминания начинают двоиться: то мне кажется, что мы и с Марксом виделись в тот же день, то, наоборот, представляется, что Элеонора, просидев с нами с полчаса, сказала, что он возвратится поздно, и мы виделись на следующий день.

Но я хорошо помню, что мое первое впечатление от Маркса было определено фразой: как он похож на свои портреты!

После того как мы поздоровались и уселись вокруг небольшого стола с диваном у стены, я, смеясь, сказал ему это.

Он тоже засмеялся и ответил, что это ему часто говорят и что как-то курьезно чувствовать себя человеком, на которого не портрет его похож, а он сам похож на свой портрет.

Оказалось, что он меня уже ждал с большим интересом, потому что Гартман, которому я предварительно написал о своем приезде и о замысле побывать у Маркса, уже несколько дней назад предупредил его об этом. Маркс мне сказал, что очень будет рад дать мне даже не одну статью для «Социально-революционной библиотеки» и снабдит выбранную нами его статью небольшим предисловием, как только мы пришлем ему корректуру ее перевода. Узнав, что я могу остаться в Лондоне лишь три-четыре дня, он пригласил меня побывать у него еще раз до отъезда и обещал приготовить мне несколько своих и Энгельса книжек.

Маркс был в то время действительно совсем таким, каким он представлен на его портретах, которые принадлежат тому времени. Он показался мне скорее среднего роста, но довольно широкого сложения, был очень приветлив с нами обоими, но сразу чувствовалось во

всех его движениях и словах, что он вполне понимает свое выдающееся значение.

Никакой мрачности или замкнутости, о которой я от кого-то слышал, я в нем совершенно не заметил.

В то время в Лондоне был такой туман, что во всех домах горели лампы, в том числе и у Маркса, и я даже ясно помню, что у него светилась лампа с зеленым абажуром, но и при этом освещении я хорошо рассмотрел и его, и его кабинет, в котором три стены были уставлены книгами, а на четвертой были какие-то портреты.

Кроме его и Элеоноры, никто к нам не выходил, и у меня составилось впечатление, что в то время в его домике не было других членов семьи Маркса. Элеонора же все время выбегала к нам и, сидя на кушетке несколько в стороне, принимала участие в разговоре, причем нам приносили по чашке чая с бисквитами, и разговор продолжался главным образом о наших народных-вольческих делах.

Маркс чрезвычайно интересовался ими и говорил, что наша борьба с самодержавием представляется ему и всем европейцам чем-то совершенно сказочным, возможным только в фантастических романах.

Просидев с полчаса, мы с Гартманом не хотели его задерживать и отправились домой.

Но когда через два дня я снова зашел к нему перед отъездом, я тоже провел с ним и с дочерью некоторое время и при прощании он мне вручил приготовленные для меня пять или шесть книжек и снова обещал написать к той, которую мы выберем, предисловие, как только мы придем к нему первую корректуру перевода.

Узнав, что я через две-три недели возвращусь в Россию, он крепко пожал мне руку с пожеланием счастливого возвращения оттуда.

Мы оба обещали переписываться друг с другом, но это не осуществилось.

Возвратившись в Женеву, я нашел там письмо Перовской о том, что ряд готовящихся событий требует моего быстрого возвращения.

Я собрал нужные вещи и поехал, но 28 февраля при переходе границы около Вержболова был арестован под именем студента Женевского университета Ло-

киера и перевезен в Варшавскую цитадель, где узнал о событиях 1 марта посредством стука в стенку от сидевшего рядом товарища Тадеуша Балицкого.

Я был уверен, что теперь меня казнят, как только откроют мою фамилию, и не раз ощупывал пальцами шею, стараясь представить, как около нее будет стягиваться петля. И это, конечно, случилось бы, если бы арестованные в то самое время Перовская, Желябов, Кибальчич и другие не встали впереди меня на дороге к эшафоту.

Заключенный сначала в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбург, я до самого своего выпуска не знал, чем окончились мои переговоры с Марксом.

Не знал я этого и после, вплоть до 1930 года, когда в присланном мне издании Общества политкаторжан «Литература «Народной воли»» я вдруг увидел «Предисловие» Маркса к «Манифесту Коммунистической партии»³⁶⁸ в издававшейся при моем участии «Социально-революционной библиотеке», и это навеяло на меня рой воспоминаний.

Я вспомнил свои свидания с Марксом и его дочерью, вспомнил, как, уезжая спешно из Женевы в Россию, я отдал книжки Маркса кому-то из оставшихся там редакторов, не помню уже — Драгоманову, или Павловскому, или начавшему тогда серьезно изучать «Капитал» Маркса Плеханову (хотя он в то время был еще «деревенщиком», как мы тогда называли партию «Черного передела», и не состоял в редакции «Социально-революционной библиотеки», но очень сблизился с нею), и как я поручил выбрать и перевести что-нибудь из статей Маркса, а затем попросить у него и обещанное предисловие.

Я вспомнил и мое последнее прощание с ним, как он и его дочка Элеонора крепко жали мне руки, желая успеха в нашей опасной борьбе и нового приезда к ним из России в Лондон с победою, и дали даже адрес для переписки на имя кого-то из знакомых.

Особенно же отраднo было мне прочесть в только что приведенном мною предисловии Маркса:

«Царь был провозглашен шефом европейской реакции, а в настоящее время (т. е. благодаря деятельности «Народной воли») он сидит пленником револю-

ции в Гатчине³⁷⁰, а Россия является авангардом революционного движения Европы».

Это были почти буквально те слова, которые сказал мне Маркс на прощанье, только вместо «в Гатчине» он сказал: «в Царском Селе».

Впервые опубликовано в журнале
«Каторга и ссылка», М., 1933, № 3

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Из статьи «Первые шаги
социал-демократического
движения в России»³⁷²

Систематическая пропаганда социал-демократических идей в рядах русских революционеров началась только летом 1883 г., когда в Женеве образовалась первая русская социал-демократическая группа «Освобождение Труда»³⁷³. И первым литературным произведением этой группы была брошюра автора этих строк: «Социализм и политическая борьба».

Разумеется, эта брошюра предназначалась для распространения в России, и по пути в Россию ей предстояло преодолеть все препятствия, которые русское правительство чинило (да собственно и сейчас еще чинит, несмотря на пресловутый манифест 30 октября 1905 г.) проникновению в нашу страну подобного рода литературных произведений.

Но как ни велики были эти препятствия, главное затруднение, которое новой группе необходимо было преодолеть, состояло в другом. Оно заключалось в упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров против всего того, что связано было с именем социал-демократии.

Эта предубежденность была хорошо известна Марксу и Энгельсу. Когда Аксельрод и я, вскоре после Парижского международного конгресса в 1889 г.³⁷⁴, в Лондоне встретились с Энгельсом, он нам сказал, что, пожалуй, было бы осторожнее с нашей стороны, если бы мы не называли себя социал-демократами. «Ведь и мы тоже, — прибавил он, — сначала называли себя не социал-демократами, а коммунистами».

Однако мы были убеждены в том, что сумеем заставить умолкнуть все клеветы против социал-демократии, распространявшиеся ее «социально-революционными» противниками. Кроме того, название социал-демократии имело в наших глазах немалое практическое значение. Если русский сознательный пролетарий будет

называть себя социал-демократом, то он легче будет понимать, что речь идет об его идейных единомышленниках, когда он будет читать в газетах об успехах социал-демократии в соседней с нами Германии. Ибо сведения об этих успехах проникали даже в находящуюся под гнетом цензуры русскую печать. Мы изложили Энгельсу наши соображения, и он нашел их основательными.

Чтобы объяснить немецкому читателю происхождение предубеждения русских революционеров против социал-демократии, я вынужден дать характеристику обоим течениям, существовавшим в нашем движении до образования группы «Освобождение Труда»³⁷³. Одно из этих течений связано с именем П. Л. Лаврова, другое — с именем М. А. Бакунина. Что касается Лаврова, то он всегда относился с большим уважением к Марксу и Энгельсу и *никогда* не выступал ни *против социал-демократии* вообще, ни *против германской социал-демократии* в частности. Но он *никогда* также не защищал ее от нападков анархистов. «Друг Петр», — как назвал его Энгельс в своей направленной против него статье «Об эмигрантской литературе» в газете «Volksstaat»³⁷⁵ — был эклектиком до мозга костей и не в состоянии был занять определенную позицию в происходившей в Интернационале борьбе между бакунистами и марксистами. В своей газете «Вперед!» он наивно сокрушался о том, что социал-демократы не идут рука об руку с анархистами. Эти смехотворные lamentации по поводу борьбы социал-демократов с анархистами и послужили поводом к вышеупомянутой полемической статье Энгельса в «Volksstaat».

Лавров обеими ногами стоял на почве *утопического социализма*. Его взгляд на историю был чисто *идеалистический*. В его многочисленных социалистических произведениях нет ни одной попытки дать анализ тогдашних *экономических отношений* России. Его тактика главным образом упиралась в пропаганду «*чистого социализма*». Всякая мысль о революционной пропаганде пугала его как опасное отклонение от мирной *пропагандистской деятельности*. Этой причины вместе с его неисправимым эклектизмом было совершенно достаточно, чтобы его влияние на русскую революцион-

ную молодежь быстро пришло к концу *. И по мере того, как падало влияние Лаврова, росло влияние Бакунина.

Если Лавров не считал нужным анализировать экономические отношения России, то Бакунин, признавший себя сторонником *исторического материализма*, положил этот анализ в основу своей программы и тактики. Беда была лишь та, что его анализ не имел ничего общего с материалистическим пониманием истории.

Он исходил из коммунистических инстинктов, якобы присущих русскому народу и получивших будто бы свое выражение в великорусской сельской общине. Для того, чтобы эти коммунистические тенденции имели плодотворные последствия, необходимо было только разрушить государство, которое являлось помехой на пути к дальнейшему развитию общины. Поэтому Бакунин объявил беспощадную войну государству, не делая при этом никакого различия между русским полицейским государством и «правовыми» государствами Запада. Более того: он был того мнения, что введение конституционного строя в России принесет только вред народу, так как конституционный строй расчистит путь для свободного развития *капитализма* и тем самым ослабит коммунистические стремления крестьянства.

Революционеры должны разрушить государство. Чтобы подготовить народ к разрушению государства, революционеры должны были приступить к его воспитанию в этом направлении. Лучшим воспитательным средством в глазах Бакунина являлись беспрестанная *агитация* и организация местных бунтов. Но для того, чтобы вести агитацию, нужно было исходить не из принципов «чистого социализма», пропагандой которых занимались сторонники Лаврова, а из «ближайших нужд» и «непосредственных требований» народной массы.

Эти взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавшим среди русских революционеров во второй половине семидесятых годов прошлого столетия [...]

* Тогдашние революционеры рекрутировались почти исключительно из рядов учащейся молодежи. (Прим. авт.)

Достаточно было несколько лет агитационной *практики*, чтобы от *теории* бунтарей не осталось камня на камне. Наши тогдашние революционные теоретики,— к числу которых принадлежал и пишущий эти строки,— метались в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму.

Но это было нелегко. Русские революционеры слишком срослись со старыми теориями.

Начались усиленные попытки заштопать все проехи старой теории; с особенным увлечением занялся этим Лев Тихомиров, бывший тогда одним из выдающихся публицистов партии «Народной воли», а ныне ставший главным редактором архиреакционной газеты «Московские ведомости». Однако не все могли удовлетвориться «улучшенной» таким образом теорией. Это в особенности трудно было для тех, кто в силу своего «нелегального» положения должен был покинуть Россию и получил возможность ближе познакомиться с западноевропейским рабочим движением и западноевропейским *научным социализмом*.

К числу тех, кто находился в таком положении, принадлежали Вера Засулич — одна из основоположниц нашего терроризма, которая, однако, никогда не признавала его единственным средством борьбы,— затем П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Игнатов и я. Каждый из нас принес с собой из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находится в резком противоречии с теорией бунтарей. Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи.

Сначала мы были рассеяны по разным странам Западной Европы; но достойно внимания то, что, как бы мы ни были удалены друг от друга,— так, например, Аксельрод жил некоторое время в Яссах, а я — в Париже,— наши умственные интересы всегда сосредоточивались в одном и том же направлении — в направлении социал-демократической теории, т. е. марксизма. Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди ко-

торой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни.

Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест», — сказал он, — но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест».

Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян.

Самое развитие русского капитализма, которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобретало теперь для нас значение новой гарантии успеха революционного движения, ибо оно означало количественный рост пролетариата и развитие его классового сознания.

Last not least *: эта теория превращала в революционную заслугу то, что с точки зрения правоверного бакунизма являлось изменой революции, — именно борьбу за политические права, стремление к ниспровержению абсолютизма.

Эта теория указывала также, какие условия необходимы для успешности этой борьбы. Из нее вытекало, что абсолютизм только тогда будет обречен на смерть, когда направленное против него движение превратится в классовое движение пролетариата, которое будет более или менее энергично поддержано также движением других классов или слоев, выдвинутых ходом экономического развития на общественную арену. Та-

* — Последнее, но не менее важное. Ред.

ковы были те выводы, которые я изложил в вышеупомянутой брошюре «Социализм и политическая борьба», эпиграфом для которой я взял слова «Коммунистического Манифеста»: «всякая классовая борьба есть борьба политическая».

Впервые опубликовано
на немецком языке в газете
«Vorwärts», Berlin, 1909,
31. III, N 76

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Из статьи
«Бернштейн и материализм»³⁷⁶

В 1889 г. я, побывав на международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом *. Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы. Однажды зашел у нас разговор о философии. Энгельс резко осуждал то, что Штерн весьма неточным образом называет «натурфилософским материализмом». «Так, по-вашему,— спросил я,— старик Спиноза был прав, говоря, что *мысль и протяжение* не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?» — «Конечно,— ответил Энгельс,— старик Спиноза был вполне прав».

Если мои воспоминания меня не обманывают, при нашем разговоре присутствовал известный химик Шорлеммер; был при этом еще и П. Б. Аксельрод. Шорлеммера уже нет в живых, но другой из наших собеседников еще здравствует и в случае нужды, конечно, не откажется подтвердить точность моего сообщения.

Впервые опубликовано
на немецком языке в журнале
«Die Neue Zeit», Stuttgart,
1897—1898. Bd. II, N 44

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

* В «Neue Zeit» первая фраза напечатана в следующей редакции: «В 1889 г. после Международного социалистического конгресса в Париже я вместе с Павлом Аксельродом отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с человеком, которым уже долгое время восхищался как самым глубоким и самым блестящим представителем революционной мысли девятнадцатого столетия». *Ред.*

Из воспоминаний ³⁷⁷

Во время конгресса ²⁶⁹ мы с Плехановым получили письмо от Степняка из Лондона: он звал нас к себе погостить, соблазняя нас свиданием с Энгельсом.

Мы решили поехать к нему после окончания конгресса.

В первое воскресенье после нашего приезда в Лондон Степняк сказал нам: «Ну, нужно вести вас к Энгельсу. Для меня ведь он здесь даром пропадает».

Нечего говорить, что к Энгельсу мы шли полные благоговения, и в этом отношении я и Плеханов ничуть не уступали друг другу.

У Энгельса по воскресеньям всегда собирались друзья и товарищи. Мы застали здесь: Эдуарда Бернштейна, уже вернувшегося после Парижского конгресса в Лондон, где было его постоянное местожительство; Эвелинга с женой (Элеонорой Маркс, дочерью Карла Маркса); Шорлеммера, профессора химии в одном из английских университетов, участника революции 1848 г., после поражения которой он эмигрировал из Германии.

Шорлеммер был близким другом Маркса и Энгельса, постоянно проводил с ними каникулярное время, освежаясь душой в беседе с ними. Летом обыкновенно он уезжал вместе с Энгельсом на остров Уайт. Между прочим, Шорлеммер немало помог Энгельсу в изучении химии, за которую Энгельс принялся, готовясь подвергнуть критике систему Дюринга ³⁷⁸.

Энгельс знал со слов Каутского, Бернштейна и Степняка о группе «Освобождение труда» и о нас с Плехановым. Он читал по-русски и был знаком с «Нашими разногласиями» Плеханова ³⁷⁹. Принял он нас очень любезно, ласково.

Ему было уже за 70 лет. Слава, окружавшая его имя, ни в малейшей степени не отразилась на той сердечной простоте, которой он всегда отличался. При первой

встрече с Энгельсом мы мало говорили с ним о политических вопросах. Общий разговор носил скорее шуточный характер.

Елена Демут, которая заведовала хозяйством в доме Энгельса, как раньше заведовала хозяйством в доме Маркса, усердно угощала нас — уже не помню, чем именно, но, кажется, там был большой пирог, а также пунш и пиво.

Демут когда-то служила в доме родителей жены К. Маркса и с тех пор не расставалась с семьей Маркса, деля с нею и радость и горе. Либкнехт рассказывал, что, когда Маркс, увлекшись шахматами, засиживался слишком поздно с товарищами, Елена Демут заявляла категорически:

— Ну, довольно играть. Спать пора.

И Маркс подчинялся, не пытаясь протестовать.

Когда мы уходили от Энгельса, было уже поздно. Шел сильный дождь. Энгельс вышел в переднюю провожать нас.

— Ну, однако, шапокляк и без зонтика, — заметил он, обращаясь ко мне.

Пеханов тут же, в передней, рассказал ему всю историю моего шапокляка [...]

Энгельс просил нас заходить к нему, и с этого дня вплоть до нашего отъезда из Лондона мы бывали у него чуть ли не ежедневно.

Наши беседы вращались вокруг теоретических и политических вопросов и касались крупных фактов и революционных деятелей, в частности Бакунина и Лассаля.

Услышав от нас о мерах, принимаемых царским правительством против распространения образования в народе ³⁸⁰, Энгельс воскликнул:

— Вот придет война — им неоткуда будет взять дельных офицеров!

Помню еще, что Энгельс с большим вниманием следил за разыгравшимся во Франции делом Буланже ³⁸¹. Он считал авантюру этого предприимчивого генерала, задумавшего нечто вроде бонапартистского переворота во Франции, весьма опасной для демократии и очень радовался тому, что эта затея провалилась [...]

Мое знакомство с Энгельсом ³⁸²

С именем Сергеевского для меня связаны личные воспоминания, представляющие, однако, и некоторый общественный интерес. Этот псевдоним я избрал для своих очерков по русской экономической жизни, которые я писал в 1890—1891 гг. для официального органа немецкой социал-демократии «Vorwärts» *, тогда как Лавров писал там же статьи на чисто политические темы под именем Семена Петрова. Нас пригласил сотрудничать в этой, тогда очень оппозиционной, социалистической газете старый Либкнехт, — Лаврова непосредственно ³⁸³, меня через Лаврова. И вот приблизительно каждые две недели появлялись в «Vorwärts» вперемежку лавровские и мои статьи, которые, насколько мы могли судить издали, пользовались вниманием социалистической читающей публики в Германии.

На долю одной из моих статей выпал даже в силу некоторых обстоятельств особый успех. Дело в том, что я дал уже несколько статей в «Vorwärts» об истинном экономическом положении России, в том числе и о голоде, и, подводя итоги им, сделал тот общий вывод, что обездолившее народ самодержавие, хотя и против воли, будет вынуждено запретить вывоз хлеба из России — до такой степени было отчаянно положение десятков миллионов населения. Но наше правительство чрезвычайно усиленно опровергало всякие слухи о возможности такой меры, так как боялось, что это повредит его финансовой тактике усиленных займов, которые оно заключало за границей, особенно же во Франции.

Случилось так, что в одном и том же номере «Vorwärts» — если не ошибаюсь, в августе 1891 года — были

* Здесь и ниже название газеты автор приводит в русской транскрипции. *Ред.*

помещены моя статья в виде передовой за подписью³⁸⁴, перепечатка еще недавних официозных русских опровержений и телеграмма из Питера о внезапно изданном декрете относительно «временной приостановки вывоза хлеба, муки и т. п. пищевых средств за границу». Редакция откликнулась на эту телеграмму в своем политическом бюллетене. С видимым удовольствием она комментировала тот факт, что, между тем как русские официальные и дружащие с ними правительственные круги в Германии продолжают еще обманывать европейское общественное мнение относительно размеров голода и уверять, будто всякие толки о предстоящем запрещении вывоза лишь злостные выдумки врагов царского правительства, «наш сотрудник Сергеевский», со свойственным, мол, ему знанием дела, заранее вскрыл эту обманную тактику страуса. Он может гордиться тем, что его предвидения оправдались самым блестящим образом, так как его выводы в статье, присланной им несколько дней тому назад и напечатанной нами сегодня, блистательно подтверждаются печатаемой нами в этом же номере телеграммой из Петербурга.

С тех пор за русским товарищем Сергеевским установилась среди читателей «Vorwärts» репутация серьезного и добросовестного корреспондента. Это мне пришлось испытать на себе несколько месяцев спустя, весной 1892 г. *, в разговоре с Энгельсом, у которого я был в Лондоне по поручению моих товарищей и при следующих обстоятельствах.

На мрачном фоне погибавшей тогда от голода народной России была лишь одна светлая, все увеличивавшаяся и разгоравшаяся полоса: пробуждение общественного интереса и рост оппозиционной мысли. Голод заставил встрепенуться многих, которые еще недавно не могли нахвалиться самодержавной Россией, где мудрое правительство удовлетворяет, мол, так хорошо все истинные потребности страны. А сопротивление царской власти малейшему проявлению общественной самодеятельности, помогавшей голодающим, только усилило это оппозиционное настроение. В социалистических же и революционных кругах пробуждалась

* У автора ошибочно: 1882 г. Ред.

надежда, деятельно помогая народу, собирать в то же время на этой почве все живые силы страны для низвержения царского деспотизма. В этом смысле политический переворот был бы, думали мы, лучшим лекарством и против настоящего голода, и особенно против его повторения в будущем. К сожалению, идейная рознь между народовольцами, или, выражаясь обще, народниками, и начинавшими приобретать некоторое политическое значение марксистами мешала дружному напору на врага народа, прогресса и цивилизации. В том и другом лагере говорилось охотно о необходимости совместной деятельности, и даже о временном союзе. Но как только дело доходило до осуществления этого желания на практике, так сейчас же люди начинали сводить теоретические счета и раскакивались в разные стороны.

И вот среди вожakov немецкой социал-демократии, которая внимательно следила за ростом голода и оппозиции в России, возникла мысль способствовать практическому сближению братьев-врагов. Бебель особенно настаивал на этом плане, и от комитета социал-демократической партии было сделано предложение и группе «Освобождение труда», и нашему кружку избрать уполномоченных для обмена мыслей, причем Бебель высказывал готовность, если этого пожелают русские товарищи, присутствовать на совещании³⁸⁵. Сначала, казалось, дело пошло на лад, и встреча, для которой предполагалась посылка Плеханова от марксистов, а пишущего эти строки — от нашего кружка, должна была состояться в Лондоне, на квартире у Энгельса. Не знаю в точности, почему этот план расстроился. Но на совещание не явились ни Плеханов, ни Бебель, и в назначенный срок у Энгельса был только я.

Признаться, я был лишь наполовину огорчен этим обстоятельством, так как скептически относился к возможности работать вместе с группой «Освобождение труда» при той идейной вражде, которую она обнаруживала к нам, а вместе с тем моя поездка позволяла мне познакомиться с таким крупным человеком, каким был Энгельс³⁸⁶. Некоторые подробности этого свидания навсегда врезались в мою память.

Меня ввели в большую светлую комнату довольно обширной квартиры, помещавшейся недалеко от како-

го-то парка. В ней сидели двое-трое мужчин за кружками эля, а поодаль, у окна, молодая женщина. Мне сказали, что то была Каутская. Мужчины говорили между собой то по-немецки, то по-английски, а один из них, пожилой, высокий, с не по росту маленькой головой, большой, уже сильно седой бородой, обрамлявшей энергичное, темное лицо, поднялся при моем приближении с места и, услышав мою фамилию, подошел ко мне и крепко пожал руку:

— Я — Энгельс... * Вас знаю немного заочно. Мне уже писал о вашей поездке мой друг Лавров,— сказал по-английски высокий мужчина и спросил, на каком языке я предпочитаю говорить с ним.

Я ответил, что по-французски, и вдруг почувствовал непреодолимое желание высказать Энгельсу свое глубокое уважение к нему. В то время я уже не был марксистом, но во мне улегся и мой воинствующий антимарксизм. И я мог оценить значение исторической личности, стоявшей передо мной у стола.

— Гражданин Энгельс, позвольте русскому социалисту выразить чувство искреннего восхищения человеком, который был достойным другом великого Маркса и который до сих пор является духовным главой социалистического Интернационала... Лично я еще в годы ранней молодости читал вашу работу о положении английского рабочего класса **, и она произвела на меня сильнейшее впечатление, а с тех пор я, как и все социалисты в мире, с величайшим интересом прислушиваюсь к вашему мнению и знакоюсь с каждой вашей новой вещью, как только она выходит... В вас я вижу живое продолжение, вижу воплощение Маркса...

Высокий человек с маленькой головой засмеялся и остановил меня жестом руки:

— Та-та-та, молодой товарищ... Полноте, к чему этот обмен любезностями между нами, социалистами? Нельзя ли попроще? У вас горло должно было пересохнуть от этого ораторского упражнения... Присаживайтесь-ка к столу и промочите его вот этой кружкой пива,— и Энгельс посадил меня рядом с собой.

* Здесь и ниже отточие поставлено автором. Ред.

** Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Ред.

Тем временем гости ушли, и мы остались вдвоем с Энгельсом, если не считать молодой женщины *, которая сидела у окна и, по-видимому, вся ушла в разборку писем, брошюр, книг, лежащих перед ней на круглом столике.

Энгельс очень внимательно расспрашивал меня о сведениях, которые мы, русские социалисты, получаем из голодающей России, осведомлялся о планах «группы Лаврова», как он назвал нас, и, в общем, был очень любезен, за исключением некоторых поворотов разговора, когда он чересчур подчеркивал «истинную социалистическую деятельность Плеханова и его друзей» и противопоставлял ей «политический романтизм» их противников...

— Нет, за исключением немногих лиц, вы, русские, еще слишком отстали в понимании общественной эволюции собственной страны. Для вас политическая экономия все еще абстрактная вещь, потому что до сих пор вы не были достаточно втянуты в водоворот промышленного развития, которое выбьет из вашей головы всякий отвлеченный взгляд на ход экономической жизни... Теперь это положение вещей меняется... Шестерня капитализма уже крепко врезалась местами в русскую экономику... Но вы в большинстве случаев не отказались еще от архаических понятий... Впрочем, повторяю, это не ваша вина: сознание отстает от бытия...

Вдруг Энгельс быстро встал и воскликнул:

— Да вот, я кое-что прочту вам из старой русской библиотеки Маркса...³⁸⁷ Большинство его русских книг я роздал в другие учреждения и людям, которые могут лучше пользоваться ими... Но некоторые вещи я оставил у себя...

И дружески Энгельс попросил меня пройти с ним в соседнюю комнату. То было такое же светлое, такое же обширное помещение,— судя по длинным, приделанным к стене шкафам, библиотека. Энгельс по-прежнему быстро подошел к одной из полок, с мгновение поглядел на нее, сразу, не колеблясь, достал с нее в старом переплете книгу и показал ее мне: то было

* — очевидно, Луизы Каутской. Ред.

одно из первых изданий пушкинского «Евгения Онегина».

В аппарате моей, тогда хорошей, памяти словно кто-то нажал кнопку. Мне захотелось показать Энгельсу, что и мы, жертвы «политического романтизма», кое-что читали и кое-что знаем:

— Дорогой гражданин, вы хотели, очевидно, что-то отсюда мне прочитать? Позвольте мне самому прочитать вам цитату, с которой вы собирались познакомиться меня.

Энгельс бросил искоса на меня дружелюбно-насмешливый взгляд:

— Сделайте одолжение, — и Энгельс протянул мне книгу. Я сжал в руках томик и продекламировал наизусть:

... Читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И отчего, и почему *
Не нужно золота ему,
Когда сырой ** продукт имеет.
Его отец понять не мог ***
И земли отдавал в залог.

— Donnerwetter!.. Potztausend!.. **** — воскликнул несколько раз по-немецки Энгельс. — Черт возьми, вы угадали... Верно, верно: эту именно цитату я и хотел прочитать вам. Но что навело вас на это?

— Ассоциация идей.

— Какая?

— Вы хотели, очевидно, процитировать мне нечто, касающееся неизбежной отсталости русской мысли, вытекающей из отсталости русской жизни. Когда я увидел в ваших руках томик «Евгения Онегина», я сейчас же припомнил, что Маркс привел как раз эту цитату — и притом по-русски — в своей «Критике политической экономии»:

«Его отец понять не мог
И земли отдавал в залог»³⁸⁸,

* У Пушкина эта строка звучит так: «И чем живет, и почему». *Ред.*

** У Пушкина: «простой». *Ред.*

*** У Пушкина: «Отец понять его не мог». *Ред.*

**** — Черт возьми! *Ред.*

Страницы рукописи К. Маркса
«Русское в моей библиотеке»

Русские и их источники

- 1) Сборники СТАТИСТИЧЕСКИЕ СЪЕДИНЕНІЯ ПО ПОСЛОВЕСНОЙ Губернии - (ИТД ВЪ ХОЗЯЙСТВЕННО-СТАТИСТИКИ) Издание Московского Губернскаго Земства
1^й выд.: 1871 г. - «ОТДѢЛЪ ХОЗЯЙСТВЕННО-СТАТИСТИКИ»
2^й выд.: 1872 г. - Орловъ - Кабановъ
4^й выд.: 1873 г. - Орловъ - Кабановъ
5^й выд.: 1874 г. - Орловъ - Кабановъ
3^й выд.: 1875 г. - Кабановъ
6) выд.: 1876 г. - Кабановъ
- 2) СВАДЬ МАТЕРІАЛОВЪ ПО КУСТАРНОЙ ПРОВОДШЕННЫХЪ ВЪ РОССИИ - (ИЗДАНИЕ Губернскаго Земства) 1874 г.
- 3) ЕЖЕГОДНЫЕ ПИИСТЕРВА ФАКТОРИИ - 4 выд. за 1869, 1874, 1875, 1876 г.
- 4) ЕЖЕГОДНЫЕ ПИИСТЕРВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ - 1879 г.
- 5) ОТЧЕТЪ СОУДАРССТВЕННОГО КОНТРОЛЯ - 1877, 21. 1878, 1879 г.
- 6) СТАТИСТИЧЕСКІИ СБОРНИКЪ ПИИСТЕРВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ - 1877, 4. 1878, 21. 1879 г.
- 7) СБОРНИКЪ СЪЕДИНЕНІИ О ЖЕЛЕЗНОУХЪ ДОРОГАХЪ ВЪ РОССИИ - 1878 - 21. 1879 г.
- 8) ОБОЗРЕНІЕ ВЪНѢШНЕГО ТОРГОВАГО ДЕЛА ВЪ РОССИИ - 1879 г.
- 9) ПИИСТЕРВА ДОРОЖНОГО ДЕЛА - 1879 г.
- 10) ОТЧЕТЪ ПО ОТДѢЛЕНІЮ КОММЕРЧЕСКИХЪ ДѢЛЪ - 1879 г.

Страницы рукописи К. Маркса
«Русское в моей библиотеке»

- 11) Отчетъ Государственнаго банка за 1865 год 1864
- 12) Отчетъ " " " " за 1877 год 1878
- 13) Анна Аг. Савина - Anlage d. Eisenbahn von Moskau
= Anstalt für Eisenbahn - Anlage d. Eisenbahn von Moskau
8. Band - 5. 4. Band d. Eisenbahn
- 14) З. Сапож. курс 2. Ausgabe von Bank in Moskau (Moskau)
3 Bände Moskau 1875-76
- 15) Область и быт учреждений России - 11 201
с. 49 - 107. Moskau 1856
- 16) Постоянный Хлебный Торговый - Приказ Водных
Требности в Сводномъ Районѣ von П. П.
Губинский. 21. Part. 1870
- 17) Сводный Районъ в. Кладъ von W. Jac. 21. Part.
21. Part. 1873
- 18) Этюдъ о Фаславкѣ - K. J. J. J. J. 21. Part. 1875
- 19) Этюдъ о Сводномъ Районѣ - K. J. J. J. J. 21. Part. 1870
Губинский Районъ 2. Ausgabe - 2. Ausgabe - 2. Ausgabe
- 20) II (siehe vorher). 21. Part. 1872.
- 21) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
14. Heft 1876. 24. Heft 1877 (Grunderzeit)
- 22) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
Wanneng von 2. Ausgabe - 21. Part. 1874
- 23) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 24) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
Wanneng von 2. Ausgabe - 21. Part. 1874
- 25) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 26) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 27) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 28) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 29) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 30) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 31) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 32) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 33) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 34) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 35) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 36) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 37) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 38) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 39) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 40) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 41) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 42) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 43) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 44) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 45) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 46) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 47) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 48) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 49) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.
- 50) Экономическое Состояние Зависимости - Кривизна 2. Ausgabe
von W. Jac. 21. Part. 1874.

чтобы показать, что идеи буржуазной политической экономии не могут быть применены к обществу, основанному на труде крепостных...

Насмешливое выражение глаз у Энгельса сменилось совсем дружелюбным:

— О, да вы очень внимательный читатель, гражданин Русанов... А когда вы читали «Критику»?

Разговор перешел у нас на распространение идей Маркса в России, и я рассказал Энгельсу, как рано я лично, вследствие различных благоприятных обстоятельств, мог познакомиться с главнейшими сочинениями его знаменитого друга...

Энгельс с большим интересом вслушивался в мой рассказ и перебил его лишь словами:

— И, однако, вы не с Плехановым?

Я чувствовал в этом вопросе известное раздражение. Я знал, что члены группы «Освобождение труда»³⁷³ очень несочувственно говорили о «Кружке старых народовольцев» своим единомышленникам-марксистам на Западе и возбуждали в них большое недоверие к нам, как к утопистам и заговорщикам старого типа, целиком пропитанным мелкобуржуазными идеями. Я ответил Энгельсу в самых общих чертах и постарался, насколько мог, указать, в чем заключалось различие в наших взглядах.

Разговор перешел снова на Россию и на ее современное положение. И скоро у нас с Энгельсом вышло разногласие в оценке какого-то факта русской экономической жизни. Едва подавляя, как мне показалось, чувство досады, Энгельс воскликнул:

— Вы должны были бы прочитать по этому поводу статью некоего Сергеевского в «Vorwärts». Он довольно часто пишет в этой газете... Видимо, знающий человек... И он как раз говорит [то же], что говорю я... Вы не видели статей Сергеевского?

Я испытывал чувство немалого замешательства, но вместе с тем и известного удовлетворения, и после минутного колебания сказал, признаюсь, не особенно храбро:

— Видел... Даже сам их писал... Сергеевский из «Vorwärts» — это я. Это мой псевдоним, который я выбрал по совету Лаврова для некоторых своих вещей...

Энгельс разразился громким хохотом:

— Право, не поймешь вас, русских: у вас, должно быть, в мозгу перегородки. Тот же самый человек совсем умен в одних вещах и...

Энгельс на секунду остановился.

— Не стесняйтесь, гражданин: совсем глуп в других. Не так ли? — улыбаясь, заметил я.

— И ровно ничего не соображает в других вещах, казалось бы, относящихся, однако, к одной и той же области,— закончил Энгельс.

Мне пришлось защищать Русанова от авторитета Сергеевского и указать Энгельсу на причину кажущегося противоречия между статьями Сергеевского и моей теперешней оценкой вопроса, из-за которого у нас вышло разногласие. Энгельс просто упустил из виду одно обстоятельство, которое заставляло меня иначе смотреть на предмет нашего спора.

Дружески расставаясь со мной, Энгельс высказал сожаление, что у нас не состоялось свидания с Плехановым и Бебелем³⁸⁵, и выразил надежду, что союз русских марксистов и народовольцев все же состоится на почве борьбы с голодом и оппозиции правительству. Он передал мне для Лаврова небольшое письмо о том же по-французски, конец которого, кокетничая своими действительно редкими филологическими способностями, он написал по-русски³⁸⁹.

Впервые опубликовано в книге:
Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Из воспоминаний ³⁹⁰

БЕСЕДЫ С ЭНГЕЛЬСОМ

К середине марта 1893 г. я заработал (уроками математики в Лозанне) столько денег, что мог осуществить свою давнюю мечту пожить в Лондоне. У меня была и вполне определенная цель: работа по истории английской философии, которую целесообразнее всего было окончить в Британском музее.

Когда я попросил Г. В. Плеханова дать мне рекомендации,— и притом не только к лондонским русским,— он предложил мне дать письма не только к Степняку и Бернштейну, но и к самому Энгельсу ³⁹¹.

Поблагодарив за оказываемую мне честь, я попросил указаний, как мне лучше всего подготовиться к разговорам с Энгельсом; но Г. В. Плеханов немедленно приступил к экзамен *rigorosum* * по философии истории Маркса и по философии истории Гегеля; по субъективистам-народникам, настаивая на непридирчивом и сжатом изложении; по второму тому «Капитала», когда ассистентка — Вера Ивановна ** — возопила, что следует дать мне передышку; по Прудону (без использования «Нищеты философии»); наконец, по Фейербаху, Бауэру, Штирнеру, Тюбингенской школе ³⁹², Штраусу и, как десерт, по всему Гегелю, причем выяснились некоторые разногласия в понимании отношения «Феноменологии» к «Логике». Вера Ивановна присутствовала на этом «всенощном бдении»; она приписала Георгию Валентиновичу намерение установить такую программу-минимум для русских марксистов вообще; но Георгий Валентинович считал это для тогдашнего времени утопией и по отношению к товарищам, имевшим в виду литературную деятельность. Георгий Валентинович считал хорошим предзнаменованием, что я невольно

* — суровому экзамену. Ред.

** — Засулич. Ред.

переходил на немецкий язык; я выразил сомнение, чтобы на русском языке кто-либо когда-либо мыслил философски; но Вера Ивановна опровергла меня ироническим указанием не только на украинского мудреца Сквороду, но и на Флеровского-Берви.

На следующий день Г. В. Плеханов дал мне письмо к Энгельсу * и напутствовал в путь-дорогу. Я настойчиво советовал Георгию Валентиновичу немедленно подготовить почву напечатанием в «Neue Zeit» резкой по существу, сжатой и сдержанной по тону статьи, в которой резюмировалась бы суть конфликта с народниками-субъективистами. Я считал очень существенным, во-первых, чтобы эта статья, появившись во время моего пребывания в Лондоне, поставила Энгельса лицом к лицу с фактом начавшейся полемики и побудила его высказаться; во-вторых, я имел основания ожидать, что кто-нибудь из русских марксистов заденет русских народников-субъективистов в немецкой печати, а тогда я предпочитал, чтобы это сделал именно Г. В. Плеханов, и притом сразу по существу; я уверял его, что такая статья немедленно распространилась бы в России и в оригинале, и во множестве переводов, и оказалась бы ферментом, что о ней был бы прочитан ряд рефератов в Петербурге... Г. В. Плеханов утверждал, что не стоит обращать внимания европейских читателей на русских народников-субъективистов. В этом нежелании Г. В. Плеханова вовремя, ясно и определенно взять на себя инициативу принципиального выступления против народничества в научном органе европейской социал-демократии я усматривал — и продолжаю усматривать — главную причину того, что не только мне, но и самому Плеханову при его свиданиях с Энгельсом во время Международного цюрихского конгресса и затем в Лондоне не удалось убедить Энгельса принципиально выступить против русских народников-субъективистов или хотя бы по конкретному поводу определенно высказаться против них в печати: ведь если сам Г. В. Плеханов не считал стоящим по существу дела ориентировать читателей «Neue Zeit» о своих методологических

* Г. В. Плеханов не сообщил мне, что именно он писал Энгельсу, так что я прочел это письмо только тогда, когда оно было показано мне в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса за несколько дней до его напечатания в журнале «Под знаменем марксизма». (Прим. авт.)

разногласиях с народниками-субъективистами, то и Энгельс, с своей стороны, мог счесть не стоящим вмешаться в перебранку между русскими.

Кроме того, Г. В. Плеханов просил меня сделать для него в Британском музее побольше выписок из «Святого семейства». Мне он дал ряд чрезвычайно ценных советов относительно целесообразнейшего моего пребывания в Лондоне.

В Лондоне я прежде всего очутился без денег: у меня вытащили кошелек, когда я, выйдя с вокзала Виктория, отдыхал в Гайд-парке. Это принудило меня сразу явиться в бюро «Free Russia», где я застал В. Черкезова, который был так любезен, что помог мне найти дешевую комнату и даже кредит. Деньги мне немедленно выслали в долг из Парижа, а затем из России.

Врученное мне запечатанным письмо Г. В. Плеханова к Энгельсу³⁹¹ я отправил в тот же день, прибавив от себя просьбу указать, если он считает возможным, когда я мог бы его видеть с наименьшим ущербом для его занятий. Я писал по-английски; Энгельс отвечал и писал свои дальнейшие письма * по-английски же.

В ожидании ответа от Энгельса я побывал у Степняка; он дал мне рекомендацию в Британский музей; впоследствии, когда я получил возможность прожить в Лондоне четыре года (1896—1900 гг.), меня рекомендовала Элеонора Маркс-Эвелинг, а после ее смерти билет для входа в читальный зал возобновлялся автоматически, хотя я и предлагал новую рекомендацию.

* К сожалению, я был вынужден сжечь эти письма Энгельса ко мне в Париже осенью 1893 г., когда меня — за несколько минут до появления агентов — предупредили об обыске. Этот обыск был вызван, по всей вероятности, тем, что как раз перед этим я получил из Лондона на свое имя от «Free Russia» большую посылку, вызвавшую к себе интерес французских чиновников, и притом не только таможенных, хотя я и констатировал, что присланные издания — преимущественно 1870-х годов — представляют только антикварный, а не актуальный интерес. Обыскивавшие агенты грозили мне высылкой за находившиеся у меня *монографии по истории Великой французской революции* и нашли предосудительным ношение мною синих очков, придающих «нигилистическое выражение» моей физиономии. Я потребовал указания на закон, который воспрещал бы во Франции изучение основных фактов французской истории, а относительно цвета очков пригласил гг. агентов сопровождать меня в глазную клинику для выяснения вопроса, чьими указаниями мне следует в данном случае руководствоваться. (Прим. авт.)

Степняк проявил глубокий интерес к деталям жизни Г. В. Плеханова и В. И. Засулич. Он просил меня поддержать его давнюю просьбу, чтобы Георгий Валентинович совсем переселился в Англию; он находил, что Женева и ее окрестности для Г. В. Плеханова вреднее русской каторги, что можно было бы жить и не в самом Лондоне, а на острове Уайт, который Маркс предпочитал в климатическом отношении Алжиру; что в Лондоне Г. В. Плеханов нашел бы несравненно более подходящую арену для своих организаторских талантов; что он был бы там очень полезен против влияния П. А. Кропоткина; что сам он присмотрелся бы к конкретному массовому рабочему движению [...]

За три месяца (от конца марта до начала июля 1893 г.), которые мне тогда удалось провести в Лондоне, я побывал у Энгельса — всякий раз по его особому (устному или письменному) приглашению — не менее десяти раз. Я должен констатировать, что мало с кем я чувствовал себя все время от первого визита до прощания так просто и естественно, как с Энгельсом. Дорогой я придумывал обороты речи, подыскивал наиболее подходящие конструкции, но все это оказалось совершенно излишним: обаяние его как собеседника не мешало мне чувствовать себя в его присутствии самим собой, а не объектом извращений моих мыслей, производимых — без всякой надобности, просто из любви к искусству — как виртуозами в этом деле, упоминаемыми в I и II главах этих воспоминаний, так и их последователями, усвоившими себе если не их знания и талантливость, то во всяком случае вышеуказанную виртуозность. Поэтому, говоря с Энгельсом, я имел редкое счастье: можно было думать не о том, какую именно ересь или бессмыслицу соблаговолит навязать мне собеседник, а о самом предмете. Это сразу само собой установилось. Почувствовав, что в разговорах с Энгельсом в самом деле можно и должно *lasciare ogni sospetto* *, так как с ним я абсолютно гарантирован от попыток сделать вид, что мою аргументацию можно подвести под заранее заготовленную этикетку, к чему сводятся — столь «плодотворные» для выяснения во-

* — оставить всякий страх (Данте. «Божественная комедия»).
Ред.

просов по существу — типичные русские дискуссии, я перестал «mit den Worten kämpfen» *. По причинам самоочевидным я предпочитал слушать Энгельса; но говорить приходилось и мне, и не только отрывочными фразами, а и периодами: мне не только пришлось резюмировать марксистскую и народнические точки зрения на ряд теоретических программных вопросов; но Энгельс допустил меня к рукописям Маркса, лишь удостоверившись, — не «экзаменом», как Плеханов, а в непринужденном разговоре, — что я способен интересоваться деталями истории немецкой мысли. Кроме того, Энгельс многим интересовался о России: не только экономикой, а и идеологиями: что именно и как читают из Маркса в России, какова обычная подготовка читателей «Капитала» **, кого читают из утопистов, выражал интерес к провинциальным и столичным разновидностям русского либерализма, к конкретным формам толстовства, к народнической беллетристике и к русской литературной критике, классических представителей которой он в самом деле высоко ставил.

В своем — очень приветливом — первом письме Энгельс сообщил мне, что ждет меня к себе в любой из ближайших дней вечером. Когда я явился к нему в первый раз, он прежде всего познакомил меня со своим огромным котом и стал расспрашивать о Плеханове, о Вере Ивановне, о Лаврове, о котором отзывался с добродушной иронией. Он выразил высокое мнение о таланте Плеханова («не ниже Лафарга или даже Лассалля») и осведомился о его литературных планах; признал целесообразными и работы по истории французского материализма, и статьи о русской народнической беллетристике. Затем он выразил свое убеждение, что для русских социал-демократов необходимее всего серьезно заняться аграрным вопросом в России; что эта область исследований обещает по существу новые результаты, существенные и для истории форм землевладения и землепользования, и для применения — и проверки —

* — буквально: «бороться со словами», в переносном смысле — подбирать слова. *Ред.*

** Энгельс не считал целесообразным начинать изучение политической экономики с «Капитала», так как Маркс имел в виду читателей, имеющих некоторую подготовку. О популярных изложениях «Капитала» отзывался неодобрительно. (*Прим. авт.*)

экономической теории, особенно учения о дифференциальной ренте, при освещении огромного материала. Он упомянул, что ждет со дня на день труда своего уважаемого русского корреспондента Даниельсона, но при всем уважении к нему не думает, что его книга окажется исчерпывающей вопрос. Энгельс упомянул, что он считает чрезвычайно желательным, чтобы именно Плеханов занялся этим основным для России вопросом, и притом именно в серьезном исследовании, а не в полемических статьях. Я хотел тут же передать пожелание Плеханова, но появился Бернштейн, немедленно пригласивший меня зайти к себе. Я собирался удалиться, но был удержан на ужин, во время которого Энгельс рассказывал эпизоды из домартовского периода и из 1848 года. Прощаясь, Энгельс предложил мне продолжить разговор об аграрном вопросе в России в ближайшем будущем, обещав уведомить, когда ему удастся выполнить неотложнейшую задачу: написать несколько писем.

В следующий раз он прямо спросил меня, не дал ли мне Плеханов к нему определенных поручений? Я передал пожелания Плеханова *, представив дело так, что Плеханов вынужден защищаться и защищать от извращений со стороны народников основные положения марксизма и практические выводы из них. Энгельс с улыбкой процитировал по поводу жалоб Плеханова на полемику против него: «*Quis tulerit Gracchos de seditione querentes?*» ** и даже добавил по-русски: «Кто Плеханова обидит, не обидит ли всякого сам Плеханов?» Я уверял, что Плеханов на меня производит впечатление кроткого агнца, ведомого на заклание; к тому же дело идет о весьма небезразличных в практическом отношении выводах из того или иного взгляда на эко-

* Разговоры происходили преимущественно на немецком языке; феноменальная добросовестность мышления Энгельса проявлялась между прочим, в том, что в своих записках ко мне Энгельс иногда спешил делать поправки, если, наведя точнейшие справки, обнаруживал, что в предыдущем разговоре неточно цитировал. Например, приписав Ткачеву по существу бакунистские мысли, Энгельс поспешил написать мне, что, раздобыв первоисточники у Мендельсона, он убедился, что смешал того и другого Konfusionsrat'a [путаника], помню, что он употребил это немецкое обозначение в английском письме. (Прим. авт.)

** «Разве терпимо, когда мятежом возмущаются Гракхи?» (Ювенал. Сатира вторая). Ред.

номическое развитие России в ближайшем будущем... Энгельс выразил предположение, что полемика с народолюбцами могла бы вестись не столь резко, но что он, конечно, не компетентен судить о реальном содержании, скрывающемся за русскими партийными лозунгами. Я поспешил констатировать, что народолюбцы негодуют на Плеханова, в сущности, за речь на Парижском международном конгрессе³⁹³ и за пронципальность, проявленную им по отношению к Тихомирову; Энгельс сказал, что речь на Парижском конгрессе и ему, и многим товарищам понравилась, но выразил убеждение, что отождествлять Тихомирова с народолюбцами — хотя бы с Г. Лопатиным — нельзя. От меня Энгельс пожелал услышать сжатое резюме точки зрения народников. Я — по совету Г. В. Плеханова — начал с В. В. * Энгельс выразил сомнение, можно ли — без полемических преувеличений — выводить за одни скобки с В. В. не только активных народолюбцев, но и его корреспондента Даниельсона, предложив мне воздержаться от суждения об этом экономисте до прочтения его труда³⁹⁴, экземпляр которого обещал дать. Я упомянул, что идеализация отживших форм, держащихся благодаря круговой поруке, мешает выяснить реальные перспективы разрешения аграрного вопроса в России. Энгельс спросил, жил ли я в деревне и где, а затем выразил мнение, что, может быть, некоторые иллюзии относительно будущего неизбежны для борцов. Я упомянул, что ведь идеализация «трудового хозяйства», артелей, разных видов домашней промышленности препятствует ясной постановке вопросов, связанных с неотложной повседневной борьбой против эксплуатации многочисленных жертв домашней индустрии. Энгельс заинтересовался конкретными данными и скоро признал, что раз народники в самом деле идеализируют домашнюю индустрию, против этого бороться не только можно, но и должно; но что это, вероятно, можно в значительной степени делать и в цензурных рамках, по конкретным поводам, выясняя, что следует, на местах.

Затем Энгельс чрезвычайно удивил меня своим скептическим отношением к перспективам развития русской промышленности. Терпеливо выслушав то, что на моем

* Псевдоним В. П. Воронцова. Ред.

месте, вероятно, сказал бы всякий русский марксист 1890-х годов на эту тему, Энгельс выразил — очень серьезно — свое убеждение, что, если бы, чего он не желает, очень не желает, ни для России, ни для Германии, война надолго отрезала Россию от ввоза из-за границы, то вам, русским, горьким опытом пришлось бы убедиться, что своими силами вы долго еще не сможете обойтись в производстве почти всех товаров. Я недоумевал, что слышу это от него. Энгельс пояснил, что вовсе не отрицает ни наличности капитализма в отдельных районах, ни неизбежности его дальнейшего развития, и что этого достаточно для конкретного обоснования социал-демократической программы, что он, конечно, приветствует выступления русских рабочих и уверен, что они сыграют решающую роль при свержении самодержавия; но что это его убеждение вряд ли нуждается в повторении, так как оно вытекает из точки зрения, проводимой Марксом и им во всех их произведениях, так что никаких сомнений относительно этого ни у кого, сколько-нибудь знакомого с этими произведениями, быть не может. Я заметил, что Плеханову, несомненно, будет особенно приятно услышать именно это, так как народники отрицают целесообразность пропаганды между рабочими. Энгельс усомнился в возможности этого, так как должны же они понимать, что административно высылаемые рабочие — лучшие пропагандисты и агитаторы в деревне, но заметил, что эти тактические вопросы следовало бы предоставлять решать товарищам на местах. Затем Энгельс сказал, что ему известно, что многие русские считают его немецким шовинистом, славянофобом, но что следовало бы понимать, что дело вовсе не в желании увековечить экономическую зависимость России от Германии, а в том, что, по его, Энгельса, убеждению — а он думал над этим вопросом — внешние рынки для сбыта продуктов русской промышленности надолго малодоступны, а внутренний рынок расширится при переходе помещичьих земель к крестьянам, что это — основной вопрос будущего России; что русский социал-демократ, достойный этого имени, обязан уметь обосновать, — и притом не цитатами из Маркса, а продумав вопрос, как это сделал бы Маркс, — программу экспроприации земель, прежде всего помещичьих, так как иначе неизбежен стихий-

ный захват и разгром имений, вопрос же с выкупом или без выкупа фактически будет — каковы бы ни были программы — разрешен в зависимости от реального соотношения сил. А что дальше будет, зависит главным образом от успехов рабочего движения на Западе к тому времени.

Затем Энгельс сказал, что ждет от меня «обычного» вопроса о смысле письма Маркса в «Отечественные записки»³³¹ и недоумевает, что же в этом письме неясного, так как Маркс совершенно ясно высказал свое и его, Энгельса, убеждение в важности совпадения достижения власти социал-демократией на Западе с политической и аграрной революцией в России. А кроме того, Энгельс желал бы, чтобы русские — да и не только русские — не подбирали цитат из Маркса и его, Энгельса, а мыслили бы так, как мыслил бы Маркс на их месте, и что только в этом смысле слово «марксист» имеет *raison d'être* *. Относительно же шансов совпадения достижения западноевропейской социал-демократией власти и аграрно-политической революции в России он (Энгельс) должен признаться, что именно этот вопрос его всего более тревожит, а именно: осуществится ли то и другое без европейской войны? Вот вопрос вопросов всемирной истории. От его разрешения зависит прежде всего: сумеет ли, то есть сможет ли, немецкая социал-демократия как следует использовать достижение ею власти, что произойдет в том случае, если власть достанется ей не в результате европейской войны; а в противном случае Энгельс не может без ужаса думать, что ждет и западную социал-демократию, и Россию, хотя и уверен, что политического господства буржуазии в Германии нельзя представить себе. В следующий раз Энгельс попросил меня сжато резюмировать методические ** разногласия между Плехановым и народниками. Он поморщился при упоминании о «субъективном методе в общественных науках», Лаврова разрешил не излагать, сближение дарвинизма с оперетками Оффенбаха и еще кое-что из Михайловского признал не лишенным остроумия, но когда я воспроизвел плехановские отзывы о трудах Н. И. Кареева, Энгельс подвел меня к

* — право на существование. Ред.

** то есть методологические, философские. Ред.

одному из книжных шкафов, показал экземпляр диссертации Кареева о крестьянском вопросе во Франции, полученный Марксом от автора, сказал, что и Маркс, и он лично признали этот труд очень добросовестным и «eine bahnbrechende Leistung» *, и посоветовал мне — да и Плеханову — принять это к сведению, какова бы ни была неясность почтенного историка в принципиальных и даже методологических вопросах. Я был вынужден признать, что Энгельс прав, и сделал соответствующие выводы. Энгельс сказал, что он с интересом прочитал бы «sachliche» (по существу) возражения против народников-субъективистов в «Neue Zeit», но что по этому поводу он не считает стоящим выступать; комментировать письмо Маркса в «Отечественные Записки» считает совершенно излишним ввиду самоочевидности смысла этого письма для всякого непредубежденного читателя и недостаточности какого бы то ни было комментария для читателей предубежденных: комментарий вызвал бы новые разногласия, стороны опять апеллировали бы к нему же и т. д.

В следующий раз зашла речь о ранних произведениях Маркса и Энгельса. Сперва Энгельс очень смутился, когда я выразил интерес к этим ранним произведениям, и упомянул, что ведь и Маркс писал в студенческие годы стихи, но что эти стихи вряд ли могут кого-либо интересовать **... Затем он спросил, какие именно ранние произведения Маркса и его интересуют Г. В. Плеханова и его единомышленников и чем, собственно, вызван этот интерес? Неужели недостаточно отрывка о Фейербахе ³⁹⁵, по его, Энгельса, мнению, наиболее содержательного из этого «старья»?

Я привел все эти аргументы Г. В. Плеханова в пользу наискорейшего издания всего философского наследия Маркса и их совместных трудов. Энгельс сказал, что он не раз слышал об этом от некоторых немцев, серьезно интереса которых к этому «старью» он не имеет никакого основания не доверять, но что он предлагает

* — «пролагающим путь произведением». Ред.

** Когда я давал Г. В. Плеханову подробный отчет о разговорах Энгельса со мною, он объяснил это непонятное для меня смущение Энгельса предположением, что речь идет о его поэтических произведениях, которые будто бы грозил раскопать кто-то из немцев. (Прим. авт.)

мне дать ему искренний ответ на вопрос, что важнее: чтобы он, Энгельс, затратил остаток жизни на издание заброшенных ими рукописей, имеющих отношение к публицистам 1840-х годов, теперь ни для кого, кроме специалистов, в сущности не интересных, или чтобы он, по выходе III тома «Капитала», занялся изданием рукописей Маркса по истории теорий прибавочной стоимости? Я молчал, а он резюмировал мне вкратце содержание этих рукописей Маркса (IV тома «Капитала»³⁵¹). Затем он выразил интерес: кого преимущественно читают в России из философов, кроме «модных философов» вроде Шопенгауэра? Когда я упомянул о неокантианцах, он спросил меня, читал ли я Рилья, каково мое мнение о Когене и Наторпе? Когда я упомянул о насмешках Рилья над натурфилософией Гегеля, он оживился и прочел блестящую лекцию по натурфилософии, выясняя, какое богатое содержание кроется под неуклюжими и вычурными формулировками. Я воспользовался моментом, казавшимся наиболее благоприятным для того, чтобы побудить Энгельса все же извлечь из незаслуженного забвения хотя бы существовавшее из ранних работ Маркса, так как одного «Фейербаха» мало. Энгельс сказал, что для того, чтобы в самом деле вникнуть в эту старую историю, нужно заинтересоваться самим Гегелем, а им теперь не интересуется ни один человек, точнее говоря, «ни Каутский, ни Бернштейн».

Затем Энгельс рассказал о личных отношениях с братьями Бауэрами; о «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel»³⁹⁶ ... отозвался пренебрежительно*.

В следующие дни Энгельс приглашал меня являться с утра и, вооружив лупой, предоставил читать одну за другой рукописи Маркса: «Святого Макса»³⁹⁷, более подробную критику философии права Гегеля, части немецких идеологий**.

* В 1895 г. Г. В. Плеханов убеждал П. Б. Струве способствовать выходу русского перевода этого остроумного памфлета. Тогда П. Б. Струве перечитал его со мной почти целиком. Читал он гегельянские конструкции очень выразительно, несравненно лучше меня. (Прим. авт.)

** Страницы, относящиеся к Бруно Бауэру, Энгельс тогда же отложил для себя, желая перечитать их в связи с занимавшей его тогда мыслью написать более подробный обзор критики первоисточников истории раннего христианства после Бауэра³⁹⁸. Для меня он

Потом Энгельс признался, что, оставляя меня одного над манускриптами с лупой и заходя иногда, он предполагал, что найдет меня спящим над рукописями или что если я симулировал интерес, то буду достаточно наказан скукой и не выдержу и сбегу. Однако он находил меня занятым чтением рукописей, переписанных более четко, или расшифрованием почерка Маркса, по достоинству оцененного еще трирским преподавателем латинского языка, и оказывал помощь в этом и тогда для меня не легком занятии. Сначала я очень стеснялся занимать время изумительно деликатного человека, но я не мог не видеть, что Энгельс оживлялся, вспоминая дела давно минувших дней... К «Святому семейству» он дал устные пояснения, которые разрешил передать Г. В. Плеханову. Разрешил он и резюмировать «Святого Макса» без цитирования чего бы то ни было на память. На дом он давал мне — к негодованию В. Черкезова и П. А. Кропоткина — номера «Deutsche Jahrbücher» и «Deutsch-Französische Jahrbücher».

Когда я констатировал поразительное сходство некоторых взглядов «свободных» и «критических критиков» с идеологией русских субъективистов, Энгельс объяснял это сходство не бессознательным воспроизведением немецких домартовских идеологий русской интеллигенцией, а главным образом непосредственным усвоением этих идеологий Лавровым и даже еще Бакуниным.

Когда я собирался уезжать из Лондона, я получил в ответ на свое прощальное письмо к Энгельсу любезное приглашение еще раз зайти к нему³⁹⁹. Тогдашний разговор особенно запечатлелся в моей памяти. Спросив, интересуюсь ли я историей греческой философии, Энгельс предложил изложить мне первое философское произведение Маркса и — без рукописи, но очень подробно — изложил содержание докторской диссертации Маркса⁴⁰⁰, цитируя наизусть не только Лукреция и Цицерона, но и множество греческих текстов (из Диогена Лаэртского, Секста Эмпирика, Климента). Затем Энгельс обратил мое внимание на то, что и во взгляде Эпикура на причинную связь, обычно истолковываемом как отсутствие у Эпикура желания вызвать в своих

считал достаточным сказанное о Бауэре в «Святом семействе». (Прим. авт.)

последователях стремление в самом деле *regim cognoscere causas* *, можно при всей наивности и неуклюжести первоначальных формулировок усматривать призыв к разностороннему исследованию причинных связей лишь бы они не противоречили основному постулату И. Энгельс выразил недоумение, почему продолжают удовлетворяться историей материализма Ланге, не сумевшего указать на существеннейшее даже в точке зрения Канта.

На мой вопрос: был ли Маркс когда-либо гегельянцем в собственном смысле слова, Энгельс ответил, что именно диссертация о различии между Демокритом и Эпикуром дает возможность установить, что в самом начале своей литературной деятельности Маркс, в совершенстве усвоив себе гегелевский диалектический метод и еще не будучи вынужден ходом своих занятий заменить его материалистическим диалектическим методом, уже обнаруживает полную самостоятельность от Гегеля ** в самом применении гегелевской диалектики, и притом именно в той сфере, где Гегель, несомненно, всего сильнее: в истории мышления. Гегель дает не реконструкцию имманентной диалектики системы Эпикура, а ряд пренебрежительных отзывов об этой системе, а Маркс дал именно реконструкцию имманентной диалектики эпикуреизма, которого он вовсе не идеализировал, выяснив малосодержательность его по сравнению с системой Аристотеля. Энгельс детально выяснил мне глубокое различие в этом отношении между сразу обнаружившим такую самостоятельность по отношению к Гегелю Марксом и не эмансипировавшимся от ученического отношения к Гегелю Лассалем.

* — познать причину вещей. *Ред.*

** Г. В. Плеханов находил, что мне следовало бы, когда Энгельс заговорил о материалистах Демокрите и Эпикуре, перевести разговор на «более интересных» французских материалистов XVIII века. Я констатировал, что не мог отказать себе в наслаждении услышать от Энгельса изложение первой философской работы Маркса. Должен сознаться, что именно этому разговору с Энгельсом (я отстаивал традиционный взгляд на основании известных мне тогда первоисточников и литературы предмета) я обязан возрождением во мне серьезного интереса к греческой философии. Энгельс выразил, между прочим, желание, чтобы я установил и сообщил ему, проводится ли в литературе предмета точка зрения, сколько-нибудь приближающаяся к взгляду Маркса. (*Прим. авт.*)

Философию Энгельс определял как учение о мышлении, утверждая, что все остальное представляет лишь исторический интерес и давно уж является каким-то пережитком. От попыток выразить суть марксизма в терминах рилевского критицизма Энгельс не ждал ничего хорошего...

Энгельс упомянул, что Маркс имел в виду продолжать заниматься историей греческой философии и даже впоследствии беседовал с ним на эти темы, не обнаруживая при этом одностороннего предпочтения по отношению к материалистическим системам, но останавливаясь преимущественно на диалектике у Платона, Аристотеля и из философов нового времени — у Лейбница, Канта.

На прощанье Энгельс вручил мне экземпляр «Очерков» Н.— она ³⁹⁴ *. При этом Энгельс упомянул, что сам он еще не имел времени как следует прочесть это исследование, но заранее ждет обращений к нему по этому поводу от Плеханова и т. д. Выразив свое неизменное намерение соблюдать нейтралитет в этом и вообще аналогичных случаях, Энгельс высказал откровенно, что он руководится не только теми соображениями, которые он обыкновенно приводит, мотивируя свой отказ вмешаться.

Энгельс просил меня передать Плеханову, что он не одобряет стремления без крайней надобности обострять конфликт с революционными народниками, что он (Энгельс) не может симпатизировать намерению поскорее добиться осуществления в России противопоставления: здесь — правоверные марксисты, там — только оттенками различающаяся «реакционная» масса, считая такое предельное противопоставление политически нецелесообразным для России в 1893 году. Я был вынужден констатировать, что такие соображения вряд ли подействуют на Плеханова и тем более на непосредственно провоцируемых народниками социал-демократов

* Впоследствии некоторые товарищи (Гинзбург-Кольцов и другие) говорили мне, что я должен был бы поспешить Н.— она перед Энгельсом изобличить; но ведь Н.— она я прочел уже в Лозанне, где и читал о нем — на французском языке — рефераты; кроме того, я а priori полагал, что Энгельс способен оценить аргументацию Н.— она не только лучше меня, но и не хуже Гинзбурга-Кольцова. (Прим. авт.)

в России; привел образчики народнических «возражений». Энгельс спросил, как относится сам Плеханов к вопросу о диктатуре пролетариата. Я был вынужден признать, что мне Г. В. Плеханов неоднократно выражал свое убеждение, что, конечно, когда «мы» будем у власти, никому, кроме «нас», никаких свобод «мы» не предоставим... но что для того, чтобы в России для социал-демократов имело смысл в самом деле стремиться к захвату власти, по его (Плеханова) мнению, конечно, чрезвычайно желательно, чтобы русские социал-демократы могли использовать опыт немецких товарищей. А на мой вопрос, кого следует разуметь точнее под монополистами свобод, Плеханов ответил: рабочий класс, возглавляемый товарищами, правильно понимающими учение Маркса и делающими из этого учения правильные выводы. А на мой вопрос: в чем заключается объективный критерий правильности понимания учения Маркса и правильности вытекающих из него практических выводов, Г. В. Плеханов ограничился указанием, что все это, «кажется, достаточно ясно» изложено в его (Плеханова) сочинениях. Осведомившись, мог ли я лично в самом деле удовлетвориться столь объективным критерием, Энгельс выразил предположение, что применение такого рода критериев может или привести к обращению русской социал-демократии в секту с неизбежными и весьма нежелательными практическими последствиями этого, или вызвать в русской социал-демократии или, по крайней мере, среди русских заграничных социал-демократов ряд расколов, от которых может не поздоровиться и самому Плеханову. Затем Энгельс упомянул, что за последнее время и до него доходят слухи о все учащающихся трениях между Плехановым и другими русскими заграничными социал-демократами, вызывающих серьезные опасения за будущность русской партии. Энгельс сказал, что он не считает возможным меня об этом расспрашивать, так как я, вероятно, счел бы своим долгом солидаризироваться с лидером, каковы бы ни были мои личные впечатления. Я констатировал, что я мало видал русских в Швейцарии и в Париже, но что, по словам Плеханова, дело идет о том, что от него требуют, чтобы он писал только элементарнейшие брошюры.

Тогда Энгельс сказал, что Плеханов представляется

ему русским аналогом Гайндмана *. А затем, по мнению Энгельса, целесообразнее было бы, если бы Плеханов отстаивал свои взгляды так, как он делал это в «Социализме и политической борьбе», воздерживаясь от полемических преувеличений. Я упомянул, что Плеханов неоднократно ссылался на образ действий Маркса и Энгельса в аналогичных случаях, но Энгельс утверждал, что Маркс и он прибегали к беспощадной полемике, только исчерпав все способы кроткого увещания: например, с Виллихом и Шаппером, с лассальянцами, с бакунистами, с Мостом; указал на аналогичный образ действий с «молодыми»⁴⁰¹. Энгельс говорил, что он вовсе не против полемики вообще, но он считал бы для русских чрезвычайно важным, чтобы они воздерживались от пользования отравленным оружием, а в частности, от выдавания возможной в будущем эволюции направлений за непосредственную актуальность.

В частности, он (Энгельс) не только не одобряет выдавания всех народников за реакционеров, но ставит на вид, что он лично не только ничего не имеет против предполагаемого сотрудничества Эвелингов в петербургском органе народников⁴⁰², но и сам сотрудничал бы в этом органе, если бы это допустила цензура. В заключение Энгельс сказал, что он надеется, что скоро в самой России выдвигнутся энергичные вожди, что вообще из-за границы руководить политическим движением невозможно, что он лично воздерживается от вмешательства во «внутренние дела» немецкой социал-демократии, хотя и не одобряет кое-чего в «Vorwärts» и т. д.

Плеханову Энгельс поручил мне передать дружеский совет: заняться главным образом достойными его научными трудами, особенно по аграрному вопросу, но не в форме полемики, а по существу. При этом Энгельс упомянул, что русские вообще очень обидчивы и что,

* Г. В. Плеханов принял эту характеристику, — которую Энгельс разрешил мне ему передать, когда я поставил на вид, что ведь Плеханов заинтересуется отзывами Энгельса о нем и вряд ли удовлетворится похвалами его литературному таланту, — за комплимент: ведь Гайндман отстаивает незыблемость марксизма. Но у Энгельса сравнение политического деятеля с лидером социал-демократической федерации не было комплиментом. Наоборот, в сравнении с Лассалем Г. В. Плеханов не усматривал ничего для себя лестного. (Прим. авт.)

например, Степняк, которого он не смешивает с его *entourage* *, перестал бывать у него из-за пустячного недоразумения.

На прощанье Энгельс пожелал мне в моей научной и литературной деятельности не торопиться [с] печатанием своих работ и всегда иметь в запасе больше аргументов, чем непосредственно приводимые. Я констатировал, что избранная мною, как основная специальность, история логики по существу исключает возможность иного отношения к делу.

Я привел только существеннейшее из того, что мне говорил Энгельс. У него — особенно за ужином — я встречал его обычных собеседников (и собутыльников) и приезжавших в Лондон деятелей... Особенно запечатлелась в моей памяти ночь первого мая 1893 года. Уехал я — с Мендельсонами — от Энгельса уже на рассвете, *Maitrunk* ** был восхитителен. Пели «Марсельезу» — классическую, французскую: в Лондоне, в устах вождей международного социализма, этот гимн звучал иначе, чем в тогдашней Франции. А когда я, как-то безотчетно, стал напевать: «*Wohlan, wer Recht und Wahrheit achtet...*» ⁴⁰³, Энгельс шепнул мне: «Зачем вы бормочете эту лассальянскую подделку?» и предъявил мою вышеупомянутую рукопись... ⁴⁰⁴, удовлетворившись, однако, моим объяснением ее происхождения.

Впервые опубликовано в журнале
«Летописи марксизма», М., 1927,
кн. IV

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

* — окружением. *Ред.*

** — майский напиток. *Ред.*

Воспоминания о Фридрихе Энгельсе

Это было в 1893 году. Прусское правительство, чтобы достойно почтить тогдашнего наследника царского трона, позднее царя Николая Второго, изволившего удостоить Берлин своим полувывсочайшим визитом, арестовало дюжину русских революционеров, в том числе мою жену Фанни Ратнер и меня (а также, между прочим, тогдашнего левого социал-демократа Парвуса), с целью высылки в 24 часа из столицы, где будущий царь не мог терпеть наше присутствие.

Заметьте, что непосредственно до ареста и высылки почти каждый из нас получил «печатное» предложение поступить за 400 марок в месяц на «службу» к гостеприимному прусскому правительству в качестве «осведомителя». В случае принятия предложения мы оказались бы достойными жить в городе, ошастливленном присутствием полувывсочайшей особы. Тем, которые указали на дверь прусским шпионам, власти открыли настежь двери тюремного дома на Alexanderplatz, а затем и самой Пруссии.

Оттуда я решил через Берн поехать в Лондон, чтобы поработать в Британском музее. П. Л. Лавров мне дал короткую, но очень лестную для меня рекомендацию к Фридриху Энгельсу⁴⁰⁵, который за два года перед тем отпраздновал вместе с мировым социализмом свой семидесятилетний юбилей (Фридрих Энгельс родился в 1820 г.).

Я поспешил, конечно, по приезде в Лондон воспользоваться письмом П. Л. Лаврова. Энгельс тогда жил 122, Regent's Park Street, в особняке. Он меня принял очень любезно и так легко, по-товарищески заговорил, как будто мы были давнишние знакомые. Мне было тогда 27 лет, и я был известен лишь в интимном кругу молодых народовольцев. Ничего я тогда еще не напечатал, и меня, конечно, приятно поразил такой неожиданно

Карл Маркс
(конец апреля 1867 г.)

*Карл Маркс с дочерью Женни
(1869 г.)*

*Дом в Лондоне
(41, Мейтленд-парк-роуд),
в котором жил Маркс
с марта 1875 г. до конца жизни*

*Отель «Германия» в Карлсбаде
(Карловы Вары),
где останавливался Маркс*

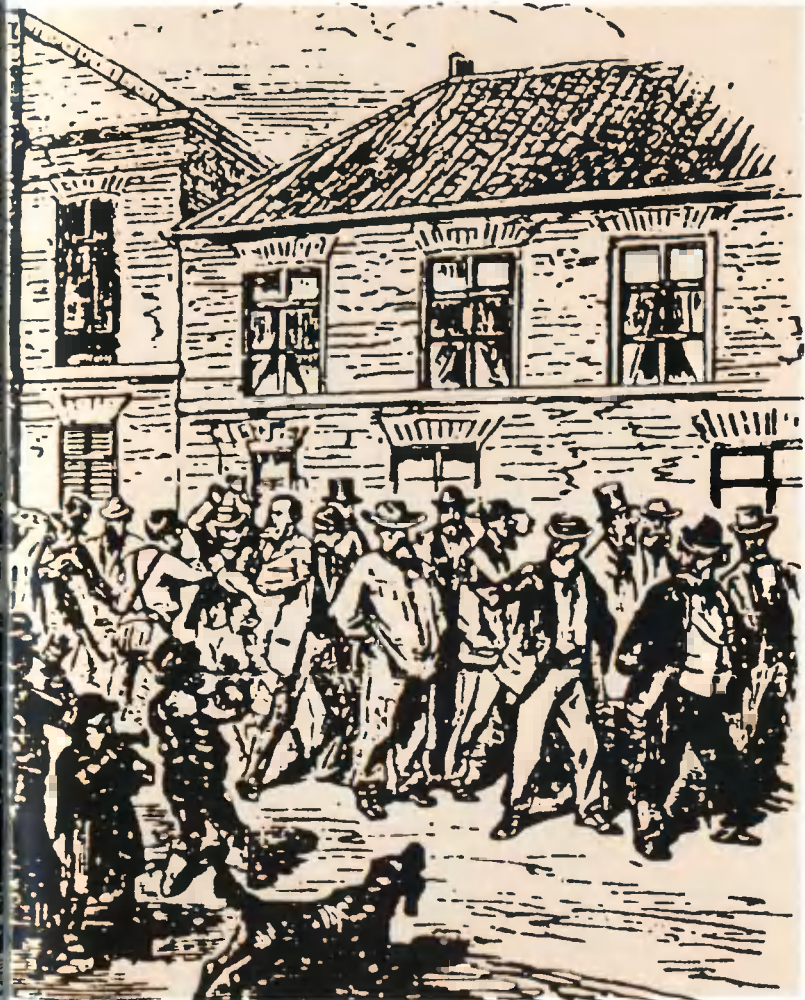

Фридрих Энгельс
(1888 г.)

Делегаты Гаагского конгресса
I Интернационала (1872 г.)
после заключительного заседания
(гравюра из журнала «L'Illustration»,
21 сентября 1872 г.)

Фридрих Энгельс
(1891 г.)

Фридрих Энгельс (1891 г.).
Гравюра Г. Шёя с текстом,
написанным Энгельсом

Wir deutsche Sozialisten sind stolz darauf, daß wir nicht
nur aus dem Geist von Sen-Simon, Fourier und Owen, sondern
auch von Kant, Hegel und Fichte die Anregung empfangen,
und daß wir diese Anregung durch die deutsche klassische Philosophie
haben empfangen.
London 4. Januar 1891
Friedrich Engels

Мы, немецкие социалисты,
гордимся тем, что ведем свое происхождение
не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна,
но также и от Канта, Фихте и Гегеля.
Немецкое рабочее движение
является наследником немецкой классической
философии.

*Дом в Лондоне
(122, Риджентс-парк-род),
в котором жил Энгельс
с сентября 1870 по октябрь 1894 г.*

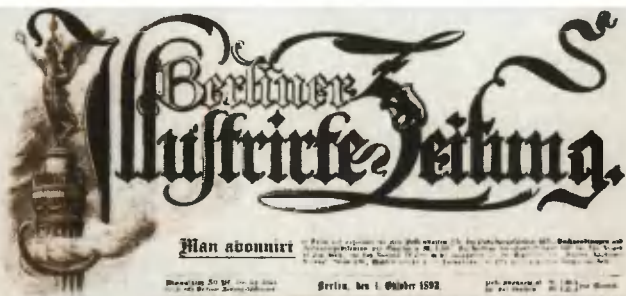
*Дом в Лондоне
(41, Риджентс-парк-род),
в котором жил Энгельс
с октября 1894 г. до своей смерти*

Фридрих Энгельс
на первомайской демонстрации
в Лондоне в 1892 г.

Фридрих Энгельс
 во время выступления
 на социал-демократическом
 собрании в Берлине
 22 сентября 1893 г.

Фридрих Энгельс на одном из социал-демократических собраний в Берлине.
 Сфотографировано в 1892 году.

Фридрих Энгельс,
Август Бебель, Клара Цеткин и др.
в Цюрихе во время Международного
социалистического рабочего конгресса
(август 1893 г.)

Нелегальное русское издание
«Манифеста Коммунистической
партии»

✓
Манифестъ
Коммунистической партии

К. Маркса
и
Ф. Энгельса

С. Петербургъ.
1883 г.

радушный, почти фамильярный прием. В первый же визит Энгельс сказал мне следующее: «Вот мы сидим здесь, и я не уверен, что вот-вот не откроется дверь и не зайдет Герман Лопатин». Это был намек на неоднократные бегства из царской тюрьмы и ссылки знаменитого революционера и друга Маркса и Энгельса, который в то время находился в Шлиссельбурге⁴⁰⁶.

Тогда же меня Энгельс пригласил зайти к нему в один из ближайших вечеров. Когда я к нему явился во второй раз, он меня пригласил к себе наверх, в свой рабочий кабинет-библиотеку. Там я застал — в этот или следующий раз, не помню — Эд. Бернштейна, Элеонору Маркс, ее мужа Эвелинга, Минну Каутскую, одного австрийского товарища.

Энгельс поражал своей оживленностью, бодростью, свежим юмором. Высокого роста, стройный и здоровый на вид, он скорее походил на старого студента, всегда готового пошутить, поспорить за стаканом вина или пива, чем на семидесятидвухлетнего вождя и теоретика мирового пролетариата. Его речь была живая, даже бурная, пересыпанная остротами и едкими замечаниями о книгах, событиях и личностях.

Вспоминаю следующие разговоры и замечания. Будучи тогда в философских вопросах настроен скорее антимакистски (я примыкал к группе молодых социалистов-революционеров, вместе с Хаимом Житловским), я добивался ответа у Энгельса на вопрос: «Как надо понять отношение между «базисом» и «надстройкой»? Есть ли между ними «статическое» отношение или «динамическое»?».

В ответ Энгельс направился к одной из полок своей громадной библиотеки и преподнес мне физику Кирхгофа, указывая на то место, где «статика» рассматривается как «один из случаев» динамики.

Не помню уже, по поводу какого выражения или замечания «о недостаточной обоснованности» Марксовой философии Энгельс даже рассердился и едко заметил, что «подобные мысли могут появиться лишь в голове русского студента». Но Энгельс немедленно смягчился, заметив: «Чего вам еще надо? У вас есть «Капитал» Маркса, Моисей и пророки! Изучайте!», и предложил мне при ближайшем свидании поставить ему какой угодно вопрос из области происхож-

дения «идеологии», обещав показать экономическое и материалистическое происхождение данной идеологии.

Когда я явился на следующий раз, я попросил Энгельса объяснить мне «материалистический базис» пуританского движения в Англии. Ни на минуту не задумываясь, он мне, в течение по крайней мере часа времени, читал лекцию о тогдашнем экономическом положении Европы. Не помню теперь ни частных, ни общего хода мыслей Энгельса, одно лишь наверное помню: культ воскресения у пуритан связывался им с крайней бережливостью английских буржуа.

Когда Энгельс кончил свою «лекцию», в высшей степени живую и занимательную, где факты и мысли лились целым непрерывным потоком, он меня спросил: «Ну, убеждены ли Вы теперь?» Я со смелостью молодого читателя «в оригинале» Канта, Гегеля и других светил немецкой философии самоуверенно ответил: «Все эти связи возможны, но надо еще доказать, необходимы ли они?». На этот раз Энгельс не рассердился и, вероятно, махнул рукой на молодого кантианца как на безнадежного идеалиста.

Мы в этот или другой вечер перешли на другие темы. Я, как ярый социалист-революционер, добивался мнения Энгельса насчет заявления старого Либкнехта на Эрфуртском съезде (см. протокол, стр. 206⁴⁰⁷, кажется) о том, что «революционное заключается не в средствах, а в цели. Насилие в течение уже тысячелетия является реакционным фактором» (цитирую на память). Энгельс категорически заявил свое несогласие, сказав: «Маркс и я всегда оставались революционерами». И прибавил сердито: «Либкнехт может все сказать». (Интересно сопоставить это замечание с отношением Маркса и Энгельса к старому Либкнехту, которое не всегда было благоприятным.) Слова эти меня поразили, и я часто себе их мысленно повторял.

Другой раз говорили о Бакуanine. Энгельс заявил с симпатией: «Он понимал Гегеля», но прибавил: «В борьбе был готов на все средства» (он при этом проявил явно отрицательное отношение к методам борьбы Бакунина).

О Лаврове: «Он наш друг, но он милый эклектик. Он нас хотел даже с Бакуниным примирить».

Энгельс хорошо отзывался о Г. В. Плеханове, противопоставляя его боевую готовность и ясность мысли примиренчеству Лаврова.

Об Ог. Конте: «Ein Esel!» * (а я в ужасе). Приблизительно то же о Лотце и современной ему немецкой философии и очень неважный отзыв о Дж. Ст. Милле. «После Гегеля никто ничего положительного (или другое в этом смысле выражение.— Ш. Р.) не дал в «Логике»».

О Марксе: «Все оригинальные мысли, вся наша доктрина принадлежат Марксу. Я ничего особенного не открыл» (таков смысл, если не буквальное заявление).

Когда я спросил, когда появится третий том «Капитала», Энгельс мне преподнес огромный том рукописей и предложил прочесть хоть одну строчку. Я ничего не мог разобрать, почерк был совсем неразборчив. «Вы понимаете теперь,— сказал Энгельс,— сколько у меня трудностей при одном установлении текста».

Других разговоров не помню. Больше не удалось видеть великого мыслителя и прекрасного человека. Я помню также, что он тогда изучал русскую экономическую литературу,— если не ошибаюсь, по вопросу об общине.

Когда я приехал в следующий раз в Лондон, великого друга Маркса уже не было в живых.

Париж, 23/X. 1927 г.

Р. С. Заканчивая мои отрывочные воспоминания, за верность которых я ручаюсь, так как часто мысленно их воспроизводил,— я вспоминаю еще следующее.

«Маркс и я,— говорил Энгельс,— никогда не хотели называть себя социал-демократами, предпочитая название коммунистов. Мы уступили лишь полицейским условиям Германии»,— «Вечерняя лондонская пресса продана американским капиталистам».— Энгельс очень дурно отзывался о круге, в котором вращался «prince»** Петр Кропоткин. О русской революции, о русских марксистах говорил с большим уважением, выше я уже упомянул о Плеханове. Энгельс жаловался на ослабе-

* — «олух!» Ред.

** — «князь». Ред.

вающую память, замечая при этом, что «память имеет определенную емкость» и что новые знания вытесняют старые. Мы вкратце касались русского движения. У меня осталось впечатление, что все свои надежды он тогда возлагал на Г. В. Плеханова и его группу.

Впервые опубликовано в журнале
«Летописи марксизма», М., 1928,
кн. V

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Из рукописи «Моя жизнь» ⁴⁰⁸

Между тем Георгий Валентинович работал не покладая рук, тут, в Божии, он заканчивал свою работу о «Родбертусе-Ягцеове» ⁴⁰⁹, штудировал Маркса, но, не имея некоторых работ учителя, мечтал о том, что если попадет в большой город, то найдет их в библиотеке. Я помню, что он мечтал о том, что найдет «Святое семейство» и «К критике» *... Оставить Божии и переехать в университетский город это было его и моей мечтой.

Маркс, жизнь его, мечта о встрече с ним, о разговоре с ним не покидали Георгия Валентиновича. Ранней весной дошло до нас известие, что Карл Маркс заболел и что, возможно, он покинет гибельный Лондон и приедет лечиться на берег Женевского озера в Монтре или Кларан.

Перспектива увидеть учителя, обменяться с ним мыслями вызвала большую радость и волнение в наших душах. Георгий Валентинович часто говорил об этом счастливом моменте, о вопросах, которые он надеется выяснить себе с помощью учителя.

Наступило 1 апреля **, и В. И. Засулич и Л. Г. Дейч решили сыграть с Георгием Валентиновичем безжалостную шутку. Они приходят из Фонтанивана к нему в Божии на квартиру и объявляют, что Маркс приехал, что они добились свидания с ним и что он их ждет в такой-то гостинице. Георгий Валентинович, страшно занятый, погруженный до такой степени в работу, что не следил ни за названием месяца, ни за числами, дал себя уверить в том, что наступил желанный день, когда он сможет повидать учителя и заговорить о разных вопросах социалистической теории и практики. Да не только он, но я и Теофилия *** были далеки от мысли, что близким

* К. Маркс. «К критике политической экономии». Ред.

** По-видимому, 1882 года. Ред.

*** — Полляк. Ред.

друзьям пришло на ум сыграть с ним жестокую шутку, и мы с интересом ждали возвращения Георгия Валентиновича и наших друзей от неожиданного и многообещающего свидания.

Георгий Валентинович оделся как можно приличнее и пошел в сопровождении друзей. По дороге он затрагивал ряд вопросов, о которых намерен поговорить с учителем, между прочим, сколько мне помнится, среди этих вопросов фигурировал крайне близкий сердцу Георгия Валентиновича вопрос о русской общине, может ли она, если сохранится от начатого разрушения, стать исходным экономическим моментом будущей социалистической организации. Путь до мнимой гостиницы, где компания должна была найти учителя, оказался очень интересным благодаря вопросам, затронутым Георгием Валентиновичем. Но увы! Незадолго до цели, друзья вынуждены были сообщить Георгию Валентиновичу, что над ним была сыграна первоапрельская шутка! Понятно, что я лично была очень возмущена этой шуткой, Теофилия негодовала, только Георгий Валентинович был спокоен и сам шутил над собой...

Тут произошло крайнее недоразумение со стороны французского правительства. Оно выслало Георгия Валентиновича под предлогом, что он — вредный анархист, а между тем в середине 1894 года, то есть за несколько месяцев до его торжественного и смешного проезда через Францию, появилась его работа в социал-демократическом издании «Vorwärts!» — «Анархизм и социализм»⁴¹⁰, побившая наголову анархические теории.

Работа эта наделала много шума, имела колоссальный успех, была в течение 95—96 года переведена на все европейские языки и появилась также на еврейском языке. В это время, т. е. в 1895 г., она переводилась на английский язык Элеонорой Маркс-Эвелинг и в 1895 г. появилась в органе «Weekly Times and Echo». В письме к Георгию Валентиновичу Элеонора писала об удовольствии, доставленном ей этой работой; она увидела в ней, писала она, «la férule de mon père» *. На французском

* В данном случае — «руку моего отца». Ред.

языке она появилась в социалистическом журнале «Le Devenir social» в мае этого же года ⁴¹¹. Но несмотря на появление этой работы, приказ об изгнании Плеханова из пределов Франции был отменен только много лет спустя. Французское правительство не скоро простило Георгию Валентиновичу его цюрихской речи, произнесенной на интернациональном конгрессе в 1893 году ⁴¹². В этой речи Георгий Валентинович выразил свое возмущение по поводу союза республиканской Франции с русским деспотом, Франции «Великой французской революции» с русским абсолютизмом.

Наш глубокий интерес был вызван рассказами Георгия Валентиновича о жизни Веры Засулич, Сергея Кравчинского, о встречах с Энгельсом, Элеонорой Маркс-Эвелинг и некоторыми членами семьи Энгельса. Он жил тогда вместе с д-ром Фрейбергером и его женой, бывшей Луизой Каутской. Отношение Энгельса к последней было глубоко отеческое. Георгий Валентинович был очарован заботливостью и добротой этого закадычного друга Маркса. Свою отеческую доброту он проявил и по отношению к Вере Ивановне Засулич, всячески заботясь о ее здоровье, о том, чтобы она лучше питалась, направлял д-ра Фрейбергера выслушать ее легкие и лечить, запрашивал Георгия Валентиновича, не нуждается ли она в материальных средствах, и готовый из своих средств уделить ей нужное ⁴¹³. Об этом он говорил с Георгием Валентиновичем и писал ему.

Отеческое и любовное отношение к Элеоноре Маркс удивило и восхитило Георгия Валентиновича, а Элеонора сама произвела глубокое впечатление: умная, образованная, деятельная, она пользовалась большой симпатией в передовых кругах лондонской интеллигенции, а в рабочих кругах она была обожаема. Георгий Валентинович рассказал о том, как Элеонора во время стачки у докеров ⁴¹⁴ с женщинами из «Армии спасения» спускалась, несмотря на опасность, в глубокие приморские тущобы, чтобы поддержать стачечников собранными ею деньгами, пищевыми продуктами, одеждой, узнать об их положении и нуждах.

Вынужденное пребывание в течение всего 1894 г. в Лондоне ⁴¹⁵, несмотря на тяжелые условия жизни, несмотря на климат сырой и холодный, сильно подняло дух Георгия Валентиновича. Разговоры с Энгельсом о

вопросах теории и практики марксизма оставили неизгладимый след в душе Плеханова, и, как мы узнали от Веры Ивановны, и Георгий Валентинович произвел крайне благоприятное впечатление своим умом, разнообразными знаниями на учителя. К этому времени относится сказанное Энгельсом ему и близким: «Я знаю двух только человек, которые поняли и овладели марксизмом, эти двое: Меринг и Плеханов».

Впервые опубликовано в книге:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Печатается по тексту книги

Из книги «Столицы мира
(ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ВОСПОМИНАНИЙ)»⁴¹⁶

[...] Судьбе угодно было, чтобы в Лондоне, а не в Париже жил, работал и умер тот немецкий еврей, который придал социализму научно-философское обоснование и повлиял всего больше на умы и воззрения теперешних вожаков социализма и во Франции, и в Германии, и в других странах.

С Марксом я не имел случая познакомиться в сезон 1868 года. Тогда о нем и в Лондоне говорили — даже в радикальных кружках — не особенно часто.

О нем, как личности, о его семействе, домашней обстановке, привычках, вкусах, диалектике, выходках темперамента — я много слышал от одного из наших ученых социологов *, который подолгу жил в Англии в 70-х и 80-х гг.

От него узнал я, еще до смерти Маркса, что он успешно занимался русским языком, слышал и то, как мой знакомый застал его раз с русским романом в руках. От русского приятеля получил я и письма к старику Энгельсу⁴¹⁷, надолго пережившему своего друга и руководителя, Маркса. Энгельс считался всегда как бы alter ego ** знаменитого социалиста, его лейтенантом и знаменосцем.

Энгельса я нашел в самом Лондоне, в отдаленном тихом квартале, в небольшом трехэтажном доме. Он жил как человек с хорошим достатком, да и никогда не знал, кажется, нужды и заброшенности эмигранта.

Это был — в июле 1895 г.⁴¹⁸ — старик хорошего роста, державшийся довольно прямо, не очень седой, с головой крупных размеров, неправильными, но, скорее, симпатичными чертами лица и добродушно-игривой усмешкой бесцветных глаз. В Германии вы встречаете таких отставных профессоров.

* — М. М. Ковалевского. *Ред.*

** — второе «я». *Ред.*

Хотя я отрекомендовался ему по-немецки, но разговор почему-то пошел на французском языке. Энгельс говорил на нем свободно и с довольно приятным акцентом. Сидели мы в его обширном, светлом кабинете-библиотеке, вмещавшем не одну тысячу томов [...] Поговорили мы сначала о нашем приятеле, и вообще о России; Энгельс много знал о русских делах и разные слова, вроде «земство» и «община», произносил старательно и чисто. Старик разговорился и приказал подать бутылку красного вина.

Разумеется, речь зашла об учении Маркса [...] Тут сейчас же зазвучала у Энгельса непоколебимая вера в безусловную истину того, что его учитель установил как роковой всемирный закон общественного развития. Все держится на экономических устоях. И нет в мире никаких явлений, вплоть до творчества и изящного искусства, которые не были бы прямыми продуктами материальных экономических причин.

Не желая вступать в принципиальный спор, я усомнился, чтобы одни только бытовые хозяйственные условия — заработок и кусок хлеба — сделали, например, то, что из немцев создалась первая музыкальная нация. Другие нации — французы и англичане — не приобрели таких же способностей и в сходных экономических условиях.

Энгельс пришел в волнение.

— Такого вопроса не разрешишь в полчаса! — вскричал он.

«Конечно,— подумал я,— но надо марксистам быть всегда подготовленным к подобным возражениям».

На прощание Энгельс подарил мне свою немецкую брошюру⁴¹⁹. И, когда я прощался с ним,— глядя на этого, еще очень бодрого и бойкого старика,— никак не ожидал, что к осени того же года он уже будет лежать в земле.

И теперь, кажется, нет в живых уже ни одного такого alter ego Маркса, каким был Энгельс.

О встречах
с Фридрихом Энгельсом ⁴²⁰

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И. М. МАЙСКОГО

Я довольно часто встречался с Фанни Марковной, бывал в ее квартире, рылся в библиотеке, оставленной ей покойным мужем *, и любил слушать ее рассказы о делах и людях прошлого. Из этих рассказов старой революционерки мне особенно нравился один — об ее встречах с Фридрихом Энгельсом, и я хочу воспроизвести его здесь.

Как сейчас, предо мной встает маленькая, скромная квартирка Фанни Марковны... ** Тихо потрескивают полудогоревшие угли в камине... И в полумраке комнаты ровный голос хозяйки вдумчиво и неторопливо передает захватывающую повесть дальних, дальних лет...

— Однажды после нашего поселения в Лондоне, — вспоминала Фанни Марковна, — мой муж получил письмо от Г. В. Плеханова, находившегося тогда в Швейцарии ⁴²¹. Плеханов, с которым Сергей Михайлович был хорошо знаком, писал, что в Лондоне живет Энгельс, и настоятельно советовал нам навестить его. Мы решили последовать совету Плеханова, тем более, что и нам самим было очень интересно встретиться с Энгельсом. Устроить это было легко. Энгельс был человек чрезвычайно доступный. В будни он много работал и жил довольно уединенно, но по воскресеньям любил видеть людей. В праздник дом Энгельса был открыт для всех желающих: каждый запросто приходил и садился за длинный стол, стоявший в самой большой комнате квартиры.

Фанни Марковна поправила уголь в камине и, когда огонь вновь ярко запылал, продолжала:

— Вот в одно из таких воскресений мы с мужем отправились к Энгельсу. С нами пошла дочь Маркса Элеонора, бывшая замужем за английским социал-демократом Эвелингом. Эвелинги были своими людьми в доме Энгельса. Когда мы вошли, за столом сидело уже чело-

* — С. М. Кравчинским (Степняком). *Ред.*

** Здесь и ниже отточие поставлено автором. *Ред.*

век двадцать — все социалисты, писатели, политики. Компания была очень интернациональная, говорили на разных языках. На одном конце стола, в роли председателя, восседал Энгельс, который мне очень понравился с первого взгляда. Он был душой общества. Между присутствующими шли горячие споры. Они шумели, кричали, обращались к Энгельсу за разрешением вопросов. Энгельс охотно отвечал, — то по-английски, то по-немецки, то по-французски. На другом конце стола сидела домоправительница Энгельса — Ленхен *, полная немка, с очень милым и приятным лицом, которая только тем и занималась, что каждому вновь пришедшему накладывала побольше мяса, салата и других яств. Не скупилась Ленхен и на вино. Вся атмосфера в доме Энгельса была простая, товарищеская, немножко богемистая, но вместе с тем высоко интеллектуальная. Вы чувствовали, что находитесь в гостях у большого человека, который живет и интересуется большими проблемами.

Фанни Марковна остановилась на мгновение и затем, с легкой улыбкой на лице, вновь заговорила:

— В то время я еще не знала ни одного иностранного языка. Это меня очень стесняло и делало застенчивой. Случилось так, что Энгельс, желая оказать внимание Степняку, посадил нас рядом с собой: меня справа от себя, а Сергея Михайловича слева. Я была в отчаянии и старалась как можно ближе жаться к Элеоноре Маркс, сидевшей с другой стороны от меня. Больше всего я боялась, как бы Энгельс не заговорил со мной, — что я тогда стану делать?.. Вдруг Энгельс обратился ко мне и стал декламировать по-русски. Хотя с тех пор прошло много времени, я точно помню, что он декламировал:

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант...

* — Елена Демут. Ред.

— Энгельс продекламировал еще две строфы,— продолжала Фанни Марковна,— и вдруг, лукаво посмотрев на меня, закончил:

...Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

— Произношение у Энгельса было прекрасное,— говорила Фанни Марковна,— декламировал Пушкина он чудесно. Я захлопала в ладоши и воскликнула: «Да вы отлично владеете русским языком, давайте говорить по-русски». Однако Энгельс покачал головой и с улыбкой ответил: «Увы! — на этом кончаются мои познания в русском языке».

Фанни Марковна снова остановилась и некоторое время сидела с таким видом, как будто бы она унеслась куда-то далеко, далеко от сегодняшнего дня. Я не нарушал ее молчания. Потом она тряхнула головой, точно сбрасывая с себя чары неведомого волшебства, и уже более обыкновенным голосом воскликнула:

— Ведь вот, почти тридцать лет прошло с тех пор, а я вижу наш первый визит к Энгельсу, как если бы все это происходило вчера!

Я спросил Фанни Марковну, что было дальше.

— Дальше? — откликнулась она.— Ну, вскоре после того Энгельс зашел к нам в гости с ответным визитом. Видно было, что знакомство может наладиться, и оно действительно наладилось. В дальнейшем Сергей Михайлович не раз встречался с Энгельсом. Они много беседовали, нередко спорили, бывали между ними и недо-разумения. Мне лично, однако, с Энгельсом пришлось сталкиваться не так часто... Глубоко врезалось мне в память последнее свидание с ним. Это было уже много позднее, в середине 90-х годов, незадолго до смерти Энгельса.

Фанни Марковна подбросила угля в камин и, помешав его железной клюкой, вновь села на свое место.

— Когда умерла Ленхен,— продолжала она,— стал вопрос, кто будет теперь заботиться об Энгельсе. Ему было уже под семьдесят, он часто болел, за ним требо-

вался хороший уход. Вскоре место Ленхен заняла Луиза Каутская, которая к тому времени разошлась со своим мужем *. Когда я познакомилась с Каутской, то как-то сразу почувствовала к ней антипатию. Мои чувства вполне разделяла Вера Засулич, которая тогда жила в Лондоне и часто бывала у Энгельса. В дальнейшем мы с горечью должны были убедиться, что наше отношение к Каутской ею вполне заслужено. Каутской не хватало мягкости и деликатности, в которых нуждался Энгельс. Она слишком много думала о себе и слишком мало об Энгельсе. Это с особенной силой обнаружилось, когда в начале 1894 года Каутская вторично вышла замуж. Вскоре у Каутской родилась дочка. Вместе с мужем ** и дочкой она жила у Энгельса, но интересовалась не столько Энгельсом, сколько своей семьей. В один прекрасный день Каутская решила, что дом, который до того занимал Энгельс, теперь чересчур мал, что Энгельса надо перевезти на новую квартиру. Энгельсу этого страшно не хотелось. Он жил в своем доме 25 лет, привык к нему, знал в нем каждый уголок и легко находил здесь все нужные ему книги, материалы, рукописи... А самое главное — в этом доме Энгельс принимал Маркса. Нетрудно представить себе чувства Энгельса в связи с проектом переезда на новое место. Но он был болен, беспомощен, деликатен — и Каутская в конце концов добилась своего: она перевезла-таки Энгельса в другой дом. Энгельс старался крепиться, но для нас с Засулич было ясно, что переселение только расстроило Энгельса и усугубило его тяжкую болезнь: у него ведь был рак горла. Мы с Верой готовы были плакать, но ничего не могли поделать.

Фанни Марковна вздохнула, опять немного помолчала и затем закончила:

— Последний раз я видела Энгельса при очень грустных обстоятельствах. Как-то раз к нам заходит Каутская и говорит, что вечером ей нужно уйти, а дома никого нет, не пойду ли я подежурить у постели больного Энгельса? Конечно, я охотно согласилась. Тот вечер я действительно провела с Энгельсом ⁴²². Он очень обра-

* — К. Каутским. *Ред.*

** — Л. Фрейбергером. *Ред.*

довался мне и начал рассказывать о дорогих ему вещах: показывал кресло, на котором обыкновенно сидел Маркс, давал мне читать письма Маркса, достал фотографии, на которых он был снят вместе с Марксом. Вообще, все существо Энгельса было переполнено глубочайшей любовью к Марксу, он без конца вспоминал о различных эпизодах его работы с Марксом, об их встречах, беседах, совместных поездках или прогулках за город. Я слушала Энгельса почти с благоговением, но сердце у меня разрывалось от горя. Я видела, что Энгельс очень болен и что за ним нет того ухода, который ему так нужен. Ушла я от Энгельса в тот вечер со слезами на глазах. Спустя несколько недель Энгельс умер... Мы с Сергеем Михайловичем были на его похоронах.

Я слушал рассказ Фанни Марковны, затаив дыхание. Мне казалось, что ее устами говорит сама история.

Впервые опубликовано в книге:
Майский И. М. Путешествие
в прошлое. М., 1960

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

Из воспоминаний ⁴²⁰

Плеханов был знаком с Сергеем Михайловичем * и вел с ним переписку. Однажды Сергей Михайлович получил от него письмо, в котором он, между прочим, писал: «Вы живете в Лондоне. Что Вы там делаете? Знаете ли Вы, что там живет Энгельс? Такие люди рождаются не так часто. Поэтому требую от Вас обязательно познакомиться с ним и прислать мне отчет. Это возмутительно, что Вы до сих пор не были у него, надо непременно к нему пойти» ⁴²¹.

Энгельс жил в большом доме, всегда открытом по воскресеньям для всех желающих его видеть. В его большом холле всегда по воскресеньям его можно было застать окруженным со всех сторон социалистами, критиками, писателями. Все, кто хотел видеть Энгельса, мог запросто приходиться к нему.

Ф. М. Степняк со своим мужем (к ним присоединилась еще дочь Маркса — Маркс-Эвелинг) пошли в одно из воскресений к Энгельсу.

— Очаровательный старик,— говорит Фанни Марковна,— произвел на меня наилучшее впечатление. Я была очень застенчивая, на мое несчастье он посадил меня близко от себя. Я все прижималась поближе к дочери Маркса, стараясь избежать разговора с Энгельсом, а он, естественно, как любезный хозяин, стал меня угощать. На иностранных языках я не говорила и поэтому хотела только одного — чтобы меня оставили в покое. Энгельс говорил по-французски, по-немецки, по-английски. Говорили на всякие, главным образом, политические темы, спорили. А на другом конце стола, как и всегда, сидела его экономка Елена ** — толстая немка, очень приятная на вид, которая только то и делала,

* — Кравчинским (Степняком). Ред.

** — Демут. Ред.

что всякому вновь приходящему гостю подкладывала довольно «либеральные» порции мяса, салата и вина. Между присутствующими шли ожесточенные споры, они горячились, шумели, обращались к Энгельсу за решением вопроса. Вдруг Энгельс обратился ко мне и, учитывая мои незнания иностранных языков, заговорил по-русски. Он стал цитировать из Пушкина:

V

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мнению многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант;
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale* *,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты,
От Ромула до наших дней,
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,

* — будь здоров. *Ред.*

То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Прочитывал он это наизусть на прекрасном русском языке. Я захлопала в ладоши, но Энгельс сказал: «Увы, этим кончаются мои познания в русском языке».

Этот человек произвел на меня неизгладимое впечатление: такой гостеприимный, открытый. Через несколько дней Энгельс пришел к нам с обратным визитом. Сидел мало, видимо хотел только завязать знакомство. Больше я его в большой компании не встречала. С моим мужем они виделись, собирались, беседовали на разные политические темы, бывали у них иногда и споры и недоразумения.

У меня к Энгельсу — рассказывает далее Фанни Марковна — было, пожалуй, сентиментальное отношение, и это отношение разделяла и Вера Засулич, с которой мы были друзьями. Мы иногда собирались с ней и, говоря о нем, готовы были плакать. Когда экономка Энгельса Елена умерла, ему нужно было кого-нибудь взять на ее место. Это место заняла Каутская, которая в это время разошлась с мужем и вышла замуж за доктора *. Я тогда познакомилась с ней и сразу же почувствовала к ней антипатию. Появление Каутской в доме Энгельса было несчастьем для него. У Каутской были дети, и она решила, что квартира, в которой Энгельс прожил 25 лет, стала мала. Каутская перевезла его в новый дом. Энгельс тогда был очень болен, и переезд только усугубил его болезненное состояние. До этого Энгельс жил в доме, где он знал все, — где он сейчас же мог найти все книги, брошюры Маркса. В этом же доме он встречался с Марксом, туда же к нему приходила дочка Маркса. Это был его собственный дом, а Каутская перевезла его в новый дом с площадкой и все его книги сложила в новое место. Но Энгельс был болен и ничего не мог сделать. Его нужно было лелеять; не следовало менять квартиры. Это было жестоко в отношении Энгельса.

* — Л. Фрейбергера. Ред.

Как-то Каутская зашла к нам и сказала, что Энгельс болен, а ей нужно было идти куда-то. Она просила меня пойти к нему на несколько часов. Я пошла в этот «новый дом» с ненавистью. Я пробыла у Энгельса часа три ⁴²² и, глядя на него, просто страдала. Он обрадовался, когда узнал меня, и начал показывать мне все кресла, на которых сидел когда-то Маркс. Он показывал мне также письма К. Маркса, его фотографии, какие-то карикатуры на него. Все это Энгельс показывал с величайшей любовью; я же глядела на него и страдала, так как, когда я впервые встретила его, он был тогда такой цветущий, теперь же он был больной и беспомощный. За ним, наверное, плохо смотрели. У него была опасная болезнь — он страдал раком горла. Однако до самых последних дней Энгельс интересовался всеми событиями и много писал. Вера Засулич часто ходила к нему и делилась со мной впечатлениями. Все, кто любил его, приходили к нему, проводили у него много времени, но все знали, что он обречен.

Впервые опубликовано
с сокращениями в сборнике:
Воспоминания о Марксе и Энгельсе.
М., 1956

Печатается по тексту книги:
Русские современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969

IV

Стефан Борн
Себастьян Зейлер
Альфред Мейснер
Джордж Джулиан Гарни
Теодор Фридрих Куно
Франциска Кугельман
Ансельмо Лоренцо
Вильгельм Блос
Юлиус Вальтер
Джон Суинтон
Эрнест Белфорт Бакс
Марианна Комин
Карл Каутский
Леонард Таушер
Конрад Шмидт
И. Йенсен
Шарль Виктор Жаклар
Лили Браун
Карл Штейнгардт
Макс Бер

Из книги
«Воспоминания участника революции
1848 г.»⁴²³

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. СОЮЗ КОММУНИСТОВ.
ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

С января и до осени 1847 г. Фридрих Энгельс был в Париже единственным человеком, с которым я постоянно встречался. Мы проводили вместе почти все вечера, а по воскресеньям часто совершали прогулки в окрестностях французской столицы. Он был на пять лет старше меня и в известной мере взял меня к себе в учение. Я еще в Берлине прочел его книгу о положении рабочего класса в Англии. Это служило темой бесед; он излагал мне основные проблемы политической экономии. Я охотно его слушал и был восприимчивым учеником. Он ввел меня в Союз коммунистов. Энгельс и Маркс верили в коммунизм. Делая самые последовательные выводы из своей критики существующего общественного порядка, они считали замену частной собственности, которую рассматривали как источник всякой несправедливости на земле, общественной собственностью, неизбежным следствием своего понимания истории и вытекающего из него социального учения. Верили ли другие члены Союза коммунистов в возможность коммунизма? Вопрос звучит довольно странно, но я не могу ответить на него утвердительно, хотя сам до истечения года, как мы увидим ниже, в одной из своих брошюр защищал коммунизм от нападок одного из его противников⁴²⁴.

Молодого человека моего склада в учении Маркса и Энгельса привлекала прежде всего его научная основа. Это учение признает необходимость того, что возникло исторически, убедительно характеризует различные способы производства, которые сменяют друг друга в ходе развития человеческой цивилизации и после определенных периодов времени открывают все более широким кругам общества путь к свободе и материальной независимости. Далее, оно указывает, как в наше время господствующий способ производства, а именно способ,

основанный на свободной конкуренции, в конечном счете превращается в войну всех против всех и должен, вне всякого сомнения, уступить место новому способу производства, который заменит беспрепятственную частнособственническую эксплуатацию, ведущую к обнищанию масс, возникновением исключительно коллективной собственности и коммунистического общества, что в известной степени положит конец всякой экономической борьбе и приведет к ликвидации классовых противоречий. [...]

ЗИМА В БРЮССЕЛЕ. КАРЛ МАРКС

Я опять проехал по немецким землям. Из Берна без остановки отправился через Базель в Страсбург, оттуда пароходом (исходным пунктом для которого он тогда был) в Кёльн и затем дальше в Брюссель, представлявший до некоторой степени умственный центр коммунистического союза. Там жил Карл Маркс. Я с нетерпением ждал знакомства с ним. Я застал его в чрезвычайно скромной, можно даже сказать, бедно обставленной маленькой квартирке, в предместье Брюсселя. Он встретил меня приветливо, расспросил об успехе моего пропагандистского путешествия⁴²⁵, сделал мне по поводу моей брошюры против Гейнца⁴²⁴ комплимент, к которому присоединилась его жена; она любезно приветствовала меня, и так как она в течение всей своей жизни принимала самое горячее участие во всем том, что интересовало и занимало ее мужа, то отнеслась не без особого интереса и ко мне, ибо я считался подающим надежды последователем учения ее мужа.

Маркс, как мне потом рассказали, будучи боннским студентом, познакомился со своей женой на балу. Фрейлейн фон Вестфален, такова была ее девичья фамилия, принадлежала к несколько обедневшей прусской юнкерской семье. Маркс полюбил ее, и она разделила его страсть. Они поженились, конечно, преодолев некоторые помехи со стороны семьи фон Вестфален. Эта любовь выдержала все испытания непрерывной борьбы за существование. Я редко видел такой счастливый брак, в котором бы супруги так разделяли радость и горе (последнего было больше чем достаточно) и где бы всякое страдание преодолевалось в сознании полнейшей

взаимной поддержки. Столь же редко встречал я женщину, внешность которой так гармонировала бы с сердцем и умом, которая при первой же встрече так располагала к себе, как г-жа Маркс. Она была блондинка; ее дети, тогда еще маленькие, были черноволосые и черноглазые, как их отец. Жившая в Трире мать Маркса оказывала семье материальную поддержку, но перо писателя, по-видимому, должно было обеспечивать основной доход. Хотя Маркс и был знаком с некоторыми свободомыслящими политиками в Брюсселе, между ним и его друзьями, главным образом иностранцами, не было настоящего общения. Ни он, ни его жена, казалось, не страдали от этого. Г-жа Маркс жила идеями своего мужа, при этом она целиком была поглощена заботами о своих близких и тем не менее была безгранично далека от типичной немецкой домашней хозяйки, которая штопает чулки и варит суп. Много лет спустя в конце письма, написанного ею мне из Лондона, она сообщала печальное известие, проникнутое каким-то внутренним разочарованием, о том, что ее покинула верная и неутомимая служанка *, на которую смотрели, так сказать, как на члена семьи ⁴²⁶. [...]

После того как так легко была подавлена первая попытка восстания, бельгийское правительство решило не допускать второго путча. Если с арестами своих подданных оно должно было быть осторожным, то могло вполне свободно действовать по отношению к иностранцам. Друзья осведомили нас о намерении правительства арестовать и переправить через границу наиболее известных из нас. Один брюссельский житель, имевший за городом довольно обособленный дом, предложил нам свое гостеприимство на следующую ночь. Маркс, Энгельс и я отправились с заходом солнца к этому смелому человеку. Мы были встречены по-дружески. Нас ждал ужин, каждому была приготовлена постель.

Правительство господина Роже, стоявшего тогда у кормила правления, не хотело привлекать внимания, поэтому днем нам нечего было бояться ареста. Как, впрочем, весьма скоро выяснилось, это пока коснулось только Маркса, которого оно не без оснований считало душой немецкой эмиграции. В следующую ночь — он

* — Е. Демут. *Ред.*

не хотел больше уходить от своих — раздался неистовый стук в дверь. Он велел открыть. Ему объявили об его аресте. Вошедшие полицейские предложили ему следовать за ними. Маркс, не говоря ни слова, подчинился неизбежности. Но его жена была вне себя. — Куда ведут ее мужа, — спросила она в несказанном страхе и волнении. Ей не ответили и оставили одну. Бедная женщина впала в ужасное душевное отчаяние. Она не могла постичь случившегося. С отчаянием в душе, ломая руки, ходила она взад и вперед по своей комнате. Быть одной здесь с детьми, когда ее муж в тюрьме! Следуя внезапному порыву, она быстро надела шляпу, накинула на плечи шаль, поспешно спустилась с лестницы и очутилась на улице.

В каком направлении идти? Шагах в тридцати от своего дома она увидела полицейского и бросилась к нему. Это был один из ворвавшихся в ее дом и принимавших участие в аресте. «Куда вы увели моего мужа? Скажите мне, где он теперь?» — закричала она ему. «Вы хотите это знать?» — спросил полицейский. «Я должна это знать, — ответила она, — покажите мне этот дом, поведите меня к нему». — «Следуйте за мной», — ответил ей слуга общественного блага и справедливости. Она последовала за ним.

Полицейский привел ее в старый, высокий дом, в узкий, длинный коридор. Ей стало душно, она задыхалась. Она предчувствовала беду. Он открыл дверь, втолкнул ее в скудно освещенное помещение и снова закрыл за ней дверь. Бешеный хохот встретил вошедшую, толпа ужасных женских существ окружила ее. Ее рассматривали с наглым любопытством. «Иностранка! Незнакомая! Новая гостья!» — раздавалось вокруг нее. И они снова бешено захохотали. Теперь несчастная женщина поняла, в какое общество ее бросили. Страшный крик вырвался из ее груди, крик, который произвел глубокое, потрясающее впечатление даже на те конченные женские существа, в среде которых она очутилась. Они внезапно замолчали. Видимо, произошло что-то неслыханное, это чувствовала каждая из них. Это была порядочная женщина, которую заперли вместе с ними, уличными отбросами человечества. Они испуганно прекратили грязные шутки, замолчали. Как это могло случиться? Постепенно то одна, то дру-

гая осмеливалась подойти к рыдающей, заливающейся слезами незнакомке, стараясь ее успокоить.— «Не трогайте меня! Прочь!» — раздалось им в ответ.

Это была жуткая ночь, полная ужаса и страдания, оставившая глубокий след в ее душе. Когда, наконец, на горизонте появилось зимнее солнце, эта невероятная тюрьма открылась. Оскорбленная таким преступным обращением, она собрала все свои силы, чтобы пожаловаться находящемуся тут старшему чиновнику на причиненное ей оскорбление. «Это была весьма досадная ошибка,— ответил он,— я подробнее расследую дело». — «Это была весьма досадная ошибка», — сказал и министр внутренних дел, когда ему был сделан в палате запрос по поводу этого происшествия. Этим ответом для официального бельгийского общества дело было снято с повестки дня.

На следующее утро в городе быстро распространилось известие об аресте Карла Маркса. Я поспешил в его дом, и там г-жа Маркс, не переставая плакать, рассказала мне и о том, как происходил арест, и о тех ужасах, которые ей самой пришлось пережить в прошлую ночь.

Вскоре появился и наш прекрасный друг, брюссельский молодой ученый по имени Жиго, занимавший должность палеографа в городской библиотеке. Он выразил готовность узнать о намерениях правительства по отношению к арестованному. Он был уверен, что Маркс будет освобожден через несколько дней и что ему предоставят возможность свободно выбрать страну, куда он захочет переехать. Это действительно подтвердилось. Если Маркс, в чем теперь едва ли можно было сомневаться, выберет Париж, то он советует г-же Маркс заранее поехать туда с детьми; я буду ее сопровождать; прислуга же тем временем должна с его помощью ликвидировать брюссельское хозяйство и затем тоже отправиться в Париж. Г-жа Маркс согласилась последовать этому совету. После того как ей удалось добиться разрешения попрощаться с мужем в тюрьме, она в течение того же дня сделала все приготовления к отъезду. Я быстро уладил все свои дела и уложил чемодан.

Жиго, о котором я только что говорил, вел себя как верный друг, а незадолго до этого, когда нам была предоставлена возможность переночевать в доме

упомянутого брюссельского жителя, Маркс так резко отозвался о Жиго, что из-за этого у них с Энгельсом произошла неприятная сцена, описание которой я опускаю.

Одного только человека Маркс прямо-таки ненавидел, и это был отец нигилизма и анархизма русский *Бакунин*. 29-го ноября в Париже на торжестве, устроенном поляками в память восстания 1830 г., — к участию в нем и здесь на сей раз были привлечены не поляки, — Бакунин произнес речь, которая побудила русского посланника подать жалобу французскому правительству. В результате Бакунин был тотчас же выслан. Он приехал в Брюссель, старался завязать с нами отношения, но Маркс избегал его, Жиго же этого не делал. Бакунин являлся для него интересной личностью, его часто видели в обществе Бакунина. Вообще мало интересовавшийся туманными социалистическими теориями и чувствовавший влечение главным образом к чисто гуманной стороне рабочего движения, Жиго из-за Бакунина вовсе не пренебрег Марксом; он это доказал в те дни, когда его личное вмешательство могло принести пользу тяжело пострадавшей семье Маркса.

Один прощальный визит я должен был сделать в Брюсселе — нашему французскому другу Энберу. Он отсутствовал. За день до начала революции он отправился в Париж и больше не вернулся.

«Мой муж комендант Тюильри», — сияя от радости, сказала мне г-жа Энбер. «Комендант Тюильри, — повторила она. — Вы должны его навестить. Передайте ему привет от меня и наших детей. Вы найдете его в павильоне принца Жуанвиля. Он там поселился».

Удивительное изменение обстоятельств! Луи-Филипп, его сыновья и внуки в изгнании, а г-н Энбер, вчерашний эмигрант, — комендант Тюильри. Конечно я его навещу.

Я проводил г-жу Маркс и ее троих детей в Париж. Она не была полна счастья и радости, как г-жа Энбер. Ее мысли были с мужем. Она была расстроена переживаниями последних дней, и глубокая печаль отражалась на чистых чертах ее лица. Мы подали друг другу руки и расстались, когда она добралась до своего временного пристанища. Временным было для нее до сих пор все, постоянного домашнего очага она с детьми еще не

знала. Все же на следующий день она уже опять была со своим мужем [...]

Как-то раз в Майнце мне захотелось повидать также сотрудников «*Neue Rheinische Zeitung*»: Маркса, Энгельса, Вольфа и *tutti quanti* *. Тот, кто прочтет сейчас исполненные ненависти слова, коими спустя сорок лет меня поминает Энгельс, наверное подумает, что лидеры партии давным-давно порвали со мной. Это было отнюдь не так. В конечном счете им не в чем было бы упрекнуть меня, разве лишь в том, что я действовал на свой страх и риск, не испрашивая их повеления ⁴²⁷. Но никто из них не подал и вида, что они мной недовольны. Маркс принял меня самым дружеским образом, равно как и г-жа Маркс. Они не позволили мне остановиться в гостинице и смотрели на меня как на своего гостя. Здесь мне вспоминается замечание, которое Маркс сделал за столом и которое заслуживает упоминания, так как оно очень характерно для него. Впервые в моем присутствии заговорили о семейных отношениях. Речь шла о политической позиции г-на фон Вестфалена ** в год революции; он был ярый реакционер. «Твой брат,— со смехом сказал Маркс жене,— настолько глуп, что он еще будет когда-нибудь прусским министром». Г-жа Маркс, покрасневшая при этих более чем откровенных словах, перевела разговор на другую тему. Предсказание ее мужа, как известно, исполнилось. Спустя несколько лет я порой вспоминал эти слова и при этом думал, как непохожи друг на друга брат с сестрой. Он — высокопоставленный государственный чиновник в период жесточайшей реакции и ревностный ее слуга; а она в это время несла тяжкое бремя нужды в эмиграции, но стойко примыкала к лагерю, полярно противоположному лагерю ее брата, от которого ее навеки отделял целый мир. Мысль об этом всегда трогала меня своим глубоким трагизмом.

На другое утро я посетил редакцию. Энгельс, который, несомненно, был ее главной силой, ибо никто не обладал таким легким пером и такой продуктивностью, выкроил четверть часа, чтобы немного поговорить со мной, как в былое время, или, вернее, чтобы излить мне

* — всех остальных. *Ред.*

** — Фердинанда фон Вестфалена. *Ред.*

душу. Он был недоволен. Его расположение снискал только Вильгельм Вольф, крестьянский сын из Силезии, который в «*Neue Rheinische Zeitung*» вел счет всем беззакониям высшей феодальной знати своей провинции по отношению к подчиненному ей бедному сельскому населению⁴²⁸. Второй Вольф *, промотавшийся и опустившийся литератор, неизвестно как и почему оказавшийся среди коммунистов, никогда не давал вовремя тех второстепенных статей, которые ему поручались. Потомившись с полчаса над каким-нибудь переводом, он с отчаянным видом поднимался со стула и вздыхал: «Я стра-а-жду», растягивая гласные, как это свойственно кельнскому диалекту. Особенно горько Энгельс жаловался на Маркса: «Он не журналист и никогда им не будет. Над передовой, которую другой напишет за два часа, он просиживает целый день, словно дело идет о решении сложной философской проблемы; он правит и шлифует и снова правит уже исправленное и из-за своей исключительной основательности никогда не поспекает вовремя». Для Энгельса было истинным облегчением высказать то, что его сердило. Но, в сущности, он питал глубокое уважение к Марксу, чье умственное превосходство всегда признавал. Если Маркс, по натуре очень вспыльчивый, случалось, считал нужным поставить его на место,— однажды в моем присутствии Маркс обозвал его эльберфельдским сорванцом и вышел, хлопнув дверью,— то Энгельс, правда, заявлял: «Я ему это попомню!». Между тем он вскоре забывал о случившемся.

Впервые опубликовано в книге:
Born S. Erinnerungen eines
Achtundvierzigers. Leipzig,
1898

Печатается с сокращениями
по тексту книги

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется
впервые

* — Фердинанд Вольф. *Ред.*

Из книги
 «Восстание 13 июня 1849 г.,
 или Последняя победа буржуазии
 во Франции»⁴²⁹

[...] Социалисты и коммунисты решительно выступали против любого навязывания немецкой республики путем вооруженного вмешательства извне⁷⁰. Они устраивали открытые собрания на улице Сен-Дени, на которых присутствовала также часть будущих добровольцев. На одном из этих собраний Маркс в большом докладе доказывал, что февральскую революцию следует рассматривать только как поверхностную начальную фазу европейского движения; скоро здесь, в Париже, развернется открытая борьба между пролетариатом и буржуазией, что и подтвердилось в июне. Он утверждал, что от этой борьбы будет зависеть победа или поражение революций в Европе, и поэтому призывал немецких рабочих остаться в Париже и подготовиться к участию в вооруженной борьбе [...] Однако все это, по-видимому, не возымело большого действия на господ Ледрю-Роллена и Коссидьера, а, напротив, вызвало их неудовольствие. Будучи далек от мысли, чтобы заподозрить господ Ледрю-Роллена и Флокона, я, однако, не могу не выразить своего удивления тем, что вся Гора⁴³⁰ хранила гробовое молчание, когда правые и центр упрекали ее в потворстве революционизированию Германии и созданию вооруженных отрядов, объявив это преступлением, в том, что она не произнесла ни звука, когда демократическая печать предала гласности позорное поведение министров Сена-ра, Фоше и Дюфора по отношению к несчастным жалким остаткам добровольческих отрядов, в частности по отношению к храброму Виллиху в Лионе⁴³¹. Я остаюсь при своем мнении: старик Моген и Жоли проявили больше понимания и любви к немецкому вопросу, чем вся Гора в Учредительном собрании 1848 г. вместе взятая.

Между тем, чем большее равнодушие в этом вопросе обнаруживала Гора, тем деятельнее и энергичнее стара-

лась немецкая демократия, в частности, коммунисты, убедить Гору в теоретической значимости Германии для решения римского вопроса ⁴³² и содействовать установлению братства между французским и немецким пролетариатом. Римский вопрос должен был решаться на Рейне. Наилучшим образом показала себя в этой связи «Neue Rheinische Zeitung», основатели которой не получали никакого флюконовского денежного пособия, а также Немецкое Рабочее общество в Париже во главе с Гессом, Эвербеком, С. Зейлером и другими ⁴³³. «Neue Rheinische Zeitung», с первых же номеров поразившая своих читателей глубокой оценкой июньской битвы ⁷¹, оказала этим вскоре влияние на всю парижскую ежедневную прессу. Рабочее общество, со своей стороны, устроило торжественный вечер памяти Роберта Блюма, а также банкеты, на которых о братстве говорили виднейшие ораторы Клуба, как французы, так и немцы [...]

Впервые опубликовано в книге:
Seiler Sebastian. Das Complot
vom 13. Juni 1849, oder der
letzte Sieg der Bourgeoisie
in Frankreich. Hamburg, 1850

Печатается по тексту книги
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется
впервые

Из книги
«История моей жизни» ⁴³⁴

Новогодний вечер * я провел с Карлом Марксом и Фрейлигратом у одного гостеприимного англичанина, мистера Кина из «Daily News», и я до сих пор еще ощущаю волнение, вызванное беседой. С бокалами в руках мы вспоминали венцев и Венгрию ⁴³⁵.

Фрейлиграт в тот момент, когда я зашел к нему, как раз встал из-за письменного стола, за которым писал свою «Новогоднюю песнь о Венгрии». Мы чокнулись также за смелый лозунг будущего, и потому я не ощущал уныния из-за того, что 1848 г. везде и всюду завершился подавлением революции. Вначале мы считали еще это подавление лишь кажущимся. И все же сила фактов велика, с ними не поспоришь. Мне казалось, что правда появляется на земле лишь затем, чтобы не утвердиться на ней, а, право — для того, чтобы погибнуть. Пламя страсти и воодушевления, казалось мне, вспыхивает только, чтобы показать, как неподвижны и косны массы; мне мнилось, будто революции совершаются лишь с целью привести к кормилу власти тех, кто забивался в угол, пока другие рисковали жизнью. [...]

ИТАЛЬЯНЕЦ С УЛИЦЫ КОПО.—
КВАРТАЛ НИЩЕТЫ

В утро моего отъезда из Кёльна ко мне очень рано пришел Карл Маркс; он вытащил из-под плаща довольно большой пакет, завернутый в непроницаемую серую бумагу, да еще за сургучной печатью.

«Очень кстати, что вы едете в Париж именно сегодня,— сказал он.— Я хотел бы попросить вас положить этот пакет в свой чемодан. Вы окажете услугу нам и нашему делу. Как ни кратко наше знакомство, я пол-

* — 1849 г. Ред.

ностью полагаюсь на вашу честность и осмотрительность».

Я выразил готовность оказать Марксу услугу, и он продолжал:

«Позаботьтесь лишь о том, чтобы пакет не попал в нежелательные руки. Вы же знаете, во Франции сейчас действует закон военного времени. Лучше всего спрячьте его среди белья. Полиция господина Луи Наполеона такая же, как и в любой монархии; а посему — будьте осторожны! Один приезжий, четыре дня назад покинувший Ливорно, передал нам это для дальнейшей пересылки. Речь идет о некоем синьоре Сарпи, итальянце, — вот на этом листке, который вы должны сберечь, его адрес. В Париже не держите пакет долго у себя. Для передачи изберите вечерние часы, так будет менее заметно. Если в доме будут отрицать присутствие адресата, скажите следующее: *La vergue de Tom disparaîtra au bout d'une quinzaine* (через две недели у Тома сойдет его бородавка).

При помощи этого «Сезама» двери тотчас же распахнутся перед вами».

Я доставил пакет в целости и сохранности в Париж и весь день таскал его с собой. Но он прямо жег мне саквояж. Наконец настало подходящее время передать его. Едва простившись с Гейне, я сразу же взялся за выполнение данного мне поручения.

Было между восемью и девятью, по бульварам от церкви Св. Мадлен до ворот Сен-Мартен бушевала шумная ярмарка, всегда веселая праздничная толпа. Словно раскрывшиеся желто-красные тюльпаны, необозримо длинными рядами мерцали в своих канделябрах языки газового пламени, будто тучи светляков пролетали мимо тысячи фонарей карет. Как фантастические замки, сверкали магазины, заполненные вплоть до мезонинов коврами, пледами, бронзой, вазами и сверкающими ювелирными изделиями. На тротуаре перед театрами и кафе теснилась толпа. Была мягкая зимняя ночь.

Я покинул все это и сквозь лабиринт старого города и по мостам через Сену отправился выполнять свое поручение. Адрес, полученный мною от Маркса, привел меня на самую окраину предместья Монсо. Поднявшись по улице Сен-Жак, я миновал Пантеон, купол которо-

го, поддерживаемый колоннами, неярко поблескивал в зимнем тумане, и вскоре оказался в одном из самых неприглядных кварталов Парижа. Все теснее становились здесь переулки, темные и грозные, словно скалистые ущелья; из них можно было видеть лишь узкую темно-серую полосу неба. Я попал на улицу Муффетар, в квартал нищеты. Станный мир! Кругом кишмя кишат люди, и кажется, что они говорят на каком-то своем языке, каждый дом напоминает развороченный муравейник. Здесь не увидишь скуртуков, здесь сплошь царят блузы, береты сдвинуты набекрень на черных растрепанных волосах мужчин. Женщины в немислимых чепцах бранятся и кричат; дети в лохмотьях шумно возятся у сточных канав. Тусклый свет, проникающий сквозь занавеси погребков, падает на сырую мостовую, из них слышатся шум и пение, воздух отдает запахом спиртного и гари. Над дверьми висят фонари, под ними колышутся исписанные цифрами листки: здесь торгуют разбавленным вином по цене два и четыре су за литр. В каждом доме разложены товары странных сортов; в этих труппах скапливаются старая железная посуда, поношенная одежда, немислимая разнокалиберная утварь. Прямо на окнах развешаны рваные рубашки и заплатанные платья. Там и сям выставлены на продажу фрукты и мясо самого ужасного вида. Посреди улицы толпится много людей, по большей части мужчин, — все дикой внешности, черноглазые и чернобородые. За освещенными окнами до глубокой ночи работают женщины и девушки. Все здесь бедно, но никто не протягивает руку за милостыней. Это — тот самый пресловутый квартал, который выставляет своих людей при любом восстании; вскинув на плечо старое ружье, заряженное свинцом или гвоздями, рабочий выходит, едва только «начинается».

Когда здесь вновь забьет барабан? — подумал я, подходя к угловому дому по улице Копф. Наконец-то я нашел дом, на третьем этаже которого должен жить мой итальянец. Наружная дверь оказалась незапертой, но в передней темнота, хоть глаз выколи. Я чиркнул спичкой и по крутой, узкой лестнице со сбитыми ступеньками поднялся наверх. Впечатление было такое, словно я находился в шахтном стволе рудника.

Добравшись до третьего этажа, я наконец нащу-

пал рукой дверную ручку. Я постучал и оказался в кухне, навстречу мне вышла старая служанка в белом чепце.

— Синьор Сарпи? — спросил я.

— Такого не знаю, — ответила она.

— Очень сожалею. Впрочем, через две недели бородавка у Тома сойдет.

— Ах, так! Тогда входите.

Служанка постучала в соседнюю дверь.

Судя по виду дома, я ожидал, что попаду в самое жалкое из жилищ, но на деле оказалось не так. Я стоял в уютной, чистой комнате. Я увидел черное кресло, софу, застеленную шотландским пледом; на стене висело зеркало. У заваленного книгами, газетами и разного рода рукописями стола, на котором горела лампа, сидел мой итальянец и писал.

Он приподнялся — это был стройный человек лет сорока, с черной окладистой бородой. Это лицо, на первый взгляд совсем ничем не примечательное, выражало глубокую серьезность и пытливую вдумчивость. Я вручил ему пакет. Синьор Сарпи чуть взвесил его на руке, миг оглядел, все ли в порядке...

«Вы прямо из Кёльна?» — спросил он, жестом приглашая меня присесть на софу.

— Прямо оттуда.

— А давно пакет доставлен в Кёльн?

— Как мне было сказано, его только что доставил какой-то приезжий из Ливорно.

Синьор Сарпи, казалось, был очень доволен и несколько раз повторил: «Благодарю Вас, благодарю Вас!» При этом улыбка лукаво передавала его мысль: «Ты, молодой человек, здорово мог бы обжечься на этот раз!»

В его белой сорочке сверкала маленькая алмазная булавка.

Вежливо, но как-то рассеянно он справился о м-ре Кине и Карле Марксе. Мой ответ он едва ли слышал. Я видел, что он горит желанием ознакомиться с содержимым пакета, который тем временем положил на письменный стол. Было видно, что он не хотел вскрывать его в моем присутствии.

Чтобы положить конец этой неловкой ситуации, я удалился.

Я был рад, когда выбрался из этого жуткого квартала.

Я успел почти забыть о пакете с его загадочным содержанием, как вдруг однажды мне снова на память пришел этот вечер.

В Риме как раз происходили выборы в римский парламент. В декабре 1848 г. палата депутатов Папской области, вопреки всем протестам папы Пия IX, который находился в Гаэте, постановила созвать учредительное национальное собрание. Радикальный Ливорно от себя избрал Джузеппе Мадзини. Он объявился в Риме, и немного погодя стало известно, что он вместе с Саффи и Армеллини взял в свои руки власть в Риме с диктаторскими полномочиями.

Когда иллюстрированные газеты поместили первое изображение римского «триумвирата», я был изумлен. Несомненно, черты лица моего итальянца совпадали с изображением Мадзини. Значит, Мадзини пребывал в Париже под именем синьора Сарпи, тогда как все полагали, что он скрывается в кантоне Тессин? Я могу и ошибиться, но почти уверен, что в тот вечер я говорил с великим возмутителем спокойствия, который своей тайной деятельностью заложил основы новой Италии.

Впервые опубликовано в книге:
Meissner A. Geschichte meines
Lebens. II. Band. Wien und
Teschin, 1884

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

Об Энгельсе ⁴³⁶

Я знал Энгельса. Больше полувека он был моим другом, и время от времени мы переписывались. В 1843 г. он из Бадфорда приехал в Лидс и отыскал меня в редакции «Northern Star». То был высокий, красивый молодой человек, с лицом почти по-мальчишески юным. Несмотря на немецкое происхождение и образование, его английский язык и тогда был безупречным. Он сказал мне, что постоянно читает «Northern Star» и очень интересуется чартистским движением. Так более пятидесяти лет тому назад началась наша дружба.

В последующие годы он был Нестором международного социализма. Было совершенно естественно, что так же как Тит был преемником Веспасиана, так и Фридрих Энгельс занял место своего высокочтимого друга Маркса, когда его не стало.

Он был верным советником, чьим мнением никто не посмел бы пренебречь. Быть может, неофициальная история германского социализма покажет, сколь многим обязана партия его мудрым советам: он способствовал сглаживанию острых моментов, предотвращению разногласий, мягко умерял необоснованные претензии и содействовал единству по принципу: все за одного, один за всех.

Автору «Капитала» суждено было высочайшее счастье — иметь такого преданного друга. Дружба Маркса и Энгельса была далеко не обычной. Если она и не была единственной в своем роде, то, чтобы найти ей подобную, нужно обратиться к античным легендам. Каждый из них мог бы соперничать с Дамоном в готовности принести жертву за Финтия. В своей общественной деятельности, как борцы за свои идеи, они походили на великих близнецов, так доблестно сражавшихся за Рим.

Энгельс, как, по-моему, большинство близоруких людей, писал очень мелким, но красивым и четким почерком. Письма его были шедеврами по богатству их научного содержания, и написал он их несметное количество, несмотря на то что помногу часов работал над собственными произведениями или переводами.

Энгельс принимал участие в большинстве крупных демонстраций в Гайд-парке за 8-часовой рабочий день *, но его собственный рабочий день в лучшие времена едва ли ограничивался в среднем шестнадцатью часами...

При всей его зрелищности и влиянии он не проявлял никакого высокомерия, никакой надменности. В семьдесят два года он был так же скромен и непритязателен, как и в двадцать два года, когда заходил в редакцию «Northern Star».

Энгельса любили не только его близкие друзья, но и прислуга, и служащие, и дети. Хотя его величайшим другом был Карл Маркс, сердце Энгельса было достаточно велико и для других дружеских связей, а его доброта была беспредельной.

Он был чрезвычайно гостеприимен. Но главной прелестью его радушного стола была его собственная «застольная беседа», «добрый рейнвейн» его блестящего разговора и его природное остроумие. Он любил смех и смеялся заразительно. Неизменно жизнерадостный, он и всех окружающих наделял своим бодрым настроением духа.

Впервые опубликовано в журнале
«The Social-demokrat», London,
1897, N 1, в статье: Aveling E.
George Julian Harney: a straggler
of 1848

Печатается по тексту журнала
Перевод с английского

* На всех, за исключением демонстрации 1895 года, года его смерти; и всегда находился на международной трибуне, где я имел честь быть председателем. (Прим. авт.)

Из воспоминаний ⁴³⁷

1

ИЗ ПИСЬМА Р. Ф. БАРТОНУ
В ЛЕНИНГРАД

Элтон, Луизиана, 15 февраля 1932 г.

Дорогой товарищ!

Конечно, я с удовольствием напишу о Марксе и Энгельсе для Вас и наших русских: если они мне заплатят, тем лучше.

Теодор Ф. Куно

Так вот, дорогие товарищи в России, вы считаете, что я в настоящее время единственный живой человек, знавший Маркса и Энгельса. Возможно, так оно и есть, потому что мне сейчас 86 лет.

Это было в 1869 г., когда мне пришлось бежать из Австрии из-за участия в демонстрации перед австрийским парламентом, требовавшей всеобщего избирательного права для всех лиц старше двадцати одного года. Я бежал в Италию, чтобы не попасть в австрийскую тюрьму. Так как я был членом Международного Товарищества Рабочих, товарищи в Триесте, Венеции, Вероне и Милане помогали мне находить работу. В конце концов я прочно обосновался в «Fonderia Elvetica» в Милане, где изготовлялись сельскохозяйственные машины для рисовых полей. Здесь я снова принялся за социалистическую агитацию и за организацию местных секций. Как немец, я посылал свои отчеты в Швейцарию полковнику Филиппу Беккеру, бывшему в то время секретарем немецкого отделения Интернационала, но Беккер связал меня с Фридрихом Энгельсом в Лондоне, так как Энгельс был секретарем-корреспондентом итальянской ветви организации. Итак, я стал переписываться с Энгельсом, который жил на Риджентс-парк-род. Так как я не мог адресовать письма непосредст-

венно ему, их приходилось посылать на имя молодой девушки *, жившей в том же доме.

Это было началом моего знакомства с Энгельсом и Марксом. Кроме того, что Энгельс писал мне о моих обязанностях как агитатора и организатора, он в своих письмах проявил себя очень общительным человеком и вспоминал о Милане, где он в молодости изучал итальянскую шелковую промышленность ⁴³⁸. Это были все рассказы о вине, и опять о вине, адреса лавок, где он доставал наилучшие сорта, и кабачков, в которых он и его приятели собирались, чтобы выпить и погорланить. Вспоминаю, что я обратил внимание на красный нос Энгельса, когда позднее, в сентябре 1872 г., встретил его в Голландии, в Гааге, где он жил вместе с Марксом в гостинице. Тут я впервые увидел обоих великих людей. Они пили рейнвейн. Когда они осушили всю бутылку, я заказал другую, и мы выпили на «брудершафт». Взявшись за руки и глотнув вина, мы спели: «Покуда мы будем знакомы с ним, мы будем называть его братом». С этой минуты мы перешли на «ты» вместо обычного среди немцев вежливого обращения «вы».

Когда я овладел итальянским языком, я настоял на том, чтобы мой Fascio Operaio (Рабочий союз) начал выпускать еженедельную газету, которую мы называли «Martello» («Молот»). Было выпущено всего шесть номеров, но все они были конфискованы полицией, и я был арестован. Бакунисты (некоторые из них были членами нашего Союза) выдали меня полиции. Меня арестовали ** и держали три месяца в тюрьме в Вероне. Моя переписка с Марксом и Энгельсом была конфискована и переведена на итальянский язык, больше она уже не вернулась ко мне. Итальянцы выдали меня австрийцам, которые посадили меня на несколько дней в тюрьму в Инсбруке, а затем выдали баварцам. Последние отпустили меня на все четыре стороны, потому что против меня не было никаких улик в Германии, несмотря на то что итальянцы сообщили им, что я «опасный интернациональный революционер». Из Мюнхена я отправился в Лейпциг, где встретился с Бебелем и Либкнехтом. Отказавшись от германского подданства, я направился

* — Мери Эллен (Пумпс) Бёрнс. Ред.

** — 25 февраля 1872 года. Ред.

в Льеж, в Бельгию, куда Энгельс дал мне различные адреса. Но вскоре бельгийская полиция, информированная итальянцами, выслала меня во Францию, откуда я поехал в Барселону, в Испанию⁴³⁹. Здесь бакунисты выдали меня испанской полиции, и я должен был вернуться в Германию, так как мои родители жили в Дюссельдорфе. Здесь я организовал секцию Интернационала, которая послала меня своим делегатом в Гаагу на конгресс Интернационала⁷⁸. Энгельс предоставил мне мандат также от Штутгартской секции, и я, таким образом, представлял на Гаагском конгрессе две секции.

Когда я в гостинице беседовал за бутылкой вина с Марксом и Энгельсом, Рудольф Шрамм, бывший прусский консул в Милане, послал Марксу свою визитную карточку и просил о встрече с ним; он хотел, чтобы Маркс рекомендовал его избирателям какого-то округа в Германии, который должен был послать его в качестве своего представителя в германский парламент. Маркс отказался от встречи с Шраммом. На следующий день после первого заседания конгресса я публично потребовал от Шрамма, чтобы итальянская полиция вернула мне мою переписку с Марксом и Энгельсом. На второй день конгресса в зале появился Шрамм и заявил, что никогда не получал от меня писем и вызывает меня на дуэль за то, что я его назвал вором. Конечно, я посмеялся над его вызовом, и Шрамм, уезжая из Гааги, заявил, что я «трус». Тот факт, что за годы учения у меня было одиннадцать дуэлей, свидетельствует о противном.

Когда конгресс приступил к рассмотрению обвинения Михаила Бакунина в том, что он пытался внести раскол в Интернационал созданием своего тайного Альянса внутри нашей организации⁴⁴⁰, я был избран председателем следственной комиссии, которой представили показания против Бакунина. Комиссия нашла Бакунина виновным и большинством в 3 голоса против 2 предложила исключить его из Интернационала; эти два голоса принадлежали испанским анархистам, конечно, верным друзьям Бакунина. Один из испанцев схватил револьвер и, направив его на меня, воскликнул: «Такой человек заслуживает того, чтобы его пристрелили!» — потому что я, как председатель, голосовал против Бакунина. Буйный испанец был обезоружен, и конгресс принял

доклад комиссии. В течение многих лет анархисты на меня доносили и преследовали меня за то, что я голосовал против Бакунина.

Когда конгресс закрылся, Маркс и Энгельс пригласили делегатов, среди которых не было ни одного представителя от России (как много изменилось с тех пор, с 1872 года!), на обед в Схевенинген, морской курорт близ Гааги. Мы все отправились туда и перед обедом выкупались в море. Поскольку я никогда не купался в морской воде, я, уплыв почти на четверть мили, не мог вернуться обратно, не имея сил бороться с волнами отлива. Фридрих Энгельс увидел, что я в опасности. Будучи более сильным человеком и более искусным пловцом, чем я, он подплыл ко мне, схватил меня за руку и помог благополучно добраться до берега.

В Схевенингене Маркс познакомил меня также со своими дочерьми. Одна из них была замужем за Полем Лафаргом, а другая за одним французским делегатом (я не помню его фамилии *, старость меня иногда подводит). Элеонора Маркс, которую мы называли Тусси, была третьей дочерью Маркса. Знакомя меня с Лафаргом, Маркс сказал: «Куно, мне говорили, что вы едете в Америку; так вот, вы должны там разрешить негритянский вопрос, как сделала одна из моих дочерей, выйдя замуж за негра: ведь Лафарг — негритянского происхождения». Я обещал сделать все, что от меня зависит, но обстоятельства помешали мне исполнить обещание; в Нью-Йорке, где я прожил больше 50 лет, не оказалось женщин негритянок, из которых я мог бы выбрать себе жену.

Во время моего пребывания в Лондоне я часто встречался с Марксом и его семьей, а также с Энгельсом, который был закоренелым холостяком. Мы вместе обедали, ходили в театр, и я часто беседовал с Марксом главным образом об организации Интернационала в Америке, а также о финансовом вопросе, о котором, впрочем, Маркс мог сказать немного. «Что будет после того, как мы победим? — восклицал он. — Обмен! Вот и все! Не ломайте себе голову над проклятым денежным вопросом!» Я никогда и не ломал себе голову и думаю, что обмен целиком разрешит этот вопрос, как у нас в коло-

* — Шарль Лонге. Ред.

нии Лано, здесь, в Луизиане: я бы очень хотел, чтобы ваши русские товарищи вступили с нами в оживленный обмен продуктами. Может быть, в результате кое-кто из наших будет послан в Россию, где они могут наслаждаться вместе с вами свободой; ведь в Америке свободу похитил подлый вор капитализм!

Вы, наверное, знаете, что две из дочерей Маркса покончили самоубийством. Г-жа Лафарг и ее муж — потому что не хотели ждать победы социализма, считая, что все равно до нее не доживут. Они ошиблись: теперь они могли бы быть с вами в России и радоваться, видя памятники, которые вы воздвигли в честь их отца. Тусси, которой Энгельс оставил свое состояние приблизительно в 200 000 долларов, отравилась после того, как ее возлюбленный, этот подлец Эвелинг, промотал все, что Энгельс оставил Тусси [...] Единственная причина, почему я не еду к вам, это то, что в моем возрасте слишком трудно предпринять такое путешествие. Я счастлив в моем маленьком раю в колонии Лано, помочь которой было бы братским поступком. Не сомневаюсь, что вы сделаете все, что можете для этой вечно цветущей ветви дерева свободы в Америке.

Я не могу прислать вам писем Маркса и Энгельса, потому что отдал их Августу Бебелю и профессору Рихарду Т. Эли; оба они собирались напечатать их. Сделали ли они это или нет, я не знаю⁴⁴¹.

С братским приветом

Ваш в борьбе за социальную революцию

Теодор Ф. Куно

1, Почтовый ящик 126,
Элтон, Луизиана, США

Р. С. Я забыл Вам сказать, что в семье и среди друзей Маркса называли «Мавром», потому что у него был очень смуглый цвет лица и черные кудрявые волосы. Дочери и жена никогда не называли его «отец» или «супруг», а только «Мавр». Они всегда говорили с ним по-немецки.

ТРУДЯЩИМСЯ МИЛЛИОНАМ РОССИИ

Элтон, Луизиана, 1 января 1933 г.

Дорогие братья и товарищи по борьбе за свободу от капиталистического грабежа и гнета!

Привет вам и любовь! Из далекой Америки, через необъятные пространства земли и через океан я сегодня протягиваю вам руку и радостно, от всей души поздравляю вас с Новым годом и желаю, чтобы великолепное дело, которое вы начали в 1917 г., принесло свободу и остальным пролетариям, населяющим нашу все еще столь таинственную планету! Я рад, что смог дожить до этого времени и увидеть, каких блестящих успехов вы добились, объединившись, как завещали всем нам Карл Маркс и Фридрих Энгельс, призывавшие нас в своем великом «Манифесте» сбросить оковы рабства и завоевать мир!

Теперь позвольте мне рассказать вам, как получилось, что я пишу эти строки: с 1919 г. живу здесь, в колонии пролетариев, которые в 1914 г., на три года раньше, чем вы, избавились от наемного рабства. Мы издаем еженедельную газету, которую читает один из ваших ленинградских работников, товарищ Бартон. И в этой маленькой газете он прочел, что я, современник Маркса и Энгельса, еще живу на свете и пишу, хотя мне 86 лет и 8 месяцев от роду, я все еще здоров и бодр, полон юношеского пыла, и в моем несломленном теле течет горячая кровь. Этот дорогой брат Бартон более года тому назад написал мне письмо с просьбой рассказать вам то, что я знаю и помню о наших двух великих учителях и братьях — Марксе и Энгельсе, с которыми я в молодости жил, работал и боролся плечом к плечу. Я ответил товарищу Бартону, но ничего о нем не слышал, пока несколько дней назад не получил письмо от товарища В. Адоратского (Институт Маркса — Энгельса — Ленина в Москве) с просьбой сообщить какие-либо дополнительные сведения об основателях Первого Интернационала, членом которого я стал более 63 лет тому назад. Сейчас я попытаюсь ответить на вопросы тов. Адоратского и его коллег, сотрудников Института. «О, если бы были живы Маркс и Энгельс!» — сказал

я жене, когда читал сообщения о вашем замечательном восстании в 1917 г.; какой это было бы радостью для этих двух великих людей, заветам которых вы последовали! Но они тогда уже покоились в могиле, и звуки вашего боевого набата воскрешали только память о них. Но для всех нас они живы, пока жив наш человеческий род, и даже в памяти тех, кто придет нам на смену и, может быть, будет наделен более совершенным мозгом, чем мы. Будем надеяться на это!!

ПОСЛЕДНИЙ КОНГРЕСС ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Все мы — оптимисты. Что бы мы ни делали, мы рассчитываем, что это пойдет нам на благо. Ни один человек, да и никакое другое живое существо, не станет сознательно поступать вопреки своим интересам. Поэтому-то я не думаю, чтобы Маркс и Энгельс стремились погубить Первый Интернационал, когда перевели его Генеральный Совет из Европы в Северную Америку. Я также не наблюдал, чтобы во время последнего конгресса Международного Товарищества Рабочих в Гааге ⁷⁸ проводились какие-либо тайные совещания или другие встречи при закрытых дверях. Зачем могло понадобиться отцам этой великой организации погубить то детище, появления которого на свет они с таким трудом и ценой таких страданий добивались всю свою жизнь? Нелогично предположить, что люди их склада, полные энтузиазма и любви к человечеству, были способны на столь подлое преступление! Враги прогресса, враги трудящихся масс, приписали Марксу и Энгельсу это преступление. Правда, в Гааге были люди, получившие от Михаила Бакунина указания сделать все возможное для разрушения Интернационала, который сам Бакунин в течение ряда лет называл орудием немецкого централизатора Карла Маркса, которого он ненавидел, как мифический черт ненавидит Weihwasser (святую воду); это было ему нужно, чтобы добиться блистательного успеха для своего собственного анархистского Альянса ⁴⁴⁰. Но мы не можем приписать этого преступления делегатам, направленным Бакуниным в Гаагу, потому что они составили на конгрессе ничтожное меньшинство [...] в восемнадцать человек из общего

числа в шестьдесят пять. И все они голосовали за перевод в Нью-Йорк, так же как и большинство остальных 47 делегатов, часть которых (не знаю, кто они были) покинула Гаагу до того, как могло быть проведено последнее голосование. Восемнадцать последователей Бакунина голосовали также против его исключения.

Теми делегатами, которые твердо намеревались вместе с Марксом и Энгельсом продолжать славное дело Интернационала в уверенности, что в Америке, особенно в республиках к югу от Рио-Гранде, открывается широкое поле для его развития и успеха (но которые жестоко ошибались в оценке Соединенных Штатов), были:

Дюмон, представитель от Парижа и Руана.

Лео Франкель, ювелир, интендант Парижской коммуны.

Жоаннар, делегат французской секции.

Люкен » » »

Шарль Лонге (зять Маркса), делегат французской секции.

Ранвье, рисовальщик по фарфору, делегат секции Ферре (Париж).

Сварм, чертежник, делегат французской секции.

Серраье, формовщик » » »
(член Генерального Совета).

Вальтер, делегат французской секции.

Вайян, гражданский инженер, представитель от Парижа, Шо-де-Фона (Швейцария), Сан-Франциско.

Вишар, делегат французской секции.

Вильмо » » »

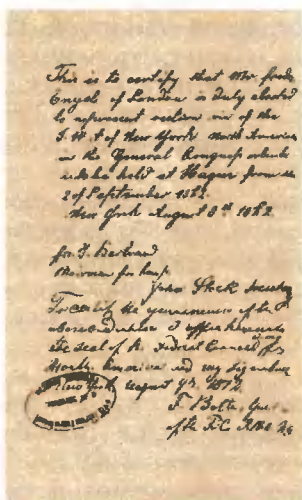
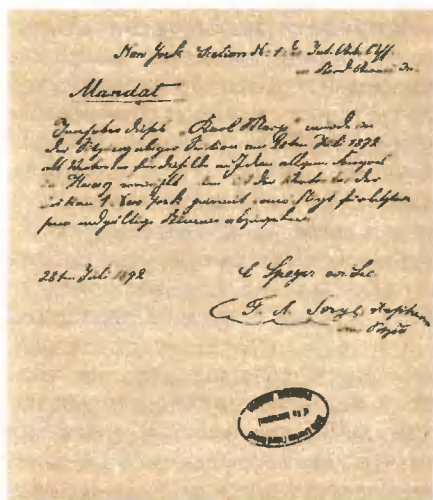
Большинство французских делегатов были эмигрантами, вынужденными покинуть свою родину в связи с участием в защите Парижской коммуны и парижского народа от палачей, которых натравливали против них Тьер и Бисмарк.

Остальные делегаты приехали из Англии, Германии, Америки, Швейцарии, Дании, Португалии, и только один из них представлял Россию, откуда у него, впрочем, не было мандата. Это был учитель Врублевский, член Генерального Совета и представитель польской секции в Лондоне.[...]

Среди делегатов в Гааге не было ни одной женщины. В то время суфражистское движение⁴⁴² еще

Мандат К. Маркса
на Гаагский конгресс
Международного
Товарищества
Рабочих

Мандат Ф. Энгельса
на Гаагский конгресс
Международного
Товарищества
Рабочих

только-только начиналось, а мужчины были слиш-
ком заняты созданием своей собственной организа-
ции.[...]

В ОСТРОЙ БОРЬБЕ

2 сентября 1872 г. мы собрались в большом зале
в Гааге (название зала и его местоположение я не пом-
ню). Это было что-то вроде зала для танцев в каком-
то отеле площадью примерно 50 на 20 футов; по одной
стороне были расположены хоры, где сидели немного-
численные зрители и среди них репортеры несколь-
ких местных и иностранных газет, а также Малате-

ста *, — ярый итальянский анархист и близкий друг Бакунина. Широкая публика в Гааге не интересовалась нашими заседаниями, которые с самого начала носили характер ожесточенных боев. Вокруг нескольких составленных вместе столов расположились все 65 делегатов. Во главе сидел Маркс, Энгельс — справа от него. Избрали временного председателя, секретаря и казначея. Секретарь первым делом назначил комиссию для проверки полномочий делегатов.

Комиссия удалилась, а после перерыва сделала доклад, в котором предлагала отвергнуть мандаты нью-йоркской секции № 12 и Испанской федерации не только потому, что они свыше года не платили членских взносов, но и из-за их подрывной тактики по отношению к Интернационалу. Тут со своего места взвился «Билли» Уэст, представитель секции № 12, и произнес несвязную речь в защиту «свободной любви». «Мы гордимся тем, что являемся поборниками свободной любви!» — кричал он. Из разных концов зала раздавались на многих языках реплики делегатов: «Выставьте его вон отсюда!». Проголосовали, и «Билли» предложили отправиться обратно в Нью-Йорк к своим единомышленникам.[...]

Затем бой разгорелся вокруг предложения не признавать мандаты испанских бакунистов. Он длился несколько часов, причем члены Генерального Совета обвиняли испанцев в участии в заговоре с целью раскола Интернационала; испанцы отвечали гнусными инсинуациями в адрес Маркса и Энгельса, называя их самовлюбленными политиканами и буржуа, разжиревшими от доходов организации, членов которой они-де обманывали, пользуясь их невежеством. Ввиду явной нелепости этих обвинений, большинство делегатов было готово объявить мандаты испанцев недействительными, но вот казначей испанцев с важным видом подошел к временному казначею конгресса и высыпал перед ним на стол мешок золотых монет, воскликнув: «Вот наши взносы, и теперь извольте нас допустить, наши взгляды на тактику и стратегию организации не имеют ничего общего с нашими правами членов!» После непродол-

* Ошибка автора. На конгрессе из Италии присутствовал не Малатеста, а К. Кафьеро. Ред.

жительной дискуссии испанцы были допущены незначительным большинством голосов, как и делегаты Юрской федерации, против которых были выдвинуты сходные обвинения.

Теперь конгресс мог, наконец, приступить к своей нормальной работе.

РАБОЧАЯ ОБСТАНОВКА — ПЕРСПЕКТИВЫ

Чтобы обеспечить систематическую работу конгресса, было решено для каждого заседания избирать председательствующего, уполномочив его назначать комиссии и вести заседание по всем парламентским правилам, учитывая реплики делегатов с мест.

Затем был зачитан доклад Генерального Совета ⁴⁴³ — читали по очереди Маркс, Энгельс и другие члены Совета.

О том, каким превосходным лингвистом был Энгельс, вы можете судить по следующему факту: как-то утром мы завтракали у себя в отеле. Энгельс сидел слева от меня, а моими соседями справа были два незнакомца: один — седой старик, другой — средних лет. Энгельс шепнул мне: «Осторожно, не разговаривайте со мной, эти двое — русские шпионы», а затем, насмешливо улыбаясь этим господам, громко сказал что-то по-русски, из чего я уловил только слово «русский». Незнакомцы сделали вид, что не слышали того, что сказал Энгельс, и замолчали. В следующие дни я убедился, что Энгельс был прав: я видел, как эти два субъекта все время околачивались вокруг помещения, где заседал конгресс, а в отелях, где остановились делегаты, шпионы усердно приглядывались и прислушивались. Энгельс изучал русский язык, когда ему уже перевалило за 60 лет, — подвиг, непосильный для таких стариков, как я. Сам я после 50 лет не изучил ни одного нового языка, хотя и овладел английским, на котором до приезда в Нью-Йорк разговаривать не мог.

Отчет был написан на английском, французском и немецком языках. Это был довольно объемистый документ, и, насколько я помню, его содержание сводилось к тому, что положение нашей организации во всем мире далеко не блестящее, особенно в финансовом отношении, поскольку во многих странах у нее мало членов,

уплативших свои взносы. О русских членах Интернационала вообще не упоминалось, поскольку из вашей великой страны членские взносы не поступали. Так как некоторые делегаты из Италии и Испании не знали никакого языка, кроме своего собственного, меня назначили переводчиком на испанский и итальянский языки и я немало потрудился, переводя весь доклад, а также все замечания и вопросы с мест, на которые Маркс и Энгельс подробно отвечали.

Маркс говорил не очень гладко, он не был особенно эффектным оратором. Энгельс обращался к аудитории в разговорном тоне, в его выступлениях было много сарказма и юмора, «в стиле буршей», как мы, немцы, обычно определяем беседу студентов. Маркс, когда говорил, иногда ронял монокль и, не спеша, водворял его на место, на правый глаз. Хотя ему в то время было пятьдесят пять лет, он был еще очень крепок физически, в густых волосах и бороде только пробивалась седина. У него был смуглый цвет лица, ничто в его внешности не выдавало его еврейского происхождения. Еще в университете товарищи дали ему прозвище «Мавр». Американские юнцы, вероятно, окрестили бы его «негром». Его жена и дети всегда называли его «Мавром», видя в нем скорее веселого товарища, чем сурового и властного главу семьи.

После того как доклад Совета был зачитан и переведен, его передали комиссии по организационным вопросам. Затем были зачитаны и частично обсуждены доклады из разных стран, причем многие делегаты сделали только устные сообщения. Как видите, моя должность переводчика далеко не была sinecurой, мне все время приходилось быть «на посту», а, кроме того, я ведь был председателем специальной комиссии, которой поручено было доложить конгрессу свои выводы относительно обвинений в подрывной деятельности, выдвинутых Генеральным Советом против Бакунина и Гильома.

В состав этой комиссии, работавшей по вечерам после заседаний, входили делегаты Люкен, Вальтер, Спенгар, Вишар и я. Нам передали огромное количество писем, печатных документов, отчетов и т. п., и мы пять дней до поздней ночи разбирались во всем этом материале, прежде чем прийти к определенному решению.

О том, что произошло однажды вечером во время заседания нашей комиссии, когда один из членов Альянса грозил застрелить меня, я рассказывал в своем письме к Бартону * и нет необходимости повторять это здесь. Добавлю только, что человек, который грозил мне револьвером, носил обычно в виде пояса красный шелковый флаг, который он, очевидно, собирался развернуть в тот момент, когда во всем мире будет провозглашена Социальная Революция. [...]

ЭПИЗОД

После окончания первого дня заседаний Гаагского конгресса я попросил делегатов задержаться на несколько минут в зале, так как должен сделать объявление личного характера. Затем я громко произнес: «Заявляю, что считаю Рудольфа Шрамма негодяем и вором, так как он, будучи прусским консулом в Милане, не только не сумел защитить меня от оскорблений со стороны итальянской полиции, но и помог ей обокрасть меня! Что может он сказать по этому поводу? Он находится здесь, в Гааге, и пытался заручиться поддержкой Карла Маркса для того, чтобы добиться избрания в германский парламент». Репортеры местной и иностранной прессы извратили эти мои слова, сообщив, будто конгресс приговорил бедного господина Шрамма к смерти! А на следующее утреннее заседание явился возбужденный г-н Шрамм и потребовал, чтобы человек, назвавший его вором, либо публично принес ему извинение, либо дрался с ним на дуэли. Я уже писал товарищу Бартону о том, что случилось позднее: о моей встрече со Шраммом и о том, как он ретировался, когда я отказался драться с ним, так как осуждаю дуэль как нелепый пережиток средневековья, хотя, будучи студентом, участвовал в нескольких так называемых «поединках», в которых оружием нам служили длинные, тонкие и острые клинки. Я был несколько раз ранен в голову, шрамы видны до сих пор.

На этом дело закончилось, и мы вновь занялись нашей текущей работой.

* См. настоящее издание, ч. 2, с. 135—139. Ред.

ИСКЛЮЧЕНИЕ

В то время как комиссия по делу Бакунина до полного изнеможения занималась утомительной работой — читала письма, документы, доклады и выдержки из книг, остальные члены конгресса отдыхали — сидели по своим отелям или ходили в театры, на концерты, в парки и на взморье⁴⁴⁴. Насколько мне известно, никаких тайных собраний не устраивалось. Все велось открыто: Маркс и Энгельс составили свои планы еще задолго до приезда в Гаагу. Они переписывались с членами Интернационала во всем мире, особенно интенсивно с Ф. А. Зорге и другими в США, и, таким образом, по вопросу о перенесении Генерального Совета из Лондона в Нью-Йорк уже договорились до того, как провели голосование. Так же было твердое намерение избавиться от Бакунина, уже ставшего для Интернационала источником постоянных неприятностей. Его так называемый Альянс⁴⁴⁰ кишел «агентами-provокаторами», шпионами и маньяками. В этом я убедился на собственном опыте, когда работал и занимался агитационными и организационными вопросами в Италии. Повсюду я наталкивался на препятствия и противодействие изнутри. Некоторые из этих субъектов пытались помешать мне, убеждая одуроченных ими людей в том, что я — «straniero» (иностранец), «tedesco» (немец), с которым порядочные итальянцы не должны иметь ничего общего. Некоторые из них регулярно совершали поездки в Швейцарию, в Лугано, отчитывались там перед Бакуниным и возвращались, получив от него новые инструкции. Один из этих субъектов, Джузеппе Винченцо Тестини, легкомысленный мальчишка, даже подсмеивался над их великим русским божеством, рассказывая мне, между прочим, что Бакунин сказал о своей белокурой молодой жене: «И дураком же я был, что связался с этим созданием!» Не характерно ли это для хвастуна, всю жизнь бывшего великим путаником и в России, и в Саксонии, и во Франции, где он провозгласил «отмену государства» в Лионе в 1870 г.⁴⁴⁵, когда наши братья боролись в рядах Коммуны, сам он целый день курил сигары и пил шампанское в здании муниципалитета, а потом позорно бежал, узнав, что правительственные войска очистили город от револю-

ционеров и приближаются, чтобы захватить вождя разрушителей буржуазного «мира и порядка». И как раз этот парнишка Тестини и выдал меня, когда я сидел в кафе «Ньюкки», сыщикам, заглянувшим в окно. На следующее утро я был арестован и заключен в тюрьму в Вероне, откуда спустя три месяца они выслали меня, прикованного к старому бродяге, в Ала, австрийскую пограничную станцию, с угрозой, что меня заключат пожизненно в *Domicil coatto* * на острове Сардиния, если я когда-либо вернусь в Италию. Бедный глупый Тестини вскоре после этого поплатился за свое предательство тем, что полиция арестовала его самого и выслала на остров Сардинию.

В последний день конгресса наша комиссия, закончив свою утомительную работу, доложила, что Бакунин действительно виновен в том, что попытался разрушить Интернационал посредством организации своего анархистского Альянса социалистической демократии — название, кстати сказать, совсем неправильное, потому что в этой лживой организации, явно стремившейся к расколу и гибели Интернационала, не было ни на грош ни демократии, ни социализма. Доклад комиссии был принят подавляющим большинством делегатов, и Бакунин и Гильом были исключены. Документы, находившиеся в руках комиссии, были переданы Марксу и Энгельсу, и они сделали из них обширную сводку, выпущенную впоследствии книгой, введение которой гласит:

«Международное Товарищество Рабочих, поставив себе целью сплотить воедино разрозненные силы мирового пролетариата, и стать, таким образом, живым выразителем общности интересов, объединяющей рабочих, неизбежно должно было открыть доступ социалистам всех оттенков. Его основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового Света, утвердившие на международных конгрессах Общей Устав Товарищества, упустили из виду, что сама широта его программы позволит деклассированным элементам проникнуть в него и создать внутри него тайные организации, усилия которых будут направлены не против

* — казематах. *Ред.*

буржуазии и существующих правительств, а против самого Интернационала. Так и произошло с Альянсом социалистической демократии»²⁸⁴.

ПОСЛЕ ТОГО КАК ЗАНАВЕС ОПУСТИЛСЯ

Под пение «Марсельезы» мы объявили конгресс закрытым *sine die* (что фактически и дословно означало «бессрочно», но также и «безвозвратно»); и с прежде великой организацией так и случилось в действительности, когда она была перенесена с европейской почвы в так называемый Новый Свет, где закончила свое существование.

Из Гааги большинство из нас отправилось в Амстердам, где местные члены Интернационала сняли зал, чтобы устроить в нем открытое пропагандистское собрание. Зал был невелик, в нем не было ни стульев, ни скамей; тем немногим, кто пришел на собрание, пришлось слушать ораторов *stante pede* * [...] Впрочем, посторонней публики собралось мало. Первым и главным оратором был Маркс. Содержания его речи я не помню⁴⁴⁶. Я пробыл на собрании недолго и пошел с французскими товарищами посмотреть на старый, изрезанный каналами Амстердам и на множество девушек в белых чепчиках, толпившихся на улицах.

Позвольте упомянуть также о большом банкете, устроенном в Схевенингене, шикарном морском курорте близ Гааги, где мы пировали, пили, ели, пели песни,— за все платил Генеральный Совет. Банкет состоялся после чудесного купания в море, которое стало бы для меня последним, если бы Энгельс не спас меня, как я уже рассказал в письме Бартону. Многие из тех, кто отправился из Кале и Дувра на курсировавшем по этой линии пароходе, страдали от морской болезни, но Энгельс и некоторые другие, включая меня, провели ночь на палубе, попивая эль и портер (пополам), рассказывая всякие истории и строя фантастические планы на будущее.

По приезде в Лондон я провел несколько дней с Марксом и Энгельсом, ночуя то у одного из них, то у другого, и совершил несколько прогулок по Лондону, побывал в здании парламента, в Тауэре, в соборе

* — стоя. Ред.

св. Павла; но самое большое впечатление произвел на меня стул в читальном зале Британского музея, где годами сидел Маркс, читая и делая подготовительные выписки для своего бессмертного «Капитала». Показала мне этот стул Элеонора, младшая дочь Маркса [...]

3

ИЗ РУКОПИСИ «ВОСПОМИНАНИЯ АГИТАТОРА»

Бруклин, 18 января 188[3] *

Одним из самых ярких моментов в моей жизни социального пария было участие в заседаниях конгресса Интернационала в Гааге (в Голландии в 1872 г.)⁷⁸, где я представлял секции Дюссельдорфа и Штутгарта. Я прибыл в Гаагу, когда конгресс уже приступил к работе. Заседания проходили в общественном зале для танцев на Ломбард-страат. Войдя в зал, я увидел ряд столов, расположенных в виде подковы, за которыми разместилось самое интересное общество, какое мне когда-либо в жизни приходилось видеть. Многих из делегатов я знал лично, ряд из них помнил по портретам, некоторых узнал по описаниям, остальных же по типичным национальным признакам, которые выдавали в них представителей Испании, Италии, Франции, Англии и Америки. Первым, кто приветствовал меня, был Генрих Шёй, один из благородных молодых людей, положивших начало движению в Вене, и один из немногих, который сохранил твердость стали и последовательность математика, отстаивая политическое действие профессиональных союзов, организованных на социалистической основе. Я спросил его о полковнике Иоганне Филиппе Беккере, для которого у меня было несколько писем, и Шёй, неправильно поняв меня, представил меня невысокого роста мужчине пресыщенного вида, с туповатым взглядом, рыжим париком на лысой голове, беспокойному и нервному, как обезьяна. Я стоял ошеломленный. Это не мог быть Иоганн Филипп Беккер, герой боев баденской революции⁶⁷, организатор Интернационала во всех немецкоязычных странах Европы. И я сказал маленькому человеку, что не думаю,

* Угол страницы поврежден. Ред.

чтобы он был И. Ф. Беккером. «Разумеется, нет,— ответил тот слабым, квакающим голосом.— Я Бернхард Беккер!» Бернхард Беккер — отвратительная личность — преемник Фердинанда Лассаля на посту лидера движения в Германии, которое он впоследствии предал. Есть люди, у которых дурные мысли и отсутствие искренности как бы написаны на лице, но мало кто умеет читать характеры их. После некоторого обмена банальностями я огляделся и по другую сторону стола увидел Иоганна Филиппа Беккера как раз таким, каким мне его описывали: великан, с длинной черной бородой, высоким лбом, широкими плечами; левый глаз как у Бена Батлера! Я подошел и вручил ему письма.

Затем я увидел Энгельса. Он сидел слева от председательствующего, курил, писал и с увлечением слушал ораторов. Когда я представился ему, он поднял голову от своих бумаг и, схватив мои руки, радостно сообщил: «Все идет хорошо, у нас подавляющее большинство».

Как известно, это была решающая битва между Марксом и Бакуниным. Вопрос стоял так: быть ли Интернационалу хорошо дисциплинированной армией, способной вести борьбу против организованного врага, или же он должен был расколоться на сотню тысяч частиц, причем каждый отдельный член воображал бы себя генералом, а Бакунин — великим, непогрешимым диктатором, который стоит во главе, водит их всех за нос, льстит их тщеславию и тем самым превращает их в слепо повинующееся ему орудие.

Лицо Энгельса было мне знакомо по фотографиям, но в действительности он оказался более худым, чем на портретах. Это был высокий, худощавый человек с резко очерченными чертами лица, с длинными рыжеватыми усами, небольшими синими глазами и очень красным носом. Его движения и речь были быстры и четки; у окружающих создавалось убеждение, что этот человек точно знает, чего он хочет и каковы будут результаты его слов и действий. Из разговора с ним каждый извлекал для себя много нового и поучительного. Его мозг — сокровищница научных знаний; Энгельс разговаривал более чем на дюжине языков, которые изучил с той целью, чтобы руководить движением в столь многочисленных странах Старого Света.

Напротив Энгельса сидел Поль Лафарг — зять Маркса, который вел борьбу против бакунистского тайного общества в Испании. Представляя меня Лафаргу, Энгельс воскликнул: «Вот они оба тут, наши борцы в Испании и Италии!»

Маркс сидел позади Энгельса. Я узнал его тотчас же по большой густой шапке волос. Его лицо было смугло, волосы и борода седые. Одет он был в черный костюм из тонкого сукна. Когда он хотел рассмотреть кого-нибудь или что-нибудь особенно внимательно, он вставлял в свой правый глаз монокль. Энгельс подвел меня к нему, и Маркс встретил меня очень приветливо и попросил после окончания заседания рассказать ему о положении дел в Испании и Италии.

Следующим делегатом, привлечшим мое внимание, был молодой человек с еврейскими чертами лица и южнонемецким акцентом. Он переводил речи немецких ораторов на французский язык. Энгельс сообщил мне, что это — Лео Франкель, министр просвещения Парижской коммуны. Франкель был венгр. Это был человек большого ума и обширных знаний. Его жизнь, полная мученических страданий и преследований во Франции и в Венгрии, хорошо известна всем старым участникам движения.

Интересной личностью был Мораго, испанец и фанатичный последователь Бакунина; его жгучие, темные глаза, страстная речь, неистовая жестикуляция производили дьявольское впечатление.

Там был и другой испанец, Марселау, человек, который заметно отличался от других своих соотечественников; манеры его были спокойными, аргументация более обдуманна; говорил он мало, а наблюдал непрерывно. Он бегло говорил по-французски и по-английски, что весьма редко среди испанцев.

У Алерини из Барселоны вместо пояса был большой красный шарф, репортеры говорили, что это флаг Коммуны. Один из самых заклятых врагов Маркса, он держался как боксер-профессионал и забияка.

Гильом, поборник *Юрской федерации*, был иезуитским генералом бакунинских сил. Впалые щеки, заостренный нос, сверкающие глаза, лицемерный фанатизм — таков тот, кто являлся душой заговора с целью разрушения Международного Товарищества. Есть чело-

век, очень напоминающий Гильома по манере и по тактике, прямо в нашей среде здесь, в Нью-Йорке, — Мориц Бахман, но это только тень той способности ко злу, которую воплощал в себе Гильом.

Ранвье, Дюпон, Серрайе, Жоаннар и Ле Муссю — все члены Парижской коммуны — производили впечатление людей умных, вдумчивых и логично мыслящих. Английские делегаты не привлекали особенного внимания, но видно было, что они уже много лет участвовали в движении. Эккариус, неутомимый агитатор и немецкий портной, был в их числе; в последующие годы он оказался тем, что мы называем дельцом-социалистом, и изменил движению.

После первого заседания Маркс сказал мне в отеле, где мы остановились, что Рудольф Шрамм, бывший прусский консул в Милане, находится в Гааге. Это человек, которого я считал ответственным за насилие, совершенное надо мной итальянскими властями в Милане. Когда они арестовали меня, я написал письмо германскому консулу и, увидев имя Рудольфа Шрамма в адресной книге, адресовал письмо ему. Но не последовало никакого ответа на письмо, в котором я требовал, чтобы германский консул защитил меня, так как я был в то время тем, кого называют «германский подданный». На следующем заседании конгресса, перед самым перерывом, я публично попросил Рудольфа Шрамма встретиться со мной, так как хотел получить от него удовлетворение. На следующее утро репортеры, не понявшие меня, так же как они не понимали или извращали все, что говорилось и делалось делегатами, опубликовали сообщение, что Шрамм приговорен конгрессом Интернационала к смерти. Поэтому Шрамм был предупрежден властями и в сопровождении двух сыщиков и двух полицейских в форме явился на конгресс, чтобы выяснить причину смертного приговора. Все засмеялись, когда Шрамм, старый повеса, разодетый как денди, с седыми волосами, уложенными в локоны, сильно надушенный, с розами в петлице, возмущенно изложил свою просьбу, чтобы его обвинитель предстал перед ним. Маркс указал ему на меня. Он выпрямился и, презрительно взглянув на меня, сказал: «Я думал, что оскорбил меня кто-нибудь вроде Луи Блана, Фридриха Энгельса или Карла Маркса, но такой мальчишка. Ба!..

Но тем не менее я вызываю его на дуэль». Делегаты снова засмеялись, а я, вскочив, взял шляпу и сказал свирепому старому денди, что готов с ним встретиться. Мы оба вышли, и на тротуаре в окружении толпы зевак я объяснил ему, что, по-моему, он заведомо пренебрег своим долгом, не оказав мне защиты. «Но, дорогой мой, — сказал он, — я же не был консулом в Милане в это время, и вы, должно быть, посмотрели в старую адресную книгу». Последовали дальнейшие объяснения, и Шрамм удалился, сказав сыщикам и полицейским, готовым «схватить меня», что произошла ошибка. Когда я вернулся на конгресс, мы вновь посмеялись над г-ном Шраммом. Несмотря на это, сообщение о том, будто Интернационал постановил убить Шрамма, обошло всю европейскую прессу и не нашлось ни единой газеты, готовой опубликовать мое объяснение по этому делу.

За всю свою жизнь я ни разу не видел со стороны репортеров, а также и редакторов ни малейшей склонности обращаться с социалистами хоть с крупицей справедливости — они, вероятно, считают социалистов сумасшедшими или негодяями. Некоторые газеты в Гааге призывали женщин остерегаться членов Интернационала, которые якобы привыкли прямо на улице срывать серьги и другие драгоценности.

Расследование бакунинских интриг против организации было жизненно важным для существования и деятельности Интернационала. Бакунин образовал второе общество внутри Интернационала с неприкрытой целью направлять движение последнего по своей указке. У нас были письменные и устные свидетельства на этот счет. Даже секретные инструкции и устав *Международного социалистического Альянса* (как был назван этот заговор), написанный самим Бакуниным, были в нашем распоряжении. Делегаты Вальтер, Люкен, Вишар, Рош Спенгар и я были избраны в комиссию по расследованию, чтобы доложить, что должно быть сделано с людьми, которые пытались разрушить организацию. Комиссия избрала меня председателем. Мы получили свидетельские показания от Энгельса, Маркса, Серрайе, Дюпона, генерала Врублевского, Лафарга и других, доказывавших, что Альянс существовал в Испании, Италии, Швейцарии, Бельгии, Англии, Америке и что его деятельность имела целью парализовать рабо-

чее движение, поскольку Бакунину удалось заставить своих последователей уклоняться от участия в политической борьбе, провоцировать преследования и разобщать организованные массы пролетариата. Было также доказано, что Бакунин человек подлый во всех отношениях. Среди других документов, например, у нас было письмо, написанное Нечаевым (одним из орудий Бакунина, который впоследствии был убит каким-то другим орудием, потому что знал слишком много), показывающее, что Утину, русскому социалисту, угрожали, что его убьют, если он осмелится переводить «Капитал» Карла Маркса на русский язык⁴⁴⁷. Сам Бакунин взялся затем за перевод, ему было уплачено в виде аванса 300 рублей, а он представил всего-навсего две страницы рукописи человеку, который собирался издавать работу для русской публики. Во всех отношениях расследование дало веские доказательства того, что анархистский святой, великий сибирский мученик Михаил Бакунин был не только полон тщеславия, но был и коварным тираном, который не выносил никого, кроме себя, и прибегал к самым неразборчивым средствам, дабы сохранять свое положение непогрешимого пророка и воплощенного разума, сконцентрированного лишь в его мозгу и излучаемого им. То, что ему платило русское правительство как тайному агенту, никогда не было доказано, но все его действия и все его планы вызывали такое подозрение. Комиссия доложила, что Бакунин сделал попытку расколоть организацию, чего он частично и достиг, и что его главным сообщником был Гильом, редактор «Bulletin de la Fédération jurassienne». Было показано, что явные агенты наполеоновского правительства во Франции, такие, как Малон⁴⁴⁸, Гаспар Блан и Ришар, были личными агентами Бакунина и основателями Альянса во Франции. Когда доклад был представлен конгрессу, испанские делегаты вместе с Гильомом и Швицгелем клятвенно заверили, что Альянс никогда не существовал и что все, что было сказано о Бакунине, является ложью. Но большинство спокойно это выслушало и затем проголосовало за исключение Бакунина и Гильома. За подписание мной доклада в качестве председателя комиссии делегат Рош Спленгар, который был одним из бакунистских агентов, угрожал застрелить меня, но Люкен, Врублевский и другие отобрали у него револьвер.

Это был последний конгресс старого Интернационала, так как перемещение Генерального Совета из Европы в Америку затруднило связи, а всеобщие раздоры, так же как всеобщий торговый кризис 1873 г., содействовали роспуску великой организации, основанной Марксом и Энгельсом, чьей деятельности мы обязаны нашим нынешним движением во всем цивилизованном мире. Но семена зла, посеянные Бакуниным, тоже дали дурные всходы; его многочисленные последователи, безмозглые глупцы и фанатики, мешают нам со всех сторон, к великому удовольствию капиталистов и деспотических правителей.

Социалисты должны проводить свои принципы в жизнь. Я заметил, что мало кто из них является социалистом у себя дома, где никакие деловые соображения не мешали бы им быть примерными отцами, людьми широких взглядов и хорошими воспитателями своих подрастающих детей.

Маркс был социалистом во всем, что он делал. Вам бы стоило посмотреть на него дома, в окружении его благородной, высокообразованной жены и трех красивых и умных дочерей; у него вовсе не было тех властных повадок, которые мы часто наблюдаем у женатых мужчин, даже если они называют себя социалистами. Из-за его черных волос и смуглости его товарищи, студенты в Бонне на Рейне, прозвали его «Мавр», «чернокожий» сказали бы они, вероятно, в Нью-Йорке, или «Чарли-негр». Это прозвище осталось у него на всю жизнь, и все более или менее близкие люди звали его «Мавр» — жена, дочери, зятья и друзья. Никто из детей никогда не называл его «отец», так как в этом слове он видел начало тирании и самомнения. Он считал, что никто не может обладать властью над другим существом в силу того случайного обстоятельства, что является его отцом или матерью. По той же причине Маркс никого не называл господин, мистер, мсье или синьор, так как терпеть не мог титулы и всякое лицемерие. «Лицемерие заставляет людей пользоваться в общении друг с другом обращениями, про которые сами знают, что они не заслужены», — частенько говорил он. Знакомя своего зятя Лафарга со своими друзьями и социалистами, он часто говорил: «Гордостью моей жизни является то, что одна из моих дочерей замужем за цветным». У Лафар-

га, португальца *, в жилах текла и негритянская кровь, а Маркс радовался тому, что ему посчастливилось дать своим последователям хороший пример преодоления нелепых расовых предрассудков. И также во всех других вещах. У Маркса не было таких принципов, которых он бы не проводил на практике всюду и всегда, где это представлялось возможным. Каким он был в мелочах, таким же он был и во всем остальном.

С тех пор как он впервые изложил свое учение в начале своей общественной деятельности в качестве молодого журналиста в Рейнской провинции Пруссии, вплоть до последних писем к друзьям, во всех своих великих трудах и в полемических произведениях он оставался мастером логической мысли, светочем социального движения, неизменно указывающим на необходимость централизованного действия, всемирной организации профессиональной и экономической борьбы для осуществления и укрепления грядущей пролетарской революции во всех странах земного шара.

Вот, социалисты, вам пример — ваш великий учитель, в учении которого никому еще не удалось обнаружить чего-нибудь неразумного или ошибочного, почему бы вам не следовать его примеру во всем? Я уверен, что наши идеалы никогда не будут достигнуты, если мы сойдем с пути, указанного им. Поэтому я всегда буду отстаивать централизацию сил, пока противник не повержен, и политическое действие, пока люди не станут настолько разумны и настолько хороши, что смогут жить и процветать без каких-либо законов и без какой-либо полномочной власти, призванной проводить законы, принятые большинством и основанные на науке и здравом смысле.

Впервые опубликовано на русском языке со значительными сокращениями в книге: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956 и полностью в книге: Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма. М., 1972

Печатается с незначительными сокращениями по тексту книги: Гаагский конгресс Первого Интернационала, сверенному с рукописью
Перевод с английского

* Ошибка автора: отец Лафарга был французом, а мать кубинкой.
Ред.

Несколько штрихов к характеристике великого Маркса ⁴⁴⁹

Будучи еще молодым студентом, восторженно относившимся к Карлу Марксу, мой отец написал ему письмо. Лондонский адрес Маркса он узнал через Микеля, вместе с которым входил в одну и ту же студенческую корпорацию «Норманния». Все члены этой корпорации, цвета которой были оранжевый, белый и черный, начертали на своем знамени новые идеалы свободы. Несколько лет спустя корпорация была распущена, но бывшие ее члены всю жизнь оставались связанными верной дружбой. К величайшей радости моего отца, Маркс ответил ему, и таким образом постепенно между ними завязалась переписка.

Письма Марксу адресовались на имя «А. Вильямс». Это было вызвано тем, что его переписка находилась под контролем правительства, вскрывалась и часто ему не доставлялась. Поэтому и мой отец из предосторожности вообще избегал письменно обращаться к нему по имени, а начинал свои письма обычно словами: «Мой уважаемый, дорогой друг».

Когда же несколько лет спустя Маркс написал, что он собирается в ближайшее время поехать на континент ⁴⁵⁰, то мой отец, успевший за это время жениться, предложил ему остановиться у него в качестве гостя. Маркс принял это приглашение и согласился провести у отца несколько дней.

Моя мать, веселая, молодая женщина, уроженка Рейнской провинции, с некоторым опасением думала о предстоящем визите. Она ожидала увидеть маститого ученого, совершенно поглощенного своими политическими идеями и враждебно относящегося к современному общественному строю. Мой отец обычно был занят все утро и часть дня своей врачебной практикой, как же ей разговаривать с таким человеком, как Маркс? Но

отец уверял ее, что она всю жизнь будет с радостью вспоминать эти дни, и никогда еще ни одно предсказание не исполнялось с такой точностью.

Когда мужчины приехали с вокзала, то вместо ожидаемого мрачного революционера мою мать приветствовал веселый высокий элегантный господин, в приятном рейнском говоре которого она сразу же почувствовала что-то особенно родное. Под густыми седыми волосами блестели молодые темные глаза, и юношеская свежесть чувствовалась в его движениях и в его речи. Он не позволил моему отцу делать хотя бы малейшие намеки на политические темы, заявив при этом: «Это не для молодых дам, об этом мы поговорим как-нибудь потом». В первый же вечер его беседа была так увлекательна, настолько полна остроумия и веселья, что время пролетело совершенно незаметно.

Это были как раз первые дни страстной недели, и мои родители просили, чтобы он обязательно прослушал с ними в страстную пятницу «Страсти по Матфею» Баха. Но Маркс, хотя и был большим поклонником музыки, и особенно почитал Баха, с сожалением отказался от этого, так как предполагал уехать самое позднее в великий четверг.

Все же он пробыл в Ганновере четыре недели, и мои родители всегда с таким удовольствием вспоминали об этих днях, так долго хранили в памяти все разговоры и различные подробности, что это время, не тронутое серым покровом забвения, выделялось среди повседневной жизни, как озаряемая светом вершина.

Не только в домашней обстановке, но и в кругу знакомых моих родителей Маркс был скромен и любезен, принимал во всем участие, и когда кто-нибудь особенно нравился ему или когда он слышал оригинальное замечание, он вставлял в глаз монокль и весело, с живым интересом смотрел на этого человека.

Он был несколько близорук, но очки носил только при длительном чтении или письме.

С особенной радостью вспоминали мои родители беседы с Марксом в ранние утренние часы, в течение которых им никто не мешал. Поэтому моя мать вставала очень рано, чтобы по возможности до завтрака освободиться от всех хозяйственных забот. Иногда они

часами сидели за кофе, и мой отец всегда сожалел, что из-за врачебной практики он был вынужден рано уходить из дому.

Помимо вопросов, связанных с внутренними переживаниями и обстоятельствами жизни этого благородного, любезного и выдающегося человека, в разговоре затрагивались все области искусства, науки, поэзии и философии. Обо всем этом Маркс говорил, не впадая в поучительный тон. Моя мать очень интересовалась философией, хотя самостоятельно не занималась ею и не освоила ее глубоко. Маркс говорил с ней о Канте, Фихте, Шопенгауэре, иногда также и о Гегеле, восторженным приверженцем которого он был в своей молодости.

Правда, по поводу Гегеля он говорил, что, по словам самого Гегеля, ни один из его учеников не понял его, кроме Розенкранца, да и тот понял неправильно.

Шопенгауэр, этот решительный противник Гегеля, оценивается часто неодобрительно и весьма поверхностно многими из тех, кто зачастую даже и не читал его произведений. Некоторых его современников раздражала его странная персона, они называли его человеконенавистником. А между тем в работе «Об основах этики» он высказал заповедь: в сущностном единстве органического мира заложена обязанность не причинять страдания ни человеку, ни животному. Не поступать ни с одним живым существом несправедливо — это, указывает он, при потребности всего сущего в помощи есть простая заповедь справедливости, которая ведет к состраданию, к соблюдению принципа: «Помогай всем, насколько это в твоих силах». Никакой сентиментальный порыв не мог бы глубже выразить и этическую и социальную сторону заповеди любви к ближнему.

Сентиментальность, эта карикатура на истинное чувство, глубоко претила Марксу. При случае он цитировал слова Гёте: «Я никогда не был высокого мнения о сентиментальных людях, в случае каких-нибудь происшествий они всегда оказываются плохими товарищами». Очень часто, когда при нем кто-нибудь проявлял преувеличенную чувствительность, он приводил стихи Гейне:

Раз барышня стояла
Над морем в поздний час
И горестно вздыхала,
Что солнца луч погас*.

Маркс лично знал Гейне и посетил несчастного поэта в Париже в последний период его болезни. Гейне как раз перестилал постель, когда вошел Маркс; он был так болен, что к нему едва можно было прикасаться, сиделки поэтому несли его в кровать на простыне. Гейне, которого даже в этот момент не оставил его юмор, совсем слабым голосом приветствовал Маркса: «Видите, дорогой Маркс, дамы все еще носят меня на руках».

По мнению Маркса, чудесные песни Гейне о любви были лишь плодом его творческого воображения. Он никогда не испытал счастливой любви и меньше всего нашел счастья в своем браке. Его стихи:

Чем свет его вешать на площадь вели,
А в семь его сняли — в могилу снесли.
А в восемь она, как ни в чем не бывало,
Вино попивая, с другим хохотала**

— как нельзя больше подходят к его собственной кончине.

Характер Гейне Маркс оценивал очень отрицательно. Особенно осуждал он его неблагодарность за оказанное ему добро и дружбу. Например, нельзя оправдать его насмешливое стихотворение о Христиани: «Этот юноша любезный вызвать восхищенье может» и т. д.***

Дружбу Маркс считал священной. Однажды один посетивший его товарищ по партии позволил себе заметить по адресу Фридриха Энгельса, что последний как состоятельный человек мог бы сделать больше для освобождения Маркса от тяжелых материальных забот. Тогда Маркс резко перебил его: «Между Энгельсом и мной существуют такие близкие и душевные отношения, что никто не вправе вмешиваться в них».

То, с чем он не соглашался, он в большинстве случаев опровергал в шуточной форме, да и вообще он

* Г. Гейне. «Серафина». Ред.

** Г. Гейне. «Женщина». Ред.

*** Г. Гейне. Цикл «Опять на родине», стихотворение 65-е. Ред.

никогда не прибегал к грубому оружию защиты и даже в самой ожесточенной борьбе пускал в ход тонкое лезвие кинжала, которое, однако, очень метко разило врага.

Поистине не было такой области знания, в которую он не проник бы глубоко, такого искусства, которым бы он не восторгался, красоты природы, которая не захватывала бы его целиком. Но ему были противны всякая ложь, пустословие, хвастовство и лицемерие.

Обычно час-полтора до обеда он писал письма, работал, читал газеты в той комнате, которая, помимо спальни, была предоставлена в его полное распоряжение. Там он также вел корректуры первого тома «Капитала». Здесь стояла статуэтка Минервы с ее эмблемой — маленькой совой. Маркс, который очень восхищался моей матерью, ее сердечной добротой, ее находчивостью, хорошим характером и большими для ее молодых лет познаниями, особенно в области поэзии и художественной литературы, сказал ей однажды шутя, что она сама — молодая богиня мудрости. «О нет, — возразила моя мать, — я только совушка, которая, прислушиваясь, сидит у ее ног». Поэтому он называл ее иногда своей милой совушкой. Позднее он перенес это название на маленькую девочку, которую очень любил, с которой часами играл и болтал, когда она сидела у него на коленях.

А мою мать он стал называть «графиней» за ее изящные светские манеры и за то, что она ценила благовоспитанность. Вскоре он стал называть ее только так, независимо от того, кто присутствовал при этом.

Вообще в семье Маркса был обычай давать прозвища. Самого Маркса не только его друзья, но и его дочери называли «Мавром». Вторую дочь, Лауру, г-жу Лафарг, звали «Das Lauga» или «Мастер Какаду», по имени модного портного в одном старом романе, так как она исключительно элегантно и с большим вкусом умела одеваться. Женни, старшую дочь, ее отец называл чаще всего Женнихен; ее прозвище, о котором говорила моя мать, я позабыла. Младшую, Элеонору, называли только Тусси.

Моего отца Маркс называл Венцелем. Дело в том, что мой отец однажды рассказал, как один гид в Праге очень наскучил ему подробными рассказами о двух чешских правителях — о добром и злом Венцеле: о

злом, который приказал бросить в реку Влтаву святого Непомука, и о добром, который был очень благочестив. У моего отца были резко выраженные симпатии и антипатии, и в зависимости от того, как он высказывался о чем-нибудь, Маркс называл его то добрым, то злым Венцелем. Впоследствии он прислал отцу свою фотографию с надписью: «Моему Венцелю». Другьям и знакомым моих родителей Маркс также часто давал в их отсутствие другие имена и говорил, что им следовало бы, в сущности, называться так. При этом он часто выбирал совсем не какие-нибудь особенно характерные, а просто часто встречающиеся имена. Поэтому, всякий раз, когда мой отец представлял Марксу кого-нибудь из своих знакомых, он потом спрашивал его шутя: «Ну, Маркс, как же следовало бы им, в сущности, называться?»

Маркс всегда был весел, любил пошутить и посмеяться и ничто ему так не докучало, как бестактные требования случайных собеседников рассказать что-нибудь о его учении, на это он никогда не соглашался. В семейном кругу он называл подобную назойливость праздным любопытством. Но это случалось довольно редко.

Однажды один господин спросил его, кто же будет чистить сапоги в государстве будущего. Маркс с досадой ответил: «Это будете делать вы!». Бестактный господин смущенно замолчал. Это был, вероятно, единственный случай, когда Марксу не хватило выдержки.

Когда гость ушел, моя мать прямодушно сказала: «Я не хочу защищать этого господина с его дурацкими вопросами, но когда вы отвечали, я подумала — даже лучше, что он промолчал, а, например, не возражил, что не чувствует в себе призвания к чистке сапог». И когда Маркс признал ее правоту, она добавила: «Но и вас я не могу представить во времена всеобщей нивелировки, потому что у вас исключительно аристократические склонности и привычки». «Я тоже не могу, — ответил Маркс. — Эти времена придут, но нас уже тогда не будет».

Разные товарищи по партии, часто из самых отдаленных городов, посещали Маркса, и он принимал их в своей комнате. Частенько завязывались длинные

беседы на политические темы, которые затем продолжались в кабинете моего отца.

Однажды один из его сторонников, который бывал у него, появился, когда пришло время обеда. Разумеется, его пригласили остаться обедать. Он не отличался ни приятной беседой, ни хорошими манерами. Маркс был рад, когда он наконец простился. Моя мать тоже подшучивала над некоторыми его смешными замечаниями. Но мой отец сказал: «Ты не должна смеяться над этим человеком. Такие люди, как он, сознательно проявляющие интерес к проблемам своего века, относятся к лучшим людям своего времени». «Ах,— возразила моя мать притворно вздыхая,— но когда видишь лучших своего времени такими...» Тогда Маркс весело засмеялся и воскликнул, перефразируя слова Шиллера:

«Кто видел лучших современников своих,
Тому довольно этого навек!»⁴⁵¹

С того времени мы считали эти слова крылатыми и часто шутливо цитировали их.

Лучшей подругой моей матери была госпожа Тенге, урожденная Болоньяро-Кревенна из Франкфурта-на-Майне, женщина, выдающаяся во всех отношениях, благородная в истинном смысле этого слова. Она была замужем за крупным вестфальским землевладельцем Тенге-Ритбергом. Жили они в своем графстве Ритберг, недалеко от Реды. Подруги часто навещали друг друга, и г-жа Тенге называла маленькую комнату для гостей, которую она всегда у нас занимала, «моя комната». Теперь моя мать написала ей об интересном госте и просила ее приехать в Ганновер, чтобы познакомиться с ним. Госпожа Тенге с радостью приняла предложение и сообщила, что приедет в ближайшие дни. Теперешняя спальня Маркса как раз и была «ее комнатой», и поэтому моя мать предложила ему переселиться на время ее присутствия в другую.

Марксу чрезвычайно понравилась эта любезная интересная женщина, артистически игравшая на фортепьяно. Чудесные дни, совместно проведенные в оживленнейших беседах и веселье, остались незабываемыми для всех.

Не только в области науки и изобразительного искусства, но и в области поэзии у Маркса был тончайший вкус, его начитанность и память были одинаково поразительны. Он не только разделял восхищение моего отца великими поэтами греческой классической древности, а также Шекспиром и Гёте, но к его любимцам принадлежали также Шамиссо и Рюккерт. Из Шамиссо он цитировал трогательное стихотворение «Ниций и его собака». У Рюккерта он восторгался художественным мастерством, ему нравились также его «Макамы Харири», превосходно переведенные с персидского; по своей оригинальности они вряд ли могут быть сравнимы с чем-либо другим. Много лет спустя он подарил их моей матери на память об этом времени.

У Маркса были редкие способности к языкам. Кроме английского он владел французским настолько, что сам переводил «Капитал» на французский язык⁴⁵²; греческий, латинский, испанский и русский языки он знал так, что мог, читая вслух, тут же переводить с этих языков на немецкий. Русский он выучил совершенно самостоятельно, «чтобы отвлечься» в то время, когда его мучил сильный карбункулез.

Маркс находил, что Тургенев особенно верно изобразил своеобразие русского народа с его славянской сдержанной эмоциональностью. Он считал, что вряд ли кто из писателей превзошел Лермонтова в описании природы, во всяком случае редко кто достигал такого мастерства. Из испанцев он особенно любил Кальдерона. У него были с собой некоторые произведения Кальдерона, и он часто читал их вслух.

Вечерами, а лучше всего в сумерки, они охотно слушали мастерскую игру госпожи Тенге на фортепьяно.

Она на всякий случай захватила в Ганновер свой альбом, чтобы заново его переплести, чего ни в маленькой Реде, ни в расположенном довольно близко Билефельде нельзя было сделать так хорошо, как в крупном городе. Когда уже приблизилось время ее возвращения домой, она попросила Маркса сделать в нем запись, так как он жил в ее комнате, а значит, был, собственно, и ее гостем. Маркс выполнил ее желание и написал:

«Жизнь есть безумие, иллюзия и сон,—
Так учит нас маэстро Кальдерон.
Но нет иллюзии прекрасней, несомненно,
Чем обрести приют свой в сердце у Крвенны».

После того как г-жа Тенге уехала, моя мать случайно обнаружила записку со стихами, из которых и были взяты приведенные выше. Они звучали так:

«Жизнь есть безумие, иллюзия и сон,—
Так учит нас маэстро Кальдерон.
Но звукам, льющим из рук твоих, внимаю,
Хотел бы грезить не переставая.
Гармония всей властью женских чар
Безумства жизни устранил угар,
Но нет иллюзии прекрасней, несомненно,
Чем обрести приют свой в сердце у Крвенны».

Мои родители очень жалели, что был записан только фрагмент этой прекрасной мысли, но Маркс возразил, что эти строфы были слишком длинные для альбома.

В нашей квартире была очень большая комната в пять окон, в которой занимались музыкой и которая называлась залом. Но друзья дома называли эту комнату Олимпом, потому что по стенам ее стояли копии античных бюстов греческих богов. Надо всеми возвышался Зевс из Отриколи.

Мой отец считал, что Маркс очень похож на этого Зевса, и многие были согласны с ним. У обоих могучая голова с копной курчавых волос, великолепный лоб со складкой мыслителя, повелительное и в то же время доброе выражение лица. Мой отец находил у Маркса, как и у своих любимых олимпийцев, бодрое и жизнеутверждающее спокойствие души, которой были чужды всякая рассеянность и смятение. Он охотно вспоминал один меткий ответ Маркса на брошенный упрек, что «классические боги — символ вечного покоя, чуждого страсти». Наоборот,— сказал он,— в них вечная страсть, чуждая беспокойства. Когда же речь заходила о партийной политической деятельности, мой отец мог очень взволнованно осуждать тех, кто втягивал Маркса в свои беспокойные дела. Ему хотелось, чтобы Маркс, подобно олимпийскому повелителю богов и людей, ограничивался тем, что метал свои сверкающие молнии, а при случае и громовые стрелы, но не расточал своего драгоценного времени на повседневную суету. Так очень быстро летели дни в серьезных разговорах и

в шутках. Сам Маркс не раз называл это время «оазисом в пустыне своей жизни».

Два года спустя моим родителям снова посчастливилось в течение нескольких недель видеть у себя Маркса ⁴⁵³. На этот раз его сопровождала старшая дочь Женни. Привлекательная, стройная, с темными локонами, она по внешнему виду и по характеру была очень похожа на своего отца. Это была веселая, живая и приветливая, в высшей степени воспитанная и тактичная девушка; все грубое, бросающееся в глаза, ей претило.

Моя мать быстро подружилась с Женни и всю свою жизнь с любовью вспоминала о ней. Мать часто рассказывала, как много Женни читала, как широк был ее кругозор и как она восхищалась всем благородным и прекрасным. Она была большой почитательницей Шекспира и, вероятно, обладала драматическим талантом, так как однажды выступила в одном лондонском театре в роли леди Макбет. Как-то она исполнила у нас, но в присутствии только моих родителей и своего отца, демоническую сцену с письмом из этой роли. Деньги, которые она получила тогда в Лондоне как артистка, она отдала на пальто из настоящего бархата для старой верной служанки *, которая вместе с семьей Маркса приехала из Трира в Англию и всю жизнь в радости, горе и нужде сохраняла свою любовь и привязанность к этой семье, к которой она, по существу, принадлежала.

Талантом бережливости и практичности в денежных делах семейство Маркса не отличалось. Женни рассказывала, что ее мать вскоре после своей свадьбы получила небольшое наследство. Молодые супруги получили все наследство деньгами, положили деньги в ларец с двумя ручками и взяли его с собой в купе. Выйдя из него, они вместе несли ларец и во время свадебного путешествия брали его в разные отели. Когда же к ним приходили в гости нуждающиеся друзья или единомышленники, они ставили ларец открытым на столе в своей комнате, каждый мог брать из него, сколько ему вздумается,— конечно, он скоро опустел. Позднее в Лондоне они часто терпели горькую нужду.

* — Елены Демут. Ред.

Маркс рассказывал, что они нередко были вынуждены закладывать или продавать все, что у них было ценного. Семья Вестфаленов находилась в отдаленном родстве с английскими герцогами Аргайлскими. Когда Женни фон Вестфален вышла замуж за Карла Маркса, в ее приданое входило и серебро с гербом герцогов Аргайлских, издавна бывшее семейной собственностью. Маркс сам отнес несколько тяжелых серебряных ложек в ломбард и был там вынужден доказывать, каким образом к нему попали предметы с этим хорошо известным гербом знатной семьи, что, конечно, ему удалось сделать очень легко. Когда умер его единственный сын *, нужда была так велика, что они не могли оплатить расходы по его погребению и сами погребли его во дворе своего жилища ⁴⁵⁴. В эту ночь Маркс поседел.

Но кто лишен дара обращаться с деньгами, тому, по-видимому, трудно этому научиться, даже пройдя столь суровую школу.

Так, Либкнехт рассказывал, что он и его семья жили как-то в большой нужде. Женщины семьи Маркса хотели доставить его детям радость на рождество и послали им огромные куклы, изготовив для них много красивых платьев из превосходных тканей. Дети были очень рады, хотя г-жа Либкнехт охотнее использовала бы эти ткани для самих детей, которым не хватало самого необходимого.

Во время своего пребывания в Ганновере Женни подарила моей матери так называемую confession book **; такие альбомы появились тогда в Англии, а затем и в Германии под названием «Познай самого себя». Маркс должен был начать этот альбом, и Женни написала для своего отца на первой странице ряд заранее данных вопросов, но она так и осталась незаполненной; он на них не ответил ⁴⁵⁵. Сама Женни написала свои признания на втором листке, и мои родители нашли их настолько для нее характерными, что я хочу воспроизвести их здесь. Она написала их по-английски, что для нее было привычнее, чем по-немецки. Она считала, что по-английски напишет на одной странице столько, сколько по-немецки — на четырех, ибо английский

* — Эдгар. Ред.

** — альбом для исповедей. Ред.

язык более краток, точен и деловит. Свои дружеские письма, напротив, она писала на французском языке, который казался ей сердечнее и теплее для передачи мыслей и чувств. Ее немецкое произношение было совершенно рейнским, как и произношение ее отца. Она никогда не была на Рейне и слышала только с детства, как говорят родители и верная служанка из Трира *.

Для понимания «Исповеди» я должна предпослать несколько слов. Женни пишет, что в женщине она больше всего ценит «благочестие». Вечером, перед тем как она написала это, разговор зашел о религии. Маркс, Женни и мой отец были абсолютно свободомыслящими людьми, тогда как моя мать придерживалась других взглядов на религию, хотя ей отвратительны были всякий пиетизм и догматическая ограниченность.

Как рассказывал мой отец, она не стала много говорить, а лишь процитировала строфы Гёте:

«Того во имя, кто зачал себя,
В предвечности свой жребий возлюбя;
Его во имя, кто в сердца вселил
Любовь, доверье, преизбыток сил;
Во имя часто завоеванного здесь,
Но — в существе — неясного и днесь:
Докуда слух, докуда глаз достиг,
Лишь сходное отображает лик,
И пусть твой дух как пламя вознесен,
Подобьями довольствуется он;
Они влекут, они его дивят,
Куда ни ступишь — расцветает сад.
Забыты числа, и утрачен срок,
И каждый шаг как вечности поток» **.

Моя мать говорила так просто, глубоко и сердечно, без какого-либо пафоса, что все были тронуты, и, вспоминая этот разговор, Женни написала, что в женщине ей больше всего нравится «благочестие».

И отец и дочь ненавидели Наполеона I, которого они называли не иначе как Бонапарт, а Наполеона III они презирали настолько, что даже не хотели называть его имени. Вот почему Женни написала, что самые отвратительные для нее исторические личности — Бонапарт и его племянник.

* — Елена Демут. Ред.

** И. В. Гёте. «Proemion». Ред.

В связи с этим я вспоминаю остроу, сказанную Марксом: «Napoléon I a eu génie,— Napoléon III a Eugénie» *.

Женни полностью разделяла восхищение своего отца классической музыкой, они находили музыкальные произведения Генделя в высшей степени революционными. Вагнер был ей еще совершенно неизвестен, в Ганновере она впервые услышала «Тангейзера» в прекрасном исполнении и пришла от него в такой восторг, что причислила Вагнера к своим любимым композиторам. Ее «изречение» в «Исповеди» является, по-видимому, цитатой, так как заключено в кавычки. Вопрос о счастье и несчастье она оставила без ответа. Я воспроизвожу все так, как было в оригинале:

Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях	Гуманность.
» мужчине	Моральное мужество.
» женщине	Благочестие.
Ваше представление о счастье	
» » о несчастье	
Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить . . .	Расточительность.
Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение	Зависть.
Ваша антипатия	Дворяне, попы, женщины.
Ваше любимое занятие	Чтение.
Исторические личности, которые Вам больше всего неприятны	Бонапарт и его племянник.
Ваш любимый поэт	Шекспир.
» » прозаик	Сервантес.
» » композитор	Гендель, Бетховен, Вагнер.
» » цвет	Красный.
Ваше любимое изречение . . .	«Будь верен самому себе» **.
Ваш любимый девиз	Все за одного, один за всех.

* «Наполеон I обладал гением, Наполеон III — Евгенией». Евгения Монтихо — жена Наполеона III. *Ред.*

** В. Шекспир. «Гамлет». Акт 1, сцена 3. *Ред.*

У нас на вечерах часто пел прекрасный исполнитель Жозеф Риссе. У него были необычайно могучий баритон широкого диапазона и выдающиеся музыкальные способности. Между прочим, он издал большое количество ирландских народных песен на слова Томаса Мура в собственном переводе и музыкальной обработке под заглавием «Арфа Ирландии»⁴⁵⁶. Один из выпусков посвящен моему отцу. Маркс особенно охотно слушал эти трогательные песни, ибо он, как и вся его семья, глубоко сочувствовал несчастной угнетенной Ирландии. Говорят, Тусси долгое время выражала это чувство и внешне, избрав своим любимым цветом зеленый и одеваясь большей частью в зеленое.

Один ирландский борец за свободу, О'Донован-Росса, был заключен англичанами в тюрьму, где с ним обращались возмутительным образом. Женни, которая его никогда не видела, писала ему под своим литературным псевдонимом «Дж. Вильямс»⁴⁵⁷, выражая восхищение его стойкостью. Когда г-жа Росса узнала, что письма писала молодая девушка, говорят, она почувствовала ревность, что очень забавляло Маркса.

Если я не ошибаюсь, О'Донован-Росса уехал потом в Америку, где, кажется, вел себя не особенно похвально.

В кругу знакомых и друзей моих родителей не было никого, кто разделял бы социалистические интересы отца. Некоторые его друзья хотя и приобрели себе по его совету «Капитал», но, вероятно, лишь просматривали его и часто даже вообще не читали. Так как мой отец был далек от всякой пропагандистской деятельности, совершенно отрицательно относился к социалистическим конгрессам, они считали его в этом отношении идеалистом или утопистом, который интересовал их тем более, что в помыслах и делах он стоял обычно на совершенно реальной почве и прекрасно разбирался в науке и искусстве. Казалось, они были удивлены еще больше, познакомявшись с Марксом и его прелестной дочерью и найдя их весьма интересными и симпатичными.

Но более близкие отношения за эти несколько недель между ними не завязались.

Маркс был очень далек от того, чтобы порицать чьи-либо взгляды, он умел ценить самобытность каж-

дого. Так, он весьма охотно беседовал с драгунским лейтенантом Жиньёлем из Брухзаля, находившимся в то время в ганноверской школе верховой езды. Это был француз по происхождению, как видно по его фамилии, женатый на француженке, но при этом влюбленный в свое дело немецкий офицер, особо отличившийся в войне 1870 г. Будучи разведчиком, он, используя свой родной французский язык, оказал весьма ценные услуги, находясь в переодетом виде в гуще вражеских войск. Однажды он избежал ареста и спасся лишь прыгнув в Луару и переплыв на другой берег. Он и его жена были первыми, кто оставил после Женни записи в *confession book*, оба по-французски.

Доказательством психологической проницательности Маркса может служить оценка им будущего министра Майбаха, которого, я полагаю, он видел всего один раз. Майбах был в то время председателем правления государственных железных дорог в Ганновере. Это был серьезный, разносторонне образованный человек, весьма приятный в обращении. Они очень хорошо побеседовали друг с другом. Позднее Маркс сказал о нем: «Это то самое тесто, из которого выпекают министров». Во всяком случае, они не говорили о политике, потому что социалистические идеи были для Майбахов чем-то настолько ужасным, что они тотчас же порвали с нами всякие отношения, когда услышали, что мой отец посетил социалистический конгресс в Гааге⁷⁸. Это произошло исключительно потому, что отец хотел встретиться там с Марксом и познакомиться с г-жой Маркс и Лафаргами — жертва с его стороны, учитывая его уже упомянутую антипатию к таким мероприятиям. «Нам очень жаль,— как выразились Майбахи,— но это зашло слишком далеко». Они, видимо, думали, что там собралась шайка преступников и государственных изменников, которые строят планы, как бы опутать мечтателей и с помощью громких фраз направить их на дурной путь.

Женни, конечно, были хорошо известны все произведения ее любимого отца, она писала сама, о чем уже говорилось, статьи под псевдонимом «Дж. Вильямс», как я полагаю, в основном во французские газеты. Когда однажды после семейного обеда Маркс, Женни и мои родители сидели вместе и беседовали, моя мать

высказала сожаление, что не знает ни одного труда Маркса, и спросила моего отца, не следует ли ей хотя бы попробовать понять хоть что-нибудь из них. Маркс возразил, что, по его мнению, она обладает природным социальным чутьем. В этот момент из расположенной по соседству столовой раздался грохот, сопровождавшийся криком. Мать поспешила туда и, так как были задвинуты только портьеры, оставшиеся слышали, как она испуганно спросила: «вам больно?» Последовал невнятный со всхлипами ответ, затем опять успокаивающие слова и призыв: «Успокойтесь же. Кажется, что вы сейчас упадете в обморок. Сядьте, я дам вам бокал вина». Потом дверь закрыли. Через некоторое время моя мать вернулась и сказала: «Луиза споткнулась о порог и упала с большим подносом, полным хрусталя, который раскололся на мелкие кусочки. Она могла бы поранить себя! Но, слава богу, она отделалась только переживаниями, что нанесла нам убыток». Женни обняла мою мать и сказала: «И ты не думаешь об этом убытке?» «Нет, почему же,— ответила та,— там были и красивые невосполнимые вещи, но человек мне дороже вещей». «Если бы каждый думал так и в большом и в малом,— сказал Маркс,— то мы достигли бы того, к чему стремимся. Это было действительно убедительное доказательство только что высказанного мной предположения. Наша госпожа графиня может заполнить свое время более веселыми и поэтическими вещами, чем занятия политической экономией».

В течение этого времени к Марксу часто приходили его друзья по партии, среди них г-н Дицген, изящный, спокойный человек, на которого Маркс и Женни возлагали большие надежды. Им особенно нравилась его уравновешенность в соединении с большой работоспособностью и энергией. Они называли его шутливо «das Dietzchen», потому что суффиксы «chen» и «lein» среднего рода.

Когда однажды один из этих посетителей вел себя, как не терпящий возражений самодержец, Маркс сказал после его ухода: «Когда слушаешь такого человека, то приходится удивляться, что монархи при их воспитании и окружении не хуже, чем они есть в действительности».

Как-то речь зашла о несчастном, постыдно брошенном Наполеоном III мексиканском императоре Максимилиане ⁴⁵⁸. «Он должен был быть умнее и тотчас же уйти, подобно Готлибу в Испании, когда увидел, что большая часть народа его не хочет», — заметил Маркс. Он подразумевал принца Амадео Савойского, имя которого шутя переводил на немецкий язык; принц отрекся от испанского трона, когда встретил революционное сопротивление, и будто бы заявил при этом, что людям совершенно незачем восставать — он не собирается навязывать им себя ⁴⁵⁹. По-видимому, Маркс не считал сколько-нибудь значительной фигурой этого рассудительного, благоразумного принца, иначе он не называл бы его «Готлиб».

Когда он называл кого-нибудь одним только именем, то в этом чувствовалась легкая ирония. Например, Кинкеля он называл не иначе как «Готфрид». Маркс был очень невысокого мнения о нем и считал, что только пребывание Кинкеля в плену после авантюристского участия в баденском восстании, прервавшего его ничем не примечательную учительскую деятельность, затем его романтическое освобождение верным, мужественным Карлом Шурцем послужили рельефным фоном для его довольно милого, но отнюдь не выдающегося поэтического таланта и что за это он должен лишь благодарить судьбу ⁴⁶⁰.

Время от времени, но, правда, редко, Маркс называл таким же образом Либкнехта, которого он очень высоко ценил. Его способности реформатора он считал унаследованными, поскольку тот вел свое происхождение непосредственно от Лютера. Но он не всегда разделял его мнения; в таких случаях вместо легкого порицания он говорил, улыбаясь: «Да, да, Вильгельм».

О Бруно и Эдгаре Бауэрах он говорил, что они учредили общество взаимного восхищения. Таким образом, свое неодобрение он при разговоре никогда не выражал в резкой или оскорбительной форме; правда, в споре он, словно в турнире, сбивал противников с коня, но никогда не повергал их в прах.

Он относился весьма скептически к разговорам о том, что рабочие им восхищаются. «У этих людей есть только одно понятное желание — выбраться из нищеты, а как осуществить это, понимают лишь немногие».

Однажды он выступал в Рейнской области. После этого к нему подошел рабочий и сказал: «Вы прекрасно говорили, господин доктор». — «Рад, что вам понравилось». — «А у вас не найдется несколько лишних монет?» Как-то к Марксу пришла депутация с просьбой поскорее решить социальный вопрос, а то они живут в большой нужде.

Бонапарт умел в общем и целом правильно оценивать восхищение масс. Одному из членов свиты, обратившему его внимание на то, как народ теснится вокруг него, он возразил: «Если бы совершалась моя казнь, они теснились бы еще больше». После большого собрания, на котором Маркс рассказывал о Товариществе Рабочих, произошло одно забавное происшествие. Его известный призыв, провозглашенный им из Лондона, куда он эмигрировал из-за начавшейся после революции 1848 г. реакции, гласил: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» После доклада, который был принят с большим воодушевлением, один рабочий попросил объяснить ему, является ли товарищество восьмилестников тайным союзом. Из-за рейнского произношения Маркса он вместо «рабочие» [Arbeiter] понял «восьмилестники» [Achtblätter]. По этой же причине произошло похожее недоразумение, когда получилось, что создана партия тимократов, в то время как он говорил о демократах.

Первый маленький эпизод натолкнул мою мать на прелестную идею: вышить для Маркса небольшой бумажник. Внутри него находилась записная книжка, на шелковом переплете которой она вышила ствол дуба, обвитый восемью листьями плюща. Дуб символизировал, конечно, Маркса, а вечнозеленые листья — восьмилестник. Рядом был памятник с надписью: единство. Маркс был очень рад этому подарку.

В противоположность своему в большинстве случаев снисходительному суждению о людях он очень отрицательно отзывался о Бакуanine. По поводу девиза Бакунина «Все должно быть разрушено» Маркс говорил, что совершенно бессмысленно разрушать ценности, уничтожать свои и чужие дома, убегать, неизвестно куда и не зная, каким образом можно снова что-нибудь построить.

Хотя Маркс признавал одаренность Лассалья, но

тот был ему крайне несимпатичен. Даже в красноречии Лассалья Маркс находил что-то смешное из-за его шепелявости. Он рассказывал, как тот однажды пылко декламировал шепелявя из «Антигоны» Софокла:

Суровый нрав сурового отца
Я вижу в дочери: ей зло не страшно.

Поведение Лассалья по отношению к Елене Дённигес было при всех условиях нелепым; спровоцированная дуэль из-за особы, которую он явно презирал, была полнейшей бессмыслицей. Во всей этой истории он хотел, по мнению Маркса, разыграть аристократа, но при этом доказал, что избрал совершенно негодный способ дурного подражания аристократам. Если бы он серьезно относился к своей миссии, он не поставил бы на карту жизнь ради такого фарса.

При непомерном тщеславии Лассалья трудно было сказать, как он вел бы себя, если бы прожил дольше. Очень характерна для него мечта вступить в Берлин во главе рабочих батальонов рядом с рыжеволосой Еленой.

О Марксе, этом истинном апостоле человеколюбия, можно было бы сказать, что он обладал тем чудесным даром, о котором повествует отрывок из Нового завета, где сказано, что свет святого духа наделил апостолов всеобъемлющей любовью, способной говорить с каждым на понятном ему языке.

Мать моего отца жила у нас, и все, кто общался с моими родителями, заходили, естественно, и к ней. Энгельс тоже посетил ее, когда как-то был проездом в Ганновере. Но он не умел поддерживать легкую беседу с пожилой дамой и не понравился ей. А вот от Маркса она была в восторге, да и Женни ей очень нравилась. Когда Маркс приезжал первый раз, она была в отъезде. Таким образом, они познакомились только теперь, он охотно болтал с ней и даже специально каждый день навещал ее в ее комнатах. Он и Женни часто приносили ей цветы, которые она очень любила. Совершенно неожиданно, не болея, моя бабушка умерла во сне. И та маленькая девочка, о которой уже шла речь, бывшая любимицей Маркса и получившая от него данное первоначально моей матери имя Совушка, сидела тогда боязливо и испуганно в углу комнаты, приготовлен-

ной для траурной церемонии. Не имея ни малейшего представления о смерти, это маленькое существо приняло близко к сердцу траурное настроение в доме. Марк взял девочку на руки, отнес ее в свою комнату, дал ей одеколон, который малышка очень любила, и прочитал ей сказку из испанской книги, по свойственной ему манере сразу же переводя ее. Она полностью отвлеклась и была в таком восторге, что через несколько дней подробно пересказала ее своим родителям; это была лучшая из сказок, которую она когда-нибудь слышала. Родителям она очень понравилась, и девочка не раз повторяла ее в кругу друзей. Родители тоже охотно цитировали ее, и я хочу воспроизвести ее со своеобразной символикой, так, как я ее слышала.

МАТЕРИНСКАЯ ДУША И СКРИПКА

Жил некогда в Толедо маленький мальчик, жил он вместе со своей матерью, которая любила его больше всего на свете. Отец его умер давно, и обоих связывало столь глубокое чувство любви, какое даже между матерью и сыном редко встречается. Еще совсем маленьким мальчик обнаружил необыкновенное пристрастие к музыке, ко всякому проявлению благозвучия. Он еще и говорить-то не умел, но уже тянулся ручонками к поющей птице или, радостно улыбаясь, прислушивался к колокольному звону. Едва научившись говорить и ходить, он стал проситься послушать в соборе органную музыку, пение хора, звуки которых доносились из ближайшей церкви. Везде и всегда, когда он слышал музыку, он чувствовал себя счастливым, но всякий неверно взятый тон, всякий диссонансирующий звук раздражал его. Вскоре маленькие пальчики могли уже воспроизводить на клавишках любую услышанную мелодию, но это не приносило ему удовлетворения.

Звук таял после того, как ударишь по клавишам, а ведь он должен усиливаться, нарастать, как голос человека. Тогда мать подарила ему скрипку — и теперь его желание было исполнено. То усиливаясь, то замирая, струились нежные звуки, заполняя все вокруг.

После непродолжительного обучения все лучшие учителя признали, что им нечего больше дать своему

воспитаннику. Казалось, он с рождения в совершенстве владел исполнительской техникой, что позволяло ему не только великолепно играть все произведения величайших мастеров, но и замечательным образом выражать в музыке свои мысли и ощущения. В школе он тоже схватывал все на лету, товарищи любили его, он же держался в стороне от их буйных забав. Мальчик больше любил тихонько сидеть подле любимой матери, внимать ее нежному голосу, шуму волн Тахо, звуку ветра: все становилось для него гармонией, которую он с помощью своей скрипки превращал в арии, фуги, даже симфонии.

Радость и боль, благоговение и сострадание, ненависть и злоба, гром и молния, красота, рождение и гибель — все становилось в нем музыкой.

Но хотя всех поражала и трогала его игра, сам он никогда не бывал собой доволен. «Ни разу,— говорил он,— я не смог еще передать на скрипке то, что чувствую». Мать покупала ему самые дорогие инструменты, которые только существовали. Никакая жертва не была для нее слишком велика. Если где-то на свете появлялась возможность раздобыть прекрасный старинный инструмент, она тут же приобретала его. Едва успев закончить школу, мальчик сразу же решил пойти в ученики к скрипичному мастеру, чтобы попытаться самому создать свой идеал. Но и этого выдающегося мастера ему вскоре удалось превзойти.

Скрипки, изготовленные им, обладали таким чистым звучанием, какого ему самому никогда не приходилось слышать. За них давали баснословную цену. Однако самый юный мастер не испытывал удовлетворения.

Однажды, уставший и отчаявшийся, он уснул во время работы. Во сне ему явился дьявол. Он принял облик почтенного старца, одетого в платье не то священника, не то мага, так что юноша не догадался, кто с ним говорит.

— Я знаю, чего тебе недостает,— сказал он тихим, проникновенным голосом.— Ты хочешь, чтобы у скрипки была душа. Но ты не можешь этого достичь, ведь любая душа — исключительно от бога, а он наделяет ею лишь людей. Однако если тебе удастся заточить в скрипку чистую, благородную человеческую душу в тот самый миг, когда она растает с телом (ибо только

такая душа созвучна вечной гармонии — грешная же душа исторгает лишь диссонанс), — вот тогда ты найдешь то, что до сих пор искал тщетно.

— Но как смогу я удержать невидимую, бесплотную душу? — возразил юноша, дрожа от страха.

— Ты должен подхватить последний вздох, вырвавшийся из человеческой груди, прежде чем окончательно закрыть скрипку, и тогда душа навсегда останется в инструменте, пока он не будет раздавлен или не сгорит в огне. Скрипка станет ее домом: в нем отныне она будет жить, как жила прежде в человеческом теле, которое не может покинуть, прежде чем тело не подвергнется разрушению, которое мы, люди, зовем смертью.

Старец исчез, а юноша проснулся. Вошла мать, и, полная любви и заботы, склонилась над сыном, шепча:

— Ты переутомился, мой дорогой, оттого что требуешь от себя невозможного. Тебе приснилось что-то ужасное, ты выглядел смертельно бледным, и только теперь краски вновь появляются на твоём лице. Благодарю господу за тот удивительный талант, которым он одарил тебя на радость нам и всем людям и который ты превратил в свою муку.

— О моя самая любимая, верная душа! Ты понимаешь меня, как никто другой на земле! — простонал он в ответ. — Я же мог бы довольствоваться тем, что есть. Но неведомая сила влечет меня, заставляя вырывать у неба тайну совершенства, мой идеал. Но я истязаю не только себя, я причиняю боль тебе!

И тут с абсолютной ясностью он опять услышал голос, которому внимал во сне и который шептал ему: «Вот та кроткая, благородная душа — душа твоей матери».

Словно молния пронзила юношу, тенью возник образ старца позади матери.

— Боже, помоги мне! — воскликнул он, тень исчезла и голос умолк.

С тех пор дьявольские слова стали преследовать его. Он пытался избавиться от них, развлекаясь в веселой компании, отдаваясь природе и искусству, сочиняя музыку, снова начиная мастерить скрипку, о которой мечтал тоскуя. Все было напрасно.

— Души́, да, души́ не хватает моей скрипке! Бездушной остается она до сих пор. О, случись чудо: найди я душу — все, что люди считают счастьем, отдал бы взамен!

Внезапно его мать заболела, у нее началась сильная лихорадка. И тогда любящий сын забыл обо всем на свете; не жалея сил, день и ночь ухаживал он за больной. Но мать, чувствуя приближение смерти и желая утешить отчаявшегося сына, попросила показать ей последнюю скрипку. Та была уже почти готова, не хватало лишь грифа. Матери захотелось послушать, как звучит инструмент: может, сыну, наконец, удалось достичь того, к чему он стремился.

Исполняя ее желание, юноша приблизился к матери, чтобы подле нее закончить свой инструмент, но было поздно. Умиравшая уже не могла слушать, взор ее затуманился.

— Я не увижу больше твою скрипку и не услышу ее звучание,— прошептала она,— но любовь не исчезает с приходом смерти, душа моя навсегда соединится с тобой.

Юноша вскочил, едва ли сознавая, что творит, поднял инструмент, который все еще держал в руке. Когда он склонился над матерью, скрипка коснулась ее губ и приняла ее последний вздох. Словно в бреду поднял сын упавшие на пол орудия своего труда и, завершив работу над скрипкой, без сил рухнул рядом с умершей. Долго пролежал он без сознания, охваченный дикими бредовыми видениями. Друзья оплакивали его, никто не верил, что он останется жить, все думали, что он, ухаживая за матерью, заразился неизлечимой болезнью и спасти его уже нельзя. Однако юноша пришел в себя, и даже быстрее, чем предполагали врачи, только теперь он стал другим. Глаза его сверкали беспокойным, болезненным блеском, жажда творчества покинула его, он больше не музицировал, не делал скрипок, а свой последний инструмент спрятал подальше. Отныне он не сетовал больше, что ему не удастся достичь желаемого, того, что он требовал от себя как от художника. Потом он опять стал брать в руки скрипку, но смычок так и не касался ее струн. Стали поговаривать, что смерть матери повредила его рассудок, уничтожила талант.

Наконец, его лучший друг взмолился:

— Возьми себя в руки! Не губи свою молодость бесплодной тоской. Постарайся найти утешение в искусстве, дари его вновь людям и тем самым верни себе радость бытия. Того, что произошло, не изменишь!

— Да, ты прав! — страстно воскликнул юноша. — Не изменишь того, что произошло!

Он схватил скрипку и заиграл. Неподражаемые звуки полились со струн, потрясая и игравшего и слушавшего; никто, никогда и нигде не слышал ничего подобного, невозможно было даже представить такую проникновенную силу, доброту, такое величие, затрагивающее самые глубины человеческого духа. Плененная душа рыдала, жаловалась, одновременно утешая сына. Она и в самом деле могла, забыв о себе, ликовать вместе с ним, радуясь, что наконец-то он обрел то, к чему так горячо стремилось его сердце, что она могла дать ему это, хоть и ценой утраты собственного блаженства.

Изо дня в день пела теперь скрипка. Да и по ночам можно было слышать ее удивительные, неслыханные звуки. Все стремились послушать их. Никто не шумел больше вблизи его жилища. Не слышно было цоканья копыт по мостовой. Толпы людей окружали террасу дома, прося его выйти или раскрыть окно. Стар и млад, богач и бедняк — все толпились вокруг него, умоляя сыграть им, словно верующие, с благоговейным трепетом взирающие на сотворение чуда, внимающие таинственному откровению.

Как бы сливались две души, столь различные и столь единые: невинная душа — пленница, самоотверженная, страдающая и терзающаяся в муках, и осознающая свою грешность, но все же освобожденная душа художника, который увидел, что превзошел свою самую смелую мечту. В мучительном блаженстве, но и в глубоком раскаянии, юноша чувствовал, что не в силах разбить скрипку и освободить столь любимую им душу. Пылающий страстью, он предавался наслаждению. Он мог бы пасть ниц и возблагодарить всевышнего, если бы не понимал прекрасно, что своим удивительным счастьем обязан не всевышнему, а преступлению.

Дьявол торжествовал. Он отделил чистую душу от источника ее существования, душа же художника,

стремившаяся лишь к возвышенному, благородному, опутана теперь грехом, который навсегда скроет от нее источник чистого света.

Никогда не покидали сына угрызения совести, и в то же время его охватывало мощное стремление гения, земного божества, создавать в музыкальной форме нечто новое, доселе не существовавшее, и в восхитительной гармонии суметь передать другим, кто не был столь одарен, как он, то, что так волновало его душу: насилие и кротость, борьбу и покой, природу и творение рук человеческих, начало и конец сущего. Он походил на немого, который был осужден скрывать то, что теснило его вдохновенное сердце, и который удивительным образом получил вдруг возможность раздаривать свое богатство — и только наделенная душой скрипка подарила ему возможность говорить.

Он создал мощные произведения искусства, которые разнесли его славу по всему свету, но никто из художников не мог произвести такого грандиозного впечатления, как он сам. Когда же он дирижировал оркестром и звуки его скрипки, подобно урагану и небесной музыке, парили над волнами мелодии, — тогда и музыкантам удавалось достичь таких высот, которые были им до сих пор неведомы.

Конечно, его произведения будут жить дальше, а вот его божественная мощь умрет вместе с ним, если он не передаст свою скрипку достойному преемнику. Но этому не бывать! Разве может он обречь горячо любимую им душу на вечное заточение? Но юноша твердо знал: если разбить скрипку, разобьется и его сердце. Он пытался успокоить свою больную совесть тем, что дарил искусство всем людям. Он играл и при королевских дворах, и в домах бедняков, и в концертных залах, и в церквях. Богатство, которое текло в руки, он раздавал страждущим. Церкви пустовали, если он не играл там. Ни одна проповедь, ни один обряд не мог дать молящимся так много, как глас одухотворенного искусства, и если уж он звучал в храмах, слушали только его.

Больные забывали о своих страданиях, несчастные вновь обретали мужество и надежду, во дворцах тускнели бессмысленный блеск и роскошь, возникали своего рода места паломничества.

И вот в то время в Толедо было совершено преступление, вызвавшее всеобщий переполох, но тайна его оставалась неразгаданной. Как-то ранним утром у юного графа — сына испанского гранда — на улице похитили шкатулку, полную золотых монет. Заподозрили каменотеса, который один только и был в это время вблизи от палатки, где жил с родителями пострадавший. Каменотеса схватили, допросили, обыскали его убогое жилище, но так ничего и не нашли.

Настал день суда. Мрачно и горделиво отвергал подсудимый все обвинения, повторяя только: «Ищите же, но вы ничего не найдете. Я-то шел на работу, а тот, бледный от бессонной ночи, возвращался с пирушки домой, чтобы, проспав весь день, опять набраться сил для новых наслаждений. Вы же хотите отнять у меня последнее — мою свободу!». Наконец, не найдя доказательств его виновности, каменотеса отпустили. Уходил он, высоко подняв голову. И тут вдалеке он увидел группу людей, безмолвно толкавшихся вокруг какого-то дома.

— А, знаменитый скрипач! Нынче я все равно уже опоздал на работу, так хоть доставлю себе удовольствие небывалым наслаждением.

И этот рослый человек поспешил вперед и смешался с толпой слушателей.

Юный музыкант стоял на открытой террасе, купаясь в солнечных лучах. Мощные и сладостные звуки струились сквозь прозрачный воздух. Казалось, что ликующий хор ангелов, громоподобный глас низвергались с небесных высот. Неотвратимо, все ближе и ближе надвигалось это на только что оправданного человека, его горделивый вид поблек, слезы, доселе не появлявшиеся на его глазах, струились теперь по лицу. Он пал ниц.

Скрипка умолкла. Потрясенный, он вскочил, бросился прочь и взобрался на башню собора, где работал. Можно было видеть, как он спустился вниз с какой-то ношей и кинулся назад в только что покинутое им здание суда.

Судья и пострадавший все еще были там, собираясь обсудить новые пути поимки преступника.

— Что тебе еще надо? Ты же свободен! — воскликнул судья.

— Нет,— ответил тот трепеща.— Покарайте меня. Вот сокровище, я его еще не тронул.

Воцарилось молчание. Судья подал знак графу, чтобы тот посмотрел, его ли это вещь. Тот подтвердил: да, это его шкатулка, которую еще и не пытались открыть.

С отсутствующим взором виновный внимал отдаленному голосу.

— Зачем же ты так бесстыдно лгал? — строго спросил судья.

— Я не лгал, я же сказал только, что вы ничего не найдете, вы ведь и не нашли бы никогда ничего.

— Где же ты прятал добычу?

— На самом верху соборной башни установили фигуру ангела с полым постаментом. Я там работал, восстанавливая поврежденную молнией голову и крыло ангела. Тогда-то и заметил, что один из камней постаментов свободно вынимается. В то утро я спрятал ящичек внутри постаментов, задвинув камень на место. Там должна была быть моя сокровищница.

— Мне представили тебя как тихого, прилежного, необыкновенно способного работника. Как могло случиться, что ты решился на преступление?

— Да, у меня есть способности и я мог бы чего-нибудь добиться, но из-за бедности не получил образования, не мог учиться у больших мастеров. В то утро я шел на работу (я всегда прихожу первым) и сетовал на судьбу, которая не давала мне возможности выкарабкаться. Мне без труда удалось в точности восстановить голову и крыло ангела. Если бы у меня были деньги, думаю, и я тоже смог бы создать что-нибудь великое, о чем не раз мечтал. Но моего заработка едва хватает, чтобы прокормить себя и младших братьев и сестер. Тут, нетвердо ступая, из кабака вышли двое изысканно одетых ночных гуляк.

— Тебе невероятно везло сегодня в игре,— недовольно проворчал один,— и невероятно глупо было с моей стороны, делая небывало высокие ставки, проиграть только что полученное наследство дядюшки-скряги, скопившего дома золотые горы. Я, конечно, достаточно богат, но тому, кого охватывает игорный азарт, тому уже приходится туго. И что же ты сделаешь со своим сказочным выигрышем?

— Ах,— пробормотал зевая второй,— я куплю для моей маленькой Розиты жемчуга, которые будут стоить целого княжества. И когда она появится в них на сцене, все будут поражены. Если же еще останутся деньги, куплю своей левретке ошейник с брильянтами. Мне нравится вызывать зависть богов, к тому же ничего лучшего я придумать не могу.

Тут меня охватил неукротимый гнев. Люди, живущие в достатке, так бездарно проматывают все, что для меня, работающего честно и стремящегося стать тем, к чему создатель дал мне способности, навсегда останется недостижимым!

— Не искушай богов, не потеряй свой выигрыш. Ты с трудом держишься на ногах и шкатулка может оказаться слишком тяжелой для тебя,— сказал на прощание проигравший.

— Не беспокойся,— засмеялся тот в ответ.— И не волнуйся: сегодня вечером я дам тебе возможность отыграться, может ты вернешь себе все назад.

Они расстались. Сам не знаю, как это произошло, но я ударил сзади пошатывавшегося человека. Он упал, я схватил шкатулку и, прежде чем он смог подняться, побежал прочь, спрятал ее на башне и принялся за работу, как обычно.

— Что же заставило тебя раскаяться?

— Я услышал волшебные звуки скрипки. Словно голос матери, которую я потерял в детстве, говорил со мной, утешая, понимая и предостерегая одновременно.

Громко рассмеявшись, знатный юноша вскричал:

— Давно я уже так не веселился, как сегодня утром. Этот человек и в самом деле развлек меня. Сначала он с негодованием отклоняет оскорбляющие достойного человека подозрения, затем с гордостью принимает освобождение, хотя на самом деле оно-то и явилось несправедливостью по отношению к нему. Неожиданное возвращение украденного и морализирующая проповедь по поводу моего легкомысленного образа жизни, произнесенная в оправдание и для обоснования своих деяний. Поистине, подобные риторические достижения свидетельствуют о мужестве, что мне импонирует, и поскольку нрав у меня добрый, я хочу, чтобы этот человек не был наказан слишком сурово, хотя он этого, собственно, заслуживает. Ведь если этот благородный

разбойник полагает, что почти каждому неимущему позволено решать, не будет ли лучше, если чужое добро перейдет к нему, потому что ему не по нраву, как распоряжается этим добром его истинный владелец,— в этом случае кулачное право одержало бы верх. И, наконец, самое забавное. То, что я получил мое золото назад в целости и сохранности, конечно, очень приятно. Но то, что музыка может оказать такое же воздействие, как «допрос с пристрастием»,— это уж абсурд. Насколько светлее стало бы будущее, если закоренелого грешника побуждал бы к раскаянию не суровый инквизитор, а звуки скрипки! Но если нынче взрослый мужчина, словно хнычущее дитя, пугается упреков умершей матери, ему не поверит ни один здравомыслящий человек. Сам я еще не слышал этого Орфея, творящего чудеса, поскольку лишь несколько недель назад вернулся в Толедо после долгого отсутствия. А что если мы завершили бы это удивительное утро концертом? Я слышал, что этот музыкант не скупится на исполнение. Мне кажется, что раскаявшийся вор, который более послушен музыке, нежели правосудию, мог бы еще кое в чем признаться. Может, он принадлежит к шайке разбойников и больше боится ее предательства или зависти, чем умершей матери. Я пошлю за этим чудо-скрипачом мои носилки, чтобы его доставили сюда. Если бы мы с моим другом не отослали их тогда домой, никакого нападения не было бы. Ну и этих драматических событий тоже. Я надеюсь, суд примет мое предложение.

Судья согласился, каменотес же совсем не прислушивался к насмешливым речам юного вельможи.

Вскоре музыкант уже входил в зал суда.

— Что вам надо от меня? — спросил он строго. — Посыльный сказал, что мое искусство должно заставить раскаяться преступника и еще раз послужить правосудию?

С глубоким почтением приблизился судья к человеку, который пользовался всеобщим уважением и восхищением.

— Нам известна твоя доброта, благодаря которой ты радуешь своим искусством и бедного и богатого. Именно оно развязало язык преступника, и он добровольно вернул украденные сокровища, хотя до этого оставался глух и к угрозам, и к увещаниям. Этот высо-

кородный господин считает, что тот не во всем признался. Мы просим тебя еще раз обратиться к заблудшему своей чудесной музыкой, прежде чем вынесем приговор и накажем его.

Сверкающий взгляд музыканта был устремлен на раскаявшегося. Нежные, проникновенные звуки, полные смиренного величия и задушевной красоты, обращаясь к каждому, мощно переливались и, нарастая с победной силой, возносились к высоким сводам зала.

Самонадеянное превосходство молодого графа было посрамлено, взволнованно внимали звукам и судья, и народ. То пел голос, перед которым меркла ничтожность всего земного, а зал суда превращался в святилище.

Когда скрипка умолкла, воцарилось гробовое молчание. И тогда граф поспешил к тому, кого в насмешку называл чудодеем. В глубоком поклоне склонился он перед ним и, потрясенный, пожал ему руку.

— Да, ты творишь чудеса! — воскликнул он. — Я был слеп — ты открыл мне глаза, я был глух — теперь я слышу, я насмеялся над этим человеком — сейчас я понимаю его. Деньги, которые он взял незаконно, но по истинному убеждению, эти деньги я дарю ему, пусть принесут они удачу, ведь до сих пор они были в дурных руках. Мне же голос твоего гения, который словно из заоблачных высот говорил со мной, указал новый путь, никогда мне не забыть его, и я навечно твой должник.

И тогда судья произнес:

— Сначала мы освободили обвиняемого, потому что не смогли доказать его вину. Теперь он признался, но мы все же не в силах осудить его. Мы уверены, он не замышлял ничего дурного, а потерпевший не страдал бы от потери. Однако недостойными средствами благие дела не делаются. Должны ли мы его наказать? Сам потерпевший прощает и одаривает его. Безысходность и нищета ожесточили его сердце. Мрачными и одинокими были его детство и юность. Мы только что увидели, какими лучами озаряет искусство нашу жизнь, наши мысли и чувства. Может, и ему предназначено стать художником, и если даже он не в состоянии обращаться к людским сердцам через звуки музыки, то как скульптор сумеет заставить заговорить камень, который переживет его. Священное писание учит нас радоваться

вместе с отпускающим грехи отцом, когда блудный сын возвращается с покаянием. Он прощен, он свободен!

Искупившему свой грех не в чем было больше признаться. Словно во сне, озирался он вокруг, присутствующие обступили и поздравляли его. Да, это было событие, которое никогда еще не происходило, да и вряд ли произойдет когда-нибудь. Здесь вмешалась некая высшая сила, придав благородство деяниям и мыслям людей.

Теперь все обратились к музыканту, каждому хотелось лично поблагодарить его, но тот исчез.

Глубоко потрясенный вернулся он домой и заперся у себя в комнате. «Недостойными средствами благие дела не делаются,— сказал судья,— но ведь я-то так и поступал. Я — преступник, и куда страшнее того, кто, раскаявшись, вернул то, что взял, что само по себе ничтожно мало по сравнению с бессмертной, столь любимой душой, у которой отняли свободу! За все то блаженство и величие, и утешение, которыми ты, плененная, одаривала меня, прости, верная душа, прости меня, всевышний! Не того, гораздо менее виновного, чем я сам, человека, должен был призвать глас матери к очищению».

И вновь коснулся струн смычок. Небесные аккорды, как никогда прежде, наполнили залу. Потом мощный удар разнес в щепы чудесный инструмент, сердце юноши разорвалось, и он упал замертво подле разбитой скрипки.

Но освобожденная душа подхватила его душу, и они вознеслись к вечному свету.

* * *

Когда Маркс и Женни снова вернулись в Лондон, их переписка с моими родителями благодаря длительному совместному пребыванию стала, конечно, более оживленной.

Женни, как уже говорилось, предпочитала писать письма по-французски, а короткие заметки — на английском языке. Элеонора всегда писала по-английски. Маркс и г-жа Маркс — по-немецки. Г-жа Маркс писала совершенно очаровательные письма, в которых не только наглядно описывала свою жизнь, но заботливо интересовалась жизнью моих родителей. Из ее писем было

видно, как хорошо она узнала их по рассказам своего мужа и Женни и какое сердечное участие она принимала во всем, что касалось нас. Моя мать говорила и читала как по-английски, так и по-французски, но писать письма ей было привычнее и легче на родном языке.

Маркс рассказывал как-то об одном глупом мальчике из Рейнской провинции, который постоянно жаловался: «Ах, если бы я вместо латыни учил французский!», на что Маркс ему возразил: «Но ведь ты едва ли можешь поклонять слово «mensa» [стол]?» — «Какое мне дело до «mensa», — сказал мальчик, — я же учил склонять слово «tabula» [стол]!»

Моя мать написала однажды «Vivat sequens!» *, благодаря Женни за ее письмо, а в скобках приписала: «Ах, если бы я вместо латыни учила французский!» К очередному письму Женни Маркс сделал следующую приписку: «Прошу госпожу графиню не жалеть, что она предпочла латынь французскому. Это не только свидетельствует о классическом и высоко развитом вкусе, но объясняет также, почему «графиня» никогда не тается» **.

К рождеству вся семья Маркса прислала нам задуманные с любовью подарки и красивые рукоделия. Среди них была самодельная шелковая театральная шляпа с цветами, которую, правда, нельзя было носить в Германии, но которую моя мать долго сохраняла на память. Гигантский пылающий плум-пудинг собственного изготовления также не раз появлялся у нас на столе.

Чтобы снова повидаться с Марксом и познакомиться с г-жой Маркс и Лафаргами, мой отец преодолел свое отвращение к подобным мероприятиям и собраниям и поехал в Гаагу на социал-демократический конгресс ⁷⁸.

Г-жу Лафарг мой отец описывал как красивую, элегантную, милую женщину. Г-жа Маркс, стройная, очень моложавая, следила там, по его словам, с огромным интересом за партийной жизнью и была, по-видимому, совершенно поглощена ею. Подтвердились предположения моих родителей о том, что и она в особенности

* — «Да здравствует следующее!» или «Да не будет это последним!». Ред.

** Игра слов: «être au bout de son latin» буквально означает «подходить к концу своей латыни», в переносном смысле — «стать в тупик», «растеряться». Ред.

принадлежала к тем, кто втягивал Маркса в эту деятельность. Ибо однажды Женни сказала, не называя имен: «К сожалению, кое-кто постоянно заставляет Мавра заниматься агитацией, можно возненавидеть ее за это».

Насколько Женни, как и мой отец, который все время энергично стремился удержать Маркса от этого, были правы, проявилось в следующем случае. Подстрекаемая чернь забросала Маркса грязью. Мой отец был вне себя от возмущения. И не сбродом, который, как всегда, сегодня кричит «осанна!», а завтра — «долой!», а тем, что Маркс подвергся этому, что он уступил напору безрассудных членов партии.

Через несколько лет мои родители встретились в Карлсбаде с Марксом и Элеонорой; с последней они познакомились теперь лично, до того они уже часто переписывались с ней. Женни в это время была уже г-жой Лонге и не могла оставить мужа и ребенка.

Элеонора, или Тусси, как ее называли, ни внешне, ни по своему внутреннему складу совсем ни походила на свою старшую сестру. У нее были менее тонкие черты лица, но те же умные карие глаза отца, и, не будучи красивой, она обладала весьма привлекательной внешностью, которую — в особенности мужчины — находили очень милой. У нее были прекрасные темно-русые волосы, отсвечивающие золотом, и однажды она появилась с распущенными длинными ниспадающими волосами, что, правда, было ей очень к лицу, но в то же время слишком бросалось в глаза. Но она не придавала этому никакого значения. Она одевалась хотя и элегантно и со вкусом, но также несколько вызывающе. Отец предоставлял ей полную свободу действий и говорил: «молодые девушки должны наряжаться».

У моей матери создалось такое впечатление, что эта младшая, последняя дочь была любимицей в семье, вероятно, ее все баловали, и она, как избалованный ребенок, следовала своим прихотям. Она так же, как и Женни, горячо любила своего отца. Она была очень умна, обладала добрым сердцем и была безгранично откровенна, так что без стеснения высказывала каждому свое мнение, даже и тогда, когда ей что-нибудь не нравилось в этом человеке.

Она сидела в ресторанах, покуривая сигареты, углу-

бившись в газеты, что в то время бросалось в глаза еще больше, чем сейчас.

Ей было, по-моему, тогда 19 лет, и она считала себя невестой Лиссагаре, с которым усердно переписывалась. Она показала однажды моей матери письмо от него с обращением: «Моя маленькая женушка!»

Мой отец видел тогда Лиссагаре в Гааге и не почувствовал к нему никакой особенной симпатии. Внешне это был невзрачный человек, значительно старше Тусси. Он был граф, но отказался от своего титула и порвал со всей своей семьей из-за своих социалистических убеждений. Маркс, по-видимому, не признавал этой помолвки, он никогда не говорил о ней.

Маркс был все такой же, как и раньше, даже внешне не изменился. Он с интересом наблюдал курортную жизнь людей из разных стран, по своей привычке давал юмористические прозвища более или менее бросающимся в глаза прохожим. Двух кривоносых, весьма разряженных дам, которых можно было всюду увидеть в сопровождении их матери и которые постоянно меняли наряды, он назвал хищными птицами, потому что они явно выходили на захват добычи. Ему очень нравилась одна молодая русская княгиня, всегда одетая в черное, кинжал за поясом, гладкие белокурые волосы немного подстрижены. Она ни на кого не смотрела, быстро шагала вперед, всегда одна, в сопровождении своего слуги: огромного чернобородого черкеса в черном мундире, обильно украшенном шнурами. В ее чертах были видны порода и энергия.

Разнообразные прекрасные прогулки в покрытых лесом горах, особенно романтический Эгерталь, приводили Маркса в восторг. Легенда оживила там странные очертания гор и назвала их скалами Ганса Хейлинга.

Согласно этой легенде, Ганс Хейлинг был молодой пастух, завоевавший любовь речной нимфы Эгер, которая потребовала от него вечной верности, угрожая в случае измены ужасной мезтью. Ганс Хейлинг поклялся никогда не оставлять ее, но через несколько лет он забыл свою клятву и женился на одной молодой деревенской девушке. В день его свадьбы из волн реки вдруг появилась гневная нимфа и превратила всю свадебную процессию в груды камней.

Г. А. Лопатин

Титульный лист издания
«Манифеста Коммунистической
партии» с дарственной надписью
Элеоноры Маркс-Эвелинг
Г. В. Плеханову

Grosse Buchdruck

la première 12. du Rampet
de Paris

a w t f e ft

Eleonore Marx Engels

London. 10. G. 94.

der

Комунистической Партии.

Veröffentlicht im Februar 1848.

London.

Gedruckt in der Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter“
von J. C. Burgbar.

46, LIVERPOOL STREET, BISHOPSGATE.

Н. С. Рубанов

Ф. М. Кравчинская

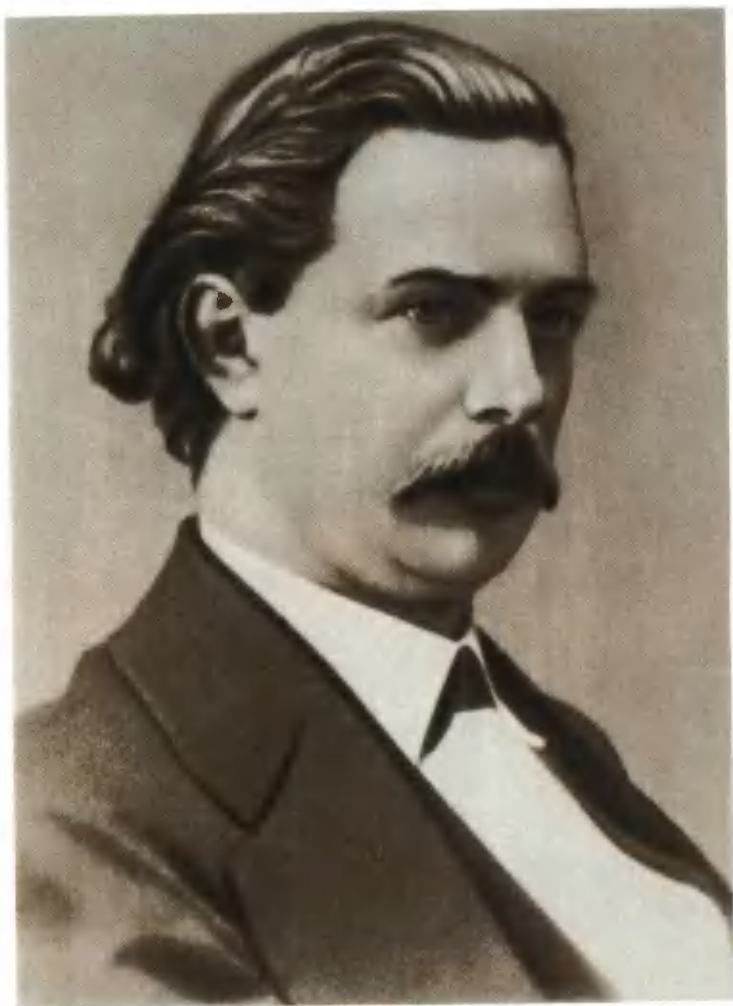
Джордж Джулиан Гарни

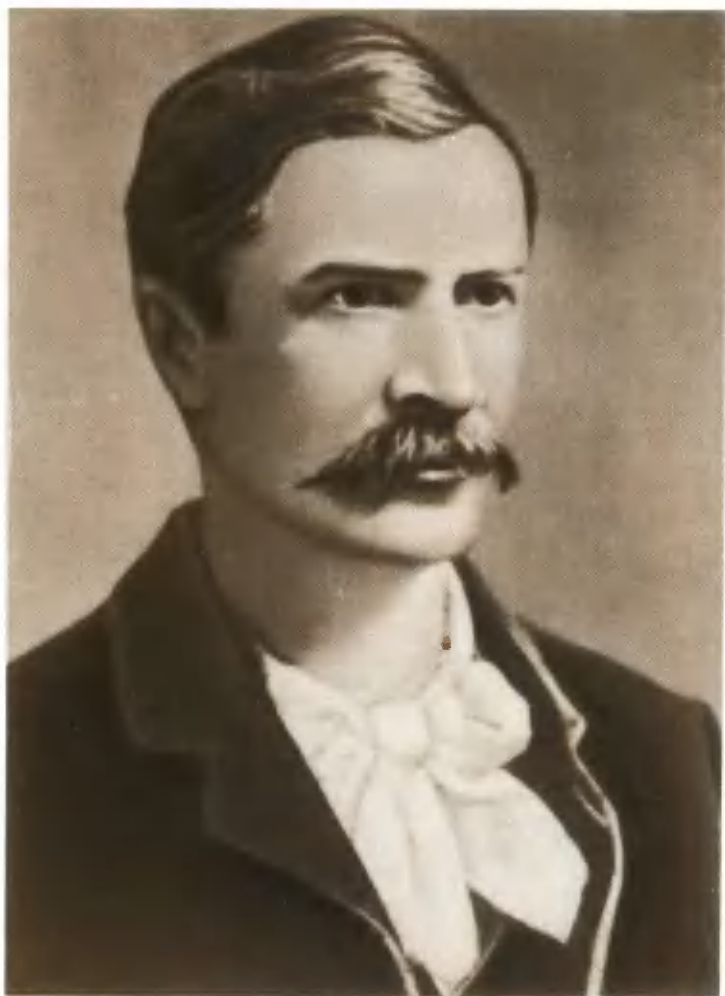
Теодор Күно

Людвиг Кугельмин

Эрнест Белфорт Бакс

Могила Маркса
на Хайгетском кладбище
в Лондоне
(до сооружения памятника 1956 г.)

*Скала у Истворна,
около которой
была опущена в море
урна с прахом Энгельса*

Марксу доставляло удовольствие выискивать в очертании скал шествующих впереди музыкантов с их валторнами и трубами, свадебную карету, празднично одетую старую даму, которая заботливо подбирает свое платье, чтобы влезть в экипаж. Он любил при этом прислушиваться к быстрой пенистой речке, журчание которой в зачарованной долине должно было означать вечные слезы бессмертного существа из-за человеческого непостоянства.

В Дальвице * мы посетили знаменитые дубы Кёрнера, под которыми часто сидел медленно выздоравливавший от тяжелого ранения поэт, написавший прекрасное стихотворение «Дубы».

С большим интересом осматривал Маркс знаменитую фарфоровую фабрику в Айхе ** и наблюдал изготовление фарфора. Сначала мягкая серая масса режется шпагатом, а затем вдавливается в разнообразные формы. Один рабочий обслуживал странный, похожий на прялку, вертящийся станок, на котором выделывались очень изящные чашки.

«Вы всегда делаете эту операцию или у вас есть еще и другая работа?» — спросил Маркс. «Нет, — ответил рабочий, — я уже многие годы не выполняю ничего другого. Только путем практики удастся так наладить машину, чтобы эти сложные формы выходили гладкими и безупречными». «Разделение труда приводит к тому, что человек становится придатком машины, — сказал Маркс моему отцу, когда мы пошли дальше, — и умственные способности уступают место привычным движениям мускулов».

Процесс обжига и многие отдельные небольшие процессы, затем покраска и позолота готовых предметов в большом светлом зале, повторный обжиг и, наконец, точная сортировка безупречного и менее удачного материала, даже упаковочное помещение — все было отлично организовано. Мы накупили всяких вещей на память.

Маркс очень охотно слушал прекрасную курортную капеллу под управлением Лабицкого, а серьезные политические разговоры и обсуждение партийных дел он сокращал до минимума, перенося их на время корот-

* Современное название: Даловице. Ред.

** Современное название: Дуб. Ред.

ких утренних прогулок с моим отцом или другими знакомыми мужчинами. Среди последних находился один польский революционер, граф Платер, который был так поглощен своими идеями, что ему явно трудно было включиться в легкий разговор, как этого хотелось Марксу, когда он находился в более широком кругу или в приятном обществе дам. Граф был приземист, черноволос и несколько неуклюж. Художник Отто Книлле (автор картин на исторические сюжеты), друг моего отца, говорил, что если кто-нибудь спросил бы, который из двух граф, Маркс или Платер, то, без сомнения, был бы назван первый из них. С Книлле Маркс охотно и часто говорил об искусстве. Так текли дни, полные разнообразия и радостного оживления.

Но совершенно внезапно в последние дни, после одной более длительной прогулки, которую предприняли Маркс и мой отец, между ними произошел разрыв отношений, которые никогда больше не восстановились. Мой отец говорил об этом только намеками. По-видимому, он пытался убедить Маркса воздержаться от всякой политической пропаганды и прежде всего заняться третьим томом «Капитала». Мой отец считал, что не только бесполезно растрачивается ценное время, но и что Маркс не обладает организаторским талантом. «Маркс опередил свое время на целое столетие,— часто говорил позднее мой отец,— а для успехов сегодняшнего дня больше всего пригодны те люди, которые не поднимаются выше уровня своего времени; дальнзоркие не замечают близлежащих вещей, ясно видимых близорукими».

Быть может, мой отец проявил тогда чрезмерное рвение, оказался до некоторой степени «злым Венцелем», и этого вмешательства более молодого друга Маркс не мог стерпеть; возможно, что это показалось ему посягательством на его свободу. В результате прекратилась и переписка. Тусси, правда, писала время от времени, писала ли Женни, я не знаю. Тусси всегда передавала приветы от своего отца, который посылал также книги моей матери на память о прежних беседах: рюккертовский перевод «Макамы Харири», произведения Шамиссо, «Крошку Цахеса» Э. Т. А. Гофмана, сатира которого, облеченная в сказочную форму, очень забавляла Маркса. Сам он никогда больше не писал.

Он, вероятно, не хотел оскорбить моего отца, игнорируя его, но все же не мог зыбыть того, что произошло.

Мой отец никогда не мог преодолеть боль от разрыва с другом, которого он по-прежнему глубоко уважал, но он ни разу не попытался вновь сблизиться с Марксом, так как не мог отказаться от того, в чем был убежден. После смерти Маркса моя мать изредка получала известия только от Тусси. Она вернула матери потертый бумажник с восьмиллистниками в память о той радости, которую она доставила этим ее отцу. А также и резной ларец для писем, на внутренней крышке которого прикрепила прелестную вышивку: на красном фоне, революционный цвет, была помещена фотография Маркса, окруженная лавровым венком, в который были вплетены его инициалы.

Потом моя мать больше ничего не слышала и о Тусси, так как она рассматривала ее любовь к Эвелингу как несчастье для нее, что, к сожалению, и оправдалось.

Об отношениях моих родителей к Марксу, которые были им столь дороги, что они всегда о них очень подробно и с любовью вспоминали, можно сказать словами Шиллера:

«Время безудержно мчит.— Оно к постоянству стремится.
Будь постоянен, и ты в цепи его закуешь *».

Впервые опубликовано
на русском языке с сокращениями
в книге: Воспоминания о Марксе
и Энгельсе. М., 1956
и на языке оригинала в книге:
Mohr und General. Berlin, 1970

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

* Ф. Шиллер. «Неизменное». Ред.

Из книги
«Борющийся пролетариат» ⁴⁶¹

С большим удивлением я узнал, что меня избрали делегатом на Лондонскую конференцию ⁴⁶².

После обеда перед вечерним заседанием Валенсийской конференции ⁴⁶³ делегаты собрались в Рабочем центре. К нам подошли несколько товарищей, с которыми мы сели за стол. С одним из них я имел неосторожность вступить в скучный, нескончаемый разговор и долго не мог отвязаться от этого собеседника. Наконец, он пригласил меня пройтись, а потом оставил на улице одного, полагая, что я без труда найду дорогу в Центр, находившийся поблизости. Я сбился с дороги и бродил по улицам, пока не решился обратиться к прохожему, хотя из осторожности хотел бы этого избежать. Когда я явился на конференцию, заседание уже подходило к концу, и товарищи сообщили мне, что я избран делегатом на Лондонскую конференцию и должен завтра же выехать поездом.

Я согласился с большим волнением и отправился в Мадрид, где должен был сесть на парижский экспресс, чтобы прибыть в Лондон в назначенный день.

В эти дни, когда Коммуна подвергалась жестоким преследованиям, когда военные суды безостановочно выносили смертные приговоры и постановления о ссылке, пересечь всю Францию и проехать через Париж для участия в заседании Интернационала было опасно и требовало известных предосторожностей. Благодаря им, а, может быть, потому что французское правительство не придавало особого значения Лондонской конференции, я проехал беспрепятственно.

Вид Парижа, в котором я остановился на пару часов, произвел на меня сильное впечатление: по дороге с Орлеанского вокзала на вокзал Сен-Лазар я увидел лежавшую в развалинах ратушу, от которой оставались только наружные стены; сквозь оконные проемы

нижнего этажа можно было увидеть небо. Я видел Сену, Собор парижской богородицы, Дворец правосудия, Тюильри, сожженную часть Лувра, улицу Риволи, подножие свергнутой колонны на Вандомской площади, различные здания и частные дома, хранившие следы кровавой недели. Выехав из Парижа, [...] я увидел пруссаков, расположившихся лагерем между Аньером и Коломбом. И в то время, когда поезд проносился по этой веселой, хорошо возделанной местности, не пострадавшей от разрушений войны, я пытался привести в порядок рой мыслей, в которых смешались мечты, взятая мной на себя миссия и масса впечатлений, которых с каждой минутой становилось все больше и больше.

Переезд через Ла-Манш от Дьепа до Ньюхейвена и утомительная качка отвлекли меня от этих мыслей, и я был готов к восприятию новых впечатлений, ожидавших меня в конце пути.

На английскую землю я вступил уже ночью. Обменяв немного денег для своих самых неотложных нужд, я спустя полтора часа вышел на вокзале Виктория в Лондоне, проехав через множество улиц, мостов и туннелей огромного города. Выйдя из вокзала, я подошел к кэбу, дал кэбмену записку с адресом секретаря Генерального Совета для Испании Энгельса и покатил, дивясь огромным, прямым, многолюдным, великолепно освещенным улицам, множеству больших торговых зданий; наконец, мы прибыли к месту моего назначения — Риджентс-парк. Кэб остановился, подошел полисмен. Подняв фонарь, он взглянул на меня, на номер дома и что-то крикнул. Вышла женщина, по виду служанка. Они поговорили, сказали мне что-то по-английски, чего я не понял, я ответил что-то по-французски, чего в свою очередь не поняли они, и кэб тронулся снова, я же предоставил везти себя неведомо куда, охваченный естественным желанием увидеть, где же он остановится. Вскоре мы остановились перед каким-то домом, кэбмен позвонил, и появился старик. Стоя в дверном проеме, в свете уличного фонаря, он походил на почтенного патриарха, созданного воображением выдающегося художника. Я робко и почтительно подошел к нему и представился как делегат Испанской федерации Интернационала. Тогда этот человек обнял меня,

поцеловал в лоб, обратился ко мне с дружескими словами по-испански и повел в дом. Это был Карл Маркс.

Его семья уже спала, и он сам с исключительной любезностью угостил меня вкусным ужином. За чаем мы много говорили о революционных идеях, о пропаганде и организации. Он выразил большое удовлетворение достижениями в Испании, основываясь при этом на моем кратком изложении мемуара, который я привез для представления конференции⁴⁶⁴. Исчерпав эту тему или же, скорее, в силу особой своей склонности, мой уважаемый собеседник заговорил об испанской литературе, которую знал детально и глубоко. Я был поражен тем, что он говорил о нашем старинном театре, историю и состояние которого он превосходно знал. Кальдерон, Лопе де Вега, Тирсо и другие крупные мастера, по его мнению, не только испанского, но вообще европейского театра были охарактеризованы им в сжатых и, на мой взгляд, безошибочных суждениях. В присутствии этого великого человека, при проявлениях подобного интеллекта я чувствовал себя очень стесненным, и, несмотря на то огромное удовольствие, которое получил, мне было бы спокойнее у себя дома: хоть я и не получил бы столь разнообразных впечатлений, но и не испытывал бы такой неловкости.

И все же, сделав почти героическое усилие, чтобы не показаться уж совсем невеждой, я сопоставил, как это принято, Шекспира с Кальдероном и заговорил о Сервантесе. Обо всем этом Маркс говорил как высокообразованный человек, с восхищением отозвавшись о благородном идальго Ламанчском.

Следует заметить, что разговор шел на испанском языке, на котором Маркс говорил грамматически правильно, но, как у многих образованных иностранцев, произношение у него было не совсем верное, в значительной мере из-за твердости наших согласных *сс*, *gg*, *jj* и *гг*.

Уже на рассвете он проводил меня в отведенную мне комнату, где я не столько отдыхал, сколько перебирал в памяти представавшие передо мной нескончаемые картины — результат столь необычайного оборота, который моя жизнь приняла за последние несколько дней.

На следующее утро я был представлен дочерям Маркса, а затем ряду делегатов и других лиц. Со мной произошли два случая, о которых я сейчас расскажу и которые вспоминаю с особым удовольствием. Старшая дочь, исключительно красивая девушка, отличалась такой гармоничной красотой, с какой мне не приходилось встречаться. Она знала испанский, хотя, как и у отца, у нее было плохое произношение. Ей захотелось послушать настоящую испанскую речь, и она попросила меня прочесть ей что-нибудь вслух. Проведя меня в библиотеку — большую комнату, уставленную книгами, она достала из шкафа, отведенного под испанскую литературу, две книги: одной из них был «Дон-Кихот», а другой — драмы Кальдерона. Из первой я прочел речь Дон-Кихота, обращенную к пастухам коз, а из второй — несколько возвышенных звучных стихов из «Жизнь есть сновидение», которые принято считать шедеврами испанского языка и блистательнейшим выражением человеческой мысли. Я стал было пояснять их, чтобы раскрыть красоты содержания и формы, но это оказалось излишним — моя прекрасная молодая собеседница обладала достаточной образованностью и тонким вкусом, она добавила к моим объяснениям много метких соображений, которые никогда не приходили мне в голову.

Второй случай был такой. Мне хотелось послать в Валенсию телеграмму о своем благополучном прибытии в Лондон; я обещал это сделать, поскольку путь через Францию считался небезопасным. Мне дали в проводники младшую дочь Маркса. Меня крайне поразила и восхитила легкость, с которой эта услуга незнакомому иностранцу была поручена молодой девушке. Это так не походило на обычаи испанской буржуазии. Эта девушка, почти ребенок, очень красивая, хотя красота ее была более земная, чем у ее сестры, веселая и живая, как олицетворение юности и счастья, не знала испанского. Правда, она прекрасно говорила по-английски и по-немецки, своих родных языках, но еще недостаточно знала французский, на котором я хоть и мог изъясниться, но далеко не блестяще. В результате мы объяснялись на скверном французском, и всякий раз, когда она или я отвечали невпопад, моя спутница заливалась хохотом, как сумасшедшая, да и я тоже, так не-

посредственно и искренне, словно мы знали друг друга всю жизнь.

В тот же вечер должно было состояться подготовительное заседание конференции. Собрались члены Генерального Совета, которым были представлены делегаты.

Маркс проводил меня в помещение Совета. У входа вместе с другими членами Совета стоял Бастелика, француз, председательствовавший на первом заседании Барселонского съезда⁴⁶⁵. Он очень тепло и радостно встретил меня и представил товарищам, среди которых были имена, уже известные в истории Интернационала. Помнится, что в их числе находились Эккариус, Юнг, Джон Хейлз, Серрайе, эмигрант Парижской коммуны Вайян и другие. Маркс представил меня Энгельсу, который тут же любезно предложил мне кров на время моего пребывания в Лондоне.

Впервые опубликовано в книге:
Lorenzo A. El proletariado militante. Memorias de un Internacional. Barcelona, 1901

Печатается с сокращениями
по тексту книги

Перевод с испанского

Из книги
«Воспоминания социал-демократа» ⁴⁶⁶

КАРЛ МАРКС В ЛЕЙПЦИГЕ

Накануне моего освобождения Либкнехт сказал, что будет встречать меня у ворот тюрьмы ⁴⁶⁷. «Тебя ожидает сюрприз,— сказал он таинственно,— большой сюрприз...»

Это произошло на следующее утро. Радостно взволнованный я прошел через тюремные ворота. Снаружи стоял Либкнехт с одним из своих маленьких сыновей. А рядом с ним находилась красивая молодая дама под руку с крупным стройным мужчиной лет за 50, у которого была длинная седая борода; только усы оставались совершенно черными. Лицо у него было цветущее, и его можно было принять за жизнерадостного пожилого англичанина. Я, однако, сразу узнал его по портрету: это был Карл Маркс. Молодая дама — его дочь Элеонора, которую также называли Тусси.

Он встретил меня с подкупающей приветливостью, этот человек, столь таинственный в глазах обывателей, которого полиция рассматривала как олицетворение мировой революции. В те времена вокруг личности Маркса нагромождались легенды, и трусы среди десятка тысяч, составляющих высший слой, видели в нем своего рода чудовищного крота, который зловеще пробирался в глубине, подрывая все общественные устои. О подлинном его величии они не имели ни малейшего понятия.

До чего же я был горд и счастлив, что меня при выходе на свободу встречал главный редактор «Neue Rheinische Zeitung», основатель Международного Товарищества Рабочих, автор «Коммунистического Манифеста» и «Капитала»!

Многие современники рисовали Карла Маркса мрачным, надменным человеком, язвительным и желчным. Возможно, что он, на которого возводили столько невероятной клеветы, порой грубо обрывал глупцов, вооб-

ражавших, будто они могут относиться к нему с пренебрежением. Нас он очаровал своей необыкновенной любовью.

Мы сидели за столом у Либкнехтов, и г-жа Натали прилагала все усилия, чтобы ее гостям было уютно, в чем она полностью преуспела. За кофе завязалась оживленная беседа. Говорили о том, как атеисты снова и снова ниспровергают бога, и Маркс заметил, что господь бог должен обладать неисчерпаемым запасом *gai t * *, чтобы так спокойно взирать на все, что творится в мире. Потом речь зашла о поэте Георге Гервеге. Либкнехт не мог ему простить, что тот в Париже, находясь на вершине своей поэтической славы, встречал своих посетителей и почитателей закутаный в поэтическую мантию, с торжественностью и неприступностью брамина. Это испытал на себе и Либкнехт. Маркс считал, что Гервегу надо простить его причуды и слабости, ибо у него имеются неоспоримые заслуги в общей великой освободительной борьбе. Маркс рассказал, что он побывал у своего друга Генриха Гейне вскоре после того, как тот жестоко высмеял поэта Гервега за его злополучную роль Позы в Пруссии ⁴⁶⁸, и просил пощадить личность Гервега и не язвить его жалом своего беспощадного остроумия. Гейне ответил по обыкновению тихим голосом: «*Но я же ничего не сделал этому человеку!*» — Настоящий Гейне!

После полудня мы отправились через луга в Шлейсиг. Маркс вместе со мной немного отстал от других. Его, по-видимому, необычайно обрадовало, что меня интересуют его исторические реминисценции. Он тотчас заговорил о Лассале и сообщил мне причину своего отрицательного отношения к этому человеку.

Он (Маркс) и его друзья, сказал он, в 1848 г. уже устремляли свои взоры через голову буржуазной революции к грядущему великому движению пролетариата. Но вместе с тем они тогда с огромным и искренним воодушевлением ринулись на борьбу с реакционными силами, дабы по возможности подтолкнуть вперед революционные элементы буржуазии. И тут появился Лассаль со своей Гатцфельдт и самым отвратительным образом припутал свои личные дела к революционной

* — бодрости. Ред.

борьбе. «Он натворил массу гнусностей,— сказал Маркс мрачно,— и мы даже не смогли его дезавуировать!» Маркс имел в виду кражу денежной шкатулки, фигурировавшую в бракоразводном деле Гатцфельдтов, и связанные с этим судебные процессы ⁴⁶⁹.

Маркс также рассказал интересный эпизод из своей борьбы с цензором *, относившийся к началу 40-х гг., когда он был редактором старой «Rheinische Zeitung» в Кёльне. Цензор очень придирался к этой газете из-за известной статьи Маркса о провинциальном ландтаге ⁴⁷⁰ и донимал ее где и как только мог. Наконец, Маркс придумал способ «проучить этого болвана».

Оттиски набора полагалось приносить цензору вечером, так как газета выходила утром. Цензорский красный карандаш обрекал типографию на утомительную ночную работу.

Однажды вечером цензор с супругой и дочерью на выданье был приглашен на большой бал к оберпрезиденту **. Но перед тем как отправиться туда, он должен был сначала выполнить свою цензорскую работу. Однако именно в этот вечер оттиски не были доставлены в обычное время. Цензор ждал и ждал, так как он не имел права пренебречь служебными обязанностями, но вместе с тем ему было необходимо появиться и у оберпрезидента, не говоря уже о шансах на замужество его дочери. Было почти 10 часов, цензор сильно нервничал; он отправил жену и дочь к оберпрезиденту, а слугу послал в типографию за оттисками. Вернувшись, слуга сообщил, что типография закрыта. Тогда цензор в полном отчаянии поехал в собственном экипаже домой к Марксу, который жил довольно далеко. Было почти 11 часов ночи.

После долгих звонков из окна третьего этажа высулась голова Маркса.

— Оттиски! — прорычал цензор.

— Их нет! — крикнул Маркс цензору.

— Но!!...

— Завтра мы газету не выпускаем!

На этом Маркс захлопнул окно.

* — Лоренцем Доллешалем. *Ред.*

** Юстусу Вильгельму Эдуарду фон Шаперу. *Ред.*

У высмеянного цензора от ярости слова застряли в горле. С тех пор он стал более любезным.

Маркс пробыл в Лейпциге несколько дней. Мы подружились и продолжали поддерживать знакомство и потом. Его дочь Элеонора также отнеслась ко мне очень любезно и по-дружески. В те времена она любила писателя *Лиссагаре*, который жил в Лондоне как эмигрант Коммуны и работал над книгой о восстании⁴⁷¹. Но Маркс энергично воспротивился замужеству и отправился с дочерью в Германию, чтобы разлучить ее с Лиссагаре. Возражения Маркса против этого брака были весьма убедительны. Но вспоминая о печальной участи, жертвой которой стала потом Элеонора, приходишь к убеждению, что было бы лучше, если бы она стала супругой Лиссагаре⁴⁷².

Элеонора Маркс впоследствии стала плохо ко мне относиться, когда появились люди, постаравшиеся нащептыванием разрушить старую дружбу⁴⁷³. Все же я получил от нее еще раз дружеское письмо.

В Лейпциге Марксу очень хотелось увидеть полицейского директора *Рюдера*, о котором так много говорилось в «*Volksstaat*». Либкнехт и я отправились с Марксом в кафе, которое постоянно посещал Рюдер, и сели как раз напротив этого влиятельного полицейского чиновника. Узнал ли он Маркса, или еще почему-либо, но он неуютно почувствовал себя, внезапно поднялся и покинул кафе.

Впервые опубликовано в книге:
Blos W. Denkwürdigkeiten eines
Sozialdemokraten. Bd. I.
München, 1914

Печатается по тексту книги
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется
впервые

Карл Маркс как человек

(ПИСЬМО РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «DIE GLOCKE») ⁴⁷⁴

Дорогой коллега Хениш!

Вы хотите, чтобы я как один «из немногих еще живущих людей, лично знавших Маркса», написал о нем несколько слов в качестве личных воспоминаний. Я тем охотнее иду Вам навстречу, что личность великого ученого и мыслителя оказалась на меня в ходе многодневного общения с ним столь сильное влияние, что я представляю ее себе и теперь со всеми характерными чертами. Мне было тогда 25 лет, а впечатления молодости, как известно, являются самыми сильными и прочными.

В широких кругах, в том числе и буржуазно-демократических, никогда не могли отрешиться от распространявшегося реакционной и либеральной прессой филистерского представления о Марксе как о в высшей степени фанатичном, неприятном и надменном человеке, который привык относиться ко всему с едкой, желчной иронией и злым юмором. К этому добавлялись еще страшные сказки полицейского и неполицейского происхождения о заговорщической деятельности Интернационала, стремящегося к всеобщему кровавому перевороту и полному разрушению всякой культуры. Было же так, как сказал Макс Кегель в своем поэтическом отчете об одном рабочем празднике в Дрездене, где якобы присутствовал Маркс:

Наверху, там, где оркестр,
 Был социалистов Нестор —
 Маркс, чье имя лишь услышав,
 Буржуа дрожит какмышь.

Можно с уверенностью сказать, что Маркс являлся полной противоположностью этим филистерским представлениям. Стройная и статная фигура, ясные черты одухотворенного лица, обрамленного густой белой гривой волос и бороды, черные как смоль усы; манеры и

одежда изысканные и элегантные, здоровый цвет лица и розовые щеки — таким тогда предстал он предо мной. Глядя на него скорее можно было подумать об истинно английском, чем о семитском происхождении. Он тогда страдал от карбункулов и болезни печени, но внешне это было не заметно. Сутью его природы была подкупающая любезность и лучезарная веселость, свойства, которые полностью соответствовали описаниям его нежной и сердечной семейной жизни. Когда я позднее познакоился с его супругой, то понял, что супружество этих исключительных людей, несмотря на невзгоды и временами крайнюю нужду, должно было оставаться идеальным.

Личность Маркса весьма выгодно выделялась на фоне некоторых «радикальных» социалистов, которые всегда вели себя так, как будто были свирепыми неумолимыми драконами, приставленными охранять нибелунгово сокровище социалистических принципов и яростно напускавшимися на всякого, кто обнаруживал хотя бы видимость различий во мнениях. В сравнении с такими людьми Маркс при всем его величии выглядел исключительно скромным и терпимым.

Находясь тогда еще во власти многих предрассудков, я был поражен, услышав от Маркса мягкий и любезный отзыв о *Гервеге*. Разумеется, и он в свое время посмеялся в связи с злополучной, в духе маркиза Позы, ролью поэта ⁴⁶⁸, но сам, как он мне рассказывал, пошел к своему другу Генриху *Гейне* и просил его, чтобы тот сдержал свою едкую иронию, которую он изливал на *Гервега*, поскольку и у *Гервега* есть заслуги перед народом.

К общению, какое любил Маркс, относился также добрый глоток вина, как это явствует из его переписки с *Энгельсом*. Столь распространенную ныне тенденцию к полному воздержанию от алкоголя Маркс совершенно не разделял.

Быть может в этом изображении личности великого мыслителя кое-кто увидит противоречие с крайне острой, часто уничтожающей полемикой, которую Маркс вел как против господствующих классов в целом, так и против отдельных лиц. Учитывая ярко выраженное чувство справедливости Маркса, взрывы его гнева вполне соответствовали поводам для этого. Он резко заклеил старопрусскую реакцию за то, что она дваж-

ды изгоняла его с родины и в конце концов изгнала навсегда; стоит лишь вспомнить «Разоблачения о Кёльнском процессе коммунистов». Не менее резко заклеил он французскую буржуазию, ее преступления в отношении революционного Парижа. Буржуазная демократия ненавидела его за то, что он резко осудил Карла Фогта, но Фогт не только заслужил это, но сам вызвал Маркса на это, подло оклеветав его. И научный социализм должен быть бесконечно благодарен Марксу за его действия против бакунистского анархизма, ибо отважный вождь старого Интернационала предпочел скорее взлететь в воздух вместе с кораблем, чем дать захватить его анархистам⁷⁸. Новейшие попытки оправдать Бакунина успеха иметь не будут⁴⁷⁵.

Особенно резко высказался Маркс о Лассале. Лассаль вызвал у Маркса чувство отвращения тем, что влез со своим процессом графини Гатцфельдт⁴⁶⁹ в «Весну народов»⁴⁷⁶ и в революционное воодушевление этого периода. Маркс говорил о «в высшей степени грязных историях». Я был весьма горд тем, что учитель открыл мне, молодому любознательному человеку, свои потаенные мысли о Лассале, о котором тогда говорили постоянно и чье имя пользовалось среди рабочих неслыханной популярностью. Может быть резкие оценки Маркса были вызваны также странными колебаниями Лассалья в конце жизни; во всяком случае, переговоры последнего с Бисмарком⁴⁷⁷ восторга у Маркса не вызвали.

Подведем итог. Человек, который отдал все силы своего великого ума служению рабочему движению, который вследствие этого прошел через всевозможные страдания и нужду, который вел столь беспощадную борьбу против классового господства,— этот человек отнюдь не был мрачным, высокомерным и отталкивающим фанатиком. Он дал социалистам прекрасный девиз для взаимоотношений между собой и с другими — «Истина, право и нравственность»⁴⁷⁸ — и сам давал личный пример этого.

Впервые опубликовано в журнале:
«Die Glocke», Berlin,
1918, 4. V, Jg. 4, H. 5

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется
первые

Карл Маркс ⁴⁷⁹

Сейчас Марксу шестьдесят три года. Но у него стройная, выше среднего роста фигура, сильная и по-юношески гибкая; на крепкой шее — голова с крупными чертами лица и великолепным высоким лбом, седые кудри густыми, часто набегающими друг на друга волнами ложатся на могучие плечи, низко спадает снежно-белая борода, а из-под густых, еще черных кустистых бровей светятся искрящиеся глаза. И сам Маркс так же интересен и привлекателен, как его внешность. Это человек необычайно образованный, в равной степени глубоко и широко, великолепно эрудированный во всех областях науки. Сразу чувствуется, что ему есть что сказать, и он говорит прекрасно поставленным голосом, который повышает только тогда, когда выступает против воззрений, кажущихся ему ошибочными. Саркастически отзываясь о той или иной личности, он обволакивает острые шипы своих едких шуток мягким голосом, достигая этим еще более сильного воздействия. Однако, развивая свои взгляды и излагая свое учение, он не становится в позу вещающего с кафедры пророка, и ему равно чужды как менторский тон, так и пафос ясновидца; он говорит легко и непринужденно, но все же с артистической изысканностью, и точное слово, яркий образ, молниеносно вспыхивающая шутка всегда у него наготове. Если же он находится в обществе умной привлекательной женщины, как здесь * — ведь женщины, как и дети, лучше всего вызывают на разговор и, так как общее становится для них понятным только в связи с личным, они всегда сводят разговор к задушевной беседе о личных встречах, — то Маркс пригоршнями черпает из богатой и хорошо устроенной сокровищницы

* В поездке в Карлсбад Маркса сопровождала его дочь Элеонора.
Ред.

своих воспоминаний. С любовью он обращается тогда к прошедшим дням, когда еще романтика пела свою последнюю свободную лесную песню, а он, чернокудрый восторженный юноша, сидел у ног А. В. Шлегеля; как затем он завязал отношения с Беттиной, «ребенком», которая была тогда, конечно, уже бабушкой⁴⁸⁰, и Гейне приносил к нему в комнату стихи, на которых еще не высохли чернила.

Маркс — великолепный рассказчик, он, как немногие, владеет даром фантазии, он — умный собеседник, блестящий диалектик, который умеет найти и теплый доверительный тон, он может взволновать, научить и увлечь, но его мечтательная натура, его философский критический ум, его артистические манеры, чистота всего его существа, кажется, не были предназначены для того, чтобы превращать тяжелые слитки его знаний в ходячую монету для толпы, чтобы возбуждать и вдохновлять на действия массы и раздувать тайно тлеющий огонь толпы в яркое, высоко взметающееся пламя. Бесспорно, он больше философ, чем человек действия, и способен быть скорее историком движения, возможно — стратегом, чем рубакой.

Разумеется, мне и в голову не приходило давать характеристику Марксу-политику. Я хотел только несколькими легкими штрихами обрисовать человека, каким я его увидел, человека, который останется значительным навсегда.

Впервые опубликовано в газете
«Sprudel», Wien, 1875, 19. IX,
N 29 и перепечатано в книге:
Kisch E. Karl Marx in Karlsbad.
Berlin, 1953

Печатается по тексту книги
Перевод с немецкого

Воспоминания о Карле Марксе ⁴⁸¹

Одним из самых замечательных людей нашего времени является Карл Маркс, игравший загадочную, но, без сомнения, могущественную роль в революционной политике на протяжении прошедших 40 лет. Не стремящийся ни к внешнему эффекту, ни к славе, нисколько не интересующийся ни светской фанфаронадой, ни претензиями на власть, неторопливый и неутомимый, человек могучего, широкого и возвышенного ума, всецело погруженный в далеко идущие замыслы, логические методы, практические цели — Карл Маркс стоял и по сей день стоит за бóльшим числом катаклизмов, сотрясавших народы и сокрушавших троны и теперь угрожающих и внушающих ужас коронованным особам и мошенникам, занимающим государственные посты, чем любой другой человек в Европе, не исключая и самого Джузеппе Мадзини.

Он проявил свой ум и качества, будучи студентом в Берлине, выступая с критикой гегельянства, редактируя газеты и сотрудничая в свое время в «New-York Tribune». Основатель и выдающийся ум некогда внушавшего страх Интернационала и автор «Капитала», Маркс был изгнан из половины европейских стран и объявлен вне закона почти во всех странах, последние 30 лет его убежищем был Лондон.

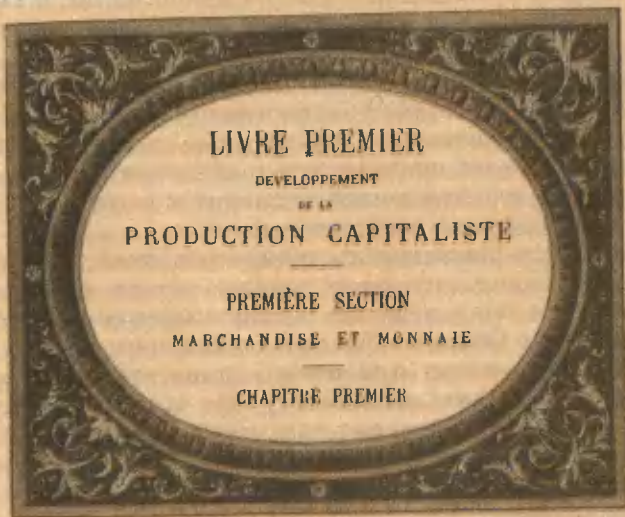
Он был в Рамсгете, знаменитом морском курорте лондонцев, когда я находился в Лондоне; там я и нашел его в коттедже вместе с семьей из двух поколений. Изящная женщина с ликом святой, с мелодичным голосом, изысканно вежливая, встретившая меня у порога, очевидно, хозяйка дома и жена Карла Маркса. А этот шестидесятилетний любезный и добродушный человек с массивной головой, с благородными чертами и копной длинных густых непокорных седых волос, неужели Карл Маркс?

Его манера вести беседу напоминала сократовскую — такой она была свободной, широкой, такой творческой, острой и искренней, язвительно-насмешливой со вспышками юмора и задорного веселья. Он говорил о политических силах и народных движениях в различных странах Европы — о грандиозном духовном движении в России, об интеллектуальных сдвигах в Германии, о движении во Франции и застое в Англии. Он говорил с надеждой о России, философски о Германии, весело о Франции и хмуро об Англии, упоминая пренебрежительно об «атомистических реформах», на которые тратили свое время либералы в английском парламенте. Обозревая европейский мир страну за страной, обрисовывая характерные черты, события и личности — на поверхности и скрытые в глубине, — он показал, что ход вещей подводит к целям, которые, несомненно, будут осуществлены.

Мне часто приходилось удивляться, пока он говорил. Было очевидно, что этот человек, столь мало находящийся на виду, глубоко постиг современность и что от Невы и до Сены, от Урала и до Пиренеев он повсюду подготавливает почву для нового пришествия. Труд его и теперь не пропадает попусту, так же как и в прошлом, когда было вызвано так много желательных изменений, произошло столько героических сражений и здание Французской республики было воздвигнуто на завоеванных высотах.

По мере того как он говорил, становилось все очевиднее, что заданный мной вопрос — «Почему вы теперь ничего не предпринимаете?» — был вопросом неосведомленного человека, причем таким, на который нельзя было дать прямого ответа. Когда я поинтересовался, почему его великий труд, «Капитал», из семян которого взошел столь обильный урожай, не переведен на английский, как он уже переведен с немецкого оригинала на русский и французский, он, по-видимому, не мог ответить, но сказал, что получил предложение об английском переводе из Нью-Йорка⁴⁸². Он сказал, что эта книга всего лишь фрагмент, одна из частей работы в трех частях, две из которых еще не опубликованы. Вся трилогия — «Земля», «Капитал», «Кредит»; последняя часть, сказал Маркс, широко иллюстрируется примером США, где кредит получил столь паразитическое развитие⁴⁸³.

Первая страница первого французского издания
I тома «Капитала»

LA MARCHANDISE

I

Les deux facteurs de la marchandise. Valeur d'usage et valeur d'échange ou valeur payementelle (Substance de la valeur. Grandeur de la valeur)

La richesse des sociétés dans lesquelles règne le mode de production capitaliste s'annonce comme une « immense accumulation de marchandises ». L'analyse de la marchandise, forme élémentaire de cette richesse, sera par conséquent le point de départ de nos recherches.

La marchandise est d'abord un objet extérieur, une chose qui par ses propriétés satisfait des besoins humains de quelque nature qu'elle soit. Que ces besoins aient pour origine l'estomac ou la fantaisie, leur nature ne change rien à l'affaire¹. Il ne s'agit pas non plus ici de savoir comment ces besoins sont satisfaits, soit immédiatement, si l'objet est un

objet de subsistance, soit par une voie détournée, si c'est un moyen de production.

Chaque chose utile, comme le fer, le papier, etc., peut être considérée sous un double point de vue, celui de sa qualité et celui de sa quantité. Chaque chose est en ensemble la propriété de diverses personnes et peut par conséquent être utile par différents côtés. De chacune de ces côtés divers et en même temps les divers usages des choses est une œuvre de l'histoire². Telle est la découverte de mesures sociales pour la quantité des choses utiles. La diversité de ces mesures des marchandises a pour origine, en partie la nature variable des objets à mesurer, en partie la convention.

L'utilité d'une chose fait de cette chose une sa-

1. Karl Marx: « Zur Kritik der Politischen Ökonomie », Berlin, 1859, p. 4.

2. « La chose implique le besoin, c'est l'appétit de l'homme et tout est aussi naturel que la faim l'est au corps. C'est de là que le pluspart des choses tirent leur valeur » Nicholas Babun: « A Discourse on coinage the new money lighter », in answer to Mr. Lock's considerations, etc. London, 1696, p. 2 et 3.

1. « Les choses ont une vertu intrinsèque (valeur, telle que chez Barbon la détermination spécifique pour servir d'échange) qui en tout lieu ont la même qualité, comme l'instrument par exemple utile » ibid. p. 16. La propriété qu'a l'argent d'être utile ne devient utile que lorsque par son moyen on agit découvert la polarité magnétique.

Г-н Маркс наблюдает за разворачиванием событий в Америке, некоторые его замечания о силах, играющих существенную роль в складывании американской жизни, вызывают размышления. Между прочим, упоминая о своем «Капитале», он говорил, что каждый, кто захочет читать его, найдет французский перевод во многих отношениях выше немецкого оригинала. Г-н Маркс упоминал о французе Анри Рошфоре, а когда он говорил о некоторых своих уже умерших учениках, о бурном Бакуине, блестящем Лассале и других, я мог видеть, как глубоко размышлял он о людях, которые при данных обстоятельствах могли бы направлять ход истории.

Пока Маркс рассуждал, день близился к исходу и наступили долгие сумерки английского летнего вечера; он предложил прогуляться по приморскому городу, вдоль берега к пляжу, на котором мы увидели многие тысячи развлекающихся людей, главным образом детей. Здесь, на песках, мы нашли и его семейное общество: жену, которая меня уже приветствовала, двух его дочерей с детьми и двух зятьев *, один из которых преподаватель Кингз-колледжа в Лондоне, а другой, кажется, литератор. Это была восхитительная компания — около десяти человек: отец двух молодых женщин, счастливых своими детьми, и бабушка этих детей, полная жизнерадостности и женской безмятежности. Карл Маркс нисколько не уступает самому Виктору Гюго в искусстве быть дедушкой, но он счастливее, ибо его замужние дети скрашивают его пожилые годы.

К вечеру Маркс и оба его зятя разлучились с семьями, чтобы провести часок с американским гостем. Беседа касалась мира, человека, времени и идей, бокалы наши звенели над морем.

Поезд никогда не ждет, а ночь была уже близка. Над размышлениями о суете и мучениях нашего века и прошлых веков, во время дневной беседы и вечерних сцен в моем уме зародился один вопрос — вопрос о решающем законе существования, на который я хотел получить ответ от этого мудреца. Спустившись до самых глубин языка и поднявшись до вершины выразитель-

* — Женни и Шарль Лонге с детьми Жаном, Анри и Эдгаром, Лаура и Поль Лафарги. Ред.

ности во время наступившего молчания, я прервал революционера и философа следующими роковыми словами: «Что есть сущее?»

И, казалось, на мгновение ум его был обращен внутрь себя, пока он смотрел на ревущее море перед нами и беспокойную толпу на берегу. «Что есть сущее?» — спросил я, и он серьезно и торжественно ответил:

«Борьба!»

Сначала мне показалось, что я услышал эхо отчаяния, но, может быть, это закон жизни.

Впервые опубликовано в газете
«Sun», 1880, 6. IX и в книге:
Swinton John. Current views and
notes of forty days in France and
England. New-York, 1880,
а на русском языке: Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45

Печатается по тексту Сочинений
Перевод с английского

Из книги
«Воспоминания и размышления» ⁴⁸⁴

Первая половина 80-х гг. была важным поворотным пунктом в духовной и общественной жизни Англии. Как раз весной 1881 г. Гайндман основал Демократическую федерацию, которая впоследствии стала Социал-демократической федерацией ²⁹¹, а еще позже Британской социалистической партией ⁴⁸⁵ [...]

В 1882 г. я вступил в Демократическую федерацию: это было через год с лишним после ее основания [...]

Около этого времени я стал серьезно изучать великое произведение Маркса «Капитал» и к концу 1881 г. поместил в давно уже не существующем теперь ежемесячнике под названием «Modern Thought» небольшую работу о Марксе и его труде ⁴⁸⁶. Эта работа, хотя отнюдь и не безупречная в смысле точности, понравилась Марксу и Энгельсу. Сам Маркс, который был тогда серьезно болен и не мог писать, выразил мне свою признательность за статью и дал ей высокую оценку в письме, написанном его дочерью Элеонорой ⁴⁸⁷.

Великий основоположник теоретической базы современной научной социалистической политической экономии прожил после этого еще год с лишним, но большую часть этого времени из-за состояния своего здоровья находился в отъезде. Я так и не встретился с ним. Однако вскоре после смерти Маркса в марте 1883 г. Фридрих Энгельс в связи с упомянутой статьей пригласил меня посетить его. Это посещение положило начало знакомству и дружеским отношениям, продолжавшимся вплоть до смерти Энгельса в 1895 г.

Я считаю Фридриха Энгельса одним из самых замечательных людей своего времени, человеком энциклопедически образованным и хорошо знакомым с достижениями всех отраслей современной ему науки. Все,

что Энгельс писал или говорил, даже о предметах, которыми он не так владел, как политической экономией, всегда было обосновано и заслуживало внимания [...]

Как хорошо известно, социал-демократическая партия всегда признавала Маркса и Энгельса чем-то вроде верховного апелляционного суда, несмотря на то, что в одном случае, а именно при переговорах с лассальянцами перед Готским съездом их точку зрения отвергли Бебель и Либкнехт — фактические руководители партии в Германии¹⁹⁹. Но это был исключительный и, как мне кажется, действительно единственный случай подобного рода. Как общее правило, Маркс и Энгельс были окончательными арбитрами в вопросах политики партии. После смерти Маркса эта роль, естественно, выпала на долю одного Энгельса. Хотя он был готов во всех случаях придавать должное значение практическим текущим требованиям, старый товарищ Маркса, переживший его, был до конца верен убеждению, что социальная революция не может быть начата иначе, чем путем насильственного восстания, особенно в Германии. Много раз он при мне говорил, что, как только руководители партии смогут рассчитывать на каждого третьего солдата, то есть на одну треть германской армии действительной службы, следует начать революционные действия. Энгельс, конечно, счел бы «социализм» Шейдемана, Зюдекума, Носке и прочих теперешних «ревизионистов», составляющих большинство партийного представительства в рейхстаге, не чем иным, как реакцией в ее худшей форме.

Ранние этапы жизненного пути Энгельса интересны во многих отношениях. Он родился в 1820 г. в Бармене, Рейнская Пруссия. После завершения своих занятий в Берлинском университете⁴⁸⁸ он был отправлен в Англию, в Манчестер, чтобы заняться хлопкопрядильным предприятием, в котором принимал доленое участие его отец, располагавший некоторыми средствами. Именно здесь благодаря знакомству с господствовавшими тогда жилищными условиями и жизнью рабочих его интерес к социальным проблемам получил самый мощный стимул. В результате проведенных исследований появился его первый труд «Положение рабочего класса в Англии».

Благодаря своему пребыванию в Манчестере Энгельс с юных лет приобрел основательное знакомство с английской жизнью, нравами и мировоззрением. Он рассказывал интересные случаи из собственного опыта, отображающие быт английского общества в первую половину девятнадцатого столетия — в ту пору, когда, по его выражению, «прованское масло еще не появлялось на английских обеденных столах»⁴⁸⁹. Он рассказывал мне, что курение считалось в то время в обществе более или менее «дурным тоном». Хозяин одного дома, куда Энгельс был приглашен на обед, любил выкурить послеобеденную трубку, хотя это и шокировало его благопристойных дочерей. Чтобы спокойно покурить, он увел Энгельса на кухню! А это был богатый манчестерский промышленник, живший в хорошем доме! В другой раз он вспоминал, что единственными винами, которые пил и знал средний англичанин, были портвейн и херес. Как юмористическую иллюстрацию этого факта он приводил тогдашний перевод на английский язык первой строки застольной песенки Лепорелло из «Дон-Жуана»: «Давай повеселимся поскорей, выпив херес и портвейн», — англичанину того времени казалась невероятной мысль о возможности повеселиться с помощью какого-либо другого вина, лишь изредка он мог позволить себе отведать дорогостоящего шампанского.

Слышал я от Энгельса также историю о том, как во время прогулки в воскресенье утром он иногда встречал бородатого, как и он, человека — а борода считалась в то время признаком крайней эксцентричности, так как редко кто из англичан носил ее, — который приветствовал его с каким-то религиозным пылом. Этими бородастыми эксцентриками были дожившие до тех пор последователи пресловутой Джоанны Саускот, которая утверждала, что 19 октября 1814 г. родит сверхъестественное существо — Шило, но вместо этого через несколько дней умерла от водянки. Ее последователи, которых, как говорили, первоначально было сто тысяч, дожили до середины XIX в. Ношение бороды они считали признаком избранности.

В качестве иллюстрации к тому, что в 40—50-х гг. прошлого столетия в Англии по воскресеньям все поголовно посещали церкви, Энгельс рассказал о беседе, которая состоялась в доме одного из его манчестерских

знакомых, к которому он был приглашен на второй завтрак в воскресный день (тогда в буржуазных кругах это еще не называлось «ленчем»). Разговор, по обыкновению, зашел об утренних проповедниках, и Энгельс, когда его спросили, какой «храм» он посещает, ответил, что каждое воскресное утро гуляет за городом, так как считает это лучшим времяпрепровождением для начала своего свободного дня. Услышав это, хозяин обратился к нему с таким замечанием:

— Вы, кажется, исповедуете своеобразные религиозные взгляды, мистер Энгельс? Очевидно, что-то вроде социнианства!⁴⁹⁰

Это забавное замечание характерно для господствовавших в тот период понятий, когда для respectable буржуазного ума крайним пределом религиозной неортодоксальности было «что-то вроде социнианства». Представление о том, что убежденный атеист Энгельс исповедовал «что-то вроде социнианства», совершенно нелепо.

Примечательно, что Фридрих Энгельс, несмотря на длительное пребывание в Англии и знакомство с англичанами, так полностью и не англазировался. До конца жизни он сохранил немецкие черты.

Впервые опубликовано в книге:
Bax Ernest Belfort. Reminiscences and Reflexions of a Mid and Late Victorian. London, [1918]

Печатается по тексту книги
Перевод с английского

Мои воспоминания о Карле Марксе ⁴⁹¹

Я сохранила живые воспоминания о моей первой встрече с доктором Карлом Марксом [...]

Я хочу рассказать о его доме, об этом человеке, которого я видела в кругу его семьи и друзей, с которым вела беседы в обстановке будничной жизни в течение его последних лет, о его добрых словах и щедром гостеприимстве, которые сохранились в моей памяти.

Это было в начале 80-х годов. Будучи политическим эмигрантом, он нашел прибежище в Англии и жил тогда на Мейтленд-парк-род ¹⁷⁰. Мое знакомство с ним произошло в его собственной гостиной, во время собрания клуба почитателей Шекспира (Shakespeare Reading Club), называвшегося Догбери-клуб, душой которого была его младшая дочь Элеонора ⁴⁹². Среди членов клуба были Эдуард Роуз, драматург, г-жа Теодор Райт, игру которой в «Привидениях» Ибсена вспоминают до сих пор, прелестная Долли Редфорд, поэтесса, сэр Генри Юта, Фридрих Энгельс и другие, каждый из которых получил определенную известность. Меня попросили прочесть слова юного принца Артура в «Короле Джоне», но эта часть роли принца была совсем незначительной, и мое внимание было сосредоточено не столько на произнесении слов принца, сколько на нашем хозяине, который сидел в другом конце длинной комнаты с нишей — исключительно мощная и выделявшаяся среди всех личность.

Его крупная голова была покрыта шапкой довольно длинных седых волос, которые гармонировали с косматой бородой и усами; взгляд его небольших черных глаз был острым, пронизательным, саркастическим, в них искрился юмор. Нос трудно определимой формы и ни в малейшей степени не семитского типа. Он был среднего роста, но крепкого телосложения. Позади него, в углу на подставке, находился бюст Зевса олимпийско-

го, с которым он, как полагали, имел некоторое сходство.

Рядом с ним сидела его жена — милая и очаровательная женщина. Говорили, что в молодости она была красавицей, но плохое здоровье и, вероятно, трудные времена наложили свою печать на ее внешность. Увядающая кожа приобрела восковую бледность, под глазами багрово-коричневые пятна, и все же вокруг нее царила атмосфера благородства, ощущалось ее безупречное воспитание. Ее девическое имя было Женни фон Вестфален, и в жилах ее текла шотландская кровь, мне кажется, со стороны матери, которая происходила из рода Кэмпбелл.

Эти шекспировские чтения должны были проводиться раз в две недели, попеременно в домах различных членов клуба, но фактически они устраивались значительно чаще в доме Маркса, чем в других местах. Карл Маркс, как и остальные члены его семьи, был страстным почитателем поэта и любил слушать его пьесы. Поскольку он по вечерам выходил из дома очень редко, единственным местом, где он мог их слушать, был его собственный дом. Он никогда сам не читал ту или иную роль, что, может быть, было даже на пользу пьесе, ибо у него был гортанный голос и сильный немецкий акцент. Он охотно вступал в разговор о популярности Шекспира в Германии и ее причинах. Элеонора всегда утверждала, что немецкое представление о драме гораздо ближе к английскому, чем французское, и красноречиво говорила о Лессинге и Виланде, которые оба способствовали тому, чтобы Шекспир стал известен в их стране. И в самом деле — «Эйвонский лебедь»⁴⁹³ вряд ли мог иметь более страстного поклонника, чем Виланд, который писал одному из своих корреспондентов: «Я трепещу в глубоком, священном благоговении, когда только произношу его имя; я падаю ниц и молюсь, когда ощущаю присутствие Шекспирова духа».

Я думаю, что это пылкое признание выражает в какой-то степени и чувства Элеоноры Маркс, а может быть, и ее отца, хотя маловероятно, что они сформулировали бы свои мысли именно в таких словах.

Непредубежденному человеку может показаться несколько несообразным, что члены Догбери-клуба после окончания серьезного чтения завершали свои вечера

играми и такими развлечениями, как шарады и dumb-stambo *, главным образом ради удовольствия д-ра Маркса,— это можно было заключить из того, какую радость он при этом испытывал. Он был превосходным слушателем: никогда не высказывал своего критического отношения, всегда понимал шутки и так хохотал, если что-либо казалось ему особенно смешным, что слезы текли у него по щекам. Он был старшим по возрасту, но по своему духу так же молод, как любой из нас. И его друг, верный Фридрих Энгельс, вел себя столь же непринужденно.

Энгельс выглядел много моложе Маркса, возможно, что это и на самом деле было так. Это был приятный мужчина, еще не совсем седой, имевший привычку отбрасывать назад прядь гладких черных волос, иногда спадавшую на его лоб. У него был дом на Риджентс-парк-род, где он жил со своей племянницей **, будучи, кажется, вдовцом. Для этой племянницы он однажды устроил танцевальный вечер.

— Придешь ли ты тоже? — спросил он Маркса.— Все они,— и он показал на нескольких девушек, которые стояли вокруг него,— будут обязательно.

Д-р Маркс как-то странно посмотрел на эту группу и покачал головой.

— Я не приду. Твои гости слишком стары.

— Слишком стары в семнадцать лет?

— Я люблю молодых, действительно молодых,— сказал доктор серьезно.

— А! Я понимаю — в возрасте твоих внуков!

Д-р Маркс кивнул, и они оба расхохотались как от самой забавной шутки.

(Танцевальный вечер состоялся и был очарователен. Г-н Энгельс в качестве хозяина был также очарователен.)

Д-р Маркс считал, что старение зависит во многом от силы воли. Он сам был, видимо, сильным человеком, ибо непрерывно трудился в своем кабинете — большой, светлой комнате, расположенной по фасаду на втором этаже. Вдоль стен были выстроены простые деревянные книжные полки, в правом углу у стены стоял

* — шарады-пантомимы. *Ред.*

** — Мери Эллен (Пумпс) Бёрнс. *Ред.*

большой письменный стол. Здесь Маркс читал и писал целый день, а вечером, когда спускались сумерки, разрешал себе небольшую прогулку. Много раз, когда Элеонора Маркс и я сидели на ковре в гостиной перед камином, болтая в полутьме, мы слышали, как входная дверь тихо закрывалась, и сразу же после этого доктор в темном пальто и мягкой фетровой шляпе проходил перед окном и возвращался не раньше, чем становилось совсем темно. Как говорила его дочь, его тогда можно было легко принять за заговорщика.

Я представляю себе, что в это время на нем лежали огромные обязанности. Он держал в руках нити обширной сети европейского социализма, признанным вождем которого он был. Но несмотря на все это, находил время и для изучения русского языка, которым начал заниматься только после 60 лет. Как я слышала от Элеоноры, к концу жизни он знал его вполне хорошо.

С внешней стороны дом на Мейтленд-парк-род выглядел как обычная пригородная вилла, но обаяние его домашней атмосферы было совершенно необычным. Мне кажется, было что-то богемное в щедром гостеприимстве и сердечном радушии, с которым встречали каждого посетителя. А число их было велико, и это разнообразие придавало особую привлекательность. Но у них была одна общая черта — большинство не имело средств к существованию. Одежда их была потрепанной, движения — скованные, но они все были очень интересными людьми. Многие из них, несомненно, считали почву своей родины слишком горячей для себя; это были искусные заговорщики, для которых Лондон был удобным центром, политические заключенные, которым удалось сбросить оковы, молодые искатели приключений, чьим кредо были слова: «я против какой бы то ни было власти».

Среди них был изящный молодой русский, который пытался с помощью взрыва убить царя и который, безусловно, являлся одним из людей самого кроткого нрава среди тех, кто когда-либо покидал свою страну. Он превосходно исполнял мелодичные русские любовные песни, содержание которых подчеркивал меланхолическими взглядами. Он рассказывал нам, что провел более года в петербургской тюремной камере, в которой нельзя было ни стоять, полностью выпрямившись, ни

лежать вытянувшись, причем сыпавшийся через незастекленное окно снег доходил до груди. Он был обвинен как анархист — обвинение, которое, вероятно, было несправедливым к началу его заключения, но совершенно правильным к концу ⁴⁹⁴.

Другой гость, с которым я встретилась случайно, был странный, выглядевший иностранцем человек в сюртуке, с великолепной булавкой для галстука; он носил большую бороду и усы. Его фамилия оканчивалась на «ский», и мне дали понять, что он прибыл из Польши или из какой-то другой беспокойной страны с особой миссией к Карлу Марксу. Неделю спустя Элеонора упомянула об этом человеке, и я спросила, вернулся ли он на землю своих предков.

— Неизвестно, — ответила она, — после его первого посещения, неделю тому назад, мы с ним ни разу не виделись. Мы справлялись на квартире, которую сняли для него, и предприняли все, что в наших силах, чтобы разыскать его. Но безрезультатно. Нет никаких следов. И самое неприятное состоит в том, что то дело, ради которого он приехал, застряло на мертвой точке.

Я была в ужасе. В моем воображении возникли картины ограбления, преступления, даже *убийства*.

— Почему же не связались с полицией? — спросила я.

Она взглянула на меня как-то странно.

— Это как раз то, чего мы обязательно должны избежать.

— А что же говорит д-р Маркс? — был мой следующий вопрос, и она сухо ответила: «*Cherchez la femme!*» * — и прибавила: — Он появится вновь, когда она ему надоест, но появится непременно.

По воскресеньям в семье Маркса был официальный день приемов, когда всякий мог прийти в дом, и доктор иногда откладывал на время свои занятия, чтобы занимать гостей. Он обычно спускался вниз к столу, который сервировался в столовой, расположенной на нижнем этаже, причем трапеза, казалось, продолжалась весь воскресный день. Он обладал прекрасным аппетитом и с удовольствием наслаждался едой, приготовлявшейся Еленой, приятной пожилой экономкой, которая

* — Ищите женщину! Ред.

разделяла судьбу семьи Маркса вплоть до его смерти *. Затем она стала вести хозяйство Энгельса. Елена замечательно готовила — я до сих пор постоянно вспоминаю ее торты с вареньем. Это была пожилая женщина с прекрасным цветом лица; она носила золотые серьги и покрывала волосы сеткой. Она сохраняла за собой право «говорить свое мнение откровенно» даже почтенному доктору. Ее мнение воспринималось всеми членами семьи уважительно, даже с кротостью, исключением была Элеонора, которая часто возражала ей.

Относительно обедов. Я вспоминаю, как однажды в воскресенье пришла на обед с опозданием и получила за это серьезный нагоняй от хозяина дома. В ответ на мои извинения он сурово покачал головой.

— Это пустая трата времени указывать людям на их ошибки, надеясь, что словами можно исправить их, — произнес он своим гортанным голосом. — Если бы они хоть *задумались* об этом! Но как раз этого-то они и не делают. Что составляет величайшее благо человека, самое ценное, что ему дано? *Время*. А посмотрите, как оно растрачивается. Ваше собственное время — ладно, об этом нет речи. Но время других людей — *мое — боже!* Какая ответственность!

Я выглядела так, как и чувствовала себя, — жалкой. Но его гнев быстро рассеялся, и на лице заиграла обаятельная улыбка.

— Входите же, входите, вы прощены. Садитесь, и я расскажу вам кое-что о тех днях, когда был в Париже и не знал французского языка настолько хорошо, как сейчас.

Одна из этих историй была о том, как он, выходя из омнибуса — или поезда, — случайно наступил одной даме на ногу. Она сердито взглянула на него. Сняв шляпу, он сказал весьма почтительно:

— *Мадам, permettez-moi!* **

Она посмотрела еще более сердито, и он отправился своей дорогой в полной уверенности, что женщины — это странные создания. Лишь позднее его осенило, что «*pardonnez-moi!*» *** было бы куда более уместным.

* — Еленой Демут. Ред.

** — разрешите! Ред.

*** — «извините!» Ред.

Другая семейная легенда была о том, как г-жа Маркс, отправившись с намерением купить какую-то книгу, перепутала слова «livre» и «lièvre» *. Она торжественно вернулась с фаршированным зайцем.

Я уверена, что первая история абсолютно правдива. Во втором рассказе присутствует, мне кажется, и элемент воображения.

Карл Маркс очень любил собак, и три небольших существа, не принадлежавших к какой-либо особой породе (скорее это была смесь различных пород), занимали важное место в доме. Одного из них звали Тодди, другого Виски, имя третьего я не могу припомнить, но, кажется, оно тоже было как-то связано с алкоголем. Это были три общительных маленьких существа, всегда готовые затеять возню и очень ласковые. Однажды, после шестинедельного пребывания в Шотландии, я отправилась повидать Элеонору и застала ее с отцом в гостиной, играющими с Виски. Виски сразу же перенес свое внимание на меня и дружески приветствовал с энтузиазмом, но тут же помчался к двери и стал скулить, чтобы ее открыли.

Элеонора сказала:

— Он побежал к Тодди, она только что принесла ему потомство.

Едва она успела это сказать, как в передней послышалось царапанье и в комнату ворвался Виски, а за ним Тодди. Молодая мать помчалась прямо ко мне, приветствовала меня как друга и поспешила обратно к своей семье. Виски в это время стоял на ковре, горделиво помахивая хвостом и поглядывая то на одного, то на другого, как бы говоря:

— Посмотрите, как хорошо я знаю, что надо делать!

Д-р Маркс был очень тронут этим проявлением собачьей сообразительности. Он заметил, что совершенно очевидно, что собака побежала вниз, чтобы сообщить своей маленькой подруге о прибытии старого друга и об ее обязанности немедленно пойти и засвидетельствовать свое почтение. Тодди, как примерная супруга, оторвалась от своих визжащих детенышей, чтобы выполнить его распоряжение.

* — «книга» и «заяц». Ред.

Судя по книгам, плотно заполнявшим книжные полки, д-р Маркс должен был обладать широкими и разнообразными познаниями в области английской литературы, в том числе и художественной. Я однажды заметила у него на столе книгу сэра Чарлза Лайеля, а рядом с ней роман Булвер-Литтона «Пелэм, или Приключения джентльмена». И я вспоминаю обсуждение за завтраком авторов викторианской эпохи и восхищение Шарлоттой и Эмилией Бронте, высказанное всеми членами семьи, их обеих они оценивали много выше Джордж Элиот. Отношение д-ра Маркса к семье было поистине трогательным. Он был ласков и внимателен по отношению к жене, смерть которой, мне кажется, ускорила его собственную кончину. С Элеонорой он обращался с той снисходительной нежностью, какой награждают любимого, но изрядно своенравного ребенка.

Она была действительно своенравным, но при этом необычайно ярким существом, с острым, логичным умом, тонким знанием людей и изумительной памятью. Одно время она работала в Британском музее вместе с покойным д-ром Фарнивелом над ранними изданиями Шекспира. Это была область, к которой она, как я уже говорила, испытывала особый интерес. Но огромный интерес был у нее и ко многим другим областям. Она была членом обществ почитателей Браунинга и Шелли, часто выступала на социалистических митингах, хорошо знала старую и современную драматургию и редко пропускала премьеры. К Ирвингу она относилась с пылким восхищением, и наши взносы в Догбери-клуб ⁴⁹² употреблялись на покупку билетов на его премьеры. Он обычно оставлял в этих случаях для клуба первый ряд бельэтажа — лучшие, на мой взгляд, места в театре.

Однажды, еще до моего вступления, клуб преподнес ему лавровый венок и он, принимая его, поцеловал руку Элеоноре. Она потом хранила белую лайковую перчатку, которой касались его губы, как драгоценный, почти священный предмет. Это было вообще характерным для нее: она либо страстно восторгалась, либо глубоко презирала; либо пламенно любила, либо горячо ненавидела. Среднего для нее не существовало. Она обладала поразительной энергией, исключительной восприимчивостью — при этом была самым веселым существом

в мире, когда не была самым печальным. Замечательной была и ее внешность. Она не была подлинной красавицей, но производила впечатление красивой благодаря своим сверкающим глазам, великолепному цвету лица и темным вьющимся волосам.

Совершенно естественным было полное ее взаимопонимание с отцом, политические убеждения которого она полностью разделяла. Она была, пожалуй, несколько нетерпимой к тем, чьи взгляды отличались от ее собственных. Те качества, которые считались достоинством дам викторианской эпохи, она презирала. К всяческому «рукоделию» относилась с пренебрежением; ручное шитье считала излишним при существовании швейных машин. Я еще помню, как она возмущалась, придя однажды ко мне за книгой, которую давала почитать, и увидев, что я сижу с иголкой, в то время как недочитанная книга лежит около меня на столе.

Этот факт был для нее признаком умственной, если не моральной отсталости, и она высказала свое мнение с драматической силой. Она была артистична до глубины души, и я думаю, что одним из самых болезненных разочарований в ее жизни было то, что она так и не стала актрисой. Некоторое время она занималась с г-жой Герман Визн, пока эта дама не заявила ей с неохотой, что она никогда не станет действительно крупной величиной на сцене и ее мечты о славе беспочвенны. О том, чтобы играть вторую скрипку, не могло быть и речи. Она явилась ко мне в тот день, когда г-жа Визн сказала свое последнее слово, бледная, в трагическом отчаянии. Некоторое время она сидела в своей излюбленной позе на ковре, охватив руками колени и глядя на огонь. «Тебе не надоела жизнь?» — спросила она.

— Конечно, нет.

— Тебе надоест, когда ты достигнешь моего возраста, — ей было тогда лет двадцать пять.

— Ужасно тяжело, когда не можешь получить то, что хотела бы иметь больше всего на свете. Если бы тебе действительно было меня жалко, то ты предложила бы мне вместе покончить с собой.

— Ты действительно страстно желаешь покончить с собой?

— Я тотчас же сделала бы это, но только не в одиночку.

Я предложила, поскольку незамедлительное самоуничтожение было исключено, попытаться найти другие методы для поддержания ее ослабевшего духа. Подумав немного, она вскочила на ноги, энергичная и воодушевленная.

— Знаешь, что мы сделаем? Мы возьмем кэб и совершим поездку по Лондону. Дорогой, грязный Лондон! Он всегда как-то вдохновлял меня. Пошли!

— Это мне не по карману.

— Конечно, не по карману. И мне тоже, но мы все равно поедem.

В те времена еще не было такси, были только старые, тесные четырехколесные колымаги, либо симпатичные, элегантные, уютные двухколесные экипажи, которые были для нас особенно привлекательны, поскольку считалось, что молодым дамам не совсем прилично ездить в них. Мы рискнули на это нарушение приличия и немедленно покатали вдоль Тоттенхем-корт-род, Оксфорд-стрит, Риджент-стрит, Пикадилли, набережной Темзы и не помню еще куда с тем утешительным результатом, что Элеонора решила, что не все прелести жизни ей недоступны.

Таковы были милые горести нашей юности.

Это был не единственный раз, когда она говорила о самоубийстве. Его пророческая тень не давала ей покоя, особенно когда жизненные тяготы становились непереносимыми и будущее казалось беспросветным. История ее жизни трагична. Она любила человека *, которому отдала свою глубокую привязанность, достойную ее тонкой, благородной души; в своем воображении она наделила его качествами, которыми он вовсе не обладал. Со временем наступило разочарование, и в момент отчаяния она добровольно нашла «сон, который прекращает боль сердца»⁴⁹⁵.

На ее могиле надо было бы написать: «Она сильно любила».

Предполагают, что ее судьба подсказала интригу очаровательной пьесы Бернарда Шоу «Дилемма доктора» и что она является ее героиней.

Старшая из дочерей Карла Маркса, Женни, вышла замуж за г-на Лонге, известного французского журна-

* — Эдуарда Эвелинга. Ред.

листа. Я видела ее однажды на Мейтленд-парк-род — полная, приятная женщина, похожая скорее на француженку, чем на немку, с детьми у ее ног. Одним из них был «маленький Джонни», г-н Жан Лонге, который, несомненно, унаследовал семейные таланты и играет роль в современной французской политике. Я не видела его со времен его детства, но Оливия Шрайнер незадолго до смерти написала мне, что встретила его, и он достал из кармана пальто небольшую записку — последнюю, которую написала ему его тетя Элеонора и которую он носил в своей записной книжке более двадцати лет. Какое удивительное свидетельство женского обаяния и мужской верности!

Вторая дочь д-ра Маркса, Лаура, считалась самой красивой в семье. Когда я встретилась с ней, ее красота уже начала увядать, но она была еще привлекательной и отличалась очаровательными манерами. Она была женой Поля Лафарга, члена французской палаты депутатов и принадлежавшего также к одной из самых старинных семей Франции. Они жили неподалеку от Парижа и конец их жизни также трагичен. Беспощадное время отняло у нее молодость и угрожало его уму. Детей у них не было. Призрак одинокой старости как черная тень витал над ними, не оставляя ни луча надежды. Оставалась только их любовь. Так, однажды в воскресенье в их вилле в Дравейе с помощью того же средства, которое привело и бедную Элеонору к вечному сну, они рука об руку встретили смерть. Непобедимую или побежденную?

В последний раз я видела д-ра Маркса, когда он лежал в гробу, с руками, скрещенными на груди — боец, доблестно сражавшийся до тех пор, пока оружие не было выбито из его рук силой большей, чем его собственная. Замечательно спокойным было его лицо, морщины сгладились, старость, казалось, отступила, все следы страдания стерлись. Осталась спокойная и величественная мощь.

Я была одна в комнате с его дочерью и хотела выразить ей свое сочувствие, но она властно остановила меня.

— Я не нуждаюсь в соболезнованиях. Если бы он медленно умирал в результате долгой болезни и на моих глазах постепенно разрушались бы его дух и тело,

мне необходимо было бы сочувствие. Но этого не произошло. Он скончался на посту, сохраняя свои умственные силы. Будем же благодарны за это.

Впечатление от этой сцены прощания, взгляд глаз Элеоноры никогда не изгладятся из моей памяти [...]

Я мало знаю о трудах Карла Маркса, даже не читала «Капитала», но думаю, что ради справедливости и памяти о нем надо твердо помнить, что он не был лидером-демагогом, который, с одной стороны, боролся за интересы пролетариата, а с другой — за свои собственные. Он не был человеком, который извлекал выгоду или наживал деньги с помощью своих взглядов. Напротив, ради своих убеждений он отказался от обычных благ, которые дает университетская карьера, он вынес изгнание, злобную клевету и сравнительную бедность; до конца своих дней он не переставал трудиться [...]

Впервые опубликовано в журнале -
«The Nineteenth Century and
after», London, 1922, N 539,
Vol. XCI

Печатается с сокращениями
по тексту журнала

Перевод с английского

Воспоминания о Марксе и Энгельсе

(ИЗ КНИГИ
«ПЕРЕПИСКА ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА
С КАРЛОМ КАУТСКИМ») ⁴⁹⁶

МОЯ ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ЛОНДОН.
У ЭНГЕЛЬСА

Заключительное предложение первого письма Энгельса ко мне звучало весьма ободряюще ⁴⁹⁷. С другой стороны, правда, мои радостные ожидания были немного омрачены словами Либкнехта, который говорил, что оба старика якобы плохо отзывались обо мне. Было ли это простым домыслом или имелись в виду какие-то определенные высказывания лондонцев, я так и не выяснил. И когда я ехал в Лондон, я, конечно, понимал, что некоторые из уже упомянутых моментов говорят против меня и что мой переход к последовательному марксизму не выявился еще достаточно четко ⁴⁹⁸. Но, с другой стороны, приглашение Энгельса создало у меня приподнятое настроение. К тому же сам Бернштейн только что увидел, как благосклонны могут быть наши учителя по отношению к каждому, в ком они признавали честного искателя истины и борца, даже если они раньше и осуждали его строго за отдельные ошибки. Со смешанным чувством, но полный самых радужных надежд, вступил я в марте 1881 г. на английскую землю. Точно день я не могу вспомнить. 13 марта я был еще в Цюрихе. Я помню проходившее в этот день празднование мартовской революции *, на котором мы узнали об убийстве в России Александра II. Эта весть была воспринята с воодушевлением, так как мы ошибочно предполагали, что теперь начнется долгожданная русская революция, в приближение которой тогда верили даже Маркс и Энгельс. Сразу после 13 марта я отправился в Лондон через Париж, где на другом мартовском празднике, состоявшемся 18 марта в

* — 1848 года. Ред.

немецком рабочем обществе, произнес торжественную речь, причем против своей воли, потому что такие речи никогда не были моей сильной стороной. Через несколько дней я высадился в Ньюхейвене близ Брайтона.

Сначала я явился к Энгельсу. Я знал, что он полностью взял на себя всю тяжесть связей «марксистского центра» с политическим внешним миром — не считая ближайших друзей — чтобы по возможности щадить уже больного Маркса. Поэтому я и адресовал мое первое письмо Энгельсу, а не Марксу.

Энгельс принял меня весьма любезно и подробно беседовал со мной о партийных делах в Швейцарии и Австрии. Уже во время этой первой встречи он пригласил меня проводить у него все воскресные вечера. На этих вечерах я постоянно встречал у него Элеонору Маркс, прозванную Тусси, и ее сестру Лауру со своим супругом Лафаргом. С Женни Лонге я, к сожалению, не познакомился. Незадолго до моего приезда семья Лонге переселилась в Париж. Обязанности хозяйки, вместо умершей в 1878 г. супруги Энгельса, исполняла ее племянница, Эллен Бёрнс, прозванная Пумпс. Она жила в доме Энгельса с детства. В воскресные вечера у Энгельса можно было всегда увидеть также двух его друзей из Манчестера — если они в это время находились в Лондоне — профессора химии в Манчестерском университете, Карла Шорлеммера, и Сэма Мура, владельца текстильной фабрики. Оба глубоко интересовались как теорией, так и практикой пролетарского движения и основами социализма, полностью разделяя политические, экономические и философские взгляды наших учителей. И при этом обладали таким же, как у них, неистощимым веселым нравом.

Иногда наряду с ними появлялся преподаватель языков Ойген Освальд, ветеран революции 1848 г., принимавший участие в Баденском восстании 1849 г.⁶⁷, эмигрант, снискавший в Лондоне почетное положение в научных кругах. Именно он открыл мне доступ в читальный зал Британского музея, чем я усердно пользовался. Не будучи социал-демократом, он был весьма убежденным демократом. Людей такого рода никогда много не встречалось в среде буржуазии, а в то время они уже начали становиться редкостью. Его охотно принимали у Маркса и Энгельса. Наряду с этими тра-

диционными участниками застолья, в 1881 г. была также четверка новичков, появившихся регулярно: кроме меня это были упомянутый уже Карл Гирш и Лев Гартман, а также сын Зорге Адольф. Среди нас четверых Гирша можно было рассматривать как своего рода ветерана. Родившийся в 1841 г., т. е. почти ровесник Бебеля, он был уже членом Всеобщего германского рабочего союза²¹⁸, принимал в 1868 г. участие в Нюрнбергском съезде немецких рабочих союзов⁴⁹⁹ и выступал там в духе Интернационала. В 1870 г. он основал в Криммичау (Саксония) первую ежедневную местную партийную газету «Bürger-und Bauernfreund». Когда в конце того же года были арестованы редакторы «Volksstaat» Либкнехт и Гепнер¹⁹⁰, их заменил Гирш. Он вступил в движение на десять лет раньше меня, участвовал в нем дольше Бернштейна, уже пользовался признанным авторитетом. Но в переговорах о редакции «Sozialdemokrat» он, как мне показалось, обнаружил слишком мелочную личную обидчивость и капризы, а также личное раздражение против нас, цюрихцев, что вызвало у меня некоторую сдержанность по отношению к нему. Несмотря на это, мы хорошо ладили друг с другом, хотя наши отношения так и не стали более теплыми.

Совсем другими глазами смотрел я на Льва Гартмана, русского революционера. Правда, знакомство с таким человеком не представляло для меня сенсации. В Цюрихе я познакомился уже со многими революционно настроенными местными студентами, а также с испытанными в борьбе эмигрантами, наиболее значительным среди которых был Павел Аксельрод, ставший для меня дорогим и духовно близким другом. Прославленная тогда Вера Засулич, проживавшая в Женеве, также нередко бывала в Цюрихе, где мне довелось встретиться с ней. Во время поездки из Цюриха в Лондон я задержался на несколько дней в Париже и там познакомился с Плехановым, который меня сразу же покорила, хотя я, естественно, ни в малейшей степени не мог еще предполагать, какое значение он будет иметь для дела марксизма [...]

И вот в Лондоне я лично познакомился с одним из тех смелых героев, которые отважились угрожать самому царю, рискуя собственной жизнью [...]

Месяцы первого совместного пребывания с моими учителями пришлись на время бурных событий во всем мире. И общество, обсуждавшее в доме Энгельса злободневные проблемы, было в высшей степени интернациональным. Каждый из присутствующих был полон интереса к международным вопросам, но при этом почти каждый из нас представлял свою нацию: рядом с русским Гартманом сидел француз Лафарг, с англичанином Сэмом Муром — родившийся в Америке сын Зорге. Старшая дочь Маркса, Женни, появилась на свет в Париже, вторая — Лаура — в Брюсселе, третья — Элеонора — в Лондоне. Все три выросли в Англии, но были воспитаны немецкими родителями и немецкой экономкой в семье Маркса, Еленой Демут. Шорлеммер и Энгельс выросли на образцах немецкой мысли, хотя и были сильно англизированы. Энгельс, кроме того, давно интересовался ирландским вопросом, и не только как борец за свободу, но и в силу своих личных отношений. Первая и вторая жена Энгельса были ирландского происхождения. Сам я, наконец, мог рассказать об австрийском опыте.

Соответственно интернациональному характеру этой компании здесь говорили на трех мировых языках: немецком, английском и французском.

Почти каждый из присутствующих интересовался международным движением, как теоретически так и практически, за исключением злополучной Пумпс (Мери Эллен Бёрнс), которая ни теоретически, ни практически не интересовалась нашим делом и социальными или политическими вопросами вообще и чей кругозор не выходил за пределы дома и развлечений. У других интерес к теоретическим вопросам был тесно связан с сильным интересом к практическим социальным проблемам. И все же ясно, что в таком большом обществе столь по-разному образованных индивидуальностей, в дискуссиях преобладали актуальные вопросы.

Кроме этих воскресных вечеров мне уже тогда удалось побыть несколько раз наедине с Энгельсом. И эти встречи были в основном посвящены теоретическим вопросам. Прежде всего вопросам истории первобытного общества и этнологии, которые — удивительное совпадение — занимали в то время Маркса и Энгельса так же, как Хёхберга и меня.

Своими случайными замечаниями по вопросам военной науки Энгельс ввел меня в совершенно новую область знания. Насколько я до этих пор презирал эту область, настолько она захватила меня, когда Энгельс впервые познакомил меня с ней. Я еще не знал тогда опубликованных ранее военно-теоретических трудов Энгельса. Хотя я нашел в его «*Анти-Дюринге*» указания на связь военного дела и экономики⁵⁰⁰, но лишь последующие размышления привели меня к лучшему пониманию войны и ее предпосылок в моих исторических трудах.

В экономической теории Маркс затмевал Энгельса, хотя и в этой области младший друг начал свои занятия раньше старшего. В военной же науке Энгельс оставался единственным. Я всегда сожалел, что ему не довелось познакомиться с работами Дельбрюка о взаимодействии военного дела и экономики, начатыми в 1886 г. его сочинением о «*Персидских войнах и бургундских войнах*» и привлечшими всеобщее внимание в 1900 г. первым томом «*Истории военного искусства*», к сожалению, уже после смерти Энгельса.

Можно, пожалуй, сказать, что беседы Энгельса со мной тогда и потом, еще чаще, во время моего третьего пребывания в Лондоне, были настоящими лекциями на дому. Разумеется, это были не подготовленные лекции, а подробные, длительные разъяснения вопросов, становившихся предметом непринужденного разговора. При этом Энгельс никогда не говорил ни поучающим, ни высокомерно профессорским тоном, а всегда просто, товарищески отвечал на вопросы любознательного друга. Возникшие в ходе беседы, его разъяснения никогда не становились простым монологом, в котором участвовала только одна сторона.

Я думаю, Энгельс не был блестящим оратором. Я лишь несколько раз слушал его публичные выступления. И всегда это были только некоторые короткие замечания. По ним нельзя было судить о его ораторском даре. Но мне представляется, что он не был оратором, способным увлечь, ибо даже не испытывал потребности выступать на публичных собраниях. В этом плане я позволю себе сравнить себя с ним. Тот, кто умеет своим словом завладеть массами, тот чувствует в себе стремление говорить с ними.

И все же Энгельс был мастером слова, и не только в письменной форме, что общепризнано, но и живой речи. Это было видно во время дискуссий и обсуждений в его доме. Речь его текла легко и непринужденно, была всегда меткой и наглядной и, в зависимости от предмета обсуждения, либо страстной, либо шутливой, если не сказать «остроумной», хотя Энгельс ненавидел это определение так же, как и «великодушие». Его высказывания были всегда настолько же блестящи по форме, насколько значительны по содержанию. Казалось, он играючи находил всегда самые меткие слова, как и решающие фактические доводы. А какое множество фактов хранила его феноменальная память! Он разбирался во всем. А если не был знаком с предметом обсуждения, то не стеснялся сразу признаться в этом. И тем большее впечатление производило то, как редко у него появлялись поводы для таких признаний.

При этом он не считал, что знает факты, если не изучил их во взаимодействии. Об энциклопедических словарях он отзывался с презрением. И я не видел у него ни одного. Его можно было бы обидеть, назвав ходячей энциклопедией. Ведь энциклопедия — это лишь нагромождение не связанных между собой фактов. Хотя, правда, его знания можно назвать энциклопедическими, а его самого разносторонним ученым, который настолько хорошо разбирался одновременно в экономических, исторических, естественнонаучных, военных вопросах, что, за исключением Маркса, едва ли кто в то время был равен ему.

Я никогда не уходил из его дома без ощущения того, что он щедро одарил меня. Мой кругозор уже очень сильно расширился, когда я в 1880 г. после ограниченности столь замкнутой тогда партийной жизни в Вене окунулся в куда более широкую деятельность великой немецкой социал-демократии. Но мой кругозор в области науки и политики расширился бесконечно больше, когда я оказался в доме Энгельса. Если мой прогресс от Вены к эмиграции в Цюрихе можно было сравнить с прогрессом от деревни к крупному городу, то мой цюрихский кругозор относился к открывшемуся мне в Лондоне, как крупный город ко всему земному шару.

Но у Энгельса не всегда велись споры только о глубочайших проблемах человечества. Он был в высшей сте-

пени жизнерадостным человеком. Конечно, глубоко сочувствовал всем страдающим, страстно возмущался любой низостью. Он был великим советчиком и борцом, но при этом и смеющимся философом. Даже борьбе, если удавалось, он охотно придавал веселый оттенок. «Ничем другим нельзя лучше доказать противнику свое превосходство, чем удачно высмеяв его убожество», — говорил он. Он с удовлетворением отмечал, что немецкие корреспонденты газеты «Sozialdemokrat» не плакались и не ныли, а предпочитали насмеяться над наглой бездарностью германских властей. Это наполняло его гордостью за немецкий пролетариат.

Но Энгельс любил и безобидный смех, и не менее смешливы были его друзья. Он охотно рассказывал о своем прошлом, особенно о его забавных моментах. Но с такой же охотой он запевал песенку или просил об этом других. Больше всего он любил английскую песню «Брейский викарий», которую перевел для «Sozialdemokrat»⁵⁰¹. В ней очень весело высмеивалась политическая беспринципность служителей англиканской государственной церкви. Но он охотно пел и песни, лишённые политического содержания, в особенности радостно-сентиментальные. Особенно часто я слышал из его уст старую студенческую песню «Краммбули».

Сэм Мур так же, как и он, пел лучше всего веселые песни, английские мелодии, которые меня особенно интересовали, так как были для меня новыми.

Позже, когда я уже глубже вошел в эту семью, и мои певческие успехи помогали поднять веселое настроение. Особенно часто требовали исполнить песню о бургомистре Чехе⁵⁰². Но это уже относится ко времени моего третьего пребывания в Лондоне в 1885 г. Только тогда я узнал истинную веселость дома Энгельса. В 1881 г. она была приглушена скорбными вестями из семьи Маркса.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС

Совсем другую атмосферу, чем в доме Энгельса, нашёл я у Маркса.

Отчасти это объясняется тем, что Маркс и Энгельс во многом очень отличались друг от друга. В области политики и теории они были, разумеется, единомышленники. Возможно, во всемирной истории больше нет подобного

примера, чтобы два таких глубоких и самостоятельных мыслителя, два таких страстных борца с молодых лет и до самой смерти сохранили такое сердечное и полное согласие. Согласие не только в мыслях, но и в чувствах, в самоотверженности и готовности помочь, в упорном сопротивлении всякому давлению, в непреклонности, в жгучей ненависти ко всему подлому, оставаясь при этом веселыми и смешливыми.

И все же, как много различий при полном согласии!

Конечно, то, что Маркс и Энгельс не были похожи друг на друга внешне, ничего не значит; Энгельс высокий и стройный, Маркс, хотя и не маленького роста, но пониже и поплотнее. Но уже эти внешние различия были связаны с разными жизненными привычками. Энгельс до конца своей жизни придавал большое значение физическим упражнениям и движению на свежем воздухе. Как часто он напоминал мне, что я не должен забывать об этом, и сетовал на Маркса, который обычно лишь с трудом мог решиться покинуть кабинет. И хотя Энгельс был всего на два года моложе Маркса, тот выглядел по сравнению с ним намного старше.

К тому же Энгельс был светским человеком. И если он еще не был им в Германии, то стал им в Манчестере, где, в силу своей профессии, принадлежал к числу посетителей биржи. Он даже держал там скаковую лошадь и участвовал в охоте на лис. Он всегда был хорошо одет, как этого требуют англичане от каждого джентльмена, придавал также большое значение строгому порядку в своем кабинете, как и подобает настоящему купцу. Маркс, напротив, выглядел, хотя и как преисполненный достоинства, но равнодушный к внешнему виду патриарх. Он не следил за фасоном своих костюмов, на его письменном столе, а иногда и стульях кабинета в пестром беспорядке были навалены книги и рукописи.

Из их переписки мы знаем также, насколько точно производил Энгельс свои подсчеты не только в политической экономии, но и в личных расходах, в то время как Маркс в этой последней области всегда был весьма беззаботен, в этом отношении он был настоящим представителем богемы.

Но и в политической экономии Энгельс превосходил Маркса постольку, поскольку он практически участвовал в капиталистическом процессе производства. Разу-

меется, с другой стороны, Маркс превосходил его и, вероятно, всех экономистов своего времени, не только силой абстракции, но и обширными знаниями всей заслуживающей внимания экономической литературы. Какой-нибудь Вильгельм Рошер мог прочитать еще больше книг, но он наверняка не усвоил их.

Энгельс обладал, пожалуй, более богатой фантазией, а его умственные интересы были более универсальными, хотя и Марксова универсальность была невероятно широка. Маркс был критичнее и вдумчивее, зато и работал медленнее и труднее, Энгельс — с большей легкостью. Энгельс сам говорил мне, что самым скверным его недостатком была поспешность. Отучил его от нее Маркс. Он никогда не высказывал ту или иную мысль, не проверив ее основательно со всех сторон и не проследив все ее корни и разветвления.

Когда Энгельс признался мне в этом, я вынужден был сознаться, смиренно бия себя в грудь, что тоже подвержен опасности увлечься новым открытием, не исследовав его со всех сторон. Меня от этого отучил Энгельс.

Но различия между ними имелись не только в методе исследования, но и в их политической практике. И здесь особое значение имело то, что Маркс, согласно всему, что я узнал о нем, лучше Энгельса владел искусством обращения с людьми. А это искусство чрезвычайно важно для успеха практического политика [...]

У МАРКСА

Как бы ни отличались друг от друга Маркс и Энгельс, это лишь в незначительной степени влияло на то, что в 1881 г. в их домах была разная атмосфера. Тишина, царившая в доме Маркса, в противоположность оживленности у Энгельса, проистекала, прежде всего, от того, что г-жу Женни Маркс уже поразил ужасный недуг (рак), положивший конец ее жизни в том же году, когда я и познакомился с ней. Она умерла 2 декабря 1881 г. Правда, во время моего пребывания в Лондоне этот недуг не заставлял ее постоянно лежать в постели. Состояние больной резко менялось.

Когда в декабре 1880 г. Бернштейн и Бебель посетили Маркса, они нашли ее в постели. Совсем по-другому обстояло дело, когда через три месяца я появился в доме

Маркса. Тогда о постельном режиме не было и речи. Много раз г-жа Маркс встречала меня в гостиной без всякого ограничения времени визита и оживленно беседовала со мной. Стало быть, она чувствовала себя намного лучше, чем во время посещения Бебеля и Бернштейна. В июне она отправилась на морской курорт (Истборн). Правда, Маркс уже тогда знал, что болезнь неизлечима, о чем он написал 20 июня Зорге. Тем не менее тяжело больная отважилась даже в конце июля поехать в Париж, к дочери Женни, откуда она возвратилась только 19 августа. Значит, о постоянном постельном режиме не было и речи. Но сам недуг, с болями и в общем усиливавшейся слабостью, оставался. Это, вероятно, крайне угнетало всех членов семьи.

Но больна была не только 67-летняя г-жа Маркс, но и ее супруг, бывший на 4 года моложе. Именно во время моего первого пребывания в Лондоне он писал своему другу Зорге (20 июня): «...продолжающиеся уже более полгода кашель, простуда, боль в горле и ревматизм вынуждают меня почти безвыходно сидеть дома и сторониться общества...»⁵⁰³ Ввиду такой обстановки в семье Маркса, о которой, правда, мне было известно далеко не все, я должен, по сути дела, рассматривать как высокую награду то, что Маркс вообще принял меня. Тем не менее Либкнехт намекнул мне, что у лондонцев мне придется нелегко. А в партийных кругах ходили кое-какие слухи о едкой желчности Маркса. И поэтому я вошел в комнату Маркса с сильно бьющимся сердцем. На меня даже напал страх, что я осрамлюсь, как это случилось с молодым Гейне при встрече с Гёте. Он сам рассказывает, что не нашел тогда лучшей темы для беседы, чем расхваливать сладкие сливы, которые росли по дороге от Йены до Веймара.

Но Маркс принял меня совсем не так надменно, как Гёте своего молодого коллегу, которому тогда (1824) было примерно столько же лет, сколько мне в 1881 г. Внешность Маркса показалась мне внушающей глубокое уважение, а не устрашающей. Он встретил меня дружелюбной улыбкой, показавшейся мне почти отеческой.

К моему удивлению, первая тема нашего разговора, затронутая Марксом, была не теоретической или политической, а личной. Он расспрашивал меня о моей матери.

В то время она пользовалась в германской партии, да и в семье Маркса, намного большим авторитетом, чем я. По моей инициативе и вместе со мной пришла она к социализму. С 1876 г. она начала выражать свои убеждения в романах, которые публиковала в социал-демократическом журнале для семейного чтения «Die Neue Welt», основанном в 1876 г. и редактировавшемся Гейзе-ром. Тогда наша партия крайне нуждалась в писательских талантах — за исключением лириков. Наши писатели-романисты, такие, как Отто Вальстер и Карл Любек (впоследствии фиктивный свекор Розы Люксембург⁵⁰⁴), придерживались правильных взглядов, но писали примитивно, наивно, неинтересно. И тут романы моей матери произвели впечатление сенсации. Особенно бурное одобрение принес «Стефан из Грилленхофа» с его описанием и характеристикой войны 1866 г.⁵⁰⁵ [...]

Г-жа Маркс особенно восторгалась моей матерью, и сам Маркс говорил о ней с большой похвалой. В письме своей дочери Женни он назвал «Стефана из Грилленхофа» самым значительным рассказом современности⁵⁰⁶. Моя мать узнала об этом хорошем мнении из письма Фирека. В 1881 г. он поехал по партийным делам в Америку и в январе остановился проездом в Лондоне, где посетил Маркса. После объявления закона против социалистов он взял на себя руководство издательством «Neue Welt» и издал «Стефана из Грилленхофа» отдельной книгой.

Он писал моей матери 25 января из Саутгемптона: «Я тем более уверен в успехе (пропаганды Ваших сочинений в Америке), что в последний вечер пребывания в Лондоне слышал чрезвычайно благоприятное мнение о «Стефане» из источника, обычно очень скупого на одобрение. Это была семья Маркса, которая только сейчас познакомилась с Вашим «Стефаном» по отдельному изданию и буквально преисполнена похвал в Ваш адрес. Г-жа Маркс ставит Ваши описания в один ряд с описаниями Маколея, а характеристики героев и стиль напоминают ей Гёте. Маркс особенно хвалил тенденцию, которая была проведена лучшим образом, особенно подчеркивая момент борьбы, и тем самым не только заполнила пробел, но и должна проложить путь этой новой, в высшей степени отвечающей духу времени литературе. Мои рассказы о Вас были восприняты

с величайшим интересом, и дамы хотят теперь ознакомиться с рассказом «Пролетарское дитя» и другими Вашими произведениями».

Ничего удивительного, что ввиду такого интереса к моей матери, Маркс сразу при встрече заговорил и расспрашивал меня о ней.

Следующая тема беседы между Марксом и мной возникла, когда Маркс спросил меня, какими областями науки я сейчас занимаюсь. Обнаружилось удивительное обстоятельство, на которое я уже указывал: Маркс и Энгельс примерно в то же самое время, что и Хёхберг, а потом и я, занялись изучением первобытного общества, и как раз в 1881 г. всецело посвятили себя ему. Естественно, это послужило поводом для оживленных дискуссий.

Но беседуя с автором «Капитала», нельзя было не заговорить об этом произведении. Я позволил себе заметить, что мы, молодежь, ничего не ждем с таким нетерпением, как скорейшего завершения второго тома «Капитала». «Я тоже», — коротко ответил Маркс. Мне показалось, что я затронул больной вопрос.

Когда я позднее спросил, не пора ли приступить к изданию полного собрания Сочинений Маркса, он сказал, что прежде все они должны быть написаны. Мы оба не подозревали, что в действительности он больше уже ничего не напишет.

В оживленной беседе с глазу на глаз быстро прошел целый час. Когда я откланивался, Маркс пригласил меня зайти вскоре еще. [...]

Во время моего первого визита Маркс избегал политических тем. В следующий раз он говорил преимущественно о политике партии в Германии. Он резко критиковал некоторых ее лидеров и, напротив, высоко отзывался о поведении немецких рабочих. [...]

Во время моих последующих визитов Маркс не всегда держался так же миролюбиво, как в первый раз. Я слышал от него образцы едкой критики и наблюдал взрывы страстного негодования. И все же никогда не видел его подлинным громовержцем. Он мог, как и Энгельс, страшно вспылить, если сталкивался с трусостью, лживостью или высокомерным невежеством. В этом уверяли меня его друзья. Но он же мог от всей души, как никто другой, смеяться над безо-

бидными человеческими слабостями и забавными происшествиями. И не менее — его жена. К сожалению, у меня не было возможности увидеть у них такую щедрую веселость. Их физическое состояние не позволяло ей проявиться. И тем не менее г-жа Маркс несколько раз громко смеялась в разговоре со мной — единственный смех, услышанный мною в доме Маркса.

Обе дочери Маркса, с которыми я познакомился, без устали рассказывали о порой безграничной смешливости родителей. Говорили и о безмерной доброте отца, и не только к членам семьи, но и по отношению ко всем беспомощным, нуждающимся в защите, маленьким детям, рабочим, друзьям, испытывающим трудности. Эта доброта была основой его характера, я тоже ощущал ее во время наших бесед, и она произвела на меня такое же глубокое впечатление, как необычайное богатство его знаний и остроумия ума. Хватило даже нескольких часов, проведенных с Марксом, чтобы ясно осознать столь же превосходящую, сколь и захватывающую силу этой могучей личности. [...]

Я уехал из Лондона, как уже говорилось, в начале июля. Когда я зашел к Марксу [...] в конце июня, он сообщил мне, что в ближайшее время отправится с женой на морской курорт.

«Я не часто видел Вас у себя», — заметил он. Это звучало как упрек и глубоко задело меня, хотя и принесло счастливую уверенность, что Маркс не считал меня нежелательным гостем. Но мне было неприятно, что он мог подумать, будто бы я не дорожил проведенными с ним часами.

В самом деле, насколько часто я бывал у Энгельса, настолько редко я посещал Маркса, но не потому, что я его боялся или чувствовал себя у него неуютно, а потому, что я узнал, что он тяжело страдает от своей собственной болезни и болезни жены и неохотно принимает гостей. А я казался себе слишком незначительным, чтобы подумать, что могу заинтересовать его. Я боялся, что надоем и стану ему в тягость. В отношении Энгельса у меня не возникало такого чувства. Это был не первый и, вероятно, не последний случай, когда чрезмерная скромность и сдержанность лишили меня ценного общения.

Между тем Маркс хорошо принял объяснение, что я не хотел обременять его слишком частыми посещениями. Покинув его, я решил скоро опять нанести Марксу визит, чтобы попрощаться. Но в тот день, когда я зашел, я встретил лишь Ленхен Демут, сообщившую мне, что г-н и г-жа Маркс неожиданно уехали этим утром. Это было для меня тяжелым разочарованием. Но я твердо решил, что скоро опять вернусь в Лондон, потому что, пока живы Маркс и Энгельс, я нигде больше не смогу столь многому научиться. Тогда уж Маркс не должен будет жаловаться, что я навещаю его слишком редко. Но когда я вернулся, мой великий учитель пребывал уже в стране, из которой никто не возвращается.

Тем теснее стала моя дружба с Энгельсом. [...]

ЗА СТОЛОМ У ЭНГЕЛЬСА ⁵⁰⁷

На сей раз Энгельс принимал меня самым сердечным образом, как сына. Само собой разумеется, что я проводил у него все воскресные дни и вечера.

К сожалению, я не досчитался в компании супружеской четы Лафаргов, переселившейся в Париж, без сожаления — Карла Гирша, Льва Гартмана и Адольфа Зорге. Не то, чтобы у меня были какие-нибудь причины сердиться на них. Нет, они просто не интересовали меня.

Но за столом у Энгельса были не только потери, но и новые лица. Прежде всего, это была Елена Демут, заменившая вышедшую в 1881 г. замуж Пумпс. Ленхен, по прозвищу Ним, добрый дух Марксова домашнего очага, переселилась [...], через год после смерти Маркса, к Энгельсу, чей дом она теперь возглавляла. Скромная, умная, она по-матерински создавала благотворную атмосферу в кругу друзей Энгельса.

Не только смерть, но и браки вводили к Энгельсу новых людей. Я приходил, естественно, со своей женой, Пумпс и Тусси — с мужьями. Как потом выяснилось, ни один из них не обогатил круг друзей Энгельса.

Супруг Пумпс, Перси Рошер, не имел ни малейшего понятия или интереса ко всему, что нас волновало. Он веселил нас иной раз, исполняя уличные и кафешантантные песенки. Казалось, они занимают его больше,

чем дела, которые не процветали, что вскоре отразилось и на кошельке Энгельса.

Эвелинг был намного выше; блестящий агитатор и довольно хороший писатель. Но он не был выдающимся писателем, а его знания были скорее разносторонними, чем основательными. Из своих талантов он больше всего внимания уделял в конце концов артистическому. В этом он сходился с Тусси, которая была необычайно одарена артистически [...]

Кроме Эвелинга, у Энгельса бывали лишь немногие английские социалисты. Чаще всего у него можно было встретить Белфорда Бакса.

Из проживавших в Англии неангличан, кроме Шорлеммера, моей жены и меня, Энгельса одно время часто посещала графиня Шак. Она вышла замуж за швейцарца французского происхождения, Гийома, но уже не жила с ним. Она называла себя Гийом-Шак.

Г-жа Шак была в равной мере образованной и смелой женщиной, с добрым сердцем, открытым всем угнетенным, всем женщинам и рабочим. Сначала она выступала в Германии в защиту гражданских прав женщин, но уже тогда с социальным уклоном. Вскоре ее больше всего стал интересовать вопрос о проституции и спасении ее жертв. Это, естественно, привело ее к необходимости заняться плачевным положением работающих женщин и девушек. Когда в 1882 г. в Берлине создавались первые союзы работниц, они стали полем деятельности г-жи Гийом-Шак. Она основала журнал «Die Staatsbürgerin» для защиты прав работниц. Она выступала на этом поприще так энергично, что в 1886 г. полиция запретила «Die Staatsbürgerin», распустила союзы работниц, арестовала ряд руководительниц движения.

Тогда г-жа Шак считала, что прежнее поле деятельности пока что закрыто для нее. Она отправилась в Лондон, обратилась ко мне, как к редактору «Neue Zeit», и я представил ее Энгельсу, где живая, энергичная женщина стала вскоре желанным гостем [...]

Из других немцев, проживавших в Лондоне, с 1885 по 1889 гг. у Энгельса чаще всего можно было увидеть д-ра Освальда.

Андреас Шёй зашел за все время моего пребывания только два раза, да и тогда лишь по моей инициативе.

Некоторое время, зимой 1886—87 гг., моя жена и я вели хозяйство совместно с Шёйем и его дочерью.

У него и с его помощью я познакомился с гораздо бóльшим количеством английских социалистов, чем у Энгельса. Наибольший интерес среди них вызвали у меня Уильям Моррис и Дж. Б. Шоу, оба были в очень близких отношениях с Шёйем. Тогда Шоу не был еще великим драматургом, а выступал как музыкальный критик в различных газетах, и при этом, правда, был весьма энергичным и авторитетным социалистическим пропагандистом.

Наряду с названными был еще один русский, проживавший в Лондоне и часто принимавший участие в воскресных встречах у Энгельса. Он был весьма желанным гостем. Это был бывший русский офицер, Сергей Кравчинский, рано присоединившийся к революционному движению своей родины и уже в 1872 г. основавший в Петербурге пропагандистскую группу. После участия в различных крестовых походах в Герцеговине (1875), в Италии (1877)⁵⁰⁸ он развернул в конце концов в 1878 г. бурную террористическую деятельность в России. В августе этого года ему удалось заколоть кинжалом на улице генерала Мезенцева, шефа тайной полиции, с чьего ведома политические заключенные подвергались жестоким издевательствам. Кравчинский был вынужден бежать, надеясь, что скоро сможет вернуться, но после марта 1881 г. в России для революционеров сложилась такая неблагоприятная обстановка, что о возвращении нечего было и думать. И поэтому отныне Кравчинский вынужден был оставаться за границей и ограничиться писательской деятельностью. Он писал под именем Степняк сначала в Италии, где издал свое самое известное произведение «Подпольная Россия», потом в Англии, где скоро получил признание как писатель со стороны не только русских эмигрантов, но и британских читателей. При этом он всегда действовал в интересах своего дела — свержения русского самодержавия.

Ничего удивительного, что Энгельс высоко ценил общение с этим борцом. Он был энергичен, спокоен и сдержан. Но если он говорил, это всегда было значительным. Он стоял намного выше своего боевого товарища Льва Гартмана.

Еще реже, чем русские, посещали Энгельса гости из других стран. Из Франции лишь от случая к случаю приезжали супруги Лафарг; реже всего бывали у Энгельса посетители из Австрии[...]

Зато у него регулярно появлялся Пауль Зингер, которого приводили в Англию поездки по делам фирмы, изготовляющей пальто, компаньоном которой он был. Как человек достойный любви, готовый на жертвы, смелый, причем без всякой позы, революционно настроенный, но трезво оценивающий обстановку, враг всяких громких слов, пылкий и остроумный, он всегда был в высшей степени желанным гостем. Сначала Энгельс относился к нему с недоверием, как к простому обывателю, но вскоре смог оценить его. Он превосходно подходил к нашей компании. С особым интересом встречались его сообщения о внутренних вопросах немецкой политической жизни. Мы узнавали от него много важного, о чем не писали газеты. Как бы много мы не узнавали из переписки с Бернштейном, Бебелем и Дицем, но личная беседа воссоздавала более полную и живую картину.

Однажды (1886) приехал и Либкнехт, чтобы вместе с Тусси и Эвелингом совершить агитационную поездку по Соединенным Штатам. Он был в высшей степени привлекательным и сердечным человеком: прост и непритязателен, при этом умный собеседник, которому довелось многое пережить и за многое бороться.

Но Энгельс ценил его как корреспондента и тактика намного меньше, чем Бебеля, который, к сожалению, не приезжал в Лондон во время моего пребывания там.

Впервые опубликовано в книге:
Kautsky K. Aus der Frühzeit
des Marxismus. Wien, 1935

Печатается с сокращениями
по тексту книги:
Friedrich Engels' Briefwechsel
mit Karl Kautsky. Wien, 1955

Перевод с немецкого
На русском языке публикуется
впервые

В годы исключительного закона против социалистов ⁵⁰⁹

Бурной, грозовой ночью — это было под новый, 1880 г.[...] — я в сопровождении группы верных друзей приехал на вокзал в Аугсбурге и сел в поезд, чтобы отправиться в Швейцарию. Там мне предстояло начать новую жизнь. Полиция разгромила все наши организации, уничтожила нашу типографию и нашу газету «Volkswille», а тем самым лишила меня источников существования [...]

Само собой разумеется, что и в Швейцарии я вскоре стал заниматься агитационной деятельностью. Одной из наших первых задач было создание в Швейцарии организации немецких социалистов в целях поддержки движения в Германии [...]

В то время Швейцария кишела немецкими шпионами [...] Разоблачение провокаторов, предъявление нашими товарищами в рейхстаге доказательств их предательской деятельности натравило на нас всю бисмарковскую свору. Бешенство ее достигло апогея, когда в последнем номере журнала «Roter Teufel» был помещен рассказ о старом фельдфебеле, которого Бисмарк, скрывший якобы смерть кайзера, облачил в императорский мундир и в таком виде показывал народу, чтобы дольше удержаться у кормила правления.

Но это было уже чересчур. Бисмарк потребовал нашей высылки и не встретил сопротивления в швейцарском Союзном совете.

В один прекрасный майский день 1888 г. мы в сопровождении цюрихского полицейского комиссара были доставлены на французскую границу.

После ночного путешествия, во время которого мы мерзли, как собаки, так как французские вагоны не отапливались и были устроены крайне примитивно, мы ясным солнечным утром прибыли в Париж. [...]

Мы посетили места, где лилась кровь наших товарищей в дни Коммуны, осмотрели другие главные достопримечательности, побывали и на поле битвы при Шампиньи, где немцы и французы, не причинившие при жизни друг другу ни малейшего зла, убивали один другого, а теперь мирно покоились бок о бок в большой братской могиле⁵¹⁰.

Вся наша политическая деятельность в Париже ограничилась одним моим докладом в немецком клубе. Затем мы отправились в Лондон.

Какой контраст — после смеющегося, солнечного Парижа мрачный Лондон, с его сотнями тысяч дымящихся труб, закопченными домами и улицами, с его гнетущим туманом, заставлявшим нас часто целыми днями работать при лампе! Мне вначале показалось, что я прибыл в обиталище трубочистов.

Но и Лондон имеет свои прелести: великолепные парки, памятники архитектуры, научные сокровища, Темза с ее судоходством и гигантскими доками и т. д.

Тот, кто привыкает к этой жизни мирового города, только с трудом может с ней расстаться. Со мной, по крайней мере, это было так.

Наш вождь Фридрих Энгельс принял нас самым сердечным образом. Он, как и скончавшийся более года тому назад ветеран партии Лесснер, пришли нам на помощь и советом и делом.

Лесснер был неутомим в поисках подходящего помещения для нас. Вскоре мы устроились в северной части Лондона, и свинцовые солдаты Гутенберга стали строиться, буква к букве, для борьбы за свободу немецкого пролетариата: «Sozialdemokrat» снова стал выходить так же регулярно, как и раньше в Цюрихе. Итак, Бисмарк дал маху. Сюда, через Северное море, его рука не доставала.

Тем из нас, кто не знал английского языка, приходилось вначале, конечно, туго. Я, к счастью, еще в Цюрихе, имея уже за плечами 46 лет, начал учиться английскому языку, так как травля против нас внушала неуверенность в будущем. Правда, это вызвало тогда добродушное замечание со стороны одного из моих друзей, живущего теперь в Берлине:

— Как это ты, старая кляча, еще умудряешься учить английский язык?

А теперь я только мог радоваться этому. Мне надо было лишь приучить свой слух к английской речи. Для этого я ходил по театрам, слушал по воскресеньям ораторов в парках и посещал собрания «Армии спасения»⁵¹¹.

Часы, проведенные мной с Фридрихом Энгельсом, незабываемы.

Когда по воскресеньям я сопровождал его во время послеобеденных прогулок по Риджентс-парк, он рассказывал мне о своем участии в революции 1848 г. Перед моим мысленным взором вставала трусливая немецкая буржуазия, которая пыталась делать революцию в белых перчатках, которая из страха перед рабочими бросилась в объятия полиции и сама разрушила баррикады, воздвигнутые в начале событий. Но я представлял себе также и таких стойких людей, как Филипп Беккер и другие, которые выдержали борьбу до самого конца и даже в изгнании, в условиях жесточайшей нужды не утратили веры в новое победоносное восстание немецкого народа.

Раз уж я упомянул о нашем Беккере, то должен добавить, что на склоне лет у него в доме частенько царилла нужда. Но он никогда не терял юмора и еще в одном из своих последних новогодних поздравлений писал мне:

«Не бранись, если бездельники не хотят идти вперед. Зажги у них сзади пучок соломы. Тогда они засемят дальше».

Наши товарищи, деятели 1848 г., были могучими, полными сил людьми, и ничто не было им более ненавистно, чем бабьи жалобы по поводу преследований или неудач. Некоторым эмигрантам Коммуны, думавшим, что борьба за дело пролетариата есть нечто вроде легкой прогулки, приходилось выслушивать жестокие истины от нашего друга Энгельса.

И тот же Энгельс умел быть очень мягким. Как часто видел я его в кабинете ползающим на четвереньках, в то время как маленький мальчик его племянницы * восседал на нем верхом.

После целого дня напряженной умственной работы лучшим отдыхом для него было провести веселый вечер

* — Мери Эллен (Пумпс) Бёрнс. Ред.

в кругу друзей. Когда нас приглашали к нему по случаю дня его рождения, или на рождество, или на пасху, было всегда очень весело. Чем больше мы веселились, тем больше это радовало нашего «Генерала» (это слово производилось на английский манер — «Дженерал»), как мы называли Энгельса.

Меня интересовали взгляды Энгельса на современное движение в пользу трезвости. Я не могу вспомнить, чтобы он когда-либо высказался за воздержание от употребления алкоголя. Напротив, часто сидя за пивом, он говорил мне: «Пей, баварец, баварцы всегда испытывают жажду». От нашего старого Филиппа Беккера я также знал о его умении не пьянеть, о том, что на наших пирушках в Цюрихе он не уступил бы никому из нас, даже будучи на седьмом десятке. Он мог также рассказать о «полуночных бдениях», которые устраивали в Женеве эмигранты — участники революции 1848 г.

Наконец закон о социалистах был с позором отменен¹⁵⁰. Когда-то всесильный «железный канцлер» * был более ни на что не способен и мог лишь, создавая шум, тащиться за государственной телегой.

«Sozialdemokrat» выполнила свою задачу, и мне надо было подумать о своем будущем. После недолгого размышления я сообщил своим друзьям, что, несмотря на приказ об аресте, повсюду следовавший за мной, я хочу вернуться в Германию и стать в ряды своих товарищей.

Энгельс не советовал мне возвращаться. Он говорил: — Увидишь, пруссаки посадят тебя под замок!

Однако я был того мнения, что в худшем случае это обойдется мне самое большее в два года тюрьмы, а такой срок я еще смогу отсидеть.

Итак, в канун народного праздника 1890 г., в 10 часов вечера я приехал в Штутгарт, где получил место корректора у товарища Дица, выпускавшего ежедневную газету «Schwäbische Tagwacht».

Воспоминания о Фридрихе Энгельсе ⁵¹²

Я мало что мог бы сообщить, так как мне довелось общаться с ним лишь в течение нескольких месяцев, но и это небольшое имело для меня незабываемое значение, что свидетельствует о сущности и личном влиянии этого человека.

Когда я приступил в университете к изучению политической экономии, то с самого начала взялся за Марксов «Капитал», который я читал с огромным интересом, хотя понял далеко не все. Прежде всего, для меня, выросшего под влиянием кантовской философии, остались непонятными заключенная в «Капитале» суть «материалистического понимания истории» и обоснование социализма с помощью такого взгляда на историю. Профессора политэкономии, которых я слушал, тем более не имели ни малейшего понятия об этой связи, поэтому у меня укоренилось — и по сию пору еще не совсем исчезнувшее из официальной литературы — мнение, будто Маркс вывел социализм в известной степени философским путем из своей теории стоимости. С помощью этой теории стоимости доказывалось присвоение прибавочной стоимости, эксплуатация рабочего класса капиталом, а тем самым и несправедливость существующего экономического строя и необходимость его социалистического преобразования. Докторские диссертации по социальным вопросам нередко претендуют на «объективность», которая при внимательном рассмотрении оказывается по большей части всего лишь самонадеянным умничаньем. Так, во всяком случае, вышло с моей диссертацией: я взял различные теории заработной платы, сконструировал социалистическую теорию заработной платы, которую затем и опроверг при помощи благожелательной критики. Основной идеей было предвзятое философское

суждение, что Маркс выводит социализм из своей теории стоимости. Я же тщился доказать, что этот вывод не непреложен. Короче, это была борьба против мною самим же построенных ветряных мельниц!

После экзаменов мне представилась возможность поехать на несколько месяцев в Лондон. Я также надеялся поговорить там с Энгельсом и, будучи совершенно с ним незнаком, послал ему эту самую диссертацию, о коей я, разумеется, был очень высокого мнения. У Энгельса, которому в ту пору было 67 лет, хватило терпения и любезности в подробном письме разобрать мое «опровержение», указать мне на мои погрешности (поначалу, конечно, без успеха) и самым дружеским образом пригласить меня посетить его: тогда мы, мол, еще поговорим по этим вопросам.

Всем, что я привез из Лондона домой и что содействовало моему дальнейшему развитию, я обязан ему. Я был очарован им с первой же встречи у него на квартире. В нем не было и в помине тех слабостей, которые так легко уживаются с большими достоинствами. Ни капли ученого педантизма, важной и надменной сдержанности, ни того тщеславия, которое подобно тени следует по пятам за славой. Этот 67-летний человек вышел мне навстречу веселый и оживленный. Его хорошее настроение, казалось, еще улучшилось от того, что я курил и пил. О моей работе речи больше не было; он, как видно, не очень-то любил дискуссии и спокойно предоставил мне следовать и дальше своим путем. Но зато он пригласил меня бывать у него, и я воспользовался этим дозволением со всем бесстрашием молодости. Раз в неделю или в две я направлялся вечером к его дому, расположенному на северо-западе. У Энгельса было слабое зрение, поэтому врач запретил ему читать при искусственном освещении; так что я был вправе предположить, что мои посещения, во всяком случае, не помешают ему работать.

Незабываемые часы провел я у камина, слушая его. Меня не переставал удивлять колоссальный объем его знаний, которыми он легко и охотно делился со всяким, кто хотел его слушать. Политика, история, военное дело, лингвистика, право, партийные воспоминания, литера-

тура, естествознание, философия — все затрагивалось в его блестящих высказываниях; и вот около полуночи я, с огромным грузом совершенно новых впечатлений, исполненный благодарности и счастья, пускался обратно в свой трехчасовой путь домой. На другой день я записывал самое существенное из этих бесед, и как часто в последующие годы я перечитывал эти заметки! Еще и поныне веет на меня чудесной свежестью и счастьем от этих строк, напоминающих о прекрасных временах.

Я уже упоминал, что Энгельс больше не говорил о моей работе. Да ему в этом и не было надобности: невольно и непреднамеренно под его влиянием, незаметно для самого себя, я проникался социалистическими убеждениями. Благодаря его беседам я усваивал суть материалистического понимания истории; я сызнова проштудировал «Капитал», но в первую очередь подействовала книга, которую Энгельс как-то раз вытащил для меня из беспорядочной книжной груды и дал мне с собой в дорогу. Это был знаменитый энгельсовский «Анти-Дюринг», который еще никогда не попадал мне в руки, так как был запрещен в Германии законом против социалистов¹⁵⁰. Здесь в классически прекрасном изложении я нашел то, что Энгельс мог бы сказать мне по поводу неверных положений моей работы.

А кем был для него я, кому он так щедро обо всем рассказывал? Всего лишь незнакомцем, интересовавшимся социализмом. Но он не скупился на свое духовное богатство и, подобно Лессингу, беззаботно разбрасывал семена там, где для этого представлялась возможность. Сколько незнакомых молодых людей, подобно мне, обращались к нему с вопросами в письмах, и он всякий раз, коль скоро чувствовал заинтересованность, отвечал убедительно, ясно, подробно. Его разум всегда был во всеоружии и весьма искусно повелевал чудесной армией его знаний. Лафарг некогда сказал о Марксе, что дух его подобен могучему боевому кораблю, который в полном оснащении стоит в гавани готовый выйти в любое длительное плаванье⁵¹³; это применимо и к Энгельсу.

Когда я покидал Лондон, Энгельс, к большой моей радости, попросил меня и впредь писать ему. Он вел

обширнейшую переписку, но всегда был готов расширить ее еще больше, если видел в этом пользу. Поэтому он не только давал мне возможность сообщать ему о том, как шло мое дальнейшее развитие, но и с величайшей готовностью вникал в мою аргументацию, желая поощрить меня и помочь своими разъяснениями. Его письма, поразительно живые и увлекательные, как и его речь, нередко отличались остроумием и шутливым тоном. В тех случаях, когда какое-либо стремление казалось ему серьезным, он умел замечательно ободрить и вдохновить. Сколько времени и сил он совершенно бескорыстно отдавал этой работе, покажет его переписка, опубликования которой мы вправе ожидать. Приблизительное представление об этом уже дает напечатанное недавно в «*Leipziger Volkszeitung*» письмо, занимающее почти три столбца и поистине блестяще разъясняющее суть материалистического понимания истории⁵¹⁴. Удивительно, что человек, привыкший выступать с публичной трибуны, решился приложить столько сил, чтобы просветить одного единственного человека.

Да его деятельность и не была направлена на приумножение славы и блеска его имени. Энгельсу в огромной степени была присуща та скромность, которая проявляется в борьбе во имя дела и побуждает забыть обо всех честолюбивых желаниях. Там, где он мог помочь и поощрить, он помогал и поощрял, неизменно радуясь, если был в состоянии своей силой укрепить силы других. Этот человек обращал внимание лишь на само действие, а не на то, что это действие было связано с его именем.

Сущность Энгельса раскрывается в замечательных словах, которыми Зомбарт заключил свою статью о нем в «*Zukunft*»: «В самые горькие времена он оставался человечным и доброжелательным. И был вознагражден за это. Классово сознательные пролетарии боготворят Лассалья, находясь под обаянием его блестящей личности; они с глубоким почтением и восхищением взирают на Маркса как на яркую путеводную звезду; Фридриха Энгельса, насколько он был им известен, уже при его жизни любили и чтили как друга и отца. Это значит, что он был прекрасным человеком»⁵¹⁵.

Так он и останется жить в памяти народа и после того, как все, кто знал его лично, а сейчас с радостью и благодарностью вспоминают о нем, давно уже отойдут в царство теней.

Память о нем будет жить.

Впервые опубликовано в газете
«Vorwärts», Berlin, 1895
28.XI, N 278

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется
впервые

Воспоминания о встречах с Энгельсом ⁵¹⁶

В ноябре 1888 г. я как представитель объединения профсоюзов в Копенгагене принимал участие в международном конгрессе, который был созван английскими тред-юнионами ⁵¹⁷.

Это явилось для меня событием по нескольким причинам. Я впервые посетил крупнейший город мира, встретился с представителями старейших европейских рабочих организаций и увидел многих мужчин и женщин, чьи имена были известны во всем мире. Хочу назвать лишь небольшую часть их: русского князя *Кропоткина*, англичан *Уильяма Морриса*, *Гайндмана*, *Джона Бёрнса*, *Тома Манна*, *Бродхерста*, *Шиптона*, который был секретарем и председателем парламентского комитета английских тред-юнионов, бельгийца *Эдуарда Анселя*, немца *Эдуарда Бернштейна*. Англичанку, жену пастора *Анни Безант* и младшую дочь Карла Маркса *Элеонору Маркс-Эвелинг*. Все они являлись активными участниками политического и профсоюзного рабочего движения.

Но все же одного имени мне постоянно недоставало на собраниях и встречах, куда меня приглашали, — давнего друга и соратника Карла Маркса *Фридриха Энгельса*. Я спрашивал о нем у английских и немецких товарищей. Его имя, конечно, было им известно, но они не знали, где он живет; некоторые полагали, что он поехал в Америку. Однажды я узнал, что Энгельс находится в добром здравии в своей квартире в северной части Лондона и с удовольствием принял бы иностранных социал-демократов. Вечером мы пришли к его дому. Насколько я помню, там было трое датчан и столько же бельгийцев, среди них Ансель и, кроме того, Эдуард Бернштейн, который жил тогда в эмиграции в Лондоне, где в период исключительного закона редактировался и печатался «*Der Sozialdemokrat*», центральный орган немецкой социал-демократии, нелегально

доставлявшийся в Германию. Бернштейн был главным редактором газеты и переехал в Лондон, чтобы его не выслали из Цюриха со всем редакционным штабом.

Фридрих Энгельс встретил нас очень любезно, и мы провели у него несколько незабываемых часов. Его дом напоминал большую библиотеку. Полки с книгами закрывали стены от пола до потолка, столы и этажерки были завалены рукописями и корректурными листами. Хозяин дома произвел на меня совсем иное впечатление, чем я ожидал. Высокий худой человек с внушительной бородой немецкого профессора, мягкими живыми глазами под кустистыми бровями, он, несмотря на свою сдержанность, был полон жизни и интереса к окружающему миру. Поражало его глубокое знакомство с положением на родине своих гостей.

Я ожидал, что увижу интересного кабинетного ученого, несомненно, глубоко проникшего в суть законов общественной жизни и их проявлений, свидетельство чему — его уникальные труды, а встретил человека, который отнюдь не замыкался в четырех стенах со своими богатыми знаниями, но обладал очень живым характером и здоровым юмором, которым быстро заразил и нас. Мы сразу же почувствовали себя как старые знакомые и друзья.

В кабинете Энгельса был лишь небольшой кусочек стены, свободный от книжных полок, и там висела большая фотография Карла Маркса. Мы восхищались прекрасным, живым портретом, а Энгельс рассказал, что это — увеличенная фотография с небольшого снимка, сделанного за несколько лет до смерти Маркса.

На прощание он подарил мне оригинал фотографии, которая украшает теперь первую полосу газеты «Social-Demokraten». Я тогда увеличил портрет и повесил у себя дома; а фотографию, подаренную мне Энгельсом, храню как одно из самых дорогих воспоминаний о моем первом посещении Лондона, как память о человеке, который, будучи уже сам патриархом, всегда сохранял скромность и подчеркивал роль своего друга как основателя научного социализма.

Я хочу привести еще один эпизод, который свидетельствует о большой скромности Энгельса.

В 1893 г. в Цюрихе проходил международный рабочий конгресс⁵¹⁸. По окончании конгресса швейцарские

товарищи пригласили нас на прогулку на пароходе по Цюрихскому озеру. Когда мы поднялись на борт, к нашему большому удивлению увидели там Фридриха Энгельса. Он приехал за несколько дней до этого, но не появился на конгрессе, где бы его, конечно, приветствовало большое собрание представителей рабочих социал-демократов всего мира.

Он хотел избежать этого, зато во время чудесной поездки по озеру предавался воспоминаниям в кругу всего большого общества. Когда во время прогулки по берегу я попрощался с ним, он говорил о возможности поездки в Копенгаген. Но этого так и не произошло, через два года он умер.

Вечная память тому, кто столь беззаветно защищал Карла Маркса, друга и соратника.

Впервые опубликовано в газете «Social-Demokraten», København, 1918, 5.V. В переводе на немецкий язык в бюллетене «Beiträge zur Marx-Engels-Forschung», Berlin, 1985, N 19

Печатается по тексту бюллетеня

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Из статьи «Международный
социалистический конгресс
в Цюрихе»⁵¹⁹

В субботу нашлись отважные люди, которым хотелось бы, чтобы конгресс заседал до тех пор, пока не будет исчерпана повестка дня. Но англичане предъявили свои обратные билеты, неумолимо требовавшие их возвращения на родину на следующее утро.

Мужественные гражданки были готовы немедленно пожертвовать на социалистический алтарь *Lustfahrt* *, намеченную на вторую половину дня. Но швейцарцы показали на зафрахтованный пароход, уже стоявший возле Тонхалле и ожидавший лишь сигнала, чтобы увезти делегатов конгресса в прохладную тень острова Уфенау.

Устоять против столь соблазнительных доводов невозможно. Конгресс во что бы то ни стало должен закончиться ровно в полдень. Вопрос о всеобщей стачке откладывается до другого раза, как и вопрос о международной организации социал-демократической партии; их участь разделит и все стоящее в «разном».

Времени остается в обрез — только-только, чтобы определить место очередного конгресса. Лондон и Амстердам оспаривают друг у друга честь проведения следующей сессии. Амстердам — это Домела **; не пришлось бы опасаться новой атаки независимых⁵²⁰. Вопрос решается в пользу Лондона²³⁵.

— Через три года, — предлагает Зингер.

— Мы спешим. Ладно, пусть будет через три года.

Все уже закончено, однако из рядов французов появляется молодая девушка, этаким свежий цветок; она напоминает мне красивых маркитанток из республиканских батальонов. Прошу слова, — говорит она нежным голосом. В силах ли иностранцы отказать пари-

* — увеселительную поездку. *Ред.*

** — Фердинанд Домела Ньюенгейс. *Ред.*

жанке? М-ль Колло, так ее зовут, произносит небольшую речь; она говорит тоном школьницы, с детской непосредственностью, что позволяет ей изрекать чудовищные вещи, клеймить конгресс за деспотизм и провозглашать анархию.

— Равашоль! — раздается голос со стороны делегации Великобритании.

— Сборище грубиянов! — парирует юная соратница.

Но на эстраде какое-то оживление. Слышу, как кто-то шепчет мне на ухо: здесь Энгельс.

Вот неожиданность! Поднимаю голову и вижу великого старика, великого во всех отношениях, ибо ростом он вышел в древних германцев, сокрушивших Римскую империю. Очень крепкий для своих семидесяти четырех лет, он сохранил выправку бывшего военного. Лицо у него открытое и смеющееся, очень приветливое. Ему приходится отвечать всем, кто пожимает его руку, а потому шествие тянется нескончаемо.

По приглашению председателя, г-жи Кулишовой, окружающая его толпа расступается: все члены бюро покидают свои места; Энгельс предстает перед собранием словно статуя, с которой сняли окутывавшее ее покрывало.

— Нам выпало счастье, — говорит председатель, — видеть среди нас Фридриха Энгельса; мы просим, чтобы конгресс закрыл именно он.

Вспыхивает бурная, долго не смолкающая овация.

Энгельс не без труда поднимается; он выходит вперед медленно, с какой-то застенчивой нерешительностью. Сильным, взволнованным голосом он говорит:

«Этот столь горячий прием относится не ко мне, он относится вот к кому (показывает на портрет Маркса). Это вместе с ним я начал работать; это с ним я опубликовал свою первую статью в «Немецко-французском ежегоднике» в 1844 г.⁵⁴

В ту пору было невозможно представить себе, что социализм достигнет такого развития, какого он достиг впоследствии. Тогда нас была горстка, ныне вы достаточно сильны, чтобы привести в трепет весь официальный мир.

В другой период, спустя двадцать лет, можно было бы подумать, что Интернационалу пришел конец. Тогда

европейский пролетариат понес тяжкое для всех поражение — падение Парижской коммуны, оставившей по себе столь славную память. Международный конгресс принял следующие два решения:

1. Порвать с анархистами;

2. Предоставить европейскому пролетариату отказаться от формы борьбы, которая стала слишком узкой и привела бы к бесполезным жертвам.

Стало быть, Интернационал осуществил самороспуск ⁷⁸.

Впоследствии мы увидели его возрождение, но в более гибкой форме, лучше приспособленной к существующему положению. Можно ли представить себе Генеральный Совет, претендующий на руководство социалистической Европой, — это невозможно. Нужен дух солидарности, существующий в настоящее время, и конгресс дополнил достигнутые результаты.

В этой новой форме Интернационал вырос и окреп; он уверен теперь в будущем.

Будем, следовательно, продолжать, как мы это делали до сих пор; будем стремиться к единству — не с точки зрения частных, но в общем плане.

В заключение одно слово французам.

Победите в большой предвыборной борьбе; я желаю вам такого же успеха, какой был достигнут в Германии, и она первая поздравит вас, если вы превзойдете ее блеском своих успехов.

Да здравствует Интернационал!

Да здравствует международный пролетариат!» ⁵²¹

Конгресс закрывается под гром восторженных аплодисментов. Под звуки «Марсельезы» все устремляются к пароходу.

Из книги
«Мемуары социалистки» ⁵²²

Большой зал. Зеленые гирлянды, украшенные красными цветами, висели вдоль галерей, между колоннами. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — горели навстречу входящим гигантские золотые буквы на красном фоне за трибуной. Среди зелени лавров белели бюсты Маркса и Лассаля. Когда мы приехали, огромный зал был уже переполнен: мужчины в праздничных костюмах, женщины и девушки в разноцветных блузках и светлых платьях, с сияющими лицами, как у детей, предвкушающих радость рождественской елки. Во всех глазах сверкал блеск юности, сглаживая морщины, горестные складки и следы страданий и придавая рано побледневшим щекам румянец баловней счастья.

Взоры всех с любопытством устремились на нас: бледного мужчину и молодую женщину, шедшую возле него. Старый Бартельс провел нас вперед, где за накрытыми столами были приготовлены места для гостей.

— Вот до чего довелось дожить, господин профессор... вот до чего! — твердил он, и крупные слезы радости выступили на его маленьких, мигающих глазках.

Возгласы бурного восторга потрясли воздух. Все встали, махали шляпами, носовыми платками, детей подняли на столы и плечи, так что их головки возвышались над толпой, как цветы среди густой луговой травы. И по широкому среднему проходу, по обеим сторонам которого теснилась непроницаемой стеной толпа, шли все они, старые борцы, чьи имена были для одних воплощением кровавого ужаса, а для других — символом грядущего счастья.

Взгляд мой был прикован только к четверым, идущим впереди; вокруг меня все время шепотом называли их имена: Либкнехт, Бебель, Ауэр, Энгельс. Один был высокий, с окладистой седой бородой, высоким лбом,

светящимися умом глазами и тонкой, саркастической складкой у рта; другой — небольшого роста, с непокорной густой гривой волос, постоянно спадавшей ему на лоб и почти закрывавшей глаза, с тем особенным взглядом, какой бывает у поэтов и мечтателей. У третьего над могучими плечами гордо возвышалась крупная светловолосая голова германца, с парой глаз, смотревших поверх толпы и, несомненно, умевших сверкать воинственным огнем, как у старых вождей. А впереди всех шел пожилой виновник торжества, с улыбкой, полной такой растроганной доброты и радостной любви к людям, как будто все эти бурно приветствовавшие его люди были его детьми.

Пение, музыка, приветственные речи сменялись без перерыва, как на большом семейном празднике. Ничего патетического, но и ничего напоминающего мятеж и революционные ужасы не нарушало настроения. Красный цвет многочисленных лент и знамен в зале сегодня казался только цветом радости, а не крови. И «свобода», выступившая в фригийском колпаке на черной курчавой голове и проскандировавшая свои стихи, как школьница, больше походила на вестника весны, чем революции.

Внизу, в зале, так же как и на сцене, царила только радость.

Из-за столов знакомые кланялись друг другу, а он, герой дня, с друзьями обходил ряды, пожимал руки старым боевым товарищам по тяжелым временам гонок. Они подошли и к нам и присели возле кресла Георга *, губы его задрожали, а глаза стали влажны от волнения. Со старомодным рыцарским поклоном Энгельс подарил мне несколько цветов из того изобилия, которое ему поднесли.

— Опасный знак, — засмеялся Либкнехт, указывая на красную гвоздику.

— Знак победы, надеюсь, — ответила я.

Тихо отправились мы домой. Огромная радость наполняла наши сердца.

* — Георга фон Гижички. Ред.

Моя встреча с Фридрихом Энгельсом ⁵²³

В первой половине сентября 1893 г. венский пролетариат испытывал чувство радостного возбуждения: он имел счастье видеть и слышать Фридриха Энгельса!

Возвращаясь из Цюриха с III Международного социалистического конгресса, Энгельс вместе с Августом Бебелем остановился на несколько дней в Вене. Венские рабочие устроили своему любимому вождю триумфальную встречу. Социал-демократическая организация Вены 14 сентября 1893 г. созвала в его честь собрание в Зофиензале. Но и этот самый большой тогда в Вене зал не смог вместить всех, пришедших на встречу с Энгельсом и с Бебелем, который тоже был очень популярен. [...] Масса людей заполнила зал, все проходы и прилегающие помещения, и все-таки несколько тысяч человек так и остались на улице, жадно ловя каждое слово, доносившееся из раскрытых настежь окон.

Мне посчастливилось присутствовать на этой незабываемой встрече с Энгельсом. Я уже с 1891 г. активно участвовал в рабочем социалистическом движении. Поскольку молодежь, как и женщин, не принимали в члены социал-демократической партии, мы вступали в рабочие просветительные союзы, возникшие во всех районах Вены. В этих союзах, членами которых были и женщины, в значительной мере концентрировалась вся партийная и профсоюзная жизнь. Я входил в рабочий просветительный союз Зиммеринга — района, в котором я жил, — и в качестве заместителя председателя этого союза занимался организацией молодежи.

Когда социал-демократическая организация Вены призвала рабочих на встречу с Энгельсом, это вызвало в массах большое воодушевление. Все рабочие хотели обязательно присутствовать на ней. Чтобы обеспечить порядок на собрании, в районах были созданы специальные группы «орднеров», которым было поручено

это дело. Меня включили в группу нашего района, и я с гордостью надел на рукав красную повязку. Товарищи по союзу поручили мне лично передать Энгельсу горячий привет от молодежи Зиммеринга. Эта честь досталась мне нелегко: претендентов было много, ведь каждому хотелось быть на моем месте!

Благодаря своей красной повязке мне удалось пробраться через заполненный до отказа зал почти к самой сцене. Собрание началось пением «Песни труда». В это время на сцену вышли три человека. Один из них, невысокий, с умными глазами за стеклами очков, с густыми черными усами, торчащими в разные стороны, небрежно одетый, — Виктор Адлер. Другой, с узким лицом и остроконечной бородкой, — Август Бебель. Забегая вперед, скажу, что с Адлером и Бебелем мне за годы моей партийной жизни довелось неоднократно и притом близко соприкасаться. В Вене я жил в избирательном округе Адлера и как партийный функционер имел возможность близко познакомиться с ним на различных заседаниях и совещаниях. Кроме того, одно время я был техническим сотрудником центрального органа австрийской социал-демократической партии «Arbeiter-Zeitung», одним из редакторов которой являлся Адлер, и мне приходилось довольно часто иметь с ним дело: обычно это были стычки из-за поступившей с опозданием и неразборчиво написанной статьи (пишущих машинок тогда в редакции еще не было). Знакомство с Бебелем также объяснялось тем обстоятельством, что в Гамбурге я жил в его избирательном округе и встречался с ним в качестве партийного функционера.

Энгельса я знал только по портретам в печати. И вот теперь я впервые увидел его перед собой! Сама внешность Энгельса, весь его облик сразу же привлекали к себе внимание. Роста он был выше среднего, плечистый, сильный, с густыми волосами, большими усами, почти совсем закрывающими рот, и окладистой, как тогда было принято, бородой; глаза умные, улыбающиеся, с искорками юмора, одет безупречно, как и свойственно человеку, много лет прожившему в Англии, но без всякой изысканности.

Энгельс был встречен бурной овацией; присутствовавшие горячо приветствовали также Бебеля и Адлера.

Председатель собрания представил их присутствовавшим. Сначала выступал Адлер, за ним — Бебель. Содержание их речей не выходило за рамки того, что обычно говорится в подобных случаях, и потому не удержалось у меня в памяти.

Но речь Энгельса — он по собственному желанию выступил последним — была совсем иной! Именно поэтому она так ярко запечатлелась в моей памяти.

Энгельс сразу завоевал сердца всех присутствовавших. Прежде всего он с исключительной скромностью и сердечностью поблагодарил за оказанный ему, как он выразился, незаслуженный прием, заявив, что ему суждено пожинать славу своего покойного друга Маркса — именно в таком смысле принимает он овации, которыми его встретили. Энгельс с гордостью и удовлетворением сказал, что нет теперь такой страны, нет такого крупного государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой все должны считаться, и это — лучшая награда за все то, что он, Энгельс, сделал для социалистического движения за 50 лет, в течение которых принимал в нем участие. У нас, отметил Энгельс, есть товарищи в тюрьмах Сибири, на золотых приисках Калифорнии, везде, вплоть до Австралии.

Энгельс, как мне помнится, передал пролетариату Вены привет от Интернационала. Решительность и боевой дух венских рабочих, сказал он, вызывают восхищение у всего социалистического мира.

Подчеркнув, что всеобщее избирательное право является одним из самых важных орудий пролетариата, Энгельс высоко оценил демонстрацию венского пролетариата с требованием всеобщего избирательного права, которая состоялась 9 июля 1893 г. и со всей очевидностью показала силу австрийского рабочего движения и его готовность к борьбе. В этот день, сказал Энгельс, пролетариат владел Веной и великолепным зданием Ратуши. Энгельс рассказал, как он осматривал Вену, ходил по ее улицам, восхищался ее чудесными зданиями, которые, как он заметил под дружный смех всех присутствовавших, буржуазия была так любезна построить для пролетариата будущего. Если память мне не изменяет, в числе замечательных зданий Вены Энгельс назвал кроме Ратуши университет, парламент,

Дворец юстиции, музеи и картинную галерею, оперу, «Бургтеатер», Бельведер, Шёнбрунн.

Вся речь Энгельса была проникнута глубочайшей уверенностью в силе пролетариата, в том, что будущее принадлежит социализму⁵²⁴.

Когда Энгельс кончил, гром аплодисментов потряс зал. Под несмолкающие овации, приветствия, возгласы одобрения и крики «Ура Энгельсу!» собрание было закрыто. Снова звучит «Песня труда».

И вот Энгельс, Бебель и Адлер вместе с председателем венской социал-демократической организации Людвигом Бреттшнейдером уже стоят за кулисами. Я долго не решался подойти к Энгельсу, чтобы выполнить поручение моих товарищей. В тот момент мне почему-то казалось это слишком экзальтированным, даже сентиментальным. Но все-таки я решился, быстро взобрался на сцену и подошел к ним. Дрожа от охватившего меня волнения, я пожал Энгельсу руку и сказал, что передаю ему привет от рабочей молодежи моего округа Зиммеринга и ее обещание не щадить своих сил для достижения великих целей социализма.

В глазах Энгельса светилась радость. Он крепко пожал мне руку и сказал: «Передайте зиммерингской рабочей молодежи мою искреннюю благодарность за привет и за ее обещание, которое меня очень радует. Но мой привет и моя благодарность адресованы не только зиммерингцам, не только венской рабочей молодежи, а и всей пролетарской молодежи Австрии».

С того памятного дня прошло почти семь десятилетий, но образ живого Энгельса все еще ярко стоит у меня перед глазами, а рука, кажется, все еще ощущает тепло его дружеского рукопожатия. И еще одно крепкое рукопожатие навсегда осталось в моей памяти — последнее рукопожатие Ленина в 1921 году. Встречи с великими вождями международного пролетариата определили направление и содержание всей моей политической деятельности, придали мне силы в борьбе за дело рабочего класса.

Из книги «Пятьдесят лет
международного социализма» ⁵²⁵

XIII

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Через две недели после прибытия в Лондон — 21 июня 1894 г. — я посетил Фридриха Энгельса в доме 122 по Риджентс-парк-род. Я попросил его о встрече, чтобы отдать дань уважения этому соратнику Карла Маркса. В то время мы ничего не знали о той безграничной и щедрой финансовой помощи, которую этот деятельный немецкий фабрикант и литератор оказывал Марксу, давая ему возможность продолжать работу над «Капиталом». Он полностью придерживался изречения Платона и Аристотеля: «У друзей все общее». Его преданность Марксу вызывает восхищение. Она значительно сильнее, чем преданность Саути Кольриджу.

Маркс был создан для того, чтобы стать профессором в одном из немецких университетов, но его взгляды помешали ему получить кафедру в Германии. Он отказался занять высокий пост в прусской администрации, предложенный ему правительством осенью 1843 г. через посредника — тайного советника Эссера ⁵²⁶. Не кто иной, как Энгельс, спас его от нужды в лондонском изгнании.

Энгельс был высокого роста, хорошо сложен, с суровым лицом и голосом прусского офицера или капитана дальнего плавания. Едва ли можно было заподозрить, что за такой внешностью скрывается душевное благородство и верность высоким идеалам, воодушевлявшие этого человека. Из-за его познаний в военных науках европейские социалисты прозвали его «Генералом». [...]

В тот день, 21 июня 1894 г., я стоял перед Энгельсом, как младший офицер перед генералом. Мое сообщение о движении в Германии он выслушал с большим вниманием. Я рассказал ему, как прусская полиция упорно преследует социал-демократов, и высказал мнение, что энтузиазм и самопожертвование партии слабеют, ибо наша пресса испытывает трудности в под-

боре товарищей на место ответственных редакторов, так как они боятся попасть в тюрьму. На это Энгельс заметил: «Долг социал-демократии воспитывать не только пролетариат, но и полицию». Далее я пожаловался, что очень мало делается для того, чтобы переиздать небольшие работы Маркса, в большинстве своем уже опубликованные, такие, как «Восемнадцатое брюмера» или «К критике политической экономии», которые содержат основные идеи его философии истории и интересуют меня больше, чем «Капитал». Энгельс ответил в очень сердитом тоне: «Значит, люди в Германии полагают, что я ленюсь и ничего не делаю для пропаганды идей Маркса!». Какое-то время он продолжал говорить в таком же духе. Тогда я переменял тему разговора, попросив его сказать мне, каким образом лучше узнать что-нибудь об английском социализме. Он дал мне несколько советов, а потом осведомился у меня, не в Германии ли изучал я английский язык. Я ответил отрицательно. «Вам повезло,— заметил он,— можете надеяться, что будете говорить хорошо по-английски. Это не удастся никому, кто изучал английский в Германии».

После этого я виделся с ним трижды. Последний раз я посетил его весной 1895 г., за несколько месяцев до его смерти. Исполнительный комитет Польской социалистической партии за границей⁵²⁷, который помещался на Бомонт-сквер, Степни, обратился ко мне с просьбой зайти к Энгельсу и взять у него оригинал предисловия Маркса к русскому изданию «Коммунистического Манифеста», переведенного и изданного Верой Засулич в 1882 г.³⁶⁸, так как они хотели добавить его к новому польскому изданию этой знаменитой брошюры. Энгельс уже был болен раком горла, хотя лечащий его врач скрывал от него истинный характер заболевания. Он принял меня в своей библиотеке, и мы с ним весьма дружески побеседовали. Он положил мне руку на плечо, и мы ходили взад и вперед по библиотеке. Он посоветовал мне вести работу среди еврейских рабочих в Ист-Энде. Мне эта идея не пришлась по душе, так как в те годы в Ист-Энде царило очень плохое отношение к иностранцам, вызванное довольно значительной иммиграцией из Польши и России в конце 80-х и начале 90-х годов. Поэтому я ответил: «Не стоит уси-

ливать еще социалистической агитацией среди евреев и без того яростную агитацию против иностранцев. Кроме того, социализм в Англии может быть создан только руками англичан, а не иностранцев».

XXII

БЕСЕДЫ О МАРКСЕ

Эта глава будет посвящена «Марксиане», то есть беседам с англичанами, с которыми я случайно встретился в 1895—1902 гг. и которые в разное время были более или менее тесно связаны с Карлом Марксом. Мне было интересно познакомиться со сложившимися у них впечатлениями о человеке, который оказал столь громадное влияние на международное рабочее движение.

Весной 1895 г. я проходил мимо уголовного дома на пересечении Тоттенхем-стрит и Кливленд-стрит, Лондон, В. I и заметил в окне комнаты, расположенной на первом этаже, ряд чартистских памфлетов и книг радикальных авторов, среди которых на продажу была выставлена книга Торолда Роджерса «Экономическое толкование истории». Я вошел в комнату и увидел там пожилого джентльмена, сидящего среди разбросанных вокруг него бумаг и книг, совершенно очевидно, из его библиотеки, от которых, из-за стесненных обстоятельств, он хотел избавиться. Я отобрал несколько книг Бронтера О'Брайена и Торолда Роджерса, заплатил за них, а потом осмелился спросить его имя. «Моя фамилия Таунсенд», — ответил он.

— Таунсенд! ...Мне знакома эта фамилия. Мне кажется, я видел ее среди подписей под «Возванием о Гражданской войне во Франции» (1871), написанным Карлом Марксом и опубликованным Генеральным Советом Интернационала.

— Верно, — ответил он. — Я был членом Генерального Совета и в течение нескольких лет заседал в нем рядом с Марксом.

Когда я попросил его рассказать мне что-нибудь о Марксе, он сказал: «Маркс был львом, — Таунсенд сделал при этом рукой выразительное движение вокруг своей головы, — он был чрезвычайно корректен в споре, но знал о социальной и рабочей проблеме гораздо боль-

ше, чем все мы. Я один из старых последователей О'Брайена, и мы предлагали покончить с эксплуатацией путем разрешения земельного вопроса и реформы денежного обращения. Маркс соглашался с нами — в Совете было несколько последователей О'Брайена — относительно значения национализации земли, но к реформе денежного обращения он относился иронически. Он добродушно называл нас валютными мошенниками, но вместе с тем открыто заявлял, что считает нас ценными членами Совета, так как мы можем нейтрализовать капиталистически-либеральное влияние некоторых тред-юнионистских членов Совета. Он всегда держал себя по-джентльменски, в отличие от Энгельса, который начал посещать наши заседания после 1870 года и не терпел возражений, он располагал средствами, и мы часто нуждались в его финансовой помощи. Жаль, что Бронтер О'Брайен не прожил еще несколько лет; он мог бы спорить с Марксом по проблемам денежного обращения; никто из нас не был способен на это».

Зимой 1901 г. я получил письмо от редактора «Vogwärts», где упоминалось, что близится выпуск юбилейного номера газеты и было бы желательно раздобыть для него какое-нибудь неопубликованное письмо Маркса; мне предлагалось достать его.

Насколько я знал, какие-то письма Маркса хранились только у профессора Бизли. Я попросил его принять меня и разрешить мне снять копию с любого письма Маркса, какое он посчитает уместным для этого случая. Он тогда жил в Сент-Леонарде, и, получив от него благоприятный ответ, я отправился к нему. Он сказал мне, что знал Маркса с 1868 г.— их познакомил Лафарг. «Марксу нравились мои суждения о Катилине, и, разумеется, я читал его Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих. Он хорошо говорил по-английски, но с твердым акцентом, скорее как русский, а не как немец. После выхода в свет «Капитала» его друг Энгельс написал краткое изложение этого труда, и я попытался поместить его в «The Fortnightly Review». Однако Джон Морли решительно возражал и не принял его⁵²⁸. Мне удалось упомянуть имя Маркса только тогда, когда я написал статью об «Интернационале» для «The Fortnightly»⁵²⁹.

Маркс, несомненно, являлся буквально непревзойденным авторитетом в рабочем вопросе, был ходячей энциклопедией. Г-жа Бизли и я всегда были очень рады, когда он достаивал нас своим визитом. Его речь искрилась остроумием». Г-н Бизли вручил мне письмо Маркса, чтобы сделать копию для «Vorwärts», — весьма интересное письмо, в котором он в конце апреля 1871 г. сообщал Бизли, что г-н Лотар Бухер, правая рука Бисмарка, прислал ему (за десять дней до заключения Франкфуртского мирного договора 1871 г.⁵³⁰) проект договора. Маркс тогда попросил Бизли — поскольку позитивисты были тесно связаны с Парижем — передать его *Коммуне*, чтобы дискредитировать Версальское правительство Тьера, ибо в проект, разумеется, входил пункт о передаче Эльзаса и Лотарингии Германии⁵³¹. [...]

Я переписал и перевел это письмо для «Vorwärts», оно вызвало в Берлине настоящую сенсацию. Я предложил профессору Бизли передать письма Маркса в берлинский архив германской социал-демократии, где они станут доступными для изучения. Он вежливо отклонил это предложение и сказал торжественным и почтительным тоном: «Мы, позитивисты, любим, чтобы вокруг нас витали великие духи»⁵³².

В сентябре 1902 г. в Холборн Таун Холле в Лондоне состоялся съезд тред-юнионов. Я посылал оттуда корреспонденции для «Vorwärts», а Жан Лонге, специально приехавший из Парижа, был корреспондентом «Petite République». Мы знали друг друга с тех времен, когда я жил в Париже, и здесь встретились в зале. Он представил меня своему другу, г-ну (впоследствии сэру) Рандалу Кримеру, делегату его союза, и г-ну Мальтману Барри, корреспонденту «Standard». Оба джентльмена хорошо знали Маркса. Кример был первым секретарем Международного Товарищества Рабочих, а Барри был старым другом и поклонником Маркса с 1870 г. и вплоть до его смерти в 1883 г. По тому, как они смотрели на Лонге, я понял, что они испытывали чувство любви к нему, главным образом, как к «внуку Карла Маркса». Я засыпал их обоими вопросами относительно их мнения о Марксе. Кример, непоколебимый либерал и миротворец, рассказал мне многое о первых месяцах существования Интернационала, о том, как он

предлагал разные проекты устава новой организации и как Маркс отвергал их и сам написал Учредительный Манифест и Устав, которые были утверждены комитетом. Он всегда производил впечатление мастера мысли. Я спросил Кримера, почему он ушел с поста секретаря Интернационала, и он ответил: «После 1865 г. я пришел к убеждению, что, если мы не обеспечим в первую очередь международный мир, вся наша работа принесет мало пользы для международного рабочего движения. Пока не будут уничтожены войны, устойчивое улучшение положения рабочего класса невозможно. Вся социально-реформаторская деятельность станет сизифовым трудом; поэтому я посвятил свою жизнь движению за мир. Когда я познакомил Маркса с моими взглядами на войну и мир, он ответил, что рассчитывать на то, что капиталистическое общество установит мир, весьма утопично. Война непрерывно порождается противоречивыми экономическими, а следовательно, и сталкивающимися политическими интересами различных капиталистических государств. Более того, военная промышленность, то есть вооружение, стало неотъемлемой частью капиталистической экономики; она явилась, так сказать, одним из жизненно важных органов современной экономической системы. В глазах работодателей — и, увы, многих рабочих — пушки, военные суда, винтовки, амуниция — такие же честные изделия, как локомотивы, ткани, мебель, газеты, книги и т. д. Кроме того, войны сыграли огромную роль в истории. Маркс напомнил мне о Крымской войне, сказав, что она сделала больше для прогрессивного развития России, чем целое столетие либеральных проповедей. В истории человечества появлялись такие реакционные и препятствующие развитию силы, уничтожить которые могла лишь война. Единственная полезная форма пацифизма — это поддержка Рабочего Интернационала, который является боевой силой и признает миссию пролетариата». Затем Кример добавил: «С тех пор мы были свидетелями множества войн — 1866, 1870—1871, 1877—1878, 1895, 1898, 1900—1901 годов, но я все еще надеюсь, что человек станет благоразумным».

Примечания

Указатели

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 281.— 1, 9.

² Речь идет о статье К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 187—217).— 1, 10.

³ См.: Маркс К. Письма из «Deutsch-Französische Jahrbücher».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 379; Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение.— Там же, с. 422.— 1, 10.

⁴ Союз коммунистов — первая международная коммунистическая организация пролетариата, созданная на основе тайного Союза справедливых (см. примечание 64) в июне 1847 г. Второй конгресс Союза (декабрь 1847 г.), в котором участвовали К. Маркс и Ф. Энгельс, поручил им составление программного документа.— 1, 11, 61, 71, 129.

⁵ Демонстрация 13 июня 1849 г. в Париже была организована партией мелкой буржуазии (Гора) в знак протеста против нарушения президентом и большинством Законодательного собрания конституционных порядков, установленных революцией 1848 г. Демонстрация была разогнана правительством.— 1, 12, 74, 88, 314.

⁶ В. И. Ленин имеет в виду издание переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедшее в свет в Германии в сентябре 1913 г. в четырех томах под названием «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883», herausgegeben von A. Bebel und Ed. Bernstein. Vier Bände, Stuttgart, 1913 («Переписка Фридриха Энгельса и Карла Маркса с 1844 по 1883», изданная А. Бебелем и Эд. Бернштейном. Четыре тома, Штутгарт, 1913). Письма К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин цитирует далее по этому изданию.— 1, 12.

⁷ Pamфлет К. Маркса «Господин Фогт» являлся ответом на клеветническую брошюру бонапартистского агента К. Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 395—691).— 1, 12, 99.

⁸ Имеется в виду «Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 3—11).— 1, 12.

⁹ В. И. Ленин ссылается здесь на издание совместной работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 139) в составе подготовленного Ф. Мерингом издания: *Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle*. Stuttgart, 1902, Zweiter Band (Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля, Штутгарт, 1902, том второй).— 1, 14.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 21.— 1, 14.

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 43, 59, 34—35.— 1, 15.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 282—283, 284.— 1, 15.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 182. Во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса датировка письма уточнена: 12 декабря 1868 г.— 1, 16.

¹⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 10, 22.— 1, 17.

¹⁵ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 302, 276.— 1, 17.

¹⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 25.— 1, 17.

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 7.— 1, 18.

¹⁸ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах...— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 289.— 1, 18.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 383.— 1, 19.

²⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6—7.— 1, 19.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 197.— 1, 20.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424—425, 434, 433.— 1, 22.

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10.— 1, 23.

²⁴ Маркс К. Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 84.— 1, 24.

- ²⁵ Маркс К. К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 16.— 1, 24.
- ²⁶ Здесь и ниже В. И. Ленин цитирует «Капитал», т. 1 (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 180—181, 177, 770, 771—773).— 1, 25.
- ²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 215—220, 225—227.— 1, 32.
- ²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 363.— 1, 32.
- ²⁹ Эту и следующую цитаты см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 757, 657.— 1, 33.
- ³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 85—86.— 1, 33.
- ³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 211.— 1, 33.
- ³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 85.— 1, 33.
- ³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 371, 372.— 1, 34.
- ³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 514—515.— 1, 34.
- ³⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 500—501, 495.— 1, 36.
- ³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 444.— 1, 37.
- ³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 171—172.— 1, 37.
- ³⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 292.— 1, 37.
- ³⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 173.— 1, 38.
- ⁴⁰ В. И. Ленин цитирует работу Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 518), первоначально опубликованную в журнале «Die Neue Zeit» 1894—1895, Bd. 1, N 10.— 1, 38.
- ⁴¹ К. Маркс — Ф. Энгельсу, 9 апреля 1863 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 280.— 1, 39.
- ⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 183.— 1, 40.
- ⁴³ Цитируемые В. И. Лениным здесь и ниже письма Маркса и Энгельса см. соответственно в томах переписки второго издания их

Сочинений: т. 27, с. 169; т. 29, с. 190 и 293; т. 30, с. 276 и 280; т. 31, с. 166; т. 32, с. 318; т. 35, с. 14.— 1, 40.

⁴⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 458.— 1, 40.

⁴⁵ Маркс К. Буржуазия и контрреволюция.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 116—117.— 1, 41.

⁴⁶ Имеется в виду письмо К. Маркса Ф. Энгельсу 11 февраля 1865 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 57).— 1, 41.

⁴⁷ К. Маркс — Ф. Энгельсу, 16 апреля 1856 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 37.— 1, 41.

⁴⁸ Ф. Энгельс — К. Марксу, 21 января 1865 г. и 5 февраля 1865 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 38—39, 47.— 1, 42.

⁴⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 290, 292—293, 308, 349—350; т. 31, с. 31—32, 38—39, 45—46, 50, 313—314, 340, 348.— 1, 42.

⁵⁰ Маркс К. Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 274—282.— 1, 42.

⁵¹ К. Маркс — Л. Кугельману, 12 апреля 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 172.— 1, 42.

⁵² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 45—46, 54, 75—76, 84—85, 87.— 1, 42.

⁵³ Энгельс Ф. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 498.— 1, 58.

⁵⁴ Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 544—571; впервые напечатаны в «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский ежегодник») в 1844 г.— 1, 60; 2, 261.

⁵⁵ Под таким названием вышла в русском издании работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 185—230).— 1, 62.

⁵⁶ Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 11—52). Поводом к написанию работы послужило обращение к Энгельсу В. Засулич через С. Кравчинского (Степняка) от имени редакции подготавливаемого в то время к изданию группой «Освобождение труда» журнала «Социаль-демократ» с просьбой о сотрудничестве. Работа была напечатана в переводе В. Засулич в журнале в феврале и августе 1890 г. под заглавием «Иностранная политика русского царства».— 1, 62.

⁵⁷ Энгельс Ф. К жилищному вопросу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 203—284.— 1, 62.

⁵⁸ В русское издание книги «Фридрих Энгельс о России» (Женева, 1894 г.) вошли его статья «О социальном вопросе в России» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 537—548) и послесловие к статье (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 438—453). Предисловие к изданию было написано Г. В. Плехановым (см.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 282—284).— 1, 62.

⁵⁹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, II, III.— 1, 62.

⁶⁰ Эта мысль содержится в статье «Жизнь Фридриха Энгельса», напечатанной в органе австрийской социал-демократии «Arbeiter-Zeitung», 1895, 7 августа, № 214, редактором которой был Виктор Адлер: «Фридрих Энгельс соорудил своему другу Марксу памятник... в виде двух последних томов «Капитала», но невольно он высек на этом памятнике неизгладимыми буквами и свое имя» (Их имена переживут века. М., 1983, с. 243—244).— 1, 62.

⁶¹ Ф. Энгельс — И. Ф. Беккеру, 15 октября 1884 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 188.— 1, 62, 135.

⁶² Введение к французскому изданию брошюры Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» было написано Марксом около 4—5 мая 1880 г. В брошюре оно напечатано за подписью Лафарга, который подготовил французский перевод работы Энгельса. В обнаруженной недавно рукописи имеется приписка, адресованная П. Лафаргу, в которой Маркс сообщает, что введение было написано им после консультации с Энгельсом, и просит Лафарга «отделать стиль, оставив существо без изменения».— 1, 67.

⁶³ *Немецкое рабочее общество* было основано Марксом и Энгельсом в Брюсселе в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Передовые члены Общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Общества прекратилась вскоре после февральской революции 1848 г. во Франции в результате арестов и высылки его членов бельгийской полицией.— 1, 67, 71, 129, 210.

⁶⁴ *Союз справедливых* — тайная организация немецких рабочих и ремесленников, возникшая во второй половине 30-х гг. XIX в. в результате раскола демократически-республиканского Союза отверженных; позднее приобрела интернациональный характер. Общины Союза имелись в Германии, Франции, Швейцарии и Англии. Постепенное сближение руководителей Союза с основоположниками научного коммунизма привело к вступлению Маркса и Энгельса в Союз справедливых. В начале июня 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс Союза, на котором он был реорганизован и получил название Союза коммунистов.— 1, 67, 129.

⁶⁵ Речь идет о восстании, организованном тайным республиканско-социалистическим бланкистским Обществом времен года в Париже 12 мая 1839 г. Главную роль в восстании играли революционные рабочие; восстание было подавлено.— 1, 67.

⁶⁶ *Демократическая ассоциация*, основанная в Брюсселе осенью 1847 г., объединила в своих рядах пролетарских революционеров и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Маркс был избран ее вице-председателем. После высылки Маркса из Брюсселя в начале марта 1848 г. и расправы властей с наиболее революционными элементами Ассоциации ее деятельность приобрела чисто местный характер и в 1849 г. фактически прекратилась.— 1, 68.

⁶⁷ Имеются в виду восстания в Бадене и Пфальце в мае — июле 1849 г. в поддержку принятой Франкфуртским национальным собранием 28 марта 1849 г. имперской конституции, которая была отвергнута большинством немецких правительств. Этим событиям посвящена работа Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 111—207).— 1, 68, 87, 130, 296, 305, 342, 362, 370; 2, 151.

⁶⁸ Настоящий очерк был написан Ф. Энгельсом по просьбе немецкого социал-демократа В. Бракке для выходявшего в Брауншвейге альманаха «*Volkskalender*» на 1878 г.— 1, 70.

⁶⁹ В кругах тогдашней немецкой революционной эмиграции в Париже ходили слухи о некоторой причастности к этой акции известного ученого-естествоиспытателя А. Гумбольдта. Однако документального подтверждения этих слухов не обнаружено.— 1, 71, 116, 136.

⁷⁰ Имеется в виду деятельность Немецкого демократического общества, основанного в Париже в начале марта 1848 г. Возглавлявшие его мелкобуржуазные демократы Гервег, Борнштедт, Бернштейн и другие вели агитацию за создание добровольческого легиона из немецких эмигрантов для вторжения в Германию с целью вызвать там революцию и установить республиканский строй. Маркс и Энгельс решительно выступили против этой авантюры. После перехода границы легион Гервега был разгромлен 27 апреля 1848 г. на территории Бадена вюртембергскими войсками.— 1, 72, 205; 2, 126.

⁷¹ Статью К. Маркса и Ф. Энгельса об июньском восстании см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 115—159.— 1, 73, 312, 332, 374; 2, 127.

⁷² 25 сентября 1848 г. кельнские власти при поддержке буржуазии арестовали ряд деятелей рабочего движения в Кельне, а на следующий день в городе было объявлено осадное положение и временно приостановлен выход «*Neue Rheinische Zeitung*» и других демократических газет. Энгельс и ряд других сотрудников были вынуждены эмигрировать за границу. Выход газеты возобновился 12 октября 1848 г.— 1, 73, 310, 340, 374.

⁷³ Имеется в виду разгон в ноябре — декабре 1848 г. юнкерско-бюрократическим министерством Бранденбурга — Мантёйфеля берлинского Национального собрания и октроирование новой конституции, которая свела на нет результаты революции в Германии. — 1, 73, 312.

⁷⁴ Имеются в виду процессы 7 и 8 февраля 1849 г. Об этих процессах см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 235—274. — 1, 74, 117, 326, 361.

⁷⁵ Работа К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 423—491) вышла в свет в Базеле в январе 1853 г., причем вскоре большая часть тиража книги была конфискована при попытке переправить ее через баденскую границу. В марте — апреле 1853 г. она печаталась в США в газете «Neue England Zeitung», выходившей в Бостоне, а затем там же отдельной брошюрой. В октябре — декабре 1874 г. работа была перепечатана в немецкой социал-демократической газете «Volksstaat» и вскоре вышла в Лейпциге отдельным изданием. — 1, 74, 93.

Кёльнский процесс коммунистов (4 октября — 12 ноября 1852 г.) — провокационный процесс 11 членов Союза коммунистов, организованный прусским правительством. Семеро подсудимых были приговорены к заключению в крепости сроком от трех до шести лет (см. также настоящее издание, ч. 1, с. 344—345). — 1, 74, 92, 121, 178, 326, 331, 353, 374.

⁷⁶ Имеется в виду австро-итало-французская война в апреле — июле 1859 г., развязанная Наполеоном III, стремившимся под флагом «освобождения Италии» к территориальным захватам и укреплению бонапартистского режима во Франции. — 1, 75, 98, 328, 348.

⁷⁷ Энгельс имеет в виду запись, опубликованную в издании: *Papiers et correspondance de la famille impériale*. Paris, 1870—1871, tome I—II (Документы и переписка императорской фамилии. Париж, 1870—1871, том I—II), tome II, p. 161. — 1, 75.

⁷⁸ Гаагский конгресс Международного Товарищества Рабочих (2—7 сентября 1872 г.) исключил из Интернационала лидеров анархистов М. Бакунина и Дж. Гильома, внес в Общий Устав положение о необходимости создания самостоятельных политических пролетарских партий и принял решение о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк. Материалы конгресса см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 121—152. См. также настоящее издание, ч. 2, с. 141—156. — 1, 76, 196, 213, 350, 364, 376; 2, 137, 141, 151, 173, 190, 207, 262.

⁷⁹ Автобиографические заметки Женни Маркс, относящиеся к 1865 г., дошли до нас в незавершенном виде. Рукопись находилась в семейном архиве Лонге и после смерти внука Маркса Эдгара Лонге (1950) была передана Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Центральным Комитетом Французской коммунистической партии. Отдельные листы рукописи не сохранились. В тексте отсутствующие места отмечены отточиями. — 1, 84.

⁸⁰ С 18 августа и до конца сентября 1844 г. в трирском соборе был выставлен в качестве реликвии для поклонения так называемый «священный хитон Христа». Это привлекло многочисленных паломников.— 1, 84.

⁸¹ Речь идет о первом совместном труде К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании», вышедшем в свет во Франкфурте-на-Майне в феврале 1845 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 3—230*).— 1, 84.

⁸² Созданное С. Зейлером и К. Рейнхардом весной 1845 г. в Брюсселе Немецкое газетно-корреспондентское бюро занималось распространением различных известий для немецких газет.— 1, 85.

⁸³ Книга Макса Штирнера «*Der Einzige und sein Eigenthum*» («Единственный и его собственность») вышла в свет в конце 1844 г.— 1, 85.

⁸⁴ Имеется в виду работа «Немецкая идеология», которую Марксу и Энгельсу не удалось напечатать. Впервые это произведение было полностью опубликовано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на языке оригинала в 1932 г. и в русском переводе в 1933 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 7—544*).— 1, 85.

⁸⁵ В рукописи неточность: В. Вольф отбывал заключение в силезской тюрьме Зильберберг в 1834—1838 гг. за участие в студенческой корпорации; в 1846 г. он был привлечен к суду за нарушение законов о печати в связи со статьей о восстании силезских ткачей и эмигрировал из Германии, чтобы избежать процесса.— 1, 86.

⁸⁶ Говоря о вступлении Маркса во владение имуществом, Женни Маркс имеет в виду часть отцовского наследства (6 тыс. франков), полученную им через брюссельский банк в феврале 1848 г. Дальнейшие события, описываемые ею, происходили 1—4 марта 1848 г.— 1, 87.

⁸⁷ Упомянутое обращение Маркса не разыскано. Ответ за подписью Ф. Флокона, в котором, в частности, говорилось: «...свободная Франция вновь открывает Вам свои двери», см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 684*.— 1, 87, 117.

⁸⁸ Воспользовавшись тем, что Маркс в 1845 г. вышел из прусского подданства, правительство выслало его в мае 1849 г. из Пруссии как «иностранца», нарушившего «право гостеприимства».— 1, 87, 136, 172, 326, 342, 361, 374.

⁸⁹ Речь идет об интервенции французских войск против образованной в марте 1849 г. Римской республики под предлогом ее защиты от австрийских войск, которые в то время вели борьбу против итальянского национально-освободительного движения. В результате иностранного вмешательства Римская республика пала.— 1, 88.

⁹⁰ 5 ноября — ежегодно отмечавшийся в Англии народными гуляниями день разгрома «порохового заговора»; в 1605 г. в этот день

заговорщики-католики, одним из которых был Гай Фокс, намеревались взорвать здание парламента вместе с находившимися там членами обеих палат и королем Яковом I Стюартом.— 1, 89.

⁹¹ Имеется в виду произошедший в сентябре 1850 г. раскол Союза коммунистов. Уже летом 1850 г. в Центральном комитете Союза обострились принципиальные разногласия между сторонниками Маркса и Энгельса и фракцией Виллиха — Шаппера, отстаивавшей сектантскую, авантюристическую тактику немедленного развязывания революции без учета реальной обстановки в Германии и в Европе. Большинство Центрального комитета Союза во главе с Марксом и Энгельсом решительно осудило раскольническую фракцию Виллиха — Шаппера и порвало с ней.— 1, 89, 362, 370.

⁹² *Штраубингеры* (Straubinger) — странствующие подмастерья-ремесленники в Германии. Маркс и Энгельс называли так немецких ремесленников, в значительной степени находившихся еще во власти отсталых цеховых представлений и предрассудков и питавших реакционные мелкобуржуазные иллюзии о возможности возврата от капиталистической крупной промышленности к мелкому ремеслу. Здесь имеются в виду некоторые члены Союза коммунистов, проявлявшие сектантские тенденции.— 1, 90, 105.

⁹³ Подробно об этой дуэли см. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 511.— 1, 90, 298.

⁹⁴ *Лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих* было основано в 1840 г. деятелями Союза справедливых (см. примечание 64) с целью политического просвещения немецких рабочих-эмигрантов и пропаганды среди них социалистических идей. После организации Союза коммунистов руководящая роль в обществе принадлежала местным общинам Союза. В 1847 и 1849—1850 гг. активное участие в деятельности Общества принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г., в связи с тем что большая часть Общества стала на сторону отколовшейся от Союза фракции Виллиха — Шаппера (см. примечание 91), Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из него. С конца 50-х гг. они вновь принимали участие в его работе.— 1, 90, 199, 206, 325, 327, 331, 338, 346, 356, 358, 362, 366, 370.

⁹⁵ Имеется в виду первая всемирная торгово-промышленная выставка в Лондоне, происходившая в мае — октябре 1851 г.— 1, 92, 255.

⁹⁶ Речь идет о Луи Бонапарте, избранном 10 декабря 1848 г. президентом, а 2 декабря 1851 г. в результате государственного переворота провозгласившем себя императором Франции под именем Наполеона III.— 1, 92, 158.

⁹⁷ «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал в декабре 1851 — марте 1852 г. Работа должна была печататься в журнале «Die Revolution», издававшемся И. Вейдемейером в США, но ввиду прекращения выхода журнала не была опубликована и вышла отдельной книгой в мае 1852 г. Из-за отсутствия средств Вейдемейер

не смог выкупить у владельца типографии большую часть тиража.— 1, 92, 179.

⁹⁸ Речь идет о книге: *Szemere B. Graf Ludwig Batthyány, Arthur Görgei. Ludwig Kossuth: Politische Charakterskizzen aus dem Ungarischen Freiheitskriege.* Hamburg, 1853 (*Семере Б. Граф Людвиг Баттjани, Артур Гёргей, Людвиг Кошут. Наброски политических характеристик деятелей венгерской освободительной войны.* Гамбург, 1853). Рукопись книги была отредактирована Марксом.— 1, 93.

⁹⁹ Речь идет о серии статей К. Маркса «Лорд Пальмерстон» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 9, с. 357—425), две из которых были в ноябре 1853 г. перепечатаны в газете «*Glasgow Sentinel*».— 1, 94.

¹⁰⁰ Памфлет Маркса «Рыцарь благородного сознания» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 9, с. 497—527) был написан в ноябре 1853 г. в ответ на клеветническую статью А. Виллиха «Доктор Маркс и его «Разоблачения»», напечатанную в газете «*Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung*» 28 октября и 4 ноября 1853 г. Книга вышла в январе 1854 г.— 1, 94.

¹⁰¹ Имеется в виду ломбард.— 1, 96, 238, 298.

¹⁰² В 1858 г. принц-регент Вильгельм (с 1861 г.— прусский король Вильгельм I) призвал к власти умеренных либералов; в буржуазной печати этот курс получил название «*новой эры*»; на деле же политика Вильгельма была направлена на укрепление позиций прусской монархии и юнкерства.— 1, 98, 100.

¹⁰³ Речь идет о поездке Ф. Лассалья в 1861 г. в Италию, где он встречался с Гарибальди и Мадзини (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 30, с. 211—212).— 1, 104.

¹⁰⁴ «Великими мужами» Маркс и Энгельс иронически называли лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции после поражения революции 1848—1849 гг., которые выступали с нападками против пролетарских революционеров, выдвигая авантюристические, псевдо-революционные лозунги.— 1, 104, 217, 221, 296.

¹⁰⁵ *Партия прогрессистов* — прусская буржуазная партия — была создана в июне 1861 г. Выступая за объединение Германии под главенством Пруссии, находилась в то же время в оппозиции к правительству Бисмарка и требовала созыва общегерманского парламента, создания сильного либерального министерства, ответственного перед палатой депутатов. Лассаль в своих публичных выступлениях критиковал прогрессистов как партию, выражающую интересы буржуазии. Партия существовала до 1884 г., когда объединилась с левым крылом национал-либералов в свободомыслящую партию.— 1, 105, 260.

¹⁰⁶ 30 августа 1864 г. Ф. Лассаль был смертельно ранен на дуэли румынским дворянином Янко Раковицем (см. также настоящее издание, ч. 2, с. 177).— 1, 105, 262.

¹⁰⁷ 23 февраля 1865 г. Маркс и Энгельс направили заявление в редакцию газеты «Social-Demokrat» о прекращении сотрудничества в ней (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 79). В связи с поданной Швейцером клеветнической кампанией против Маркса и Энгельса в марте 1865 г. Маркс написал второе заявление с подробным изложением причин отказа от сотрудничества в этой газете (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16; с. 86—89).—1, 105.

¹⁰⁸ О размолвке между Марксом и Либкнехтом по этому поводу см. настоящее издание, ч. 1, с. 262—265.—1, 106.

¹⁰⁹ Воспоминания дочери Маркса Элеоноры были написаны для альманаха «Oesterreichischer Arbeiter-Kalender für das Jahr 1895». Сохранился машинописный экземпляр рукописи на английском языке с правкой и подписью Элеоноры Маркс. Основой данной публикации послужила статья в альманахе, сверенная с английской рукописью. На русском языке впервые напечатаны в 1933 г. в журнале «Борьба классов», № 6, и в том же году вышли отдельной брошюрой.—1, 107.

¹¹⁰ Речь идет о романе Вальтера Скотта «Узверли», в котором нашли отражение события 1745 г. в Шотландии: восстание горных кланов — сторонников династии Стюартов — против буржуазной Англии.—1, 111.

¹¹¹ Синие книги (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерств иностранных дел. Свое название получили из-за синей обложки. Издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником по экономической и дипломатической истории этой страны.—1, 112, 150, 177; 2, 24, 30.

¹¹² Данная заметка была предпослана Элеонорой Маркс-Эвелинг подготовленному и выпущенному ею в 1896 г. первому отдельному изданию серии статей «Революция и контрреволюция в Германии» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 3—113), которая печаталась в газете «New-York Daily Tribune» в 1851—1852 гг. за подписью Маркса. Поэтому никаких сомнений в авторстве у нее не возникало, и издание вышло в свет под его именем. Лишь в 1913 г. из опубликованной тогда переписки между Марксом и Энгельсом стало известно, что эта работа, заказанная редактором газеты Марксу, была, по просьбе последнего, написана Энгельсом. На русском языке впервые опубликована в 1983 г. во втором издании «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе».—1, 116, 279.

¹¹³ Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 189.—1, 116.

¹¹⁴ В тексте неточность: в результате полицейских преследований, предпринятых против Маркса, Энгельса и других членов редакции, дальнейшее издание «Neue Rheinische Zeitung» стало невозможным, и она прекратила свое существование.—1, 117.

¹¹⁵ Здесь и ниже речь идет о заметках Женни Маркс «Беглый очерк беспокойной жизни» (см. настоящее издание, ч. 1, с. 84—106); в цитируемых местах имеются незначительные отклонения от оригинала (см. там же, с. 88—89, 92—93).— 1, 117.

¹¹⁶ *Брукфарм* — кооперативная колония американских социалистов-утопистов, последователей Фурье; существовала с 1841 по 1846 г. недалеко от г. Бостона. Основателем ее был Дж. Рипли, в числе участников и пропагандистов были редакторы «New-York Daily Tribune» Хорас Грили и Чарлз Дана.— 1, 119.

¹¹⁷ Ч. Дана в своем (несохранившемся) письме имеет в виду тот факт, что отдельные статьи из серии «Революция и контрреволюция в Германии» перепечатывались в немецких эмигрантских органах печати в США.— 1, 119.

¹¹⁸ Э. Маркс-Эвелинг цитирует передовую статью «New-York Daily Tribune» от 7 апреля 1853 г. Эта цитата приводится Марксом в письме Энгельсу 26 апреля 1853 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 201).— 1, 119.

¹¹⁹ Здесь в сокращенном виде и не совсем точно цитируются слова Маркса из его работы «Господин Фогт» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 486).

«*Парламентские дебаты Хансарда*» — отчеты о заседаниях обеих палат английского парламента, публиковавшиеся регулярно с 1803 г. «*Синие книги*» — см. примечание 111.

Серию статей Маркса «Лорд Пальмерстон» см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 357—425.— 1, 119.

¹²⁰ Имеется в виду серия статей Маркса «Падение Карса», напечатанная в «People's Paper» и «New-York Daily Tribune» в апреле 1856 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11, с. 633—667).

Комитеты по иностранным делам — общественные организации, создававшиеся Уркартом и его сторонниками в 40—50-х гг. XIX в. в ряде городов Англии главным образом для борьбы с политикой Пальмерстона.— 1, 120.

¹²¹ Последняя статья серии, по-видимому, написана не была.— 1, 120.

¹²² Цитируемое письмо Ч. Дана до нас не дошло.— 1, 120.

¹²³ Речь идет о статье Энгельса «Недавний процесс в Кёльне» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 416—422), написанной по просьбе Маркса и напечатанной за его подписью в «New-York Daily Tribune» 22 декабря 1852 г.— 1, 120.

¹²⁴ Маркс К. Поражение правительства по финансовому вопросу.— Извозчики.— Ирландия.— Русский вопрос.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 240.— 1, 121.

¹²⁵ Данные заметки были написаны Элеонорой Маркс-Эвелинг в связи с публикацией ею письма К. Маркса отцу от 10 ноября 1837 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 40, с. 8—18). Напечатаны

в виде вводной статьи к этой публикации в журнале «Die Neue Zeit», 1897—1898, Bd. 1, N 1. На русском языке впервые опубликованы с сокращениями в книге: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956.— 1, 122.

¹²⁶ Как следует из писем Э. Маркс-Эвелинг, она весной 1897 г. вела переговоры с Лаурой и Полем Лафарг о создании биографии К. Маркса. План этот осуществлен не был.— 1, 122.

¹²⁷ Имеется в виду письмо К. Маркса жене от 21 июня 1856 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 432—436).— 1, 123.

¹²⁸ К. Маркс — Женни Маркс, 15 декабря 1863 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 531.— 1, 124.

¹²⁹ Три тетради юношеских стихотворений Маркса см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 40, с. 333—438.— 1, 124.

¹³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 40, с. 9, 18.— 1, 124.

¹³¹ Воспоминания Элеоноры Маркс-Эвелинг были написаны к 70-летию Энгельса. На русском языке впервые опубликованы в журнале «Борьба классов», 1935, № 9.— 1, 127.

¹³² Маркс К. К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 8.— 1, 129.

¹³³ Имеется в виду авторизованный перевод книги Энгельса, вышедший в Нью-Йорке в 1887, а в Лондоне — в 1888 г.— 1, 129.

¹³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 3.— 1, 131.

¹³⁵ Ниоба — в античной мифологии — дочь Тантала, превратилась в камень, оплакивая своих потерянных детей. Здесь сравнивается с ней Ирландия, которая в результате голода, разорения и эмиграции в конце 40 — начале 50-х гг. лишилась больше 2¹/₂ миллионов своего населения.

Работа над историей Ирландии не была завершена. Написанные Энгельсом части этого труда при жизни автора не публиковались. Эти фрагменты, а также подготовительные материалы см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 479—524; т. 45, с. 82—107.— 1, 133, 162.

¹³⁶ Имеется в виду серия статей «Заметки о войне» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 7—167). О неизбежности поражения французской армии, произошедшего при Седане, 1—2 сентября 1870 г., Энгельс писал за неделю до этого события (см. там же, с. 79—80).— 1, 135, 169, 183, 363.

¹³⁷ Имеется в виду напечатанная в августе 1883 г. работа Энгельса «Книга откровения» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 7—13). — 1, 135.

¹³⁸ Э. Маркс-Эвелинг цитирует напечатанную в газете «Der Sozialdemokrat» 8 декабря 1881 г. статью Энгельса «Женни Маркс, урожденная фон Вестфален»; первая фраза и последний абзац взяты из его «Речи на могиле Женни Маркс», напечатанной в газете «L'Egalité» 11 декабря 1881 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 300—301, 302, 303).— 1, 136.

¹³⁹ На выборах в рейхстаг в 1881 г. Социалистическая рабочая партия Германии, несмотря на действие закона против социалистов, получила 549 990 голосов и 24 мандата.— 1, 137, 270.

¹⁴⁰ Цитата из речи Ф. Энгельса на похоронах Елены Демут, напечатанной в газете «The People's Press» 22 ноября 1890 г., дана в соответствии с английским оригиналом (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45, с. 489).— 1, 138.

¹⁴¹ Данные воспоминания написаны в 1890 г. для журнала «Die Neue Zeit». На русском языке впервые опубликованы с сокращениями в журнале «Новое слово», 1897, № 11 и полностью в книге: Сборник памяти Карла Маркса. М., 1918, вып. 1.— 1, 139.

¹⁴² Речь идет о международной конференции по вопросам охраны труда (март 1890 г.), в которой принимали участие представители правительств европейских стран.— 1, 139.

¹⁴³ Имеются в виду многотомное издание «Труды податной комиссии», напечатанное для служебного пользования в ограниченном количестве экземпляров, а также «Военно-статистический сборник». Эти и другие материалы об экономическом развитии пореформенной России Маркс получал от Н. Ф. Даниельсона. Выписки Маркса из этих изданий см.: Архив Маркса и Энгельса, т. XIII. М., 1955; т. XVI. М., 1982.— 1, 144, 168; 2, 24.

¹⁴⁴ Эта работа Маркса была впервые полностью опубликована на языке оригинала и в русском переводе в 1968 г.: Маркс К. Математические рукописи. М., 1968.— 1, 144.

¹⁴⁵ В мае 1871 г. после поражения Парижской коммуны П. Лафарг был вынужден эмигрировать в Испанию, где совместно с испанскими социалистами вел пропаганду против влияния бакунистов в испанской секции Интернационала, работал над переводом I тома «Капитала» на испанский язык, а также публиковал статьи по некоторым вопросам марксизма в основанной им и его единомышленниками газете «Emancipation».— 1, 146, 167.

¹⁴⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 9.— 1, 150.

¹⁴⁷ Выдержки из двух писем Женни Маркс (29 января 1866 и около 5 октября 1867 г.) руководителю немецких секций Интернационала в Швейцарии И. Ф. Беккеру были им опубликованы в виде двух заметок в журнале «Vorbote», 1866, февраль, № 2; октябрь, № 10 (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 534—535 и 577—578).— 1, 153.

¹⁴⁸ *Альбигойские войны* велись с 1209 по 1229 г. феодалами Северной Франции совместно с папой против «еретиков» Южной Франции, получивших название альбигойцев от южнофранцузского города Альби. Движение альбигойцев было своеобразной формой оппозиции горожан и мелкого рыцарства против католической церкви и феодального государства.— 1, 157, 165.

¹⁴⁹ «Философия нищеты» — книга П.-Ж. Прудона, критике которой посвящена «Нищета философии» Маркса, написанная и изданная в 1847 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 65—185).— 1, 158, 208.

¹⁵⁰ *Исключительный закон против социалистов* был введен 21 октября 1878 г. Социал-демократическая партия Германии оказалась на нелегальном положении; были запрещены все массовые рабочие организации, социалистическая и рабочая печать. Под давлением массового рабочего движения и в результате успехов германской социал-демократии на выборах в рейхстаг исключительный закон был отменен 1 октября 1890 г.— 1, 158, 185, 212, 336; 2, 39, 251, 254.

¹⁵¹ И. Б. Швейцер напечатал в 12 номерах газеты «Social-Demokrat» за январь — май 1868 г. серию статей о «Капитале» под названием «Труд Карла Маркса».— 1, 158.

¹⁵² Эта резолюция была принята Брюссельским конгрессом I Интернационала в сентябре 1868 г.— 1, 158.

¹⁵³ Имеется в виду воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих «Гражданская война во Франции» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 317—370), вышедшее в июне 1871 г. на английском языке и немедленно переведенное на ряд других европейских языков. Автором воззвания был Маркс, что тогда же стало известно из заявления Генерального Совета в газету «Daily News» и из письма Маркса в редакцию этой газеты (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 377 и 380).— 1, 158; 2, 32.

¹⁵⁴ Во время рабочей демонстрации 13 сентября 1871 г. в Нью-Йорке было распространено 13 тыс. экземпляров листовки на немецком и английском языках, изданной секциями I Интернационала. Листовка называлась «Голос рабочего о нормальном рабочем дне» и представляла собой перепечатку отрывка из I тома «Капитала», гл. 8, § 1.— 1, 158.

¹⁵⁵ Далее в рукописи приведен полный текст речи Энгельса на могиле Женни Маркс (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 302—303).— 1, 159.

¹⁵⁶ Воспоминания Лафарга были написаны к десятой годовщине со дня смерти Энгельса для журнала «Die Neue Zeit». На русском языке впервые опубликованы в журнале «Правда», 1905, № 8.— 1, 161.

¹⁵⁷ *Фенихи* — участники тайной организации «Ирландское революционное братство», возникшей в конце 50-х гг. XIX в. среди ир-

ландских эмигрантов в Америке, а затем и в самой Ирландии. Вели борьбу за национальную независимость Ирландии и создание Ирландской республики.— 1, 162, 364.

¹⁵⁸ См.: *Энгельс Ф. Маркс, Генрих Карл.*— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 350.— 1, 163.

¹⁵⁹ Маркс написал для «Анти-Дюринга» X главу второго отдела («Из «критической истории»»), о чем Энгельс впервые сообщил в предисловии ко второму изданию книги в 1885 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 9*). При первой публикации работы в газете «Vorwärts» Энгельсу пришлось несколько сократить эту главу. В третьем издании «Анти-Дюринга» в 1894 г. опущенные места были восстановлены.— 1, 166.

¹⁶⁰ Имеется в виду «Диалектика природы» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 339—626*), которую Энгельс писал в основном с 1873 по 1883 г. Работа завершена не была и при жизни автора не публиковалась. Впервые полностью была опубликована в 1925 г. в СССР на немецком языке параллельно с русским переводом.— 1, 166.

¹⁶¹ Упомянутый дневник до нас не дошел. Сохранились лишь 17 рисунков испанского и португальского побережий, сделанные Энгельсом во время его пятидневного морского путешествия из Генуи в Лондон. Рисунки опубликованы в: *Karl Marx, Friedrich Engels. Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung Band 10. Berlin, 1977.*— 1, 167.

¹⁶² Эти заметки были написаны внуком Маркса Эдгаром Лонге в марте 1949 г. к 66-й годовщине со дня смерти Карла Маркса для журнала Французской коммунистической партии «*Cahiers du communiste*». На русском языке впервые опубликованы с небольшими сокращениями в книге: *Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956.*— 1, 171.

¹⁶³ Маркс — Женни Лонге, 29 апреля 1881 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 154.— 1, 171.

¹⁶⁴ Э. Лонге цитирует с небольшими отклонениями от подлинника письмо Женни Маркс И. Вейдемейеру от 20 мая 1850 г. (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 529—530, 531—532*).— 1, 174.

¹⁶⁵ К. Маркс — Ф. Энгельсу, 31 марта 1851 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 205—206. В последних словах Маркс имеет в виду клеветнические заявления, распространявшиеся по его адресу фракцией Виллиха — Шаппера, отколовшейся от Союза коммунистов.— 1, 175.

¹⁶⁶ Цитируется «Беглый очерк беспокойной жизни» Женни Маркс (см. настоящее издание, ч. 1, с. 92—93).— 1, 175.

¹⁶⁷ К. Маркс — Ф. Энгельсу, 8 сентября 1852 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 106.— 1, 175.

- ¹⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 370.— 1, 176.
- ¹⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 371.— 1, 176.
- ¹⁷⁰ На улице Графтон-террас, Мейтленд-Парк, Хаверсток хилл, 9, Маркс жил с октября 1856 по конец марта 1864 г.— 1, 176, 195, 277, 281, 288; 2, 219.
- ¹⁷¹ К. Маркс — Ф. Энгельсу, 8 июля 1857 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 118—119.— 1, 176.
- ¹⁷² Имеется в виду письмо Маркса Энгельсу от 24 января 1863 г. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 256—258).— 1, 177.
- ¹⁷³ Женни Маркс — Адольфу Клуссу, 28 октября 1852 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 543—544.— 1, 178.
- ¹⁷⁴ К. Маркс — Женни Лонге, 7 декабря 1881 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 199.— 1, 179.
- ¹⁷⁵ К. Маркс — Женни Лонге, 7 декабря 1881 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 199.— 1, 179.
- ¹⁷⁶ К. Маркс — Женни Лонге, 17 декабря 1881 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 204.— 1, 180.
- ¹⁷⁷ К. Маркс — Женни Лонге, 29 апреля 1881 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 153—154.— 1, 180.
- ¹⁷⁸ К. Маркс — Женни Лонге, 6 июня 1881 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 160.— 1, 180.
- ¹⁷⁹ К. Маркс — Женни Лонге, 17 декабря 1881 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 205.— 1, 180.
- ¹⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 352.— 1, 181.
- ¹⁸¹ Воспоминания Э. Эвелинга написаны вскоре после смерти Ф. Энгельса для издававшегося в Лондоне журнала христианско-социалистического направления «The Labour Prophet». На русском языке впервые опубликованы в книге: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956.— 1, 182.
- ¹⁸² Френология — созданное в начале XIX в. австрийским врачом Ф. Галлем вульгарно-материалистическое учение о локализации отдельных психических способностей в отдельных участках мозга, якобы различаемых путем непосредственного ощупывания человеческого черепа. В XIX в. френология пользовалась значительной популярностью в Западной Европе. Успехи физиологии показали несостоятельность этого учения.— 1, 184, 199, 206.
- ¹⁸³ Рабочая партия Франции была создана в октябре 1879 г. на социалистическом рабочем съезде в Марселе. Маркс и Энгельс принимали участие в выработке в 1880 г. программы партии. В сентябре

1882 г. партия раскололась на две части — марксистскую во главе с Жюлем Гедом и Полем Лафаргом (гедисты), сохранившую прежнее название, и оппортунистическую во главе с Полем Бруссом и Бенуа Малоном (поссибилисты).— 1, 185.

¹⁸⁴ Демонстрации в день 1 мая с требованием установления восьмичасового рабочего дня впервые проводились в 1890 г. на основании решения Международного социалистического рабочего конгресса, состоявшегося в 1889 г. в Париже и положившего начало Второму Интернационалу. С тех пор 1 Мая стало традиционным праздником международной пролетарской солидарности. В Англии в 90-е гг. демонстрации проводились, как правило, в первое воскресенье мая, и в Лондоне на них присутствовали представители социалистических партий и революционных организаций некоторых европейских стран. В первой половине 90-х гг. в демонстрациях в Лондоне участвовал Энгельс.— 1, 185, 330, 336, 366.

¹⁸⁵ *Японо-китайская война 1894—1895 гг.* была развязана Японией в целях утверждения своего контроля над Кореей и проникновения в Китай. Китайские армия и флот терпели в войне непрерывные поражения вследствие технико-экономической отсталости феодального Китая. По Симонсекскому договору Китай признал независимость Кореи, т. е. фактически ее захват Японией, уступал Японии ряд островов и уплачивал контрибуцию.

Оценку войны Энгельс дал в письмах Лауре Лафарг от второй половины сентября 1894 г., Карлу Каутскому от 23 сентября 1894 г. и Фридриху Зорге от 10 ноября 1894 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 250, 252, 259).— 1, 189.

¹⁸⁶ *Независимая рабочая партия* была основана на конференции в Брадфорде в январе 1893 г. В нее вошли члены ряда новых и старых тред-юнионов, представители интеллигенции и мелкой буржуазии, находившиеся под влиянием фабианцев. Во главе партии стоял Кейр Гарди. Программа партии включала требования коллективного владения средствами производства, распределения и обмена, установления восьмичасового рабочего дня, запрещения детского труда, введения социального страхования и пособия по безработице и др. Энгельс надеялся, что партии удастся стать подлинно массовой рабочей партией. Но ее руководство с самого начала заняло реформистские позиции, уделяя основное внимание парламентским формам борьбы и сотрудничая с либералами. В 1900 г. вошла в состав лейбористской партии.— 1, 189, 355, 366.

¹⁸⁷ *Рабочая церковь* — религиозное движение, возникшее в Англии в 1891 г. и получившее распространение также в США, Канаде и некоторых других странах. Его сторонники пытались соединить рабочее движение с религией, решить с ее помощью не только нравственные, но и социальные вопросы. Оно существовало до 1907 г. Журнал «The Labour Prophet» был органом сторонников этого движения.— 1, 191.

¹⁸⁸ *Хайгет* — кладбище в Лондоне, на котором похоронен Маркс. В Уокинге, близ Лондона, находится крематорий, где было предано кремации тело Энгельса; прах, согласно его воле, был опущен в море вблизи Истборна.— 1, 192, 301, 316, 368, 380.

¹⁸⁹ Данные воспоминания были впервые напечатаны в книге: *Liebknecht W. Karl Marx zum Gedächtnis. Ein Lebensabriß und Erinnerungen.* Nürnberg, 1896 (*Либкнехт В. Памяти Карла Маркса. Очерк жизни и воспоминания.* Нюрнберг, 1896). Книга состоит из введения, краткой биографии Маркса и воспоминаний. В настоящем издании биография опущена, а воспоминания даются с незначительными сокращениями. На русском языке впервые опубликованы в журнале «Научное обозрение», С.-Петербург, 1899, № 5, 6 и 7.— 1, 194.

¹⁹⁰ А. Бебель, В. Либкнехт и А. Гепнер были арестованы 17 декабря 1870 г. по обвинению «в подготовительных действиях к государственной измене» за выступления в северогерманском рейхстаге в ноябре 1870 г. против военных кредитов и за быстреее заключение мира без аннексий с Французской Республикой. Бебель и Либкнехт были приговорены к двум годам заключения в крепости. Гепнер был оправдан.

В начале июля 1872 г. Бебель был привлечен к новому судебному процессу «за оскорбление величества» и был приговорен дополнительно к 9 месяцам тюрьмы.— 1, 196, 213; 2, 233.

¹⁹¹ Далее в книге В. Либкнехта дана краткая биография К. Маркса, которая в настоящем издании опускается.— 1, 198.

¹⁹² *Проходное свидетельство (Zwangspaß, или feuille de route)* — документ, выдававшийся высылаемым по политическим причинам с точным перечислением пунктов следования для соответствующих отметок полицейскими органами.— 1, 199, 346.

¹⁹³ Имеется в виду отряд народного ополчения, которым во время баденско-пфальцкого восстания 1849 г. (см. примечание 67) командовал Иоганн Филипп Беккер. Либкнехт находился в этом отряде в качестве волонтера.— 1, 200, 296.

¹⁹⁴ Имеется в виду провалившаяся попытка вооруженной демонстрации, предпринятая 6 июня 1849 г. радикальным крылом мелкобуржуазных демократов-республиканцев во главе с Г. Струве против капитулянтской политики правительства Л. Брентано и усиления в нем правых элементов.— 1, 201.

¹⁹⁵ Сатирическое стихотворение Ф. Фрейлиграта «Иосифу Вейдемейеру. Стихотворное послание I», направленное против Г. Кинкеля и других мелкобуржуазных демократов, было написано в январе 1852 г. Маркс содействовал его созданию и публикации в издававшемся И. Вейдемейером в Нью-Йорке журнале «Revolution», где оно было напечатано в июне 1852 г. Впервые это стихотворение было опубликовано в марте 1852 г. газетой «Morgenblatt für gebildete Leser» в Штутгарте.— 1, 204.

¹⁹⁶ Либкнехт сравнивал политическую поэзию Фрейлиграта с поэзией древнегреческого поэта Тиртея, воспевавшего военные подвиги спартанцев.— 1, 204.

¹⁹⁷ Об этом эпизоде рассказывает также Франциска Кугельман (см. настоящее издание, ч. 2, с. 176).— 1, 207.

¹⁹⁸ Имеется в виду книга: *Diez Friedrich. Grammatik der romanischen Sprachen.* Bonn, 1836—1844. Th. 1—3 (*Диц Фридрих. Грамматика романских языков.* Бонн, 1836—1844, ч. 1—3).— 1, 208.

¹⁹⁹ Речь идет о «Критике Готской программы» — критических замечаниях Маркса на проект программы Социалистической рабочей партии Германии, предложенный Готскому съезду (1875 г.), на котором произошло объединение Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцы) со Всеобщим германским рабочим союзом (лассальянцы) (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 19, с. 9—32). Несмотря на обоснованную и теоретически глубокую критику Маркса, при утверждении съездом окончательного текста программы большая часть замечаний не была принята во внимание.— 1, 212, 265; 2, 216.

²⁰⁰ В 1891 г. на съезде Социал-демократической партии Германии в Эрфурте была принята новая, в основном марксистская программа партии, свободная от недостатков Готской программы.— 1, 212.

²⁰¹ Имеется в виду эмигрировавший в США участник баденско-пфальцкого восстания 1849 г. (см. примечание 67) Карл Фридрих Бауэр; с 1885 г. он издавал газету «*Milwaukee Herald*».— 1, 216.

²⁰² *Серная банда* — первоначально название студенческого объединения в Йенском университете в 70-х гг. XVIII в., пользовавшегося дурной славой из-за дебошей, учинявшихся его членами; впоследствии выражение «серная банда» стало нарицательным для обозначения всякой дурной компании. Под этим шуточным названием был известен в 1849—1850 гг. в Женеве кружок немецких эмигрантов. В 1859 г. в своей клеветнической брошюре «Мой процесс против «*Allgemeine Zeitung*»» мелкобуржуазный демократ К. Фогт именовал так Маркса и его единомышленников.— 1, 219, 296.

²⁰³ Речь идет о работах К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 7, с. 5—110 и т. 8, с. 115—217).— 1, 221.

²⁰⁴ Имеется в виду вышедший в Лондоне в 1852 г. памфлет Виктора Гюго «Наполеон Малый».— 1, 221.

²⁰⁵ Имеется в виду организованное чартистами Фростом, Басси и Тейлором и окончившееся поражением восстание в Северной Англии, Йоркшире и Уэльсе в 1839 г.— 1, 229.

²⁰⁶ Борьба за законодательное ограничение рабочего дня десятью часами, развернувшаяся в Англии с начала 30-х гг. XIX в., охватила широкие массы пролетариата. Представители земельной аристократии стремились использовать этот лозунг в борьбе против промышленной буржуазии и выступали в парламенте в защиту билля о десятичасовом рабочем дне. Особенно активную роль играл лорд Эшли.

Закон о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят парламентом 8 июня 1847 г.— 1, 235.

²⁰⁷ Речь идет о так называемом «пивном билле» и «билле о запрещении воскресной торговли», которые обсуждались в палате общин в июне 1855 г. Эти законодательные мероприятия вызвали недовольство широких масс населения. 17 июня и 1 июля 1855 г. в Лондоне состоялись массовые демонстрации, на которых присутствовали Маркс и его друзья. Описание этих событий Маркс дал в статьях «Антицерковное движение. — Демонстрация в Гайд-парке» и «Волнения в связи с биллем о более строгом соблюдении воскресного дня» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11, с. 338—343 и 358—362).— 1, 240.

²⁰⁸ Либкнехт здесь ошибается: плохое состояние здоровья не позволило Марксу присутствовать на похоронах его жены.— 1, 244.

²⁰⁹ Намек на комедию «Le quart d'heure de Rabelais» («Четверть часа Рабле»), которая шла в Париже во время французской революции XVIII в. Слова «Четверть часа Рабле» стали во Франции нарицательными, означают неприятный момент, когда приходится платить свои долги.— 1, 246.

²¹⁰ Во время борьбы за избирательную реформу 1832 г. в Англии герцог А. Веллингтон, занимавший пост лорда казначейства, принадлежал к числу ярых противников реформы и выступал против нее в парламенте. В связи с этим он несколько раз подвергался нападению участников демонстрации в защиту реформы.— 1, 247.

²¹¹ «Безумный год» — так некоторые немецкие реакционные литераторы и историки называли революционный 1848 г.— 1, 253.

²¹² Вероятно, имеется в виду повесть У. Теккерея «В благородном семействе» («A Shabby-Genteel story»).— 1, 253.

²¹³ Главы «Табак», «После Лондонского периода своей жизни» и «Могила Маркса» по недосмотру типографии не вошли в первое издание книги Либкнехта и были помещены в качестве приложений во втором ее издании, вышедшем через три месяца после первого. В настоящем издании они печатаются в предусмотренном автором месте.— 1, 255.

²¹⁴ См. настоящее издание, ч. 1, с. 300.— 1, 258.

²¹⁵ Имеется в виду отмена в 1890 г. закона против социалистов (см. примечание 150).— 1, 260.

²¹⁶ Либкнехт ошибся, Лассаль не был членом Союза коммунистов.— 1, 260.

²¹⁷ В начале мая 1859 г. Лассаль издал анонимную брошюру «Итальянская война и задача Пруссии. Голос из среды демократии», в которой отстаивал прусско-бонапартистскую позицию нейтралитета германских государств в итальянской войне 1859 г. (см. примечание 76), по существу оправдывая «освободительную» политику Наполеона III и ратуя за поражение Австрии, которым хотела воспользоваться Пруссия для объединения Германии под своей эгидой.— 1, 260.

²¹⁸ *Всеобщий германский рабочий союз* (лассальянцы), созданный в 1863 г., был общегерманской политической организацией рабочего класса, но находился под влиянием оппортунистических воззрений Лассалья и его последователей, которые стремились направить рабочее движение на реформистский путь, выступали против стачечной борьбы и организации профсоюзов, поддерживали проводившуюся Бисмарком политику объединения Германии сверху и пытались войти в соглашение с ним.— 1, 261, 331; 2, 233.

²¹⁹ Весной 1864 г. прусский король принял рабочую делегацию из Силезии, имевшую целью привлечь внимание к тяжелому положению ткачей. Она получила финансовую помощь для создания производственного товарищества, просуществовавшего лишь короткое время. Лассальянцы использовали эти действия прусского правительства как доказательство его дружеского расположения к рабочим.— 1, 261.

²²⁰ Вероятно, Либкнехт имеет в виду действия австрийского военного командования в период войн первой коалиции европейских феодально-абсолютистских государств против революционной Франции (1792—1797).— 1, 262.

²²¹ *Нюрнбергская воронка* (der Nürnberger Trichter) — средство к быстрейшему достижению цели, без всяких усилий.— 1, 262.

²²² Речь идет о рукописи брошюры о последних днях Ф. Лассалья, которую В. Либкнехт согласился написать по просьбе графини С. Гатцфельдт.— 1, 263.

²²³ В предисловии к первому изданию I тома «Капитала» Маркс писал: «Ф. Лассаль все общие теоретические положения своих экономических работ, например об историческом характере капитала, о связи между производственными отношениями и способом производства и т. д., заимствует из моих сочинений почти буквально вплоть до созданной мной терминологии, и притом без указания источника... это объясняется, конечно, соображениями пропаганды» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 5—6).— 1, 263.

²²⁴ Эту мысль Маркс высказал в «Первом воззвании Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 1—5).— 1, 263.

²²⁵ В сражении при Седане 1 сентября 1870 г. французская армия была разбита прусскими войсками, что предрешило победу Пруссии.— 1, 264.

²²⁶ Имеются в виду выпущенный 5 сентября 1870 г. Комитетом Социал-демократической рабочей партии Германии манифест «Ко всем немецким рабочим» и «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 1—6).— 1, 264.

²²⁷ В. Либкнехт говорит о выступлении в северогерманском рейхстаге 26 ноября 1870 г. при обсуждении вопроса о предоставлении кредитов для ведения войны с Францией, когда он и А. Бебель потребовали отказа от кредитов и быстрого заключения мира без аннексий с Французской Республикой (см. также примечание 190).— 1, 264.

²²⁸ См. настоящее издание, ч. 1, с. 302—316.— 1, 265.

²²⁹ О пребывании Маркса в Карлсбаде см. настоящее издание, ч. 2, с. 191—194, 208—209.— 1, 267.

²³⁰ Акт о жилищах (Lodging House Act) был принят английским парламентом в 1851 г. по инициативе лорда Шефтсбери. Он предусматривал улучшение жилищных условий для бедных, контроль за помещениями, сдаваемыми внаем.— 1, 276.

²³¹ *Хлебные пошлины* взимались в Англии на основании так называемых хлебных законов, направленных на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене.— 1, 276.

²³² Стихотворение английского поэта Томаса Гуда «Песнь о рубашке» было напечатано в начале 1844 г. Энгельс упоминает о нем в работе «Положение рабочего класса в Англии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 2, с. 435).— 1, 276.

²³³ Здесь и ниже цитируются «Беглые заметки беспокойной жизни» Женни Маркс. См. настоящее издание, ч. 1, с. 91, 92—93.— 1, 279.

²³⁴ См. настоящее издание, ч. 1, с. 116—121.— 1, 280.

²³⁵ Имеется в виду Международный социалистический конгресс, проходивший в Лондоне с 27 июля по 1 августа 1896 г.— 1, 286.

²³⁶ Данная статья, которая печатается с небольшими сокращениями, была написана В. Либкнехтом как некролог на смерть Элеоноры Маркс-Эвелинг. На русском языке впервые опубликована в 1983 г. во втором издании «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе».— 1, 287.

²³⁷ В 1866—1867 гг. Г. Флуранс участвовал в восстании, поднятом греческим населением острова Крит против турецкого феодального и национального гнета. Восстание проходило под лозунгом объединения Крита с Грецией; в 1869 г. оно потерпело поражение.— 1, 289.

²³⁸ Имеются в виду события франко-прусской войны 1870—1871 гг., в ходе которой части французской армии были окружены в районе Меца и разгромлены в сражении при Седане (см. примечание 225). 4 сентября 1870 г. в Париже была провозглашена республика. Прусские войска продолжали наступление и 19 сентября 1870 г. осадили Париж.— 1, 290.

²³⁹ С 21 по 28 мая 1871 г. контрреволюционными войсками правительства Тьера были казнены около 30 тыс. участников Парижской коммуны.— 1, 290.

²⁴⁰ После выступления А. Бебеля и В. Либкнехта осенью 1870 г. в рейхстаге Северогерманского союза против военных кредитов (см. примечание 227) резко обострились отношения между Социал-демократической рабочей партией (эйзенахцами) и возглавлявшимся Швейцером Всеобщим германским рабочим союзом (лассальянцами), который поддерживал правительство. Это привело к открытым столкновениям, особенно в Саксонии, в частности в Лейпциге. После одного из собраний лассальянцы, оказавшись в меньшинстве, забросали камнями окна квартиры Либкнехта, причем едва не попали в голову его маленькому сыну Теодору.— 1, 292.

²⁴¹ Настоящая статья была написана В. Либкнехтом для газеты «Süd-Deutscher Postillon» в связи со смертью Энгельса.— 1, 295.

²⁴² Имеется в виду брошюра К. Каутского: Friedrich Engels. Sein Leben, sein Wirken, seine Schriften. Berlin, 1895 (Фридрих Энгельс. Его жизнь, его деятельность, его труды. Берлин, 1895).— 1, 295.

²⁴³ В 1849—1850 гг. В. Либкнехт находился в эмиграции в Швейцарии, где вступил в Женевское немецкое рабочее общество и вскоре был избран его президентом. По инициативе Либкнехта было решено созвать съезд для объединения всех немецких рабочих обществ в Швейцарии. Он был назначен на февраль 1850 г. в Муртене (кантон Фрейбург). Однако власти запретили проведение съезда, Либкнехт и другие делегаты были арестованы и высланы из страны. См. об этом также в работе Маркса «Господин Фогт» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 423—426).— 1, 297.

²⁴⁴ На состоявшемся 21—27 октября 1894 г. во Франкфурте-на-Майне съезде Социал-демократической рабочей партии Германии содокладчик по основному пункту повестки дня — аграрному вопросу — лидер баварских социал-демократов оппортунист Г. Фольмар потребовал включения в разрабатываемую аграрную программу пунктов, отражающих интересы не только трудящегося крестьянства, но и зажиточных слоев сельской буржуазии. Вокруг этого требования на съезде и после него велась ожесточенная дискуссия. В ноябре 1894 г. Энгельс выступил в «Die Neue Zeit» со статьей «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 501—525), содержащей важнейшие марксистские программные положения по аграрному вопросу и резкую критику оппортунистических взглядов Фольмара.

Выступление Энгельса оказало решающее влияние на дальнейший ход дискуссии и на решения очередного съезда партии в Бреслау (октябрь 1895 г.), где предложения оппортунистов были отвергнуты.— 1, 301.

²⁴⁵ Данные воспоминания написаны для альманаха «Illustrierter Neue Welt-Kalender für das Jahr 1897». На русском языке впервые опубликованы с сокращениями в книге: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 135—146.— 1, 302.

²⁴⁶ См. настоящее издание, ч. 1, с. 70—82.— 1, 302.

²⁴⁷ См. настоящее издание, ч. 1, с. 295—301.— 1, 302.

²⁴⁸ О баденском восстании см. примечание 67. Под саксонской «революцией» имеется в виду вооруженное восстание рабочих, ремесленников, студентов и других демократически настроенных жителей Дрездена 3—8 мая 1849 г. в связи с отказом короля Саксонии признать имперскую конституцию. Восстание было подавлено правительственными войсками с помощью прусских воинских частей.— 1, 303.

²⁴⁹ Энгельс систематически освещал ход революционной войны Венгрии против австрийской монархии на страницах «*Neue Rheinische Zeitung*» в январе — мае 1849 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 175—186, 324—329, 409—412, 550—560; т. 43, с. 98—423).— 1, 303.

²⁵⁰ Речь идет о безуспешных попытках испанского правительства подавить общенародное национально-освободительное восстание, вспыхнувшее в феврале 1895 г. на о-ве Куба, который был в то время колонией Испании. Силам национально-освободительной армии Кубы удалось к 1898 г. фактически ликвидировать испанское господство, но в апреле 1898 г. в борьбу вмешались США и, по существу, оккупировали остров.— 1, 304.

²⁵¹ В битве при Вальми 20 сентября 1792 г., после победы французских революционных войск над австро-прусской интервенционистской армией и отрядами французских дворян-эмигрантов, Гёте, который был свидетелем битвы, сказал своему спутнику: «Здесь и отныне началась новая эпоха всемирной истории, и вы вправе говорить, что присутствовали при ее рождении» (*Гёте И. В.* Кампания во Франции 1792 г.).— 1, 304.

²⁵² *Центральный комитет демократов Германии* был создан в июне 1848 г. на первом демократическом конгрессе во Франкфурте-на-Майне, созванном в целях объединения всех демократических союзов Германии.— 1, 305.

²⁵³ Здесь и далее Либкнехт цитирует работу Энгельса «Кампания за имперскую конституцию» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 152—154, 157, 192—194, 207).— 1, 307.

²⁵⁴ Энгельс опубликовал в газете «*Bote für Stadt und Land*» (№ 110 от 3 июня 1849 г.), официальном органе пфальцкого временного правительства, статью «Революционное восстание в Пфальце и Бадене» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 568—570).— 1, 308.

²⁵⁵ 14 июня 1848 г. после безуспешных попыток добиться от правительства Кампгаузена — Ганземана выдачи оружия народу рабочие и ремесленники Берлина штурмом захватили цейхгауз. Однако подоспевшим воинским подкреплениям совместно с отрядами буржуазного гражданского ополчения быстро удалось отеснить и разоружить восставших.— 1, 308.

²⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 166—168.— 1, 308.

²⁵⁷ Кёльнский Рабочий союз был основан членами Союза коммунистов 13 апреля 1848 г. Молль был председателем Союза с 6 июля по сентябрь 1848 г., когда под угрозой ареста был вынужден эмигрировать. В октябре 1848 г. председателем Союза был избран Маркс, а с февраля 1849 г. — Шаппер. После победы контрреволюции в Германии в 1849 г. Союз, утратив свой политический характер, превратился в обычное рабочее просветительное общество.— 1, 310, 339.

²⁵⁸ Безансонская рабочая рота, известная также под именем Безансонской колонны, — немецкий отряд, организованный Виллихом в Безансоне (Франция) из политических эмигрантов, покинувших Германию после первого баденского восстания (апрель 1848 г.). Большинство в нем составляли рабочие, многие являлись членами Союза коммунистов. Во время кампании за имперскую конституцию (май — июнь 1849 г., см. примечание 67) отряд вошел в состав так называемого корпуса Виллиха.— 1, 310.

²⁵⁹ Возвращаясь из Швейцарии после Цюрихского международного социалистического рабочего конгресса 1893 г., Энгельс с 16 по 28 сентября 1893 г. находился в Берлине. 22 сентября 1893 г. он выступил с речью на торжественном собрании, устроенном в его честь (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 429—430).— 1, 315, 366.

²⁶⁰ Данная статья была напечатана без подписи в выходившей в Берлине еженедельной газете «*Der Sozialdemokrat*» № 13, 15 августа 1895 г. По-видимому, статья принадлежит В. Либкнехту, что подтверждается, в частности, тем, что о его речи, которая в других корреспонденциях излагалась подробно, здесь сообщается лишь одной фразой.— 1, 317.

²⁶¹ Данный отрывок представляет собой раздел третьей части книги А. Бебеля «Из моей жизни». Первая и вторая части этой книги вышли соответственно в 1910 и 1911 гг., третья, оставшаяся незаконченной, была издана уже после смерти автора, в 1914 г.— 1, 321.

²⁶² Редактором центрального органа германской социал-демократии в период исключительного закона против социалистов газеты «*Der Sozialdemokrat*», издававшейся в Цюрихе с конца сентября 1879 г., сначала был Г. Фольмар. Однако ошибки левацкого, а затем открыто оппортунистического характера вызвали необходимость смены редактора, и в начале декабря 1880 г. на этот пост был намечен К. Гирш. Но его кандидатура вызвала возражения внутри руководства партии, и в связи с этим А. Бебель предпринял поездку в Лондон, чтобы выяснить отношение Маркса и Энгельса к вопросу о смене редактора газеты.— 1, 321.

²⁶³ Речь идет о статье «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии», напечатанной в первом номере журнала «*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*» (1879) и принадлежавшей К. Хёхбергу, Э. Бернштейну и К. А. Шрамму. Эта статья

представляла собой фактически программный документ оппортунизма, призывавший к отказу от революционного, пролетарского характера партии. Она вызвала возмущение Маркса и Энгельса, которые подвергли ее резкой критике в письме на имя руководства партии (Маркс К., Энгельс Ф. Циркулярное письмо.— см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 161—175).— 1, 321.

²⁶⁴ В Германии в это время действовал исключительный закон против социалистов (см. примечание 150).— 1, 321.

²⁶⁵ Речь идет о Международном социалистическом рабочем конгрессе, состоявшемся в Цюрихе с 6 по 12 августа 1893 г. Текст выступления Энгельса см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 425—426. В Вене Энгельс был в сентябре 1893 г. Текст его речи см. там же, с. 427—428.— 1, 324, 366.

²⁶⁶ Первый перевод этих воспоминаний на русский язык был опубликован в книге: Карл Маркс. Мыслитель, человек, революционер. М., 1923.— 1, 325.

²⁶⁷ Лесснер в несколько измененном виде цитирует строки из пьесы английского драматурга XVII в. Томаса Отуэя «Спасенная Венеция, или Раскрытый заговор», которые он ошибочно приписывает Р. Бёрнсу.— 1, 329.

²⁶⁸ Первый том «Капитала» на русском языке, вышедший в свет в Петербурге в марте 1872 г., был получен Марксом в апреле того же года.— 1, 332.

²⁶⁹ В июле 1889 г. в Париже состоялся Международный социалистический рабочий конгресс, большинство делегатов которого составляли сторонники научного социализма. Конгресс положил начало Второму Интернационалу.— 1, 335; 2, 66.

²⁷⁰ Воспоминания Ф. Лесснера были впервые напечатаны в 1898 г. в журнале «Deutsche Worte. Politische Zeitschrift für das Deutsche Volk in Österreich». В 1975 г. они были переизданы в книге: Lessner F. Ich brachte das «Kommunistische Manifest» zum Drucker. Berlin, 1975 (Лесснер Ф. Я доставил «Коммунистический Манифест» в типографию. Берлин, 1975). На русском языке отрывки из них были впервые напечатаны в «Историческом журнале», 1938, № 2, а затем в книгах: Воспоминания о Марксе. М., 1940 и Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. В настоящем издании опущены те части воспоминаний, которые не содержат сведений о Марксе и Энгельсе.— 1, 336.

²⁷¹ Далее Лесснер рассказывает о годах своего детства и юношества, о своей жизни в Гамбурге в 1846—1847 гг., о вступлении там в Просветительное рабочее общество и увлечении идеями Вейтлинга, о переезде в Лондон в апреле 1847 г. и своем знакомстве с руководителями Коммунистического просветительного общества немецких рабочих.— 1, 336.

²⁷² Далее Лесснер кратко рассказывает о первом конгрессе Союза коммунистов и подробно останавливается на переговорах лондон-

ского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих с Этьенном Кабе по поводу плана последнего организовать коммунистическую колонию. Проект Кабе был встречен отрицательно.— 1, 337.

²⁷³ Далее Лесснер пишет о чартистском митинге в Лондоне 10 апреля 1848 г., о дискуссиях в Коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих в связи с революционными событиями на Европейском континенте, о своем возвращении в Германию в начале августа 1848 г.— 1, 338.

²⁷⁴ *Демократическое общество* в Кёльне образовалось в апреле 1848 г., в его состав входили представители мелкой буржуазии, рабочие и ремесленники. Маркс принял деятельное участие в руководстве обществом.— 1, 339.

²⁷⁵ Лесснер имеет в виду брошюру «Карл Маркс перед судом прижизненных в Кёльне», вышедшую в Цюрихе в 1885 г. с предисловием Энгельса и содержащую газетный отчет о процессе против Рейнского окружного комитета демократов 8 февраля 1849 г., перепечатанный из «*Neue Rheinische Zeitung*», № 226 и 231—233 от 19, 25, 27 и 28 февраля 1849 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 254—272 и т. 21, с. 206—212).— 1, 340.

²⁷⁶ Цитируется речь Маркса на судебном процессе «*Neue Rheinische Zeitung*» 7 февраля 1849 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 246—247).— 1, 342.

²⁷⁷ Далее Лесснер кратко излагает некоторые факты, характеризующие деятельность членов Союза коммунистов в Германии после поражения революции, и рассказывает о своем переезде в Майнц в июне 1850 г.— 1, 342.

²⁷⁸ *Маркс К.* Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 478.— 1, 344.

²⁷⁹ Далее Лесснер приводит целиком пункт обвинения и рассказывает о своем пребывании в одиночном заключении до суда.— 1, 345.

²⁸⁰ Статьи К. Маркса и Ф. Энгельса об этой войне см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 327—463.— 1, 348.

²⁸¹ Рецензия на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» была написана Ф. Энгельсом (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 489—499).— 1, 348.

²⁸² Далее опускается текст, посвященный истории создания и деятельности Международного Товарищества Рабочих и не содержащий сведений о жизни Маркса и Энгельса.— 1, 349.

²⁸³ Имеется в виду закон, по которому принадлежность к Интернационалу каралась тюремным заключением. Закон был принят Национальным собранием Франции 14 марта 1872 г.— 1, 349.

²⁸⁴ Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», вышедшая в 1873 г. на французском языке. В немецком переводе она называлась «Ein Complot gegen die Internationale Arbeiter-Association» («Заговор против Международного Товарищества Рабочих») — см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 323—452.— 1, 351; 2, 150.

²⁸⁵ Британская федерация Международного Товарищества Рабочих была создана на первом съезде делегатов британских секций, состоявшемся в Ноттингеме 20—22 июля 1872 г. После Гаагского конгресса (см. примечание 78) внутри Федерации обострилась борьба между реформистским и революционным крылом, реформисты откололись от Федерации в начале 1873 г. 1—2 июня 1873 г. в Манчестере состоялся второй съезд Федерации, который призвал к созданию в Англии самостоятельной рабочей политической партии. В 1874 г. Федерация прекратила свое существование.— 1, 351.

²⁸⁶ Далее Лесснер приводит большой отрывок из своих воспоминаний о Марксе (см. настоящее издание, ч. 1, с. 328—334), а затем, кратко охарактеризовав состояние английского рабочего движения в 80 — начале 90-х гг., рассказывает о своем участии в Международном социалистическом рабочем конгрессе в Брюсселе в 1891 г.— 1, 351.

²⁸⁷ Статья Ф. Лесснера была опубликована в «Sächsische Arbeiter-Zeitung» (Дрезден) от 12 сентября 1899 г. со следующим редакционным примечанием: «Старейший ветеран германской социал-демократии, наш старый товарищ по партии Фридрих Лесснер прислал нам письмо, в котором высказывает свое мнение по поводу нападок Бернштейна на основные взгляды и тактику партии. Мы приводим оттуда следующее». Статья перепечатана в книге Лесснера «Ich brachte das «Kommunistische Manifest» zum Drucker». Berlin, 1975, S. 241—251. (Лесснер Ф. Я доставил «Коммунистический Манифест» в типографию. Берлин, 1975). На русском языке впервые опубликована в 1983 г. во втором издании «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе».— 1, 353.

²⁸⁸ Имеется в виду книга: Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899 (Бернштейн Э. Предпосылки социализма и задачи социал-демократии. Штутгарт, 1899), в которой была предпринята попытка ревизовать учение Маркса.— 1, 354.

²⁸⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 431.— 1, 355.

²⁹⁰ Лига реформы была основана в 1865 г. в Лондоне по инициативе и при ближайшем участии Генерального Совета Интернационала в качестве политического центра для руководства массовым движением рабочих за вторую избирательную реформу. Лига выставила требование всеобщего избирательного права для всего взрослого мужского населения страны. Однако английской буржуазии удалось расколоть движение, и в 1867 г. была проведена куца реформа, которая предоставляла избирательные права только мелкой буржуазии и верхушке рабочего класса.— 1, 355.

²⁹¹ *Демократическая федерация* — объединение различных радикальных обществ Великобритании полубуржуазного, полупролетарского характера; была создана 8 июня 1881 г. под руководством Г. М. Гайндмана. В августе 1884 г. была преобразована в Социал-демократическую федерацию, которая приняла социалистическую программу. Реформистское руководство Федерации проводило оппортунистическую и сектантскую политику.

Социалистическая лига была основана в декабре 1884 г. группой социалистов (Элеонора Маркс-Эвелинг, Эдуард Эвелинг, Эрнест Белфорт Бакс, Уильям Моррис и др.), вышедших из Социал-демократической федерации вследствие недовольства оппортунистической линией ее руководства. Впоследствии в составе Лиги взяли верх анархистские элементы, и к 1889 г. она распалась.

Блумсберийское социалистическое общество (Блумсбери — район Лондона), ядром которого явилось местное отделение Социалистической лиги, оформилось как самостоятельная организация в августе 1888 г., после разрыва с Лигой. Во главе общества стояли Э. Маркс-Эвелинг и Эд. Эвелинг, в него входил также Ф. Лесснер. — 1, 355, 366; 2, 215.

²⁹² *Фабианцы, Фабианское общество* — английская реформистская организация, основанная представителями буржуазной интеллигенции в 1884 г. Свое название Общество получило по имени римского полководца III в. до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику в войне с карфагенским полководцем Ганнибалом. Фабианцы выступали против учения Маркса о классовой борьбе пролетариата и социалистической революции и утверждали, будто возможен переход от капитализма к социализму путем мелких реформ, постепенных преобразований общества при помощи так называемого «муниципального социализма». Фабианское общество играло роль одного из проводников буржуазного влияния на рабочий класс. — 1, 356.

²⁹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 11. — 1, 357.

²⁹⁴ Воспоминания Ф. Лесснера были им написаны в 1902 г. для выходявшего в Дрездене социал-демократического двухнедельного журнала «Die Hütte. Organ für das Volk und seine Jugend». В сокращенном английском переводе вошли в книгу: Lessner F. Sixty years in the social-democratic movement. London, 1907 (Лесснер Ф. Шестьдесят лет в социал-демократическом движении. Лондон, 1907). На русском языке впервые опубликованы с сокращениями в «Историческом журнале», 1940, № 10. — 1, 358.

²⁹⁵ Лесснер цитирует здесь воспоминания Дж. Гарни. Цитируемый им текст несколько отличается от текста, публикуемого в настоящем издании, ч. 2, с. 133—134. — 1, 360.

²⁹⁶ Имеется в виду прусская контрреволюция: черный и белый — цвета государственного флага Пруссии. — 1, 361.

²⁹⁷ См. настоящее издание, ч. 1, с. 117—118. — 1, 362.

²⁹⁸ Здесь допущена неточность: Энгельс был избран членом Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих 4 октября 1870 г., в 1871 г. он был секретарем-корреспондентом Совета для Бельгии, а затем для Италии, Испании, Португалии и Дании.— 1, 364.

²⁹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 387.— 1, 365.

³⁰⁰ Новые тред-юнионы в Англии возникли в конце 80-х гг. XIX в. в условиях подъема стачечной борьбы. В отличие от старых тред-юнионов они объединяли в первую очередь неквалифицированных рабочих, ранее не охваченных профсоюзным движением, и строились, как правило, по производственному признаку. Энгельс и близкие к нему английские социалисты придавали большое значение этому движению. Среди членов новых тред-юнионов велась активная социалистическая пропаганда.— 1, 365.

³⁰¹ Данный отрывок представляет собой извлечение из «Воспоминаний участника революции 1848 года», написанных Ф. А. Зорге для журнала «Die Neue Zeit» и опубликованных в этом журнале в 1899 г. (XVII. Jahrgang, II. Band, N 31, 32, 34, 35, 36, 38, 39, 41). На русском языке впервые опубликован с незначительными сокращениями в книге: Воспоминания о Марксе. М., 1940.— 1, 369.

³⁰² Гимнастические союзы — оппозиционное движение немецкой интеллигенции после освобождения Германии от наполеоновского ига. Многие члены студенческих гимнастических обществ, возникших еще в период освободительной борьбы против Наполеона, после Венского конгресса (1815 г.) выступали против реакционного строя в немецких государствах, выдвигали требования объединения Германии. Члены этих союзов принимали участие и в революции 1848—1849 гг. в Германии.— 1, 370.

³⁰³ Данная статья написана Ф. А. Зорге для журнала «Die Neue Zeit» к двадцатой годовщине со дня смерти Маркса. На русском языке впервые опубликована с незначительными сокращениями в книге: Воспоминания о Марксе. М., 1940.— 1, 372.

³⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 382.— 1, 372.

³⁰⁵ Ниже цитируется письмо И. Вейдемейера, А. Клусса и А. Якоби в редакцию газеты «Belletristisches Journal und New-Yorker Criminal-Zeitung», опубликованное 25 ноября 1853 г. Письмо было написано в ответ на клеветническое выступление в этой газете А. Виллиха по поводу работы К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».— 1, 373.

³⁰⁶ Исследованиями последнего времени доказано, что Маркс не мог принимать участие в покупке оружия для рабочих. Маркс и его жена были высланы из страны в результате репрессий бельгийского правительства против демократов, в первую очередь против иностранцев, в условиях начавшейся революции.— 1, 373.

³⁰⁷ См. настоящее издание, ч. 2, с. 169.— 1, 374.

³⁰⁸ 10 мая 1851 г. был арестован в Лейпциге П. Нотъюнг, уполномоченный Союза коммунистов, 19 мая последовал арест в Кёльне Г. Беккера и П. Г. Рёзера, а позднее и ряда других активных членов Союза коммунистов. См. также примечание 75.— 1, 374.

³⁰⁹ Имеется в виду изданный в Кёльне в 1851 г. первый и единственный выпуск Собрания сочинений К. Маркса (*Gesammelte Aufsätze von Karl Marx, herausgegeben von Hermann Becker. I. Heft. Köln, 1851*).— 1, 374.

³¹⁰ В связи с прекращением выхода «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» весной 1851 г. возник план издания журнала «*Neue Zeitschrift*». Выпуск журнала был намечен на июль 1851 г. Однако вследствие отсутствия необходимых средств и ареста Г. Беккера издание осталось неосуществленным.— 1, 374.

³¹¹ Речь идет о переговорах, которые вел Маркс осенью 1851 г. с франкфуртским издателем Лёвенталем относительно издания своего труда по политической экономии, над которым он в то время работал.— 1, 375.

³¹² Из лекций, которые Маркс читал в разное время для рабочих, сохранились серия статей «Наемный труд и капитал», рукопись «Заработная плата» и наброски «О разделении труда» и «О земельной ренте» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 428—459, 579—602; т. 44, с. 324—325; т. 50, с. 361—364*).— 1, 375.

³¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 366*.— 1, 376.

³¹⁴ Настоящая статья написана в 1905 г. в связи с 10-летием со дня смерти Энгельса для журнала «*Die Neue Zeit*». На русском языке впервые опубликована в книге: *Меринг Ф. и Лафарг П. Фридрих Энгельс. Одесса, 1905*.— 1, 377.

³¹⁵ Первая кратковременная встреча Энгельса с Марксом произошла в ноябре 1842 г. в Кёльне; вторая, которая продолжалась десять дней и положила начало их дружбе и тесному сотрудничеству,— в конце августа — начале сентября 1844 г. в Париже.— 1, 377.

³¹⁶ Речь идет об «*Анти-Дюринге*» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20*).— 1, 378.

³¹⁷ Здесь Меринг, как и в ряде других своих работ, переоценивает роль Лассалья как теоретика и деятеля рабочего движения, ставя его в один ряд с Марксом и Энгельсом. Хотя Лассаль имел определенные заслуги перед германским рабочим движением и одно время называл себя учеником Маркса, его теоретические взгляды были далеки от марксизма, а в своей практической деятельности он стоял на реформистских позициях.— 1, 378.

³¹⁸ Меринг излагает своими словами абзац из письма Энгельса к нему от 14 июля 1893 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 82*).— 1, 378.

³¹⁹ Меринг цитирует письмо Энгельса к нему от 14 июля 1893 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 82).— 1, 379.

³²⁰ Воспоминания П. В. Анненкова, часть которых печатается в настоящем издании, являются единственными из воспоминаний русских современников о К. Марксе, которые были опубликованы при его жизни и прочитаны им. Среди русских книг, переданных Энгельсом Лаврову после смерти Маркса, был обнаружен том «Вестника Европы» за 1880 г., где было опубликовано «Замечательное десятилетие» Анненкова. В тексте и на полях глав XXV—XXXI имелись подчеркивания и пометки Маркса. Некоторые пометки Маркса см. в подстрочных примечаниях. Отрывок из воспоминаний Анненкова был напечатан в журнале «Die Neue Zeit», 1883, № 5 под заглавием «Eine russische Stimme über Karl Marx» («Голос русского о Карле Марксе»).— 2, 4.

³²¹ Рекомендательное письмо Г. М. Толстого Марксу относительно Анненкова см. сборник: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 127. Первая встреча П. В. Анненкова с Марксом состоялась, по-видимому, 29 марта 1846 г. в Брюсселе.— 2, 4.

³²² Имеется в виду заседание Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 30 марта 1846 г., на котором Маркс и Энгельс в своих выступлениях подвергли критическому анализу идеи «истинного социализма» и грубо уравнительного коммунизма В. Вейтлинга. Речи Маркса и Энгельса, которые цитирует и излагает ниже Анненков, не сохранились. Об этом заседании Энгельс упоминает в письме А. Бебелю 25 октября 1888 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 96).— 2, 5.

³²³ Письмо Маркса П. Анненкову 28 декабря 1846 г. см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 401—412. Письмо было написано по-французски, Анненков цитирует его в своем переводе. О книге Прудона см. примечание 149.— 2, 8.

³²⁴ Имеется в виду задуманная Марксом работа «Критика политики и политической экономии», в которой предполагалось дать критику буржуазных отношений с позиций коммунизма. Дошедшие до нас «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42, с. 41—174) являются, по-видимому, первоначальным наброском труда. Сохранились многочисленные конспекты, выписки и заметки, сделанные Марксом в 1845—1846 гг. в связи с изучением работ английских, французских и других экономистов. Однако Марксу не удалось осуществить свой замысел. Договор с издателем Леске на издание двухтомного произведения «Критика политики и политической экономии», подписанный 1 февраля 1845 г., был расторгнут издателем в феврале 1847 г.— 2, 10.

³²⁵ Здесь П. В. Анненков допускает неточность. В письме Маркса к нему от 28 декабря 1846 г. речь шла не о «Капитале», а о книге «Критика политики и политической экономии» (см. предыдущее примечание).— 2, 10.

³²⁶ Данные воспоминания представляют собой изложение беседы с Г. А. Лопатиным корреспондента газеты «Новый день» М. Неведомского, состоявшейся в Доме писателей в Петрограде в связи со столетием со дня рождения К. Маркса (5 мая 1918 г.). Опубликовано в газете «Новый день», 1918, 4 мая (21 апреля), № 34. Введение и некоторые другие вставки от корреспондента в настоящем издании опущены.— 2, 11.

³²⁷ О знакомстве и первых встречах Г. А. Лопатина с Марксом, состоявшихся 3—4 июля 1870 г., см. письма К. Маркса Ф. Энгельсу, 5 июля 1870 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 32, с. 430—432) и Г. А. Лопатина П. Л. Лаврову, 6 июля 1870 г. (см. сборник: *Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе.* М., 1969, с. 129—130).— 2, 11.

³²⁸ Авторизованное французское издание первого тома «Капитала» вышло в 1872—1875 гг. В процессе работы над этим изданием Маркс внес дополнения и изменения почти во все разделы своего труда (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 49, с. 165—230).— 2, 13.

³²⁹ В конце 1870 г. Г. А. Лопатин отправился из Лондона в Россию для организации побега Н. Г. Чернышевского из Сибири, где в феврале 1871 г. был арестован. 10 июня 1873 г. после двух неудачных попыток ему удалось бежать из тюремного заключения в Иркутске. В августе того же года Лопатин прибыл в Париж.— 2, 14, 17.

³³⁰ В предисловии к русскому изданию первого тома «Капитала», вышедшему в Петербурге в 1872 г., ничего не говорится об использовании Н. Ф. Даниельсоном перевода глав «Капитала», сделанного Г. А. Лопатиным.— 2, 14.

³³¹ Имеется в виду письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных Записок» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 19, с. 116—121), написанное им вскоре после появления в названном журнале в октябре 1877 г. статьи идеолога русского народничества Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» (см.: *Отечественные Записки*, № 10, Современное обозрение, с. 320—356), которая содержала ложную трактовку «Капитала». Письмо осталось неотправленным и было найдено Энгельсом в бумагах Маркса уже после его смерти. Энгельс снял с письма несколько копий с целью публикации его в русских изданиях (в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранятся три автографа Энгельса — копии письма Маркса). Одна из копий через Лопатина была отправлена в Петербург, другую вместе с письмом от 6 марта 1884 г. Энгельс послал В. И. Засулич в Женеву. 5 октября 1884 г. Засулич сообщила Энгельсу, что письмо ею переведено и скоро будет напечатано (см. сборник: *К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.* М., 1967, с. 504). Публикация этого перевода до сих пор не обнаружена. Письмо было опубликовано в 1886 г. в № 5 «Вестника Народной воли» (Женева). В русской легальной печати письмо Маркса появилось в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник» в переводе Н. Ф. Даниельсона.— 2, 14, 86.

³³² Очевидно, речь идет о русской публикации писем Маркса и Энгельса Н. Ф. Даниельсону, напечатанной вначале в журнале «Минувшие годы», 1908, № 1 и изданной в том же году в Петербурге отдельной книгой под названием: «Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю — ону». — 2, 15.

³³³ Данный отрывок заимствован из записи беседы С. П. Струминой-Петрашкевич с Г. А. Лопатиным о И. С. Тургеневе. — 2, 16.

³³⁴ Оригинал данной рукописи (заглавие ее Лопатин написал латински: *Suum cuique*) хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Она написана в связи с заметкой о смерти Н. Ф. Даниельсона, опубликованной в газете «Петроградский голос», 4 июля 1918 г., № 121. — 2, 17.

³³⁵ Публикуемый отрывок является частью воспоминаний русского экономиста, сотрудника издававшегося П. Л. Лавровым журнала «Вперед» Д. И. Рихтера, рукопись которых хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. — 2, 20.

³³⁶ Переписку Маркса и Энгельса с Н. Ф. Даниельсоном см. в сборнике: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. — 2, 21.

³³⁷ В качестве одного из побудительных мотивов к написанию воспоминаний о Марксе М. М. Ковалевский указывает во введении к данной статье на неоднократные просьбы семьи Маркса. В воспоминаниях имеется ряд неточностей, отмеченных в примечаниях. — 2, 22.

³³⁸ Знакомство М. М. Ковалевского с Марксом состоялось, видимо, зимой 1875 г. Более частые встречи, о которых упоминает ниже Ковалевский, происходили в период с 15 августа по 11 сентября 1875 г. во время пребывания Маркса на лечении в Карлсбаде (Карловы Вары). О встречах Ковалевского с Марксом в последующие годы и их переписку см. сборник: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. — 2, 22.

³³⁹ М. М. Ковалевский не совсем точно характеризует первую встречу Маркса и Энгельса, состоявшуюся в конце ноября 1842 г., когда по пути в Англию Энгельс посетил в Кёльне редакцию «*Rheinische Zeitung*». В то время Маркс находился в остром конфликте с берлинскими младогегельянцами, так называемыми «свободными», с которыми Энгельс поддерживал связь. Этим объясняется сдержанность первой встречи двух будущих друзей. Энгельс не был шеллингианцем. Напротив, в ряде своих печатных произведений он подверг критике мистическую «философию откровения» позднего Шеллинга. — 2, 23, 41.

³⁴⁰ Здесь спутаны два издания: «*Rheinische Zeitung*», выходившая под редакцией Маркса в 1842—1843 гг. в Кёльне, и журнал «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», издававшийся Марксом и А. Руге в Париже в 1844 г. Данными о сотрудничестве Л. Штейна в этих изданиях редакция не располагает. — 2, 23.

³⁴¹ Маркс был выслан из Парижа французскими властями в апреле 1845 г.; о его высылке оттуда в августе 1849 г. и переезде в Лондон см. настоящее издание, ч. 1, с. 88—90.— 2, 23, 32.

³⁴² Здесь перечисляются следующие работы: *Morgan L. Ancient Society. London, 1877* (*Морган Л. Древнее общество. Лондон, 1877*), *Cárdenas F. Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en España. Madrid, 1873—1875, t. I—II* (*Карденас Ф. Очерк по истории земельной собственности в Испании. Мадрид, 1873—1875, т. I—II*); *Ковалевский М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Часть первая. Москва, 1879*. Эту работу Ковалевский послал Марксу, который внимательно изучал ее, делая при этом подробные выписки о характере общины, о месте и социально-экономической роли ее в разные эпохи и у разных народов. В библиотеке Маркса сохранился экземпляр этой работы с дарственной надписью автора Марксу; *Кареев Н. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879*. Эта книга, также сохранившаяся в библиотеке Маркса (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 380*), была переслана Марксу Ковалевским с согласия ее автора. Конспекты указанных книг Ковалевского и Моргана см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45, с. 153—226 и 227—372.*— 2, 26, 29, 30.

³⁴³ Очевидно, имеется в виду письмо Ч. Дарвина Марксу от 1 октября 1873 г., в котором он благодарит за присланный экземпляр «Капитала».— 2, 27.

³⁴⁴ О знакомстве М. М. Ковалевского с Марксом см. примечание 338. Ковалевский имеет в виду брошюру Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 323—452*) и книгу Энгельса «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 1—338*). Эту книгу Маркс подарил Ковалевскому, видимо, позднее, так как она вышла лишь в 1878 г.— 2, 28.

³⁴⁵ Очевидно, подразумевается статья Н. Н. Зибера «Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале»». (Отечественные Записки, 1877, ноябрь, № 11).— 2, 28.

³⁴⁶ Речь идет о П. Корье, одном из авторов дневника, изданного в 1871 г. в Париже под названием «Histoire de la révolution du 18 mars» («История революции 18 марта»).— 2, 28.

³⁴⁷ «Научным другом» Маркс назвал Ковалевского в письме к Н. Ф. Даниельсону от 19 сентября 1879 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 323*).— 2, 29.

³⁴⁸ Имеется в виду статья И. И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса» (Вестник Европы, 1872, V, т. III). Маркс цитирует эту статью Кауфмана в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 19—21*).— 2, 30.

³⁴⁹ Работа Н. Н. Зиберы «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» вышла в С.-Петербурге в 1885 г. (об этой и других работах Зиберы, с которыми были знакомы Маркс и Энгельс, см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 72—73).— 2, 30.

³⁵⁰ Чупров А. И. Железнодорожное хозяйство. М., 1875—1878, т. I—II. Оба тома этой работы были посланы Марксу Н. Ф. Даниельсоном; значатся под № 68 в составленном Марксом списке «Русское в моей библиотеке» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 375—381). Выписки Маркса из первого тома работы см.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1952, т. XII, с. 164—170; отдельные места из этого тома Маркс цитирует во втором томе «Капитала» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 64).— 2, 30.

³⁵¹ Имеется в виду письмо Маркса М. М. Ковалевскому от апреля 1879 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 286—287). Книга находилась в библиотеке Маркса, а после его кончины оставалась у Энгельса, который считал ее лучшей работой о крестьянах (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 380; Русские книги в библиотеках Маркса и Энгельса. М., 1979, с. 79). См. также настоящее издание, ч. 2, с. 86—88.— 2, 30.

³⁵² Речь идет о составной части рукописи Маркса 1861—1863 гг.— «Теории прибавочной стоимости», представляющей собой черновой набросок IV тома «Капитала» и опубликованной лишь после его смерти (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I—III).— 2, 31, 89.

³⁵³ Цитируемый отрывок из письма Маркса Л. Кугельману от 12 октября 1868 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 472) Ковалевский приводит по книге П. А. Берлина «Карл Маркс и его время», вышедшей в 1908 г. в Москве.— 2, 32, 40.

³⁵⁴ Цитируется (не совсем точно) письмо И. Дицгена Марксу от 24 октября (5 ноября) 1867 г., впервые опубликованное в журнале «Die Neue Zeit», 1901—1902, Bd. II, N 4, S. 126—128. В русском переводе оно приводится в книге П. А. Берлина «Карл Маркс и его время» (см. примечание 352). Письмо Дицгена Марксу положило начало дружбе выдающегося немецкого пролетарского философа-самоучки с основоположником научного коммунизма.— 2, 33.

³⁵⁵ Английское издание первого тома «Капитала» Маркса в переводе С. Мура и Э. Эвелинга под редакцией и с предисловием Энгельса вышло в Лондоне в 1887 г.— 2, 34.

³⁵⁶ Petty W. Political arithmetick.— In: Petty W. Several essays in political arithmetick. London, 1699 (Петти У. Политическая арифметика.— В книге: Петти У. Очерки из области политической арифметики. Лондон, 1699).— 2, 35.

³⁵⁷ George H. Progress and poverty: an Inquiry into the cause of industrial depressions, and of increase of want with increase of wealth. The Remedy. New York, 1880 (Джордж Г. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных депрессий и роста бедности

одновременно с ростом богатства. Меры по устранению бедности. Нью-Йорк, 1880).— 2, 35.

³⁵⁸ Имеется в виду письмо Маркса Зорге от 20 июня 1881 г., опубликованное в журнале «Die Neue Zeit», 1891—1892, Bd. II, N 33 (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 162—165).— 2, 35.

³⁵⁹ Речь идет о заметках Элеоноры Маркс-Эвелинг, написанных в связи с публикацией письма Маркса к отцу от 10 ноября 1837 г. и опубликованных в журнале «Die Neue Zeit», 1897—1898, Bd. I, N 1, S. 4—6. См. настоящее издание, ч. 1, с. 123—124.— 2, 36.

³⁶⁰ В сохранившихся письмах Б. Бауэра Марксу такого высказывания обнаружить не удалось.— 2, 37.

³⁶¹ Ковалевский М. Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV. М., 1876, т. 1, вып. 1. Книга с дарственной надписью автора была в библиотеке Маркса (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 380).— 2, 39.

³⁶² См.: Ф. Энгельс — Ф. А. Зорге, 15 марта 1883 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 386.— 2, 40.

³⁶³ Здесь цитируются неточно воспоминания П. В. Анненкова (см. настоящее издание, ч. 2, с. 5).— 2, 41.

³⁶⁴ «Поездка к Карлу Марксу» является, очевидно, первоначальным вариантом воспоминаний Н. А. Морозова, дошедшим до нас в виде машинописной рукописи с авторской правкой. Рукопись обнаружена в фондах Архива Академии наук СССР. Впервые опубликована в газете «Северный рабочий» 25 декабря 1976 г. Ранее в советской литературе были напечатаны три очерка Морозова о встречах с Марксом. В настоящем издании кроме данной рукописи помещен расширенный вариант воспоминаний автора — «Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов», подготовленный для специального выпуска журнала «Каторга и ссылка», 1933, № 3, посвященного 50-летию со дня кончины К. Маркса (см. настоящее издание, ч. 2, с. 51—58).— 2, 44.

³⁶⁵ Изданная в 1880 г. в Женеве брошюра П. Л. Лаврова «18 марта 1871 года» была послана автором Марксу и Энгельсу. Сохранился экземпляр книги с дарственной надписью автора Энгельсу (см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 99—101).— 2, 46, 52.

³⁶⁶ В настоящее время архив П. Л. Лаврова хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.— 2, 46.

³⁶⁷ См. настоящее издание, ч. 2, с. 44.— 2, 48.

³⁶⁸ Инициатива подготовки второго русского издания «Манифеста Коммунистической партии» принадлежала Г. В. Плеханову, который перевел «Манифест» и написал к этому изданию предисловие (см.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 231—233). По его предложению с просьбой о написании авторского пре-

дисловия обратился к Марксу и Энгельсу П. Лавров, находившийся в близких отношениях с ними (см. сборник: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 457—458). 23 января 1882 г. Маркс и Энгельс направили ему текст предисловия (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 304—305). До выхода отдельного издания цитируемое Н. Морозовым предисловие было опубликовано в газете «Народная воля» 5 февраля 1882 г. Отдельным изданием «Манифест Коммунистической партии» вышел в свет в том же году в Женеве в издании «Русской социально-революционной библиотеки». Два экземпляра этого издания были посланы Лавровым Марксу и Энгельсу. Сохранился экземпляр с дарственной надписью от издателей Энгельсу (см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 112). Плехановский перевод положил начало широкому распространению идей «Манифеста» в России.— 2, 49, 52, 57, 270.

³⁶⁹ Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе, приписываемом М. Бакунину, вышло в Женеве в 1869 г. По-видимому, значительная часть тиража этого издания была конфискована при попытке перевоза через границу.— 2, 49, 52.

³⁷⁰ Маркс и Энгельс имеют в виду обстановку, сложившуюся после убийства народовольцами 1 (13) марта 1881 г. императора Александра II, когда Александр III отсиживался в Гатчине из страха перед возможными новыми террористическими актами тайного Исполнительного комитета «Народной воли».— 2, 50, 52, 58.

³⁷¹ Имеется в виду программа Исполнительного комитета партии «Народная воля» (см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 139).— 2, 53.

³⁷² Полностью данная статья была впервые опубликована на немецком языке в газете «Vorwärts», 1909, 31 марта, № 76, а на русском языке в кн.: Плеханов Г. В. Соч. М., 1927, т. XXIV, с. 174—182.— 2, 59.

³⁷³ *Группа «Освобождение труда»* — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 г. в Женеве. Кроме Плеханова, в нее входили П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов. Группа проделала большую работу по переводу и изданию произведений Маркса и Энгельса и другой социалистической литературы в России; установила контакты с деятелями социалистического движения других стран. Тесные дружеские связи руководители группы поддерживали с Энгельсом. (Переписку деятелей группы «Освобождение труда» с Энгельсом см. в сборнике: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.)

Упомянутая ниже брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» вышла в свет в Женеве в 1883 г. в издании «Библиотеки современного социализма».— 2, 59, 60, 66, 76.

³⁷⁴ На Международном социалистическом рабочем конгрессе 1889 г. (см. примечание 269) Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод представляли группу «Освобождение труда».— 2, 59.

³⁷⁵ Имеется в виду третья статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература», напечатанная в «Volksstaat», NN 117 и 118, 6 и 8 октября 1874 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 18, с. 518—526).— 2, 60.

³⁷⁶ Данный отрывок является частью статьи Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», опубликованной первоначально в журнале «Die Neue Zeit» за 1898 г., № 44. На русском языке статья впервые была напечатана в 1906 г. в сборнике статей Плеханова «Критика наших критиков»; вошла в т. XI Сочинений Г. В. Плеханова и в «Избранные философские произведения» (М., 1956, т. II).— 2, 65.

³⁷⁷ Данный отрывок представляет собой извлечение из воспоминаний П. Б. Аксельрода «Группа «Освобождение труда»», опубликованных в журнале «Летописи марксизма», кн. VI. М., 1928.— 2, 66.

³⁷⁸ Изучением химии Энгельс начал заниматься до начала работы над «Анти-Дюрингом», в связи с подготовкой «Диалектики природы».— 2, 66.

³⁷⁹ Брошюру Г. В. Плеханова «Наши разногласия» Энгельс получил от В. И. Засулич в феврале 1885 г. Свое мнение об этой работе он высказал в ответном письме от 23 апреля 1885 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 36, с. 259—263).— 2, 66.

³⁸⁰ Имеется в виду ряд реакционных мероприятий царского правительства в 80-е гг. XIX в. в области народного образования (ликвидация университетской автономии, закрытие высших женских курсов, фактическое запрещение приема в средние учебные заведения выходцев из низших слоев населения и т. д.).— 2, 67.

³⁸¹ Имеется в виду шовинистическое движение во Франции в 1886—1889 гг., связанное с именем генерала Буланже, который вместе со своими сторонниками развернул демагогическую шовинистическую и реваншистскую агитацию с целью подготовки государственного переворота и восстановления монархии. Достигнув своего апогея на рубеже 1888—1889 гг., движение быстро пошло на убыль, после того как Буланже, уличенный в тайных связях с монархистами, бежал за пределы Франции.— 2, 67.

³⁸² Публикуемые воспоминания Н. С. Русанова о встрече с Энгельсом составляют часть VII главы его книги «В эмиграции», вышедшей в Москве в 1929 г.— 2, 68.

³⁸³ В. Либкнехт пригласил П. Л. Лаврова сотрудничать в газете «Vorwärts» в письме к нему от 21 октября 1890 г. В 1891—1892 гг. на страницах этой газеты было опубликовано около 15 статей Лаврова о политическом положении и революционном движении в России.— 2, 68.

³⁸⁴ Подразумевается передовая статья «Die Hungersnoth in Rußland» («Голод в России»), напечатанная в газете «Vorwärts», 1891, 13 августа, № 187 за подписью Иван Сергеевский.— 2, 69.

³⁸⁵ Речь шла о неосуществившемся проекте объединения группы «Освобождение труда» и «Кружка старых народовольцев», группировавшихся вокруг П. Л. Лаврова, для совместной борьбы против царизма. Переговоры между обеими группами русских революционеров начались на апрель 1892 г. в Лондоне при участии Ф. Энгельса, А. Бебеля, Г. В. Плеханова и Н. С. Русанова (от «Кружка старых народовольцев»). Как видно из письма Энгельса А. Бебелю от 16 апреля 1892 г., последний не явился по болезни, и переговоры были отложены (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 277).— 2, 70, 77.

³⁸⁶ Описываемая Н. С. Русановым беседа с Энгельсом состоялась между 12 и 14 апреля 1892 г. Русанов рекомендовал Энгельсу Лавров в письме от 11 апреля 1892 г. (см.: *К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.* М., 1967, с. 604).— 2, 70, 77.

³⁸⁷ В русской библиотеке К. Маркса, формированию которой действовали его русские корреспонденты (Н. Ф. Даниельсон, П. Л. Лавров, Г. А. Лопатин, члены Русской секции I Интернационала, В. И. Засулич, Г. В. Плеханов и др.), насчитывалось, согласно списку, составленному самим Марксом, свыше 150 русских изданий (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 50, с. 375—381). После смерти Маркса Энгельс, оставив себе часть книг, необходимых для работы над «Капиталом» Маркса, передал около 100 томов из русской библиотеки П. Л. Лаврову. Более подробно о русских изданиях в библиотеках Маркса и Энгельса, об их дальнейшей судьбе см.: *Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса.* М., 1979.— 2, 72.

³⁸⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 158.— 2, 73.

³⁸⁹ Упомянутым здесь письмом Энгельса П. Л. Лаврову Институт марксизма-ленинизма не располагает.— 2, 77.

³⁹⁰ Публикуемые воспоминания А. М. Водена о беседах с Энгельсом составляют III главу его большой статьи, написанной по просьбе редакции журнала «Летописи марксизма» и опубликованной в книгах III и IV этого журнала за 1927 г. под заглавием «На заре «легального марксизма» (Из воспоминаний).— 2, 78.

³⁹¹ См. письмо Г. В. Плеханова Энгельсу от 2 апреля 1893 г. в сборнике: *К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.* М., 1967, с. 650—651.— 2, 78, 80.

³⁹² *Тюбингенская теологическая школа* — школа исследователей и критиков Библии, основанная в первой половине XIX в.— 2, 78.

³⁹³ В заключение своей речи на Международном социалистическом рабочем конгрессе 1889 г. в Париже Плеханов сказал, что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может» (см.: *Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.* М., 1956, т. I, с. 419).— 2, 84.

³⁹⁴ Речь идет о книге Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», вышедшей в 1893 г. в С.-Петербурге под псевдонимом Николай — он. Эта книга, в которой развились своиственные либеральным народникам взгляды на крестьянскую общину и судьбы капитализма в России, вызвала острую полемику среди русских марксистов. Плеханов, Засулич и другие русские социал-демократы обращались к Энгельсу с просьбой выступить в русской печати по этим спорным в то время вопросам. Этим выступлением Энгельса явилось послесловие к его брошюре «О социальном вопросе в России» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 438—453). Критическая оценка книги Даниельсона дается в работах В. И. Ленина 90-х гг.— 2, 84, 92.

³⁹⁵ Имеются в виду «Тезисы о Фейербахе» Маркса, впервые опубликованные Энгельсом в 1888 г. в качестве приложения в его книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1—4).— 2, 88.

³⁹⁶ Имеется в виду брошюра Б. Бауэра «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel den Atheisten und Antichristen». Leipzig, 1841 («Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом»). Лейпциг, 1841).— 2, 89.

³⁹⁷ Имеется в виду глава III («Святой Макс») работы Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 103—452).— 2, 89.

³⁹⁸ Очевидно, имеется в виду работа Ф. Энгельса «К истории первоначального христианства», написанная летом 1894 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 465—492).— 2, 89.

³⁹⁹ Письмом А. М. Водена Энгельсу и ответом Энгельса, как и другими упомянутыми Воденом письмами Энгельса, Институт марксизма-ленинизма не располагает. По свидетельству самого Водена, они были им сожжены в Париже ввиду угрозы ареста (см. настоящее издание, ч. 2, с. 80).— 2, 90.

⁴⁰⁰ *Маркс К.* Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 40, с. 147—197.— 2, 90.

⁴⁰¹ «Молодые» — мелкобуржуазная полуанархистская группа в германской социал-демократии, существовавшая в начале 90-х гг. XIX в. Мелкобуржуазная сущность взглядов и авантюристическая тактика «молодых» были осуждены Эрфуртским съездом Социал-демократической партии Германии в октябре 1891 г. Энгельс подверг критике взгляды и тактику «молодых» в статьях «Ответ редакции «Sächsische Arbeiter-Zeitung»», «Ответ господину Паулю Эрнсту» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 73—75, 85—90).— 2, 94.

⁴⁰² Подразумевается журнал «Русское богатство», выходивший в Петербурге и являвшийся в 90-х гг. органом либеральных народников. В 1895 г. в № 1—5 за январь — май в журнале были напеча-

таны под псевдонимом Ав. корреспонденции «Письма из Англии», принадлежавшие Элеоноре Маркс-Эвелинг и Эдуарду Эвелингу.— 2, 94.

⁴⁰³ Здесь приводятся слова популярной среди немецких рабочих песни «Рабочая марсельеза», автором текста которой был Якоб Аудорф.— 2, 95.

⁴⁰⁴ Здесь и в главе I воспоминаний (см.: «Летописи марксизма», 1927, кн. III, с. 69) Воден говорит о рукописи своего перевода (с немецкого) биографии Лассалья, написанной Г. Брандесом; этот перевод оказался каким-то образом у Энгельса, который и предъявил его Водену в доказательство распространения лассальянства в России.— 2, 95.

⁴⁰⁵ См. письмо П. Л. Лаврова Энгельсу от 22 октября 1893 г. в сборнике: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 662. Неоднократные беседы с Энгельсом, о которых рассказывает Ш. Раппопорт, происходили в период между 22 и 31 октября 1893 г.— 2, 96.

⁴⁰⁶ В последний раз Г. А. Лопатин был арестован в Петербурге 7 октября 1884 г. До мая 1887 г. он находился под следствием и 4 июня 1887 г. на «процессе 21-го» был приговорен к смертной казни, которая была впоследствии заменена пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, где он просидел до 1905 г.— 2, 97.

⁴⁰⁷ Цитируется речь В. Либкнехта на заседании Эрфуртского съезда германской социал-демократии 17 октября 1891 г., напечатанная в книге: Protokoll über die Verhandlungen des Parteitagcs der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. Berlin, 1891, S. 206 (Протокол заседаний съезда Социал-демократической партии Германии. Проходил в Эрфурте с 14 по 20 октября 1891 г. Берлин, 1891, с. 206).— 2, 98.

⁴⁰⁸ Публикуемые в настоящем издании два отрывка из воспоминаний Р. М. Плехановой являются частью ее большой рукописи «Моя жизнь», хранящейся в Архиве Дома Плеханова.— 2, 101.

⁴⁰⁹ Упомянутая работа Плеханова «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцевова» была опубликована в журнале «Отечественные Записки» за 1882 г. № 5 и 6 и за 1883 г. № 9 и 10 под псевдонимом Г. Валентинов (см.: Плеханов Г. В. Соч. М.-Пг., 1923, т. I, с. 216—364).— 2, 101.

⁴¹⁰ Работа Плеханова «Анархизм и социализм», которую он написал для немецкого социал-демократического издательства «Vorwärts» на французском языке, вышла отдельной книгой в 1894 г. (см.: Плеханов Г. В. Соч. М., 1925, т. IV, с. 169—248). До выхода книги она впервые была напечатана в газете «Der Sozialdemokrat», № 20—25, 14, 21 и 28 июня, 5, 12 и 19 июля 1894 г.— 2, 102.

⁴¹¹ О работе над переводом книги «Анархизм и социализм» Элеонора Маркс-Эвелинг сообщила Г. В. Плеханову 8 августа 1894 г. (см.:

Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М., 1974, с. 124—126). Английское издание ее в переводе и с предисловием Э. Маркс-Эвелинг вышло в Лондоне в 1895 г. Публикация этой работы в журнале «Devenir sociale» за май 1895 г. не появилась.— 2, 103.

⁴¹² Имеется в виду заключительная речь Г. В. Плеханова по докладу о позиции социал-демократии в случае войны, с которым он выступил на Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе, происходившем с 6 по 12 августа 1893 г. (см.: *Плеханов Г. В.* Соч. М., 1925, т. IV, с. 329—332).— 2, 103.

⁴¹³ См. переписку Энгельса с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич в сборнике: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 719—724.— 2, 103.

⁴¹⁴ Стачка лондонских докеров, происходившая с 12 августа по 14 сентября 1889 г., явилась одним из крупнейших событий английского рабочего движения конца XIX в. См. о ней статью Энгельса «По поводу стачки лондонских докеров» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 396).— 2, 103.

⁴¹⁵ Здесь неточность. Г. В. Плеханов жил в Лондоне после его высылки из Франции летом 1894 г. около трех месяцев (сентябрь — ноябрь) и в это время неоднократно встречался с Энгельсом. В конце ноября 1894 г. он получил разрешение вернуться в Женеву.— 2, 103.

⁴¹⁶ Публикуемые воспоминания П. Д. Боборыкина составляют часть X главы его книги «Столицы мира», вышедшей в Москве в 1911 г.— 2, 105.

⁴¹⁷ Имеется в виду рекомендательное письмо М. М. Ковалевского Энгельсу от 2 мая 1894 г. (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 677).— 2, 105.

⁴¹⁸ В июле 1895 г. Энгельса не было в Лондоне. Он находился на отдыхе в Истборне, откуда вернулся 24 июля уже тяжелобольным. Встреча Энгельса с П. Боборыкиным состоялась, видимо, до отъезда Энгельса, вскоре по получении им письма Боборыкина от 3 июня 1895 г., в котором он просил Энгельса назначить день и час для встречи (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 736—737).— 2, 105.

⁴¹⁹ Возможно, речь идет о вышедшем незадолго до встречи Энгельса с Боборыкиным сборнике статей Энгельса «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—1875)». Berlin, 1894 («Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat» (1871—1875)»). Берлин, 1894), для которого было написано послесловие к вошедшей в сборник статье «О социальном вопросе в России» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 438—453).— 2, 106.

⁴²⁰ Воспоминания Ф. М. Кравчинской были записаны вначале с ее слов И. М. Майским еще в годы его лондонской эмиграции (1912—

1917). Они были опубликованы в его книге «Путешествие в прошлое», вышедшей в 1960 г. В 30-х гг. по просьбе жены Майского А. А. Майской, работавшей в то время лондонским корреспондентом Института Маркса — Энгельса — Ленина, Ф. М. Кравчинская повторила свои воспоминания, которые были застенографированы, и копия стенограммы была отправлена в Архив Института. В 1956 г. эта стенограмма была опубликована с некоторыми сокращениями в сборнике «Воспоминания о Марксе и Энгельсе».

В настоящем издании публикуются полностью оба варианта воспоминаний Ф. М. Кравчинской. В том и другом варианте имеются отдельные фактические неточности. Первый визит к Энгельсу, описываемый Ф. М. Кравчинской, относится к 1887 г. Роль Л. Каутской в воспоминаниях автора представлена иначе, чем в письмах самого Энгельса (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 446; т. 38, с. 3.*)— 2, 107, 113.

⁴²¹ Имеется в виду письмо Г. В. Плеханова С. М. и Ф. М. Кравчинским от ноября 1887 г. (см.: *Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 211—213.*)— 2, 107, 113.

⁴²² Описываемая здесь последняя встреча с Энгельсом имела место, очевидно, в конце июля 1895 г.— 2, 111, 116.

⁴²³ Книга С. Борна «Erinnerungen eines Achtundvierziger». Leipzig, 1898 («Воспоминания участника революции 1848 г.». Лейпциг, 1898) написана в 90-х гг. и вышла из печати за год до его смерти. К этому времени он совершенно отошел от рабочего движения, фактически отрекся от революционных идей. В статье «К истории Союза коммунистов» (1885) (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 227—228*) Энгельс подверг объективной критике эклектические воззрения и реформистскую направленность деятельности Борна в период революции 1848—1849 гг. В ряде мест Борн переносит свое отношение к марксизму, характерное для его взглядов в период создания воспоминаний, на сороковые годы, когда он еще рассматривал себя как ученика Маркса и Энгельса и сотрудничал в «*Neue Rheinische Zeitung*», хотя уже тогда склонялся к реформизму. Тем не менее воспоминания С. Борна содержат ряд интересных малоизвестных фактов о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса в 40-е гг. В настоящем издании публикуются лишь те отрывки из книги Борна, в которых сообщаются такие факты. Поэтому названия глав, из которых взяты публикуемые фрагменты, сохранены, но их нумерация опущена.— 2, 118.

⁴²⁴ Речь здесь идет о брошюре Стефана Борна «*Der Heizen'sche Staat. Eine Kritik von Stephan*». Bern, 1847 («Государство Гейнца. Критические замечания Стефана». Берн, 1847). Содержащаяся в ней критика немецкого мелкобуржуазного демократа Карла Гейнца, выступавшего с нападками против коммунистов, встретила одобрение Маркса и Энгельса.— 2, 118, 119.

⁴²⁵ По-видимому по рекомендации Энгельса С. Борн был направлен Центральным комитетом Союза коммунистов в сентябре 1847 г. в Швейцарию с целью устранить в тамошних общинах Союза, особенно в Берне, влияние вейтлингианцев и разъяснить суть принятых его

первым конгрессом решений. Борн объездил ряд городов, расположенных вокруг Женевского озера, и добился того, что большинство бернской общины оказалось на стороне Центрального Комитета.— 2, 119.

⁴²⁶ Затем, в начале следующей главы, Борн рассказывает о февральской революции и попытке восстания в Брюсселе 24—25 февраля 1848 г.— 2, 120.

⁴²⁷ Борн имеет в виду критическую оценку его деятельности в 1848—1850 гг., содержащуюся в работе Энгельса «К истории Союза коммунистов» (см. примечание 423).— 2, 124.

⁴²⁸ Имеется в виду серия статей В. Вольфа «Силезский миллиард», напечатанная в девяти номерах «Neue Rheinische Zeitung» с 22 марта по 25 апреля 1849 г. В 1886 г. эти статьи были выпущены социал-демократическим издательством в Цюрихе отдельной брошюрой с введением Ф. Энгельса «К истории прусского крестьянства» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 246—247).— 2, 125.

⁴²⁹ Данный отрывок взят из книги немецкого публициста, члена Союза коммунистов Себастьяна Зейлера: «Das Complot vom 13. Juni 1849 oder der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich». Hamburg, 1850. S. 20—23 («Заговор 13 июня 1849 г. или последняя победа буржуазии во Франции». Гамбург, 1850, с. 20—23).

Этот отрывок является единственным свидетельством очевидца об упоминаемой в нем речи К. Маркса.

О восстании 13 июня 1849 г. см. примечание 5.— 2, 126.

⁴³⁰ Гора, или монтаньяры — партия мелкобуржуазных демократов во французском Учредительном и Законодательном собраниях в 1848—1849 гг., группировавшаяся вокруг газеты «La Réforme». Ее возглавляли Ледрю-Роллен, Коссидьер, Флокон.— 2, 126.

⁴³¹ Весной 1849 г. у А. Виллиха возник план направиться с колонной легионеров в Италию, чтобы помочь итальянским республиканцам. С этой целью он приехал в Лион, где был в конце марта арестован французскими властями и выслан в Швейцарию.— 2, 126.

⁴³² В результате революционного выступления народа в Риме в начале 1849 г. была провозглашена республика, созвано учредительное собрание, которое заявило о ликвидации светской власти папы. С помощью войск, направленных президентом Французской Республики Луи Бонапартом, республика была уничтожена, а ее лидер Дж. Мадзини эмигрировал в Швейцарию, а затем в Англию.— 2, 127.

⁴³³ Немецкое общество (der Deutsche Verein) в Париже было основано в августе 1848 г. членами Союза коммунистов, оставшимися во Франции. Президентом его стал М. Гесс, а секретарем — Г. Эвербек. Это общество занимало демократические позиции, но не было свободно от мелкобуржуазного влияния. Его представители принимали

участие во втором конгрессе немецких демократических союзов в Берлине (октябрь 1848 г.) и выражали стремление к сотрудничеству не только с демократическими союзами Германии, но также и с другими демократами, в том числе и с итальянскими, польскими и французскими.— 2, 127.

⁴³⁴ Данные отрывки взяты из книги немецкого писателя демократического направления А. Мейснера «Geschichte meines Lebens». Wien und Teschen, 1884, Bd. II («История моей жизни». Вена и Тешен, 1884, т. II), из глав «Итог 1848 г.» и «Снова в Париже». В них сообщается о малоизвестных фактах связей К. Маркса с итальянскими революционерами. На русском языке впервые опубликованы в 1983 г. во втором издании «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе».— 2, 128.

⁴³⁵ Речь идет о восстании в Вене в октябре 1848 г. и революции 1848—1849 гг. в Венгрии.— 2, 128.

⁴³⁶ Данные воспоминания представляют собой отрывок из статьи Эд. Эвелинга «Джордж Джулиан Гарни: один из ветеранов 1848 года», напечатанной в английском журнале «The Social-democrat», 1897, январь, № 1. В статье приводятся в кавычках собственные высказывания Гарни, в том числе и его рассказ об Энгельсе. На русском языке этот отрывок впервые был опубликован с некоторыми сокращениями в книге: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956.— 2, 133.

⁴³⁷ Воспоминания Т. Ф. Куно состоят из трех документов: письма Р. Ф. Бартону в Ленинград от 15 февраля 1932 г., рукописи «Трудящимся миллионам России», написанной по просьбе Института Маркса — Энгельса — Ленина в 1933 г., и «Воспоминания агитатора», написанных Куно в 1883 г. и просмотренных им в 1933 г. На русском языке впервые опубликованы с сокращениями в журнале «Пролетарская революция», 1941, № 1. Все три рукописи написаны на английском языке, хранятся в ЦПА Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В настоящем издании они публикуются по книге «Гаагский конгресс Первого Интернационала. Отчеты и письма» (М., 1972, с. 514—535), сверены с оригиналом, дополнены отрывками, где речь идет о встречах Куно с Марксом и Энгельсом, не вошедшими в предыдущую публикацию. Опущены те места, где не говорится непосредственно о Марксе и Энгельсе.— 2, 135.

⁴³⁸ По-видимому, речь идет о поездке Энгельса вместе с отцом в Италию, когда они в мае 1841 г. около 10 дней пробыли в Милане. О письмах Энгельса Куно см. примечание 441.— 2, 136.

⁴³⁹ После высылки Куно из Италии 29 марта 1872 г. и его краткого пребывания в Женеве, Хемнице, а затем в Дюссельдорфе он в мае переехал в Бельгию — сначала в Серен, а затем в Льеж, где находился по август 1872 г. О планах переезда Куно в Испанию свидетельствует отрывок из письма Энгельса к нему от 22—23 апреля 1872 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 377). Никакими другими свидетельствами о пребывании Куно в Испании Институт марксизма-ленинизма не располагает.— 2, 137.

⁴⁴⁰ Альянс социалистической демократии был основан М. Бакуниным в 1868 г. Члены Альянса провозгласили своей программой атеизм, уравнивание классов и упразднение государства. Они отрицали необходимость политической борьбы для рабочего класса. Мелкобуржуазная анархистская программа Альянса нашла поддержку в слабо развитых в промышленном отношении областях Италии, Швейцарии и некоторых других стран. В 1869 г. Альянс обратился в Генеральный Совет с просьбой о приеме его в Интернационал. Генеральный Совет согласился принять секции Альянса при условии роспуска его как самостоятельной организации. В действительности же, вступив в Интернационал, члены Альянса сохранили свою тайную организацию внутри Международного Товарищества Рабочих и во главе с Бакуниным повели борьбу против Генерального Совета. Борьба Альянса против Интернационала усилилась после подавления Парижской коммуны, когда Бакунин и его сторонники особенно резко выступили против защищаемой Марксом и Энгельсом идеи диктатуры пролетариата и укрепления самостоятельной политической партии рабочего класса, основанной на принципах демократического централизма. Гаагский конгресс I Интернационала в сентябре 1872 г. подавляющим большинством голосов принял решение об исключении вожakov тайного Альянса — Бакунина и Гильома — из Интернационала. — 2, 137, 141, 148.

⁴⁴¹ Сохранившиеся письма Энгельса к Куно были впервые опубликованы в журнале «Die Gesellschaft», Berlin, 1925, N 11, S. 453—475 (письмо от 24 января 1872 г. было опубликовано с сокращениями в брошюре: *Friedrich Engels. Politisches Vermächtnis. Aus unveröffentlichten Briefen.* Berlin, 1920, S. 7—8. — *Фридрих Энгельс. Политическое завещание. Из неопубликованных писем.* Берлин, 1920, с. 7—8). На русском языке письма Энгельса к Куно см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33. — 2, 139.

⁴⁴² *Суфражистское движение* — движение за предоставление избирательных прав женщинам, получило распространение во второй половине XIX — начале XX в. в Великобритании, США, Германии и некоторых других странах. — 2, 142.

⁴⁴³ Текст составленного Марксом доклада Генерального Совета Гаагскому конгрессу см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 123—131. — 2, 145.

⁴⁴⁴ Комиссия по делу об Альянсе заседала три дня — 5, 6 и 7 сентября 1872 г. Ее члены были освобождены от обязательного присутствия на заседаниях конгресса, отсюда неправильное впечатление Куно о работе остальных делегатов, которая, по свидетельству самих участников, была в высшей степени напряженной. — 2, 148.

⁴⁴⁵ Во время республиканского восстания в Лионе в сентябре 1870 г. Бакунин пытался взять в свои руки руководство движением. 28 сентября 1870 г. бакунисты предприняли неудавшуюся попытку захватить ратушу. — 2, 148.

⁴⁴⁶ Текст речи Маркса на митинге в Амстердаме 8 сентября 1872 г. см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 153—155. — 2, 150.

⁴⁴⁷ Весь эпизод с письмом Нечаева (адресованным не Н. Утину, а Н. Любавину) изложен не совсем точно (см.: Гаагский конгресс: Протоколы и документы. М., 1970, с. 300—301, 320—321).— 2, 156.

⁴⁴⁸ Видный деятель французского рабочего движения, один из организаторов Интернационала во Франции, известный коммунар Б. Малон принадлежал к числу тех левых прудонистов, которых мелкобуржуазная революционность толкала на сближение с бакунистами. После падения Коммуны Малон в Швейцарии поддержал борьбу анархистов против Генерального Совета и Маркса. На Гаагском конгрессе о нем шла речь лишь как об одном из основателей и члене Альянса. По инициативе Энгельса предложение об исключении Малона из Интернационала не было поставлено на голосование (см.: Гаагский конгресс. Протоколы и документы. М., 1970, с. 79, 142).— 2, 156.

⁴⁴⁹ Воспоминания Франциски Кугельман были написаны ею по просьбе Института Маркса — Энгельса в 1928 г. Впервые опубликованы на русском языке с сокращениями в книге: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 286—301.— 2, 159.

⁴⁵⁰ Маркс совершил поездку в Германию в апреле — мае 1867 г., чтобы лично отвезти рукопись первого тома «Капитала» издателю О. Мейснеру в Гамбург и договориться с ним о порядке и об условиях издания. Маркс выехал из Лондона 10 апреля 1867 г. В Ганновере он находился с 17 апреля до середины мая.

Упомянутое письмо Маркса Л. Кугельману см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 452.— 2, 159.

⁴⁵¹ Маркс перефразирует здесь слова из пьесы Ф. Шиллера «Лагерь Валленштейна. Пролог»:

«Кто лучшим современникам послужит,
Тот послужил и будущим векам».— 2, 165.

⁴⁵² Перевод первого тома «Капитала» на французский язык, сделанный Ж. Руа, не удовлетворил Маркса, и он значительно переработал его. См. также примечание 328.— 2, 166.

⁴⁵³ В сентябре — октябре 1869 г. Маркс вместе с дочерью Женни совершил поездку в Германию. В Ганновере у Кугельманов они находились приблизительно с 18 сентября по 7 октября 1869 г.— 2, 168.

⁴⁵⁴ Франциска Кугельман ошибается. Эдгар Маркс был похоронен на кладбище Уайтфилд-Чепел в Лондоне (см. настоящее издание, ч. 1, с. 244).— 2, 169.

⁴⁵⁵ Сохранилось несколько вариантов ответов Маркса на вопросы «Исповеди», которые были написаны в других альбомах (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 491—492, 594—595 и Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 274—275).— 2, 169.

⁴⁵⁶ Имеется в виду книга: *Rissé Joseph. Erins Harfe. Irländische Volksmelodien nach Thomas Moore. Hannover, 1870 (Руссе Жозеф. Арфа*

Ирландии. Ирландские народные мелодии по Томасу Муру. Ганновер, 1870). По просьбе дочери Маркса Женни Энгельс написал для предисловия к нему заметку, которая осталась неиспользованной (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 525—526).— 2, 172.

⁴⁵⁷ Под псевдонимом «Дж. Вильямс» Женни Маркс писала статьи по ирландскому вопросу для французской газеты «La Marseillaise». Всего ею было написано восемь статей, которые были напечатаны в феврале — апреле 1870 г.; их публикацию на русском языке см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 609—635.— 2, 172.

⁴⁵⁸ Имеется в виду вооруженная интервенция Франции в Мексику в 1862—1867 гг., первоначально совместно с Англией и Испанией, в целях подавления мексиканской революции и превращения Мексики в колонию европейских государств. Французским войскам удалось занять столицу Мексики Мехико и провозгласить «империю» во главе со ставленником Наполеона III — австрийским эрцгерцогом Максимилианом. В результате героической освободительной борьбы мексиканского народа французские интервенты потерпели поражение и были вынуждены в 1867 г. отозвать из Мексики свои войска. Император Максимилиан был захвачен в плен и расстрелян.— 2, 175.

⁴⁵⁹ Итальянское имя Амадео соответствует немецкому имени Готтлиб.

Амадей Савойский, сын короля Италии Виктора Эммануила, был избран на испанский престол кортесами в 1870 г. Но в обстановке острого политического кризиса в стране, в разгар гражданской войны он отрекся от престола (1873).— 2, 175.

⁴⁶⁰ Подробная характеристика Г. Кинкеля дана в работе Маркса и Энгельса «Великие мужи эмиграции» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 249—280).— 2, 175.

⁴⁶¹ Настоящие воспоминания представляют собой часть главы XXV книги испанского социалиста, делегата Лондонской конференции А. Лоренцо «El proletariado militante. Memorias de un Internacional. Primer período de la Asociación Internacional de los Trabajadores in España». Barcelona, 1901 («Борющийся пролетариат. Воспоминания одного из членов Интернационала. Первый период Международного Товарищества Рабочих в Испании». Барселона, 1901).

На русском языке впервые опубликованы с сокращениями в журнале «Борьба классов», 1934, № 10.— 2, 196.

⁴⁶² Лондонская конференция Интернационала состоялась 17—23 сентября 1871 г. Важнейшее решение конференции было сформулировано в резолюции IX «О политическом действии рабочего класса», провозгласившей необходимость создания в каждой стране самостоятельной пролетарской партии, целью которой является завоевание политической власти рабочим классом.— 2, 196.

⁴⁶³ Нелегальная конференция испанских членов Интернационала состоялась в Валенсии 10—12 сентября 1871 г. Конференция окончательно утвердила Устав Испанской федерации, избрала новый Фе-

деральный совет и делегата на Лондонскую конференцию Интернационала.— 2, 196.

⁴⁶⁴ По поручению Испанской федерации Лоренцо представил Лондонской конференции документ, содержащий проект организационной перестройки Интернационала на основе секций и федераций, объединяющих рабочих каждой страны по профессиям. После обсуждения документа конференция приняла решение, в котором отмечалось, что некоторые пункты проекта фактически соответствуют уже сложившейся практике, и выражалась благодарность испанским секциям за подготовку проекта.— 2, 198.

⁴⁶⁵ Первый съезд испанских секций Интернационала состоялся в Барселоне в июне 1870 г. Съезд принял обращение к Генеральному Совету, официально объявив о присоединении испанских секций к Международному Товариществу Рабочих, создал Испанскую федерацию и разработал ее устав, а также примерные уставы местных секций и федераций.— 2, 200.

⁴⁶⁶ Данный отрывок взят из главы «Der Volksstaat» 1 тома книги В. Блоса «Воспоминания социал-демократа», вышедшей в Мюнхене в 1914 г. (*Blöß W. Denkwürdigkeiten eines Sozialdemokraten. Bd. 1. München (Birken), 1914.*)— 2, 201.

⁴⁶⁷ В 1874 г. В. Блос, который в то время работал в редакции центрального органа германской социал-демократии газеты «Der Volksstaat», отбывал в Лейпциге трехмесячное тюремное заключение за перепечатку из «Frankfurter Zeitung» статьи о стычке во Франкфурте между лассальянцами и военными.— 2, 201.

⁴⁶⁸ Маркиз Поза — один из героев трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос», образ благородного и свободомыслящего придворного, пытавшегося оказать влияние на короля-деспота. Гейне в стихотворении «Аудиенция» высмеивал легкое верие Гервега, который обратился к прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV с публичным письмом, предлагая ввести в Пруссии ряд либеральных свобод. Король счел это обращение дерзким, и поэт был вынужден срочно эмигрировать из Пруссии.— 2, 202, 206.

⁴⁶⁹ С 1846 г. Лассаль вел защиту графини Гатцфельдт в ее бракоразводном процессе. Он занимался этим в течение ряда лет и в конце концов добился победы. Но в ходе процесса он подчас прибегал к сомнительным методам. Так, чтобы раздобыть документы, дискредитирующие графа Гатцфельдта, Лассаль организовал похищение у него шкатулки с бумагами.— 2, 203, 207.

⁴⁷⁰ Речь идет о статьях К. Маркса «Дебаты шестого рейнского ландтага» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 30—84, 119—160.*)— 2, 203.

⁴⁷¹ *Lissagaray [P.] Histoire de la Commune de 1871. Bruxelles, 1876 (Лиссагаре, [П.] История Коммуны 1871 года. Брюссель, 1876).* Эта работа вышла также на немецком языке: *Geschichte der Commune von 1871. Braunschweig, 1877.*— 2, 204.

⁴⁷² Блос намекает здесь на неудачный брак Элеоноры с Эдуардом Эвелингом.— 2, 204.

⁴⁷³ В последующие годы, после введения исключительного закона против социалистов, В. Блос перешел на оппортунистические позиции. Это, вероятно, отразилось на отношении к нему Элеоноры Маркс.— 2, 204.

⁴⁷⁴ Данные воспоминания написаны по просьбе редактора немецкого социал-демократического журнала «Die Glocke» К. Хениша к столетию со дня рождения К. Маркса.— 2, 205.

⁴⁷⁵ Речь, по-видимому, здесь идет о четырехтомной работе французского анархиста, соратника М. А. Бакунина — Джеймса Гильома — «L'Internationale. Documents et souvenirs» («Интернационал. Документы и воспоминания»), вышедших в 1905—1910 гг., и о книге Ф. Брупбахера «Marx und Bakunin». München, 1913 («Маркс и Бакунин»). Мюнхен, 1913). Эти работы написаны с апологетических позиций по отношению к Бакунину.— 2, 207.

⁴⁷⁶ «Весной народов» называли революцию 1848—1849 гг. в Европе.— 2, 207.

⁴⁷⁷ Имеются в виду попытки Лассалья в переписке и во время личных встреч убедить Бисмарка в необходимости введения всеобщего избирательного права. Лассаль рассчитывал при этом сыграть на борьбе правительства против либеральной буржуазии, активным противником которой выступал и Всеобщий Германский рабочий союз (см. примечание 218).— 2, 207.

⁴⁷⁸ В. Блос здесь неточно цитирует составленный Марксом «Временный Устав Товарищества», в котором сказано, что «Международное Товарищество Рабочих и все вступившие в него общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость, нравственность основой в своих отношениях друг к другу и ко всем людям» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 13).— 2, 207.

⁴⁷⁹ Данные воспоминания представляют собой отрывок из статьи Юлиуса Вальтера (Фердинанда Флеклеса), напечатанной в венской газете «Sprudel», 1875, 19 сентября, № 22. Этот отрывок приведен Эгоном Эрвином Кишем в книге: Karl Marx in Karlsbad. Berlin, 1953 (Карл Маркс в Карлсбаде. Берлин, 1953). На русском языке впервые опубликованы в 1983 г. во втором издании «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе».— 2, 208.

⁴⁸⁰ Имеется в виду немецкая писательница Беттина фон Арним и ее книга: Goethes Briefwechsel mit einem Kinde («Переписка Гёте с ребенком»), первое издание которой вышло в 1835 г.— 2, 209.

⁴⁸¹ Джон Суинтон, тогда один из редакторов и корреспондентов прогрессивной нью-йоркской газеты «Sun», посетил Маркса в Рамсгете в августе 1880 г. После этой встречи Маркс одно время переписывался с ним и по его просьбе послал ему французский перевод первого тома «Капитала». В связи с публикацией записи беседы Маркс

писал Суинтону 4 ноября 1880 г.: «Я должен выразить Вам свою признательность за Вашу дружественную статью в «Sun» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 374).— 2, 210.

⁴⁸² Несколько лет спустя Суинтон ознакомился со статьей Энгельса «Как не следует переводить Маркса» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 237—245), опубликованной в английском журнале «То-Дау». Статья подвергала резкой критике печатавшийся в журнале перевод части первого тома «Капитала», сделанный английским социалистом Г. Гайндманом (под псевдонимом Дж. Бродхаус). В связи с этим Суинтон поместил в «John Swinton's Paper» 29 ноября 1885 г. заметку «Замечания Карла Маркса к переводу «Капитала», изложив в ней более подробно ту часть своей беседы с Марксом, в которой затрагивался вопрос о переводе этого труда на английский язык. Суинтон, в частности, писал: «На мой вопрос, почему этот труд, переведенный с немецкого оригинала на французский и русский, не переведен на английский, он ответил, что получил из Нью-Йорка предложение о переводе на английский, а потом добавил несколько замечаний, которые должны быть интересны и Бродхаусу и Энгельсу. Маркс сказал, что немецкий оригинал зачастую не совсем ясен и его было бы чрезвычайно трудно перевести на английский. «Но взгляните на французский перевод»,— сказал Маркс, вручая мне экземпляр парижского издания «Капитала», и продолжал: — «Он гораздо яснее немецкого оригинала, и стиль его лучше. Вот с него-то и следовало бы делать английский перевод, и я хотел бы, чтобы вы передали это тому, кто возьмется переводить книгу на английский в Нью-Йорке. Я приложил много усилий для проверки французского перевода, сделанного Ж. Руа, не пропустил ни одного слова во французской рукописи, многие выражения и целые куски, которые так трудно перевести с немецкого на английский, могут быть легко переведены с французского текста». И снова повторил: «Когда книгу будут переводить на английский, пусть пользуются французским вариантом».

Эти слова самого Карла Маркса печатаются здесь впервые.— 2, 211.

⁴⁸³ Три теоретические части «Капитала» называются: «Процесс производства капитала», «Процесс обращения капитала», «Процесс капиталистического производства, взятый в целом». Проблемы земельной ренты и кредита исследуются Марксом в третьей части его труда.— 2, 211.

⁴⁸⁴ С 1883 г. английский социалист Э. Б. Бакс находился в дружеских отношениях с Энгельсом. Публикуемые воспоминания взяты из его книги «Reminiscences and Reflexions of a Mid and Late Victorian». London, 1918 («Воспоминания и размышления викторианца»). Лондон, 1918). На русском языке впервые опубликованы в книге: Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956.— 2, 215.

⁴⁸⁵ В 1907 г. в условиях подъема рабочего движения Социал-демократическая федерация была преобразована в Социал-демократическую партию, которая, объединившись в 1911 г. с левыми элементами Независимой рабочей партии (см. примечание 186), приня-

ла название *Британской социалистической партии*. Часть членов этой партии впоследствии участвовала в создании Коммунистической партии Великобритании.— 2, 215.

⁴⁸⁶ Статья Э. Б. Бакса «Вожди современной мысли. XXIII.— Карл Маркс» была напечатана в английском прогрессивном журнале «*Modern Thought*», 1881, I.XII, т. III, N 12.— 2, 215.

⁴⁸⁷ Положительную оценку статье Бакса Маркс дал также в письмах Ф. А. Зорге от 15 декабря 1881 г., Женни Лонге от 17 декабря 1881 г. и П. Л. Лаврову от 23 января 1882 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 203, 205, 213).— 2, 215.

⁴⁸⁸ Здесь допущена неточность: Энгельс не учился в Берлинском университете, а посещал в нем лекции в 1841—1842 гг., когда проходил военную службу в Берлине.— 2, 216.

⁴⁸⁹ Эта мысль Энгельса содержится во введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке», где указывается, что до 1851 г. прованское масло было известно в Англии только аристократии (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 302).— 2, 217.

⁴⁹⁰ *Социнианство* — рационалистическое направление в Реформации, возникшее в XVI в. в Италии, а затем получившее особенно широкое распространение в Польше. Названо по имени его основатель Лелия Социна и Фауста Социна. Это учение отвергало догмат о троиче, божественное происхождение Христа, догмат о «первородном грехе» и т. д. В XVII—XVIII вв. после изгнания социниан из Польши они расселились в различных странах (Пруссия, Голландия, Англия и др.), где приобрели некоторое число сторонников. Приверженцы этого учения носили бороды. В Англии, где социнианские общины начали возникать в 1844 г., им было запрещено совершать богослужения. Социнианство постепенно растворилось в других течениях протестантизма.— 2, 218.

⁴⁹¹ Данные воспоминания, принадлежащие малоизвестной английской писательнице Марианне Комин, урожденной Скиннер, были впервые напечатаны в лондонском журнале «*The Nineteenth Century and after*», 1922, I, т. XCI, N 539. На русском языке отрывки из них впервые опубликованы в журнале «Новый мир», 1961, № 2 под заголовком «Штрихи из жизни К. Маркса и его семьи».— 2, 219.

⁴⁹² В 1880—1881 гг. в доме Маркса регулярно собирались по вечерам друзья, любители драматургии Шекспира, и читали вслух его пьесы. Этот кружок, душой которого была Элеонора, получил шутливое прозвище «Догбери-клуб», по имени персонажа из комедии Шекспира «Много шума из ничего».— 2, 219, 226.

⁴⁹³ «*Эйвонским лебедем*» назвал Шекспира английский поэт Бен Джонсон (см.: *Jhonson B. To the Memory of Mr. W. Shakespeare. Preface to First Folio, 1622*). Стратфорд-на-Эйвоне — родина Шекспира.— 2, 220.

⁴⁹⁴ Имеется в виду, вероятно, Л. Н. Гартман.— 2, 223.

⁴⁹⁵ Перефразированная цитата из трагедии Шекспира «Гамлет», акт III, сцена 1.— 2, 228.

⁴⁹⁶ Настоящие воспоминания написаны в качестве вводных статей к отдельным разделам публикации переписки между Ф. Энгельсом и К. Каутским, изданной в Вене в 1935 г. под названием: *K. Kautsky. Aus der Frühzeit des Marxismus. Wien, 1935 (К. Каутский. На заре марксизма. Вена, 1935)*. Второе, дополненное издание этой книги вышло в Вене в 1955 г. под названием: *Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky (Переписка Фридриха Энгельса с Карлом Каутским)*.— 2, 231.

⁴⁹⁷ Имеется в виду письмо Ф. Энгельса К. Каутскому от 1 февраля 1881 г., в котором Энгельс высказал ряд критических замечаний по поводу книги Каутского «Влияние прироста народонаселения на прогресс общества» и обещал подробнее поговорить о ней при личной встрече. См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 123—125.*— 2, 231.

⁴⁹⁸ В первой из вводных статей Каутский вспоминает о своей близости с социал-филантропом К. Хёхбергом и сотрудничестве в издававшихся им журналах, которые Маркс и Энгельс подвергали резкой критике за эклектизм и пропаганду реформистских взглядов.— 2, 231.

⁴⁹⁹ *Нюрнбергский съезд* руководимого Бебелем Союза немецких рабочих обществ состоялся 5—7 сентября 1868 г. На съезде присутствовали представители Международного Товарищества Рабочих. Съезд принял решение о присоединении к Интернационалу и программу, признававшую его основные принципы, а также решение об организации профессиональных союзов.— 2, 233.

⁵⁰⁰ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 170—178.*— 2, 235.

⁵⁰¹ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 318—320.*— 2, 237.

⁵⁰² *Песня о бургомистре Чехе* — сатирическая народная песня, высмеивавшая прусского короля Фридриха-Вильгельма IV в связи с неудачным покушением на него 26 июля 1844 г. бывшего бургомистра города Шторхова Г. Чеха. Эту песню Энгельс цитирует в работе «Роль насилия в истории» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 438*).— 2, 237.

⁵⁰³ См. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 35, с. 162.*— 2, 240.

⁵⁰⁴ В 1898 г. Роза Люксембург вступила в фиктивный брак с одним из сыновей немецкого социал-демократа Карла Любека, чтобы получить немецкое гражданство и иметь возможность вести работу в Германии.— 2, 241.

⁵⁰⁵ Австро-прусская война 1866 г. завершила многолетнее соперничество между Австрией и Пруссией и предопределила объединение Германии под гегемонией Пруссии. Результатом ее стало создание Северогерманского союза под главенством Пруссии, и присоединение к Пруссии нескольких германских земель.— 2, 241.

⁵⁰⁶ Упомянутое письмо Маркса неизвестно. О «писательском таланте» Минны Каутской Энгельс писал А. Бебелю 25 августа 1881 г. и К. Каутскому 27 августа 1881 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 35, с. 179 и 182). Маркс писал ей 1 октября 1881 г. о том «как восхищается вся моя семья Вашими произведениями» (там же, с. 184—185).— 2, 241.

⁵⁰⁷ Этот отрывок относится к третьему посещению К. Каутским Лондона, в 1885 г.— 2, 244.

⁵⁰⁸ В 1875 г. Кравчинский принимал участие в восстании против турецкого ига в Герцеговине, а в 1877 г.— в вооруженном крестьянском восстании в провинции Беневенто. При подавлении восстания он был арестован и заключен в тюрьму, где просидел больше 9 месяцев.— 2, 246.

⁵⁰⁹ Данные воспоминания представляют собой отрывки из статьи Л. Таушера «Erinnerungen aus der sozialistengesetzlichen Zeit» («Воспоминания о временах закона против социалистов»), напечатанной в альманахе «Illustrierter Neue Welt-Kalender für das Jahr 1912» (Hamburg, 1912). На русском языке впервые опубликованы в 1983 г. во втором издании «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе».— 2, 248.

⁵¹⁰ *Битва при Шампиньи* — один из эпизодов франко-прусской войны 1870—1871 гг., когда французская армия в конце ноября — начале декабря 1870 г. пыталась прорвать линию немецких войск, осаждавших Париж. Попытка потерпела неудачу, причем обе стороны понесли большие потери.— 2, 249.

⁵¹¹ «Армия спасения» — религиозно-филантропическая организация, основанная в 1865 г. проповедником У. Бутсом в Англии и распространившая в дальнейшем свою деятельность на другие страны (название приняла в 1880 г. после реорганизации ее по военному образцу).— 2, 250.

⁵¹² Статья К. Шмидта «Zur Erinnerung an Friedrich Engels» была опубликована 28 ноября 1895 г. в газете «Vorwärts. Berliner Volksblatt», № 278. Вошла в сборник воспоминаний о Марксе и Энгельсе «Mohr und General». Berlin, 1970 («Мавр и Генерал». Берлин, 1970).— 2, 252.

⁵¹³ См. настоящее издание, ч. 1, с. 147.— 2, 254.

⁵¹⁴ Имеется в виду письмо Ф. Энгельса К. Шмидту от 27 октября 1890 г., опубликованное (с сокращениями) в приложении к «Leipziger Volkszeitung», № 250, 26 октября 1895 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 37, с. 414—422).— 2, 255.

⁵¹⁵ Имеется в виду статья: *Sombart W. Friedrich Engels und die Soziale Bewegung* (Зомбарт В. Фридрих Энгельс и социальное движение) в журнале «Die Zukunft», Jg. 4. Berlin, 19. Oktober 1895, S. 134.— 2, 255.

⁵¹⁶ Данные воспоминания датского социал-демократа и профсоюзного деятеля И. Йенсена были впервые опубликованы в газете «Social-Demokraten» (Копенгаген) от 5 мая 1918 г. В переводе на немецкий язык напечатаны в издании: «Beiträge zur Marx-Engels-Forschung». Berlin, 1985, N 19.— 2, 257.

⁵¹⁷ *Международный рабочий конгресс*, созданный по инициативе Британского конгресса тред-юнионов, состоялся в Лондоне в ноябре 1888 г. Большинство делегатов составляли представители английских тред-юнионов; участвовали также делегаты французских, бельгийских, голландских и датских профессиональных организаций. Конгресс высказался за необходимость организации рабочих в самостоятельную политическую партию и выдвинул задачу добиваться законодательного урегулирования условий труда.— 2, 257.

⁵¹⁸ *Международный социалистический рабочий конгресс* состоялся в Цюрихе 6—12 августа 1893 г. Энгельс, совершавший в это время поездку по ряду европейских стран, присутствовал на последнем заседании конгресса и по поручению бюро конгресса произнес заключительную речь (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 425—426).— 2, 258.

⁵¹⁹ Настоящие воспоминания видного французского социалиста Шарля Виктора Жаклара представляют собой часть его статьи о Международном социалистическом конгрессе в Цюрихе, опубликованной в журнале «La Revue Socialiste», Paris, 1893, t. XVIII (VII—XII), p. 306—308. На русском языке впервые опубликованы в 1983 г. во втором издании «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе».

О конгрессе в Цюрихе см. примечание 518.— 2, 260.

⁵²⁰ На цюрихском Международном социалистическом рабочем конгрессе большинство голландской делегации, возглавляемой Домелой Ньювенгейсом, выступало с полуанархистских позиций; за участие в конгрессе представителей анархистских организаций, в том числе отколовшихся от социал-демократии так называемых «независимых», за признание всеобщей стачки главным средством борьбы против войны и т. д.— 2, 260.

⁵²¹ Изложение Жакларом речи Энгельса на Цюрихском конгрессе несколько отличается от записи этого выступления, опубликованной в протоколах конгресса (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 425—426).— 2, 262.

⁵²² Отрывок, в котором описывается торжественное собрание берлинских социал-демократов 22 сентября 1893 г. в честь приезда Энгельса в Берлин, взят из воспоминаний Л. Браун «Memoiren einer Sozialistin» («Мемуары социалистки»), опубликованных в ее собрании сочинений (*Braun L. Gesammelte Werke.* Berlin, o. J. Bd. 2, S. 531—533). Отрывок носит документальный характер. На русском

языке воспоминания были опубликованы в Петрограде в 1919 г. под названием «Роман моей жизни. Мемуары социалкистки». — 2, 263.

⁵²³ Воспоминания одного из организаторов Коммунистической партии Австрии Карла Штейнгардта были написаны для журнала «Новая и новейшая история» и опубликованы в № 6 этого журнала за 1960 г., с. 11—14. — 2, 265.

⁵²⁴ Текст речи Энгельса на социал-демократическом собрании в Вене 14 сентября 1893 г. в изложении корреспондента газеты «Arbeiter-Zeitung» см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 427—428. — 2, 268.

⁵²⁵ Данные воспоминания представляют собой отрывки из XIII и XXII глав книги немецкого социалиста Макса Бера «Fifty Years of International Socialism». London, 1935, p. 76—79, 133—137 («Пятьдесят лет международного социализма». Лондон, 1935, с. 76—79, 133—137). На русском языке впервые опубликовано в 1983 г. во втором издании «Воспоминаний о Марксе и Энгельсе». — 2, 269.

⁵²⁶ Об этом факте известно из письма К. Маркса юстицирату Веберу от 3 марта 1860 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 419). — 2, 269.

⁵²⁷ Речь идет о Заграничном союзе польских социалистов, созданном на Парижском съезде польских социалистов в ноябре 1892 г. и объединявшем социалистическую эмиграцию, входившую в состав Польской социалистической партии (ППС). В 1893 г. руководство Союза в результате преследований со стороны французского правительства переехало в Лондон. — 2, 270.

⁵²⁸ Рецензия Энгельса на первый том «Капитала», отклоненная редакцией журнала «The Fortnightly Review», при жизни автора напечатана не была. Впервые она была опубликована на русском языке в журнале «Летописи марксизма», 1926, № 1 (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 299—322). — 2, 272.

⁵²⁹ Статья Эдуарда Бизли «The International Working Men's Association» («Международное Товарищество Рабочих») была напечатана в журнале «The Fortnightly Review», 1870, 1 ноября. — 2, 272.

⁵³⁰ Франкфуртский мирный договор, завершивший франко-прусскую войну, был подписан 10 мая 1871 г. Согласно договору, Франция уступила Германии Эльзас и Восточную Лотарингию и уплачивала контрибуцию в 5 млрд. франков, до выплаты которой сохранялась оккупация части французской территории немецкими войсками. — 2, 273.

⁵³¹ По-видимому, Бер здесь ошибается. Речь идет о письме Маркса Э. Бизли 12 июня 1871 г. (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 189—191), в котором сообщалось, в частности, о получении Марксом информации о подробностях тайного договора между Бисмарком и Фавром во Франкфурте о совместных действиях против

Коммуны и передаче им этих сведений в Париж. Маркс писал также, что «получил эту информацию от правой руки Бисмарка», бывшего члена Союза коммунистов, но фамилию его не указывал. Вероятно, передавая это письмо Беру, Бизли ошибочно приписал эти действия Лотару Бухеру, в то время как на самом деле этим человеком был Иоганн Микель. Кроме того, Маркс сообщал, что эта информация была им тогда же передана в Париж. Письмо Маркса было напечатано в «Vorwärts», 1909, 31 марта, N 76.— 2, 273.

⁵³² Письма Маркса Бизли не были переданы в архив германской социал-демократии.— 2, 273.

А

Августин Рихард (род. в 1861 г.) — делегат берлинских рабочих на похоронах Фридриха Энгельса.— 1, 319.

Адлер Виктор (1852—1918) — один из основателей и руководителей австрийской социал-демократии, в 1889—1895 гг. состоял в переписке с Энгельсом; редактор «Arbeiter-Zeitung»; впоследствии один из лидеров оппортунистического крыла австрийской социал-демократической партии и II Интернационала.— 1, 62, 127, 185; 2, 266—268.

Адоратский Владимир Викторович (1878—1945) — деятель КПСС, академик, видный ученый в области истории марксизма; в 1931—1939 гг. директор Института Маркса — Энгельса — Ленина.— 2, 140.

Аксельрод Павел Борисович (1850—1928) — русский социал-демократ, один из основателей группы «Освобождение труда»; впоследствии меньшевик.— 2, 59, 62, 65—67, 233.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881).— 2, 49, 231.

Александр III (1845—1894) — русский император (1881—1894).— 2, 49, 52, 57.

Алерини Шарль (род. в 1842 г.) — французский анархист, бакунист, по происхождению корсиканец, член секции I Интернационала и один из организаторов Коммуны в Марселе (апрель 1871 г.); после подавления эмигрировал в Италию, затем в Испанию, делегат Гаагского конгресса; исключен из Интернационала решением Генерального Совета от 30 мая 1873 г.— 2, 153.

Аллен Джордж — английский врач, лечивший Маркса и членов его семьи.— 1, 245, 256, 287.

Амадей Савойский (1845—1890) — король Испании (1870—1873).— 2, 175.

Ангерстейн. — 1, 97.

Анке Фридрих (1818—1872) — прусский артиллерийский офицер, в 1846 г. уволен из армии по политическим мотивам; член Союза коммунистов; в 1848 г. один из основателей кёльнского Рабочего союза; редактор «Neue Kölnische Zeitung»; член Рейнского окружного комитета демократов.— 1, 339—341.

Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — русский либеральный помещик, литературовед, публицист.— 1, 84; 2, 4—8, 10, 40.

Ансель Эдуард (1856—1938) — бельгийский социалист, один из основателей и руководителей Рабочей партии Бельгии, публицист; впоследствии деятель оппортунистического крыла II Интернационала.— 1, 185, 318, 320; 2, 257.

Аргайл — шотландский аристократический род.— 1, 153, 272; 2, 22, 36, 169.

Аристотель (384—322 до н. э.) — мыслитель древности.— 1, 207; 2, 91, 92, 269.

Армеллини Карл (1777—1863) — итальянский политический деятель и юрист, сподвижник Мадзини; участник революции 1848—1849 гг. в Италии.— 2, 132.

Арним Элизабет (Беттина) фон (урожденная *Брентано*) (1785—1859) — немецкая писательница романтического направления, автор книги «Переписка Гёте с ребенком».— 2, 209.

Ауэр Игнац (1846—1907) — немецкий социал-демократ, реформист, по профессии седельщик; один из руководителей социал-демократической партии.— 1, 185; 2, 263, 264.

Б

Байрон Джордж (1788—1824) — английский поэт-романтик.— 1, 229.

Бахс Эрнест Белфорт (1854—1926) — английский социалист, историк, философ и журналист, один из первых пропагандистов марксизма в Англии, деятель левого крыла Социал-демократической федерации; впоследствии реформист.— 1, 187; 2, 215, 217, 245.

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; позднее один из идеологов народничества и анархизма, в I Интернационале выступал против марксизма, на Гаагском конгрессе (1872) исключен из Интернационала за раскольническую деятельность.— 1, 12, 84, 333, 349—351; 2, 28, 37, 49, 52, 53, 60, 61, 63, 67, 90, 98, 123, 137, 138, 141, 142, 144, 146, 148, 149, 152, 153, 155—157, 176, 207, 213.

Бакунина Антонина Ксаверьевна (урожденная *Квятковская*) (род. ок. 1840 г.) — жена М. А. Бакунина.— 2, 148.

Балицкий Тадеуш (род. ок. 1858 г.) — польский революционер; по профессии инженер.— 2, 57.

Бальзак Оноре де (1799—1850) — французский писатель-реалист.— 1, 111, 143, 148.

Бандья Янош (1817—1868) — венгерский журналист и офицер, участник революции 1848—1849 гг. в Венгрии; после поражения революции эмигрировал за границу, одновременно был тайным полицейским агентом; позднее под именем Мехмед-бея перешел на турецкую военную службу.— 1, 93.

Баннер Генри — учитель пения.— 1, 100, 101.

Баннер Э. — жена Генри Баннера.— 1, 100.

Барри Мальтман (1842—1909) — английский журналист, социалист, член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872), член Генерального Совета (1872) и Британского федерального совета (1872—1874), поддерживал Маркса и Энгельса в их борьбе против бакунистов и английских реформистских лидеров тред-юнионов; после прекращения деятельности I Интернационала продолжал участвовать в социалистическом движении в Англии, в 90-х гг. под-

держивал так называемое «социалистическое крыло» консерваторов.— 2, 273.

Бартельс.— 2, 263.

Бартон Р. Ф.— 2, 135, 140, 147, 150.

Бастелика Андре (1845—1884) — деятель французского и испанского рабочего движения, по профессии типограф; член I Интернационала, бакунист, делегат Лондонской конференции 1871 г.— 2, 200.

Батлер Бенджамин Франклин (1818—1893) — американский политический деятель и генерал, один из лидеров левого крыла республиканской партии; во время Гражданской войны в США командовал экспедиционной армией при взятии Нового Орлеана.— 2, 152.

Бауэр Бруно (1809—1882) — немецкий философ, представитель младогегельянцев.— 1, 9, 10, 60, 120, 122; 2, 36, 78, 89, 175.

Бауэр Карл Фридрих (1824—1889) — участник баденско-пфальцского восстания 1849 г.; после восстания эмигрировал в США, где занимался журналистской деятельностью: с 1885 г. издавал газету «Milwaukee Herald».— 1, 216, 217.

Бауэр Эдгар (1820—1886) — немецкий философ и публицист, младогегельянец; брат Б. Бауэра.— 1, 60, 251, 253—255; 2, 89, 175.

Бах Иоганн Себастьян (1685—1750) — немецкий композитор.— 2, 160.

Бахман Мориц.— 2, 154.

Бebel Август (1840—1913) — деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии, по профессии рабочий-токарь; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 184, 196, 212, 292, 316, 319, 321—324, 354; 2, 20, 21, 38, 70, 77, 136, 139, 216, 233, 239, 240, 247, 263—268.

Безант Анна (1847—1933) — английская политическая деятельница буржуазно-радикального направления, одно время примыкала к социалистическому движению; в 80-х гг. член Фабианского общества и Социал-демократической федерации; в 90-х гг. отошла от социалистического движения.— 2, 257.

Беккер Бернхард (1826—1891) — немецкий публицист и историк, лассальянец, позднее примкнул к эйзенахцам; делегат Гаагского конгресса Интернационала (1872).— 1, 105, 350; 2, 152.

Беккер Герман («Красный Беккер») (1820—1885) — немецкий юрист и публицист, с 1850 г. член Союза коммунистов, один из подсудимых на кельнском процессе коммунистов (1852), приговорен к пяти годам тюремного заключения; впоследствии национал-либерал.— 1, 345, 374, 375.

Беккер Иоганн Филипп (1809—1886) — немецкий революционер, участник демократического движения 30—40-х гг. в Германии и Швейцарии, активный деятель революции 1848—1849 гг.; во время баденско-пфальцкого восстания 1849 г. командовал баденским народным ополчением; в 60-х гг. деятель I Интернационала, делегат всех его конгрессов; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 153, 158, 200, 263, 296; 2, 135, 151, 152, 250, 251.

Беннигсен Рудольф (1824—1902) — немецкий политический деятель; в 1859—1867 гг. председатель партии Национальный союз,

с 1867 г. лидер правого крыла национал-либеральной партии, представлявшей интересы крупной буржуазии, депутат рейхстага (1871—1883 и 1887—1898).— 1, 204.

Бер Макс (род. в 1864 г.) — немецкий социалист, автор ряда работ по истории социализма; в 1894 г. эмигрировал; жил в Англии и США; с 1901 г. лондонский корреспондент центрального органа германской социал-демократии «Vorwärts»; в 1915 г. вернулся в Германию.— 2, 269—274.

Берви Василий Васильевич (псевдоним *Н. Флеровский*) (1829—1918) — русский экономист и социолог, просветитель-демократ, представитель народнического утопического социализма, автор книги «Положение рабочего класса в России».—2, 79.

Берлин Павел Абрамович (род. в 1877 г.) — русский социал-демократ, меньшевик, публицист, историк; после 1917 г. эмигрант; автор книги «Карл Маркс и его время», вышедшей в Москве в 1908 г.— 2, 32, 33, 40.

Бернайс Карл Людвиг (1815—1879) — немецкий радикальный публицист; в 1844 г. входил в редакцию газеты немецких эмигрантов в Париже «Vorwärts!», издававшейся при непосредственном участии Маркса; после революции 1848—1849 гг. эмигрировал в США.— 1, 84.

Бернар Шарль — см. *Бонье* Шарль.

Бёрнс Джон (1858—1943) — деятель английского рабочего движения, в 80-х гг. организатор ряда стачек, в том числе крупной стачки докеров в 1889 г., с 1892 г. член парламента; с середины 90-х гг. перешел на позиции либерального тред-юнионизма.— 1, 186, 187, 318; 2, 257.

Бёрнс Лидия (Лиззи) (1827—1878) — ирландская работница, участница ирландского национально-освободительного движения; вторая жена Фридриха Энгельса.— 1, 161, 162, 363—365; 2, 37, 232, 234.

Бёрнс Мери (1821—1863) — ирландская работница, первая жена Фридриха Энгельса.— 2, 234.

Бёрнс Мери Эллен («Пумпс») — см. *Рошер* Мери Эллен.

Бёрнс Роберт (1759—1796) — шотландский поэт, демократ.— 1, 142, 143, 323.

Бернштейн Регина (урожденная *Цадек*, по первому мужу *Шаттнер*) (1849—1923) — жена Эдуарда Бернштейна.— 1, 185.

Бернштейн Эдуард (1850—1932) — немецкий социал-демократ, редактор газеты «Der Sozialdemokrat» (1881—1890); во второй половине 90-х гг. выступил с открытой ревизией марксизма с реформистских позиций.— 1, 45, 185, 317, 321, 322, 353—356, 367, 368; 2, 66, 78, 83, 89, 97, 231, 233, 239, 240, 247, 257, 258.

Беттина — см. *Арним* Элизабет.

Бетховен Людвиг ван (1770—1827) — немецкий композитор.— 1, 253; 2, 171.

Бизли Эдуард Спенсер (1831—1915) — английский историк и политический деятель, мелкобуржуазный радикал, позитивист; принимал активное участие в демократическом движении 60-х гг.— 1, 151; 2, 30, 272, 273.

Бизли — жена Эдуарда Спенсера *Бизли*.— 2, 273.

Биньями Энрико (1846—1921) — итальянский публицист, участник национально-освободительной борьбы в Италии под руководством Гарибальди; член I Интернационала, редактор социалистической газеты «La Plebe», выступал против анархизма.— 1, 167.

Бискамп Элард — немецкий демократ, публицист, участник революции 1848—1849 гг.; входил в редакцию газеты немецких эмигрантов в Лондоне «Das Volk», издававшейся в 1859 г. при непосредственном участии Маркса.— 1, 98.

Бисмарк Отто (1815—1898) — государственный деятель Пруссии и Германии, министр-президент Пруссии (1862—1872 и 1873—1890), канцлер Германской империи (1871—1890).— 1, 42, 107, 158, 204, 258—259, 261, 263, 264, 290, 312, 348, 349; 2, 39, 142, 207, 248, 249, 251, 273.

Блан Гаспар (род. в 1845 г.) — французский бакунист, по профессии дорожный мастер, участник восстания 1870 г. в Лионе; после подавления Парижской коммуны выступал как бонапартист.— 2, 156.

Блан Жан Жозеф Луи (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, историк, в 1848 г. член временного правительства и председатель Люксембургской комиссии; проводил линию соглашения с буржуазией; в августе 1848 г. эмигрировал в Англию.— 1, 224—225; 2, 154.

Бланки Луи Огюст (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист, организатор ряда тайных обществ и заговоров, активный участник революций 1830 и 1848 гг.; многие годы провел в тюремном заключении.— 1, 67, 356.

Блинд Карл (1826—1907) — немецкий журналист, демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848—1849 гг.; в 50-х гг. один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне; с 60-х гг. национал-либерал.— 1, 88, 98.

Блос Вильгельм (1849—1927) — германский социал-демократ, журналист и историк; в 1872—1874 гг. один из редакторов газеты «Volksstaat»; в 1877—1878, 1881—1887 гг. депутат рейхстага, принадлежал к правому крылу партии.— 2, 201, 202, 204—207.

Блюм Роберт (1807—1848) — немецкий демократ, журналист; возглавлял левое крыло во франкфуртском Национальном собрании; в октябре 1848 г. принял участие в защите Вены, расстрелян по приговору военного суда.— 1, 340; 2, 127.

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — русский писатель и публицист, редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения» (1863—1865), сотрудник журналов «Отечественные записки» и «Вестник Европы», с начала 90-х гг. жил за границей.— 2, 105, 106.

Бокль Генри Томас (1821—1862) — английский буржуазный историк и социолог-позитивист.— 1, 277.

Бонапарт Наполеон Жозеф Шарль Поль (по прозвищу Плон-Плон) (1822—1891) — сын Жерома Бонапарта, двоюродный брат Наполеона III.— 1, 75.

Бонье Шарль (литературный псевдоним *Бернар*) (род. в 1863 г.) — французский социалист, журналист.— 1, 185.

Борн Стефан (настоящее имя *Симон Буттермильх*) (1824—1898) — немецкий рабочий-наборщик, член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; после революции отошел от рабочего движения.— 2, 118—120, 122—125.

Борнштедт Адальберт фон (1808—1851) — немецкий публицист; основатель и редактор «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» (1847—1848), один из руководителей Немецкого демократического общества в Париже, член Союза коммунистов, исключен из Союза в марте 1848 г.; в 40-х гг. тайный осведомитель прусской полиции.— 1, 67, 373.

Босуэлл Джеймс (1740—1795) — биограф английского критика и поэта Сэмюэля Джонсона.— 1, 198.

Брайт Джон (1811—1889) — английский фабрикант и политический деятель, один из лидеров фритредеров и основателей Лиги против хлебных законов; с начала 60-х гг. лидер левого крыла либеральной партии.— 1, 94, 120.

Бракке Вильгельм (1842—1880) — немецкий социал-демократ, издатель социалистической литературы в Брауншвейге; с 1869 г. один из основателей и руководителей Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), депутат рейхстага (1877—1879).— 1, 302.

Брасс Август (1818—1876) — немецкий журналист; участник революции 1848—1849 гг. в Германии, после поражения революции эмигрировал в Швейцарию; с 60-х гг. сторонник Бисмарка, национал-либерал, издатель газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung».— 1, 259, 261.

Браун Лили (1865—1916) — немецкая социалистка и писательница.— 2, 263—264.

Браунинг Роберт (1812—1889) — английский поэт.— 1, 114; 2, 226.

Брёйер Фридрих Альберт (1812—1876) — немецкий либерал, в 40-х гг. врач в Брюсселе; член брюссельской Демократической ассоциации.— 1, 85.

Бректано Лоренц (1813—1891) — немецкий мелкобуржуазный демократ, по профессии адвокат; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 1849 г. стоял во главе временного правительства Бадена, после поражения баденско-пфальцского восстания эмигрировал в Швейцарию, затем в США.— 1, 201, 202, 305, 307, 311.

Бреттшнейдер Людвиг — австрийский социал-демократ, председатель венской социал-демократической организации в 1893 г.— 2, 268.

Бродхаус Джон — см. *Гайндман* Генри Майерс.

Бродхёрст Генри (1840—1911) — английский политический деятель, один из лидеров тред-юнионов, по профессии рабочий-каменщик, затем профсоюзный чиновник; секретарь Парламентского комитета Конгресса тред-юнионов (1875—1890), член парламента от либеральной партии (1880—1906).— 2, 257.

Бронте Шарлотта (псевдоним *Каррер Белл*) (1816—1855) — английская писательница.— 2, 226.

Бронте Эмили (псевдоним *Эллис Белл*) (1818—1848) — сестра Шарлотты Бронте, поэтесса.— 2, 226.

Брэдли Чарлз (1833—1891) — английский журналист и политический деятель, буржуазный радикал; редактор еженедельника «National Reformer».— 1, 333, 347, 348.

Буланже Жорж Эрнест Жан Мари (1837—1891) — французский генерал, военный министр (1886—1887); стремился к установлению своей военной диктатуры во Франции.— 2, 67.

Булвер-Литтон — см. *Литтон* Эдуард Георг *Булвер-Литтон*.

Бухер Адольф Лотар (1817—1892) — прусский чиновник, публицист; в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому центру; эмигрант в Лондоне; впоследствии национал-либерал, сторонник Бисмарка.— 1, 104, 229; 2, 273.

Бургерс Генрих (1820—1878) — немецкий публицист; сотрудник «*Rheinische Zeitung*» (1842—1843), член Союза коммунистов и его Центрального комитета (1850—1851), один из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*»; на кельнском процессе коммунистов (1852) приговорен к шести годам тюремного заключения; впоследствии прогрессист.— 1, 85, 345.

Бюффон Жорж Луи (1707—1788) — французский натуралист.— 1, 213.

Бюхнер Людвиг (1824—1899) — немецкий физиолог, популяризатор естествознания, представитель вульгарного материализма.— 1, 16.

В

В. В. — см. *Воронцов* Василий Павлович.

Вагнер Герман (1815—1889) — немецкий публицист и политический деятель; один из основателей прусской консервативной партии, тайный советник в правительстве Бисмарка (1866—1873).— 1, 261.

Вагнер Адольф (1835—1917) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, представитель так называемой социально-правовой школы в политической экономии.— 2, 26, 34.

Вагнер Рихард (1813—1883) — немецкий композитор.— 2, 171.

Вайян Эдуар (1840—1915) — французский социалист, бланкист, деятель I Интернационала и Парижской коммуны; один из основателей Социалистической партии Франции; впоследствии реформист.— 2, 142, 200.

Валера Паоло (1850—1926) — итальянский журналист, социалист.— 1, 319.

Вальстер О.— см. *Отто-Вальстер*.

Вальтер — см. *Ван-Хеддегем*.

Вальтер Юлиус — австрийский публицист, сын врача, лечившего Маркса в Карлсбаде.— 2, 208, 209.

Ван дер Гус — см. *Гус* Франк ван дер.

Вандервельде Эмиль (1866—1938) — деятель бельгийского рабочего движения, один из лидеров оппортунистического крыла II Интернационала.— 1, 185.

Ван-Хеддегем (псевдоним *Вальтер*) (род. ок. 1847 г.) — делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872); в 1873 г. разоблачен как агент французской полиции.— 2, 142, 146, 155.

Веерт Георг (1822—1856) — немецкий поэт и публицист, член Союза коммунистов; один из родоначальников пролетарской поэзии в Германии; в 1848—1849 гг. один из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*»; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 88.

Вейдемейер Иосиф (1818—1866) — деятель немецкого и американского рабочего движения; в 1846—1847 гг. испытал влияние

«истинного социализма»; сблизившись с Марксом и Энгельсом, перешел на позиции научного коммунизма; член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, после поражения революции эмигрировал в США, один из первых пропагандистов марксизма в США.— 1, 85, 87, 203, 372, 375.

Вейдемейер Луиза (урожденная *Люнинг*) (род. в 1822 г.) — жена Иосифа Вейдемейера.— 1, 87.

Вейтлинг Вильгельм (1808—1871) — деятель начального периода рабочего движения в Германии, по профессии портной; один из теоретиков утопического уравнительного коммунизма.— 1, 210, 336—338, 359; 2, 5—7.

Веллингтон Артур, герцог (1769—1852) — английский полководец и государственный деятель, тори, премьер-министр (1828—1830), министр иностранных дел (декабрь 1834 — апрель 1835 г.).— 1, 247, 249.

Венцель (Вацлав) (ок. 907—935 или 936) — чешский князь (924—935 или 936); способствовал распространению христианства в Чехии; церковь провозгласила его «святым» и объявила патроном Чехии.— 2, 163, 164.

Венцель (Вацлав) (1361—1419) — чешский король под именем Вацлава IV (1378—1419), германский император (1378—1400); отличался жестокостью.— 2, 163, 164, 194.

Веспасиан (9—79) — римский император (69—79).— 2, 133.

Вестфален — семья.— 1, 10; 2, 36, 37, 169.

Вестфален Амалия Юлиана Каролина фон (1779—1856) — мать Женни Маркс.— 1, 84—87, 90, 91, 95, 173, 176, 271, 272; 2, 168, 220.

Вестфален Женни фон — см. *Маркс Женни*, урожденная фон *Вестфален*.

Вестфален Иоганн Людвиг фон (1770—1842) — отец Женни Маркс, тайный советник в Трире.— 1, 136, 271, 272; 2, 36.

Вестфален Фердинанд фон (1799—1876) — прусский государственный деятель, министр внутренних дел (1850—1858); сводный брат Женни Маркс.— 1, 10, 71, 153; 2, 36, 124.

Вестфален Эдгар фон (1819—1890) — брат Женни Маркс, школьный товарищ Маркса; в 1846 г. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, в 1847—1865 гг. жил в США.— 1, 84, 85, 91, 103, 243, 268, 271; 2, 36.

Визи Джейн Элизабет (1827—1902) — английская актриса, исполнительница многочисленных ролей в пьесах Шекспира.— 2, 227.

Вико Джамбаттиста (1668—1744) — итальянский буржуазный социолог; пытался установить объективные закономерности общественного развития.— 1, 147, 148.

Виланд Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий писатель.— 2, 220.

Виллих Август (1810—1878) — прусский офицер, вышедший в отставку по политическим убеждениям; член Союза коммунистов, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г.; один из лидеров сектантско-авантюристской фракции, отколовшейся от Союза коммунистов в 1850 г.; в 1851 г. эмигрировал в США, участник Граждан-

ской войны на стороне северян.— 1, 41, 68, 87, 89, 90, 94, 130, 296, 298, 305, 308, 311, 327, 346, 354, 362, 370; 2, 94, 126.

Вильгельм I (1797—1888) — прусский король (1861—1888), германский император (1871—1888).— 1, 99—100; 2, 38, 248.

Вильмар Раймон (псевдоним *Вильмо*) — французский революционер, участник Парижской коммуны, делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872) от секций в Бордо; в 1873 г. эмигрировал в Буэнос-Айрес, где вел пропаганду идей марксизма.— 2, 142.

Вильмо — см. *Вильмар Раймон*.

Вишар Поль Эжен (1835—1883) — деятель французского рабочего движения, участник Парижской коммуны, делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872), впоследствии жил в Бельгии.— 2, 142, 146, 155.

Воден Алексей Михайлович (1870—1939) — русский литератор и переводчик; принимал участие в социал-демократических кружках начала 90-х гг.; в 20—30-х гг. сотрудник Института К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве.— 2, 78—95.

Волтовский Феликс Вадимович (1846—1914) — русский революционер, литератор. В 60—70-е гг. организатор и участник революционных кружков, неоднократно подвергался арестам, находился в ссылке (1878—1889). С 1890 г. эмигрант в Лондоне.— 1, 318.

Вольтер Франсуа Мари (настоящая фамилия *Аруэ*) (1694—1778) — французский философ, писатель и историк эпохи Просвещения.— 1, 272.

Вольф Вильгельм («Лупус», «Казематный Вольф») (1809—1864) — немецкий пролетарский революционер и публицист, по профессии учитель; деятель Союза коммунистов, в 1848—1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 85, 86, 92, 102, 131, 141, 164, 177, 217, 234, 257, 258, 300, 338, 339, 353, 358, 359, 362, 363; 2, 124, 125.

Вольф Фердинанд («Красный Вольф») (1812—1895) — немецкий публицист; в 1846—1847 гг. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, член Союза коммунистов, в 1848—1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; после революции 1848—1849 гг. эмигрировал из Германии; во время раскола Союза коммунистов в 1850 г. сторонник Маркса и Энгельса; впоследствии отошел от политической деятельности.— 1, 87—89, 234, 235, 244, 257, 258, 274, 298, 300; 2, 125.

Воронцов Василий Павлович (В. В.) (1847—1918) — русский экономист и публицист, один из идеологов либерального народничества 80—90-х гг., автор ряда книг о развитии капитализма и судьбах крестьянской общины в России.— 2, 84.

Врублевский Валерий Антоний (1836—1908) — деятель польского революционного и международного рабочего движения, один из руководителей польского освободительного восстания 1863—1864 гг.; генерал Парижской коммуны; член Генерального Совета I Интернационала и секретарь-корреспондент для Польши (1871—1872); принимал активное участие в борьбе против бакунистов.— 2, 142, 155, 156.

Вырубов Григорий Николаевич (1843—1913) — русский кристаллограф и философ-позитивист; с 1864 г. жил в Париже, один из основателей и издателей журнала «Philosophie positive», член Лиги мира и свободы.— 2, 22.

Г

Гайдн Франц (1732—1809) — австрийский композитор. — 1, 253.

Гайндман Генри Майерс (1842—1921) — английский социалист, адвокат и публицист, в 80-х гг. один из основателей и руководителей Социал-демократической федерации; проводил оппортунистическую и сектантскую линию; впоследствии один из лидеров Британской социалистической партии, из которой в 1916 г. исключен за пропаганду в пользу империалистической войны. — 2, 26, 30, 33, 34, 94, 215, 257.

Ганзман Давид (1790—1864) — прусский политический деятель, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии, в марте — сентябре 1848 г. министр финансов Пруссии. — 1, 70.

Гарди Джемс Кейр (1856—1915) — деятель английского рабочего движения, реформист, по профессии шахтер, затем публицист, основатель и лидер Шотландской рабочей партии (с 1888 г.) и Независимой рабочей партии (с 1893 г.), позднее активный деятель лейбористской партии; член парламента (1892—1895). — 1, 187.

Гарри Джордж Джулиан (1817—1897) — деятель английского рабочего движения, один из лидеров левого крыла чартизма; редактор газеты «Northern Star» и журнала «Democratic Review», член I Интернационала, поддерживал дружеские связи с Марксом и Энгельсом. — 1, 97, 187, 229, 318, 360, 373; 2, 133, 134.

Гартман Лев Николаевич (1850—1908) — русский революционер, народник; в 1879 г. участвовал в одном из террористических актов «Народной воли» против Александра II, после чего эмигрировал во Францию, затем в Англию и в 1881 г. в США. — 2, 44, 46, 47, 52, 54—56, 222, 223, 233, 234, 244, 246.

Гатцфельдт Софья, графиня (1805—1881) — друг и сторонница Лассалья. — 1, 100, 105, 106, 260, 261, 263; 2, 202, 203, 207.

Гатцфельдт-Вильденбург Эдмунд, граф (род. в 1798 г.) — муж Софьи Гатцфельдт. — 2, 203.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ. — 1, 9, 14, 15—18, 57, 58, 142, 145; 2, 8, 23, 41, 78, 89, 91, 98, 99, 161, 210.

Гейзер Бруно (1846—1898) — немецкий социал-демократ, публицист, редактор журнала «Neue Welt», в 1881—1887 гг. депутат рейхстага; в конце 80-х гг. как оппортунист исключен из социал-демократической партии. — 2, 241.

Гейне Генрих (1797—1856) — немецкий поэт. — 1, 84, 113, 142, 153, 206; 2, 23, 35, 118, 129, 161, 162, 202, 206, 209, 240.

Гейнцен — жена Карла Гейнцена. — 1, 87.

Гейнцен Карл (1809—1880) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцкого восстания 1849 г., затем эмигрант в Швейцарии, Англии, а с осени 1850 г. в США. — 1, 85, 87, 302; 2, 119.

Геккер — прусский судебный чиновник, в 1848 г. прокурор в Кёльне. — 1, 341.

Геккер Фридрих Карл (1811—1881) — немецкий мелкобуржуазный демократ, один из руководителей баденского восстания в апре-

ле 1848 г.; после поражения восстания эмигрировал в Швейцарию, где издавал газету «*Volksfreund*», затем в США, участник Гражданской войны на стороне северян.— 1, 201, 202.

Гёксли Томас Генри (1825—1895) — английский ученый естествоиспытатель, ближайший соратник Ч. Дарвина и популяризатор его учения.— 1, 15, 223, 349.

Геллерт Христиан Фюрхтеготт (1715—1769) — немецкий баснописец.— 1, 242.

Гельфанд Александр Лазаревич (псевдоним *Парвус*) (1869—1924) — русский социал-демократ, с 1886 г. эмигрант в Швейцарии, затем в Германии, сотрудничал в германской и русской социал-демократической печати; участник революции 1905 г. в России; в годы первой мировой войны отошел от революционного движения.— 2, 96.

Гендель Георг Фридрих (1685—1759) — немецкий композитор.— 1, 253; 2, 171.

Гепнер Адольф (1846—1923) — немецкий социал-демократ; один из редакторов газеты «*Volksstaat*», делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872), впоследствии эмигрировал в США.— 1, 350; 2, 233.

Гервег Георг (1817—1875) — немецкий поэт.— 1, 84, 85, 113, 205, 263; 2, 202, 206.

Гервег Эмма (1817—1904) — жена Георга Гервега.— 1, 84, 85.

Гесс Мозес (1812—1875) — немецкий мелкобуржуазный публицист; в середине 40-х гг. один из главных представителей «истинного социализма», член Союза коммунистов; в 60-х гг. лассальянец.— 1, 84, 85; 2, 127.

Гесс Сибилла (урожденная *Пеш*) (1820—1903) — жена Мозеса Гесса.— 1, 84, 85.

Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, писатель и мыслитель.— 1, 142, 214, 216, 221, 234, 304; 2, 43, 161, 166, 170, 240, 241.

Гёц Теодор — немецкий демократ, участник кампании за имперскую конституцию (1849), затем эмигрант в Англии, член Союза коммунистов; был в дружеских отношениях с Марксом.— 1, 92.

Гижицки Георг фон (ум. в 1895 г.) — немецкий философ, профессор, первый муж писательницы Лили Браун.— 2, 263, 264.

Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский историк и государственный деятель; с 1840 до февральской революции 1848 г. фактически руководил внутренней и внешней политикой Франции, выражал интересы крупной финансовой буржуазии.— 1, 21, 71, 84, 116, 163; 2, 23, 32.

Гийом — муж Гертруды Гийом-Шак.— 2, 245.

Гийом-Шак Гертруда (урожденная графиня *Шак*) (1845—1903) — немецкая социалистка, деятельница женского рабочего движения в Германии.— 2, 245.

Гильом Джеймс (1844—1916) — швейцарский учитель; один из руководителей анархистского движения в Швейцарии и во Франции; член I Интернационала, участник большинства его конгрессов, сто-

ронник М. А. Бакунина, на Гаагском конгрессе (1872) исключен из Интернационала за раскольническую деятельность.— 2, 146, 149, 153, 154, 156.

Гинзбург Борис Абрамович (псевдоним *Д. Кольцов*) (1863—1920) — русский социал-демократ; с 1893 г. эмигрант в Швейцарии, сотрудничал с группой «Освобождение труда»; после II съезда РСДРП меньшевик; после Октябрьской революции на кооперативной работе в Петрограде.— 2, 92.

Гинзбург Лев Савельевич (1851—1916) — участник революционного движения в России, по профессии врач; в 70-х гг. член петербургского кружка лавристов.— 2, 20.

Гирш Карл (1841—1900) — немецкий социал-демократ, журналист, с 1868 г. сотрудник «Demokratisches Wochenblatt», затем редактор ряда социал-демократических газет.— 1, 321; 2, 233, 244.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — русский писатель.— 1, 144.

Годвин Уильям (1756—1836) — английский писатель и публицист; в своих произведениях критиковал современное общественное устройство и рисовал утопическую картину общества, основанного на «политической справедливости».— 2, 35.

Голдсмит Оливер (1728—1774) — английский писатель.— 1, 190.

Голлох — см. *Холио* Джордж Джекоб.

Гомер — полулегендарный древнегреческий эпический поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи».— 1, 110, 229, 246, 271, 272; 2, 114.

Гонкур, братья — Жюль (1830—1870) и Эдмон (1822—1896) — французские писатели.— 1, 147.

Готлиб — см. *Амадей Савойский*.

Готшалк Андреас (1815—1849) — немецкий врач, член кёльнской общины Союза коммунистов; в апреле — июне 1848 г. председатель кёльнского Рабочего союза; представитель мелкобуржуазно-сектантского течения в немецком рабочем движении.— 1, 339—341.

Гофман Август Вильгельм (1818—1892) — немецкий химик-органик, работавший около 20 лет в Лондоне.— 1, 349.

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — немецкий писатель.— 1, 110; 2, 194.

Гракс Гай (Гай Семпроний Гракс) (153—121 до н. э.) — народный трибун (123—122 до н. э.) в Древнем Риме, боролся за проведение аграрных законов в интересах крестьянства; брат Тиберия Гракха.— 1, 152; 2, 83.

Гракс Тиберий (Тиберий Семпроний Гракс) (163—133 до н. э.) — народный трибун (133 до н. э.) в Древнем Риме, боролся за проведение аграрных законов в интересах крестьянства.— 1, 152; 2, 83.

Грили Хорас (1811—1872) — американский буржуазный журналист и политический деятель; основатель и один из редакторов газеты «New-York Daily Tribune».— 1, 120.

Гримм Вильгельм Карл (1786—1859) — немецкий филолог, соавтор основных трудов своего брата Якоба Гримма, профессор Гёттингенского, затем Берлинского университетов, либерал.— 1, 98, 208.

Гримм Якоб Людвиг Карл (1785—1863) — немецкий филолог, автор исторической грамматики немецкого языка и обработок фольклора, профессор Гёттингенского, затем Берлинского университетов, либерал.— 1, 98, 208.

Гуд Томас (1799—1845) — английский поэт-реалист.— 1, 276.

Гумбольдт Александр (1769—1859) — немецкий ученый, естествоиспытатель и путешественник.— 1, 71, 116, 136.

Гус Франк ван дер (1859—1939) — голландский социал-демократ.— 1, 320.

Гутенберг Иоганн (род. между 1394—1399 гг. или в 1406 г., ум. в 1468 г.) — немецкий изобретатель, создавший европейский способ книгопечатания, первый типограф Европы.— 2, 249.

Гюго Виктор (1802—1885) — французский писатель; в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, выступал против Луи Бонапарта.— 1, 221, 222; 2, 213.

Д

Дана Чарлз Андерсон (1819—1897) — американский прогрессивный журналист, последователь Фурье, аболиционист, с 1848 г. один из редакторов, а в 1849—1862 гг. главный редактор «New-York Daily Tribune»; один из редакторов «Новой американской энциклопедии» (1857—1863).— 1, 96, 100, 119, 120.

Даниельс Роланд (1819—1855) — немецкий врач; с 1850 г. член кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), оправдан судом присяжных; друг Маркса и Энгельса.— 1, 85, 92, 345.

Даниельсон Николай Францевич (псевдоним *Николай — он*) (1844—1918) — русский экономист, один из идеологов народничества 80—90-х гг.; в течение ряда лет переписывался с Марксом и Энгельсом, перевел на русский язык I, II, III тома «Капитала» Маркса (I том совместно с Г. А. Лопатиным).— 1, 168; 2, 14, 17, 19, 21, 24, 28, 30, 33, 83, 84, 92.

Даниельсон Ольга Францевна (ум. в 1918 г.) — сестра Н. Ф. Даниельсона.— 2, 19.

Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт.— 1, 70, 115, 142, 214, 218, 287, 357; 2, 81.

Дантрес Эмиль (псевдоним *Сварм*) (род. в 1836 г.) — французский железнодорожный служащий, член секции Интернационала в Тулузе, делегат Гаагского конгресса (1872); на тулузском процессе членов Интернационала (1873) выдал своих товарищей.— 2, 142.

Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) — английский естествоиспытатель, основатель учения о происхождении и развитии видов растений и животных.— 1, 143, 182, 197, 223, 228; 2, 27, 86.

Дейч Лев Григорьевич (1855—1941) — участник народнического, а затем социал-демократического движения в России, неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению; в 1883 г. участвовал в создании группы «Освобождение труда», принимал деятельное участие в издании и распространении «Искры», на II съезде РСДРП примкнул к меньшевикам; после Октябрьской революции

занимался историей русского освободительного движения.— 2, 44, 62, 101.

Дельбрюк Ханс Готлиб Леопольд (1848—1929) — немецкий военный историк и политический деятель, профессор Берлинского университета (1885—1921), депутат рейхстага (1884—1890), во время первой мировой войны выступал за заключение мира.— 2, 235.

Дельклюз Марк Луи Альфред (1857—1923) — французский социалист, деятель Рабочей партии, делегат международных социалистических рабочих конгрессов 1889, 1891 и 1896 гг.— 1, 185.

Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреческий философ, один из основателей атомистической теории.— 2, 91.

Демут Елена (Ленхен) (1820—1890) — экономка и верный друг семьи Маркса; после смерти Маркса жила в доме Энгельса.— 1, 85, 97, 101, 109, 113, 114, 116—118, 136, 138, 154, 155, 157, 173, 175, 177, 180, 183, 185, 199, 224, 233, 236—239, 242, 244, 248, 250, 268, 270—272, 277, 282, 284, 285, 290, 293, 365; 2, 67, 108—110, 113, 115, 120, 168, 170, 223, 224, 234, 244.

Демут Марианна (1835—1862) — младшая сестра Елены Демут.— 1, 101, 272.

Дённигес Елена (1845—1911) — знакомая Лассалья, впоследствии жена румынского дворянина Раковица, на дуэли с которым Лассаль был смертельно ранен.— 1, 262; 2, 177.

Джевоис Уильям Стэнли (1835—1882) — английский буржуазный экономист и философ, представитель математической школы вульгарной политической экономии.— 2, 34.

Джонс Эрнест Чарлз (1819—1869) — деятель английского рабочего движения, прелатарский поэт и публицист, один из вождей революционного чартизма, один из редакторов «Northern Star», редактор «People's Paper»; друг Маркса и Энгельса.— 1, 93, 94, 118, 119, 229, 373.

Джонсон Сэмюэл (1709—1784) — английский критик, лексикограф, эссеист и поэт.— 1, 190, 198.

Джордж Генри (1839—1897) — американский публицист, экономист, пытался возглавить движение американских рабочих и направить его на путь буржуазного реформаторства.— 2, 35.

Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель, во второй половине XIX в. лидер консервативной партии, премьер-министр (1868 и 1874—1880).— 2, 30.

Диккенс Чарлз (1812—1870) — английский писатель.— 1, 201, 238.

Диоген Лаэртций (III в. н. э.) — древнегреческий историк философии, составитель обширной компиляции о древних философах.— 2, 90.

Дитц Иоганн Генрих Вильгельм (1843—1922) — немецкий книгоиздатель, социал-демократ, основатель социал-демократического издательства в Штутгарте (1881).— 1, 317; 2, 247, 251.

Дитц Христиан Фридрих (1794—1876) — немецкий филолог, основоположник сравнительного изучения романских языков, автор «Grammatik der romanischen Sprachen».— 1, 208.

Дицген Иосиф (1828—1888) — немецкий социал-демократ, философ-самоучка, самостоятельно пришедший к основам диалектического материализма; по профессии рабочий-кожевник; член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872).— 1, 350; 2, 33, 174.

Доллешалль Лоренц (род. в 1790 г.) — полицейский чиновник в Кёльне (1819—1847); цензор «*Rheinische Zeitung*». — 1, 70; 2, 203, 204.

Донкин Горацио Брайен — английский врач, лечивший семью Маркса в 1881—1883 гг. — 1, 268.

Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895) — украинский либеральный публицист, историк, этнограф; с 1876 г. эмигрант в Швейцарии, затем (с 1889 г.) в Болгарии. — 2, 46, 52, 57.

Дронке Эрнст (1822—1891) — немецкий публицист, вначале «истинный социалист», затем член Союза коммунистов и один из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*», после революции 1848—1849 гг. эмигрировал во Францию, затем в Англию; сторонник Маркса и Энгельса. — 1, 92, 94, 257, 258, 300, 370.

Дункер Франц Густав (1822—1888) — немецкий политический деятель и издатель. — 1, 75, 98; 2, 33.

Д'Эстер Карл Людвиг Иоганн (1813—1859) — немецкий социалист и демократ, по профессии врач; член Союза коммунистов, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; играл видную роль в баденско-пфальцском восстании 1849 г.; впоследствии эмигрировал в Швейцарию. — 1, 305, 308, 339.

Дюма Александр (отец) (1802—1870) — французский писатель. — 1, 143.

Дюмон — см. *Файе* Мариус Эжен.

Дюпон Эжен (ок. 1831—1881) — деятель французского и международного рабочего движения, по профессии мастер музыкальных инструментов; член Генерального Совета I Интернационала (ноябрь 1864—1872), секретарь-корреспондент для Франции (1865—1871), член Британского федерального совета (1872—1873); в 1874 г. переехал в США. — 2, 154, 155.

Дюринг Евгений (1833—1921) — немецкий философ-эклектик и вульгарный экономист, представитель реакционного мелкобуржуазного социализма. — 1, 62, 69; 2, 28, 66.

Дюфор Жюль Арман Станисла (1798—1881) — французский адвокат и государственный деятель, орлеанист, министр общественных работ (1839—1840), министр внутренних дел (1848 и 1849), министр юстиции (1871—1873, 1875—1876, 1877—1879), председатель совета министров (1876, 1877—1879). — 2, 126.

Ж

Жаклар Шарль Виктор (1840—1903) — французский социалист, бланкист, член I Интернационала, участник Парижской коммуны; после подавления Коммуны находился в эмиграции в Швейцарии и России, в 1880 г. вернулся во Францию, где продолжал активно участвовать в социалистическом движении, был делегатом Брюссельского (1891) и Цюрихского (1893) международных социалистических рабочих конгрессов. — 2, 260—262.

Желябов Андрей Иванович (1851—1881) — русский революционер, деятель «Народной воли», казнен за участие в убийстве Александра II. — 2, 53, 57.

Жиго Филипп Шарль (1819—1860) — участник бельгийского рабочего и демократического движения, член Союза коммунистов; в 40-х гг. был близок к Марксу и Энгельсу. — 1, 85, 86; 2, 122, 123.

Жиньель — драгунский лейтенант из Брухзаля, француз по происхождению, особо отличившийся в войне 1870 г., немецкий разведчик. — 2, 173.

Жиньель — жена Жиньеля. — 2, 173.

Житловский Хаим Иосифович (род. в 1863 г.) — участник революционного движения в России; в конце 80-х гг. эмигрировал в Швейцарию, где принадлежал к группе молодых социалистов-революционеров; в дальнейшем стал одним из идеологов еврейского мелкобуржуазного националистического движения. — 2, 97.

Жоаннар Жюль (1843—1888) — деятель французского рабочего движения, рабочий; член Генерального Совета I Интернационала (1868—1869, 1871—1872) и секретарь-корреспондент для Италии (1868—1869), член Парижской коммуны, примыкал к бланкистам; после подавления Коммуны эмигрировал в Лондон; делегат Гаагского конгресса (1872). — 2, 142, 154.

Жоли Жан Батист — деятель партии Горы в период революции 1848—1849 гг. во Франции. — 2, 126.

3

Засулич Вера Ивановна (1849—1919) — активная деятельница народнического, а затем социал-демократического движения в России, одна из основателей группы «Освобождение труда»; впоследствии стояла на позициях меньшевизма. — 1, 62, 186, 189, 319; 2, 44, 62, 78, 79, 81, 82, 101, 103, 104, 111, 115, 116, 233, 270.

Зейдельман Карл (1795—1843) — немецкий драматический актер и режиссер; с 1837 по 1843 г. играл в Берлине. — 1, 242.

Зейлер Себастьян (род. ок. 1815 — ум. ок. 1890) — немецкий публицист; в 1846 г. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; в 50-х гг. эмигрант в Лондоне; затем переехал в США, занимался журналистской и преподавательской деятельностью. — 1, 85, 92; 2, 126, 127.

Зибер Николай Иванович (1844—1888) — русский экономист, один из первых популяризаторов и защитников экономического учения Маркса в России. — 2, 28, 30, 33.

Зингер Пауль (1844—1911) — деятель немецкого рабочего движения, один из лидеров германской социал-демократии, активно выступал против оппортунизма и ревизионизма. — 1, 185, 316, 318, 322; 2, 247, 260.

Золя Эмиль (1840—1902) — французский писатель. — 1, 148.

Зом Рудольф (1841—1917) — немецкий историк, автор ряда работ по истории церкви, религии и права. — 1, 221.

Зомбарт Вернер (1863—1941) — немецкий экономист, социолог и историк; в ранних работах испытал влияние марксизма, в даль-

нейшем выступал против исторического материализма и учения К. Маркса.— 2, 255.

Зорге Адольф (ок. 1855—1907) — сын Фридриха Адольфа Зорге, по профессии инженер-механик.— 2, 233, 234, 244.

Зорге Фридрих Адольф (1828—1906) — деятель международного и американского рабочего и социалистического движения; участник революции 1848—1849 гг. в Германии, в 1852 г. эмигрировал в США, организатор американских секций и секретарь Федерального совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, активный пропагандист марксизма, друг и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 42, 47, 186, 369—372; 2, 40, 148, 240.

Зюдекум Альберт (1871—1944) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократии, ревизионист; по профессии журналист.— 2, 216.

И

Ибсен Генрик (1828—1906) — норвежский драматург.— 1, 366; 2, 219.

Игнатов Василий Николаевич (1854—1885) — русский революционер, народник, затем член группы «Освобождение труда». — 2, 62.

Имандт Петер Михаэль (1823—1897) — немецкий учитель, участник революции 1848—1849 гг.; член Союза коммунистов; с 1852 г. эмигрант в Лондоне; член I Интернационала; сторонник Маркса и Энгельса.— 1, 92.

Иоганн (1801—1873) — король Саксонии (1854—1873), перевел «Божественную комедию» Данте на немецкий язык (под псевдонимом *Филалет*).— 1, 70.

Ирвинг Генри (настоящее имя *Джон Генри Бродрибб*) (1838—1905) — английский актер и режиссер.— 1, 182; 2, 29, 38, 226.

Й

Йенсен И. — датский социал-демократ и профсоюзный деятель.— 2, 257—259.

К

Кабе Этьенн (1788—1856) — французский публицист, представитель утопического коммунизма, автор книги «Путешествие в Икарию». — 1, 207, 210, 337.

Кавенаг Джулия — хозяйка дома в Лондоне, где жил Маркс.— 1, 278.

Каган Абрам (1860—1951) — американский социалист, эмигрант из России; редактор нью-йоркской еврейской рабочей газеты; делегат Международного социалистического рабочего конгресса 1891 г. в Брюсселе.— 1, 186.

«*Казематный Вольф*» — см. *Вольф Вильгельм*.

Кальдерон де ла Барка Педро (1600—1681) — испанский драматург и поэт.— 2, 166, 167, 198, 199.

Кампгаузен Людольф (1803—1890) — немецкий банкир, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии; в марте — июне 1848 г. министр-президент Пруссии.— 1, 70.

Каннингем-Грехем Роберт Бонтайн (1852—1936) — английский писатель, выходец из аристократии; в 80—90-х гг. принимал участие в рабочем и социалистическом движении, член парламента, делегат Международного социалистического рабочего конгресса 1889 г. в Париже; впоследствии деятель шотландского национального движения.— 1, 187.

Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ.— 1, 15; 2, 91, 92, 98, 161.

Карденас Франциско де (1816—1898) — испанский журналист, юрист, историк и политический деятель.— 2, 26.

Кареев Николай Иванович (1850—1931) — русский либерально-буржуазный историк и публицист.— 2, 26, 30, 86, 88.

Карл II Стюарт (1630—1685) — английский король (1660—1685).— 2, 35.

Карлейль Анна Белла — английская писательница, знакомая Женни Маркс.— 1, 97.

Карно Лазар Никола́ (1753—1823) — французский математик, политический и военный деятель французской революции конца XVIII в., примыкал к якобинцам, в 1794 г. участник термидорианского переворота.— 1, 305.

Карпи — см. *Мадзини Джузеппе*.

Катилина Луций Сергей (ок. 108—62 до н. э.) — римский политический деятель.— 2, 272.

Каутская Луиза (урожденная *Штрассер*, по второму мужу *Фрейбергер*) (1860—1950) — австрийская социалистка, первая жена Карла Каутского; с 1890 г. секретарь Энгельса.— 1, 168, 185, 365, 368; 2, 71, 72, 103, 111, 115, 116, 244—246.

Каутская Минна (1837—1912) — немецкая писательница, автор ряда романов на социальные темы; мать Карла Каутского.— 2, 97, 240—242.

Каутский Карл (1854—1938) — немецкий социал-демократ, публицист, редактор журнала «*Neue Zeit*» (1883—1917), автор ряда работ по вопросам марксистской теории, впоследствии идеолог центразма, занимал враждебную позицию по отношению к Великой Октябрьской социалистической революции и Советской власти.— 1, 122, 185, 295, 317, 354; 2, 66, 89, 111, 115, 231—246.

Кауфман Илларион Игнатьевич (1848—1916) — русский экономист, профессор С.-Петербургского университета; автор работ по вопросам денежного обращения и кредита.— 2, 30, 33.

Кафьеро Карло (1846—1892) — участник итальянского рабочего движения, член I Интернационала; с 1872 г. один из руководителей итальянских анархистских организаций, в конце 70-х гг. отошел от анархизма.— 2, 144.

Квелч Гарри (1858—1913) — деятель английского социалистического и рабочего движения, представитель левого крыла английских социалистов; по профессии наборщик.— 1, 187, 318.

Кегель Макс (1850—1902) — немецкий социал-демократ, публицист и поэт; в 80-х гг. основатель и редактор социал-демократических журналов «Nußknacker» и «Der Wahre Jakob»; автор партийного гимна.— 2, 205.

Келланд Александр (1849—1906) — норвежский писатель.— 1, 366.

Келлер Шарль (1843—1913) — французский социалист, поэт, член I Интернационала; в 1869—1870 гг. перевел часть I тома «Капитала» на французский язык; участник Парижской коммуны; после ее подавления эмигрировал в Швейцарию; после амнистии коммунарам вернулся во Францию.— 2, 11.

Келли — владелица театра в Лондоне.— 1, 277.

Кёрнер Карл Теодор (1791—1813) — немецкий поэт и драматург романтического направления; погиб во время освободительной войны против Наполеона.— 2, 193.

Кибальчич Николай Иванович (1853—1881) — русский революционер, изобретатель, видный деятель «Народной воли»; казнен за участие в убийстве Александра II.— 2, 53, 57.

Кич — английский журналист, кельнский корреспондент «Daily News» в 1849 г.— 2, 128, 131.

Кинкель Иоганн Готфрид (1815—1882) — немецкий поэт и публицист-демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г.; приговорен прусским судом к пожизненному заключению, в 1850 г. бежал из тюрьмы и эмигрировал в Англию; один из лидеров мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне, вел борьбу против Маркса и Энгельса.— 1, 203, 328, 346—348, 363; 2, 175.

Кирхгоф Густав Роберт (1824—1887) — немецкий физик, представитель естественнонаучного материализма; занимался проблемами электродинамики и механики.— 2, 97.

Клейн Иоганн Яков (род. ок. 1818 — ум. между 1895 и 1897) — врач в Кёльне, член Союза коммунистов, один из подсудимых на кельнском процессе, оправдан судом присяжных.— 1, 345.

Климент Александрийский Тит Флавий (ок. 150 — ок. 215) — христианский богослов, философ-идеалист.— 2, 90.

Клусс Адольф (1825—1905) — деятель немецкого и американского рабочего движения; по профессии инженер и архитектор; член Союза коммунистов; в 1848 г. эмигрировал в США, где в 50-х гг. участвовал в деятельности немецко-американских рабочих организаций и сотрудничал в рабочих и демократических газетах; один из первых пропагандистов научного коммунизма в Америке; впоследствии отошел от политической деятельности.— 1, 93, 372, 375.

Книлле Отто (1832—1898) — немецкий художник, автор картин на исторические темы.— 2, 194.

Коббет Уильям (1762—1835) — английский политический деятель и публицист радикального направления.— 1, 142.

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — русский социолог, историк, этнограф и юрист; политический деятель, буржуазный либерал; автор ряда исследований, в частности по истории первобытнообщинного строя.— 2, 22—24, 26, 28—34, 36—42, 105, 106.

Коген Герман (1842—1918) — немецкий философ-идеалист, неокантианец.— 2, 89.

Козель Эстер (ок. 1787—1865) — сестра отца Карла Маркса.— 1, 102.

Кож Поль де (1793—1871) — французский писатель и драматург.— 1, 143.

Кокоский Самуэль (1838—1899) — немецкий публицист; в 1872 г. примкнул к социал-демократии, редактор ряда социал-демократических газет.— 1, 351.

Коллет Коллет Добсон — английский радикальный журналист и общественный деятель; редактор органа уркартистов «Free Press» (1856—1865).— 1, 120.

Колло Эжени — деятельница французского рабочего движения, делегат Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе в 1893 г.— 2, 260, 261.

Кольм — учитель французского языка.— 1, 100.

Кольридж Самюэль Тэйлор (1772—1834) — английский поэт, критик и философ.— 2, 269.

Комин Марианна (урожденная *Скиннер*) — подруга Элеоноры Маркс в начале 80-х гг.— 2, 219, 220, 222—230.

Конради Иоганн Якоб (1821—1892) — немецкий инженер в Трире, муж сестры Маркса Эмилии.— 1, 102.

Конради Эмилия (1822—1888) — сестра Маркса, жена Иоганна Якоба Конради.— 1, 102.

Конт Огюст (1798—1857) — французский философ и социолог, основатель позитивизма.— 2, 99.

Корф Герман — прусский офицер, уволенный в 1847 г. из армии за политические убеждения, демократ; в 1848—1849 гг. ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung»; впоследствии эмигрировал в США.— 1, 340.

Корье Поль — один из авторов (вместе с П. Ланжалле) дневника под названием «История революции 18 марта». — 2, 22, 28.

Коссидьер Марк (1808—1861) — французский мелкобуржуазный демократ; после февральской революции 1848 г. префект полиции в Париже, депутат Учредительного собрания; в июне 1848 эмигрировал в Англию.— 2, 126.

Кравчинская Фанни Марковна (ок. 1853—1945) — участница революционного народнического движения 70-х гг.; жена С. М. Кравчинского (Степняка).— 2, 107—113, 115, 116.

Кравчинский Сергей Михайлович (литературный псевдоним *Степняк*) (1851—1895) — русский публицист и писатель, видный деятель революционного народничества 70-х гг.; в 1878 г. эмигрировал, с 1884 г. жил в Англии.— 1, 186, 319, 320; 2, 66, 78, 80, 81, 95, 103, 107—110, 112, 113, 115, 246.

«*Красный Беккер*» — см. *Беккер Герман Генрих*.

«*Красный Вольф*» — см. *Вольф Фердинанд*.

Крез — царь Лидии (560—546 до н. э.).— 1, 298.

Кример Уильям Рандал (1828—1908) — деятель английского тред-юнионистского и буржуазно-пацифистского движения, реформист; один из основателей Объединенного общества плотников и столяров (1860); участник Учредительного собрания I Интернацио-

нала 28 сентября 1864 г., член Генерального Совета и его генеральный секретарь (1864—1866), противник революционной политики; впоследствии член парламента от либеральной партии.— 2, 273, 274.

Кристи Франческо (1818—1901) — итальянский государственный деятель, буржуазный республиканец; участник революции 1848—1849 гг. в Италии и революционного похода Гарибальди в Южную Италию в 1860 г.— 1, 349.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) — русский революционер, географ и путешественник, один из деятелей и идеологов анархизма; в 1876—1917 гг. находился в эмиграции.— 2, 37, 81, 90, 99, 257.

Кугельман (ок. 1789—1869) — мать Людвиг Кугельмана.— 2, 177.

Кугельман Гертруда (урожденная *Оппенгейм*) (род. в 1839 г.) — жена Людвиг Кугельмана.— 2, 159—161, 163—170, 172—174, 176—178, 189—191, 194, 195.

Кугельман Людвиг (1828—1902) — немецкий врач, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, член I Интернационала; друг Маркса и Энгельса.— 1, 42, 46, 350; 2, 32, 159—161, 163—170, 172—174, 177, 178, 189—191, 194, 195.

Кугельман Франциска (1858 — ок. 1930) — дочь Людвиг Кугельмана.— 2, 159—161, 163—174, 176—178, 189—191, 194, 195.

Кулишова Анна Михайловна (1854—1925) — русская революционерка; в 1877—1878 гг. эмигрантка в Париже, примыкала к анархистам; в середине 80-х гг. участвовала в работе группы «Освобождение труда»; затем видная деятельница Итальянской социалистической партии; жена А. Коста (с 1877 г.), затем Ф. Турати (с 1885 г.).— 2, 261.

Куно — жена Фридриха Куно.— 2, 141.

Куно Фридрих Теодор (1846—1934) — деятель немецкого и международного рабочего движения, социалист, делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872); впоследствии участник рабочего движения в Америке; по профессии инженер; соратник Маркса и Энгельса.— 1, 350; 2, 135—143, 145—155, 157, 158.

Купер Джеймс Фенимор (1789—1851) — американский писатель.— 1, 111.

Кэмпбелл — старинный шотландский род.— 1, 111, 272; 2, 220.

Кэрингем — английская писательница, автор нескольких произведений из английской и шотландской жизни.— 1, 97.

Кэрингем Алиса — дочь писательницы Кэрингем.— 1, 97.

Кэрингем Элинора — дочь писательницы Кэрингем.— 1, 97.

Кювье Жорж (1769—1832) — французский натуралист, зоолог и палеонтолог, создатель сравнительной анатомии.— 1, 143, 304.

Л

Лабетт.— 1, 97.

Лабичский Август (1832—1903) — музыкант, руководитель оркестра.— 2, 193.

Лабриола Антонио (1843—1904) — итальянский социалист, философ и публицист, один из первых пропагандистов марксизма в Италии.— 1, 317, 318.

Лавеле Эмиль Луи Виктор (1822—1892) — бельгийский буржуазный историк и экономист.— 2, 29.

Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — русский социолог и публицист, один из идеологов революционного народничества, член I Интернационала, участник Парижской коммуны, редактор журнала «Вперед!» (1873—1876) и газеты «Вперед!» (1875—1876); находился в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом.— 1, 167, 318; 2, 20, 21, 46, 52—54, 60, 61, 63, 68, 71, 72, 76, 77, 82, 86, 90, 96, 98, 99.

Лайель Чарлз (1797—1875) — английский ученый, геолог.— 2, 226.

Ламартин Альфонс (1790—1869) — французский поэт, историк и политический деятель; в 40-х гг. XIX в. один из лидеров умеренных республиканцев, в 1848 г. министр иностранных дел и фактический глава временного правительства.— 1, 72.

Ланге Фридрих Альберт (1828—1875) — немецкий буржуазный философ и экономист, неокантионец, автор книги «История материализма» (1866).— 2, 91.

Лассаль — сестра Фердинанда Лассаля.— 1, 105.

Лассаль Розалия — мать Фердинанда Лассаля.— 1, 105.

Лассаль Фердинанд (1825—1864) — немецкий публицист и адвокат; мелкобуржуазный социалист; в 1848—1849 гг. участвовал в демократическом движении Рейнской провинции, основатель Всеобщего германского рабочего союза (1863), один из родоначальников оппортунистического направления в германской социал-демократии.— 1, 41, 42, 46, 47, 98, 100, 103—105, 113, 260—263, 331, 377, 378; 2, 4, 11, 38, 53, 67, 82, 91, 94, 152, 176, 177, 202, 203, 207, 213, 255, 263.

Лассаль Хейман (ум. в 1862 г.) — немецкий купец, отец Фердинанда Лассаля.— 1, 104.

Лафарг (род. в 1803 г.) — мать Поля Лафарга.— 2, 158.

Лафарг Лаура — см. *Маркс* Лаура.

Лафарг Поль (1842—1911) — деятель международного рабочего движения, один из основателей французской Рабочей партии, пропагандист марксизма; ученик и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 68, 109, 139, 141, 145—147, 154, 161, 165, 167, 179, 188, 285, 318, 319, 322, 333; 2, 29, 38, 82, 138, 139, 153, 155, 157, 173, 190, 213, 229, 232, 234, 244, 247, 254, 272.

Лафарг Франсуа (ум. в 1870 или 1871 г.) — отец Поля Лафарга.— 2, 158.

Лаффит Жак (1767—1844) — французский банкир и либеральный политический деятель, глава правительства в первые годы Июльской монархии (1830—1831).— 1, 84.

Ле Муссю Бенжамен (род. в 1846 г.) — деятель французского рабочего движения, по профессии гравер; участник Парижской коммуны, после поражения Коммуны эмигрант в Лондоне; член Генерального Совета I Интернационала, поддерживал борьбу Маркса и Энгельса против бакунистов.— 2, 154.

Лёвенталь — издатель во Франкфурте-на-Майне.— 1, 375.

Леви Лион (1821—1888) — английский буржуазный экономист, статистик и юрист.— 2, 26, 33, 34.

Ледрю-Роллен Александр Огюст (1807—1874) — французский публицист и политический деятель, один из лидеров мелкобуржуазных демократов, редактор газеты «La Réforme»; в феврале — мае 1848 г. министр внутренних дел временного правительства, депутат Учредительного и Законодательного собраний, где возглавлял партию Горы; после демонстрации 13 июня 1849 г. эмигрировал в Англию.— 1, 88, 203; 2, 126.

Лейбниц Готфрид Вильгельм, барон фон (1646—1716) — немецкий философ и математик.— 1, 379; 2, 92.

Лелевель Иоахим (1786—1861) — польский историк и революционный деятель; участник польского восстания 1830—1831 гг., один из лидеров демократического крыла польской эмиграции; в 1847—1848 гг. член комитета брюссельской Демократической ассоциации.— 1, 85.

Ленген — см. *Демут* Елена.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — русский поэт.— 2, 166.

Лесаж Алан Рене (1668—1747) — французский писатель.— 1, 297.

Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) — немецкий писатель-драматург, критик и философ.— 1, 214, 237, 252, 257, 300, 302, 379; 2, 220, 254.

Лесснер — мать Фридриха Лесснера.— 1, 353.

Лесснер (ок. 1840—1868) — первая жена Фридриха Лесснера.— 1, 347.

Лесснер Мария (ум. после 1909) — вторая жена Фридриха Лесснера (с 1869 г.).— 1, 350.

Лесснер Фридрих (1825—1910) — деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии портной; член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг.; один из подсудимых на кельнском процессе коммунистов (1852); с 1856 г. эмигрант в Лондоне, член лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих, член Генерального Совета I Интернационала; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 185, 195, 244, 286, 317, 325—331, 334, 336—340, 343—355, 358—368; 2, 249.

Либих Юстус (1803—1873) — немецкий ученый, агрохимик.— 1, 223.

Либкнехт (ум. ок. 1829) — мать Вильгельма Либкнехта.— 1, 200, 234, 270.

Либкнехт Алиса (род. в 1857 г.) — дочь Вильгельма Либкнехта.— 1, 244, 266, 292; 2, 169.

Либкнехт Вильгельм (1826—1900) — деятель немецкого и международного рабочего движения, участник революции 1848—1849 гг., член Союза коммунистов, один из основателей и вождей германской социал-демократии, член I Интернационала; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 42, 89, 98, 99, 105—106, 118, 184, 185, 194—203, 205—207, 210, 212—213, 215—235, 237—241, 243—267, 271—282, 286, 293, 295—300, 302, 303, 310, 313—316, 319, 346, 347, 353, 354, 362; 2, 20, 21, 38, 67, 68, 98, 136, 169, 175, 201, 202, 204, 216, 231, 233, 240, 247, 263, 264.

Либкнехт Гертруда (род. в 1864 г.) — дочь Вильгельма Либкнехта.— 2, 169.

Либкнехт Карл (1871—1919) — сын Вильгельма Либкнехта; деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии.— 1, 292.

Либкнехт Натали (урожденная *Рее*) (1835—1909) — с 1868 г. вторая жена Вильгельма Либкнехта.— 2, 202.

Либкнехт Теодор (1870—1948) — сын Вильгельма Либкнехта, по профессии адвокат, социал-демократ; с 1921 г. депутат прусского ландтага.— 1, 292.

Либкнехт Эрнестина (урожденная *Ландольт*) (1834—1867) — первая жена Вильгельма Либкнехта.— 1, 99; 2, 169.

Ливер Чарлз Джеймс (1806—1872) — ирландский писатель.— 1, 143.

Линкольн Авраам (1809—1865) — выдающийся американский государственный деятель, один из основателей республиканской партии, президент США (1861—1865).— 1, 113.

Лиссагаре Проспер Оливье (1838—1901) — французский журналист и историк, участник Парижской коммуны.— 1, 293; 2, 192, 204.

Литтон Эдуард Георг *Булвер-Литтон* (1803—1873) — английский писатель и политический деятель.— 2, 226.

Локиер — см. *Морозов* Николай Александрович.

Лонге Гарри (1878—1883) — внук Карла Маркса, сын Женни и Шарля Лонге.— 1, 171, 173, 179, 180, 232, 269, 284, 322; 2, 213.

Лонге Жан Лоран Фредерик (*Джонни*) (1876—1938) — внук Карла Маркса, сын Женни и Шарля Лонге; впоследствии один из реформистских лидеров французской социалистической партии и II Интернационала.— 1, 171, 179, 180, 232, 269, 271, 318, 322; 2, 191, 213, 229, 273.

Лонге Женни — см. *Маркс* Женни.

Лонге Марсель (1881—1949) — внук Карла Маркса, сын Женни и Шарля Лонге.— 1, 180, 269.

Лонге Шарль (1839—1903) — деятель французского рабочего движения, по профессии журналист; член Генерального Совета I Интернационала и участник Парижской коммуны; впоследствии поппублист; муж дочери Маркса Женни.— 1, 171, 232, 322, 333; 2, 28, 29, 138, 142, 157, 191, 213, 228.

Лонге Эдгар (1879—1950) — внук Карла Маркса, сын Женни и Шарля Лонге, член Социалистической партии Франции; с 1938 г. коммунист, участник движения Сопротивления.— 1, 13, 171—174, 177—180, 232, 269, 322; 2, 213.

Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — русский революционер, народник; член Генерального Совета I Интернационала (1870), один из переводчиков I тома «Капитала» Маркса на русский язык; друг Маркса и Энгельса.— 2, 11—17, 20, 21, 28, 84, 97.

Лопе де Вега Феликс (1562—1635) — испанский писатель, драматург.— 2, 198.

Лоренцо Ансельмо (1841—1915) — деятель испанского рабочего движения, член I Интернационала; по профессии рабочий-типограф.— 2, 196—200.

Лотце Рудольф Герман (1817—1881) — немецкий философ, врач, естествоиспытатель, профессор философии в Лейпциге, Гёттингене и Берлине.— 2, 99.

Лохнер Георг (1824 — ок. 1905) — деятель немецкого рабочего движения, член Союза коммунистов, позднее член Генерального Совета I Интернационала; по профессии рабочий-столяр; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 1, 185, 195, 244.

Луи-Наполеон — см. *Наполеон III*.

Луи-Филипп I (1773—1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830—1848). — 1, 87, 143, 206, 237; 2, 123.

Лукреций (Тит Лукреций Кар) (ок. 99 — ок. 55 до н. э.) — римский философ и поэт. — 2, 90.

Лупус — см. *Вольф Вильгельм*.

Льюис Джон (Джордж Генри) (1817—1878) — английский буржуазный философ-позитивист, физиолог и писатель; редактор журнала «Fortnightly Review» (1865—1866). — 2, 22.

Любавин Николай Николаевич (1845—1918) — русский химик, профессор; в 60-х гг. участник студенческих революционных кружков; принимал участие в подготовке русского издания I тома «Капитала». — 2, 14, 17.

Любатович Ольга Спиридоновна (1853—1917) — русская революционерка, народница, первая жена Н. А. Морозова. — 2, 45, 49, 51.

Любек Карл Вильгельм Эдуард (1843—1890) — немецкий журналист и писатель, социал-демократ, в 1873 г. эмигрировал в Швейцарию. — 2, 241.

Люкен — см. *Потель Фредерик*.

Люксембург Роза (1871—1919) — деятельница польского и немецкого рабочего движения, один из лидеров левого крыла II Интернационала, один из основателей Коммунистической партии Германии; в январе 1919 г. зверски убита контрреволюционерами. — 2, 241.

Лютгенау Франц (род. в 1857 г.) — немецкий журналист, социал-демократ. — 1, 319.

Лютер Мартин (1483—1546) — немецкий богослов, писатель, деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии. — 1, 323; 2, 175.

М

М. О. — см. *Оппенгейм Макс*.

Маджони — учитель итальянского языка. — 1, 100.

Мадзини Джузеппе (1805—1872) — итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей национально-освободительного движения; в 1849 г. глава временного правительства Римской республики. — 1, 12; 2, 129, 131, 132, 210.

Майбах Альберт фон (1822—1904) — прусский государственный деятель, председатель правления государственных железных дорог в Ганновере; с 1878 г. министр торговли. — 2, 173.

Майский Иван Михайлович (1884—1975) — советский дипломат, историк, публицист. — 2, 107, 110, 112.

Мак-Куллох Джон Рамсей (1789—1864) — британский экономист, вульгаризатор экономической теории Д. Рикардо. — 1, 223.

Мак-Магон Мари Эдм Патрис Морис (1808—1893) — французский военный и политический деятель, маршал, бонапартист; один из

палачей Парижской коммуны; президент Третьей республики (1873—1879).— 1, 363; 2, 32.

Маколей Томас (1800—1859) — английский историк и политический деятель, виг.— 2, 241.

Максимилиан Габсбург (1832—1867) — австрийский эрцгерцог; в 1864 г. провозглашен французскими интервентами в Мексике императором; в 1867 г. расстрелян мексиканскими республиканцами.— 2, 175.

Малатеста Эррико (1854—1932) — один из лидеров анархистского движения в Италии, последователь М. Бакунина; неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению.— 2, 143—144.

Малон Бенуа (1841—1893) — французский социалист; член I Интернационала, член ЦК Национальной гвардии и Парижской коммуны, после подавления Коммуны эмигрировал в Италию, затем в Швейцарию, в 1880 г. вернулся во Францию; один из лидеров и идеологов оппортунистического течения в социалистическом движении Франции — POSSИБИЛИЗМА.— 2, 156.

Манн Том (1856—1941) — деятель английского рабочего движения, член Социал-демократической федерации (с 1885 г.) и Независимой рабочей партии (с 1893 г.); один из основателей (1920) Коммунистической партии Великобритании.— 2, 257.

Мантёйфель Отто Теодор фон (1805—1882) — прусский реакционный политический деятель; министр внутренних дел (1848—1850), премьер-министр (1850—1858).— 1, 312.

Маркс Генриетта (урожденная *Прессбург*) (1788—1863) — мать Карла Маркса.— 1, 101, 122, 123, 152, 177, 273; 2, 120.

Маркс Генрих (1782—1838) — отец Карла Маркса; адвокат, затем советник юстиции в Трире.— 1, 9, 122, 124—125, 152, 172, 271—273; 2, 38.

Маркс Генрих Гвидо («Фоксик») (1849—1850) — сын Карла Маркса.— 1, 89—91, 118, 123, 137, 153, 174, 243, 271, 279, 281, 283; 2, 37.

Маркс Женни (урожденная фон *Вестфален*) (1814—1881) — жена Карла Маркса.— 1, 10, 13, 71, 84—105, 109, 113—118, 123—125, 132, 136—138, 141, 144, 152—155, 157, 159, 161, 163, 172—183, 198—200, 211, 224, 225, 227, 233—238, 240, 242—245, 247—248, 250, 267—272, 279, 280, 282—285, 287—293, 322, 323, 329, 333—334, 347, 350, 352, 365, 372—374; 2, 22—24, 30, 35—37, 39, 40, 119—124, 139, 146, 157, 168—170, 173, 189—191, 206, 210, 213, 220, 224, 226, 239—241, 243, 244.

Маркс Женни (1844—1883) — дочь Карла Маркса, с 1872 г. жена Шарля Лонге.— 1, 13, 84, 85, 87, 89, 90, 93, 95, 97—101, 103, 108—110, 116—118, 123, 125, 141—144, 151, 152, 154, 155, 157, 159, 160, 166, 169, 172, 175, 179—181, 185, 188, 199, 231—233, 240, 241, 243, 244, 247—251, 267, 269—271, 282, 284, 287—290, 292, 293, 322, 330, 333, 347, 350, 365; 2, 24, 28, 29, 38—40, 120—123, 138, 139, 146, 157, 163, 168—174, 177, 189—191, 194, 199, 213, 228, 229, 232, 234, 240, 241.

Маркс Лаура (1845—1911) — вторая дочь Карла Маркса, с 1868 г. жена Поля Лафарга — 1, 13, 85, 87, 89, 90, 93, 95, 97—99, 103, 108—110, 116—118, 123, 141—144, 151, 152, 154, 155, 157, 161, 166, 179, 180, 188, 199, 231, 233, 240, 243, 247—251, 271, 282, 284, 285, 287—290, 292, 293, 318, 322, 330, 333, 347, 350; 2, 28, 29, 38, 120—123, 138, 139, 146, 157, 163, 173, 190, 199, 213, 229, 232, 234, 243, 244, 247.

Маркс Луиза — см. Юта Луиза.

Маркс Франциска (1851—1852) — дочь Карла Маркса. — 1, 91—93, 118, 123, 137, 153, 175, 271, 279—281, 284, 374.

Маркс Эдгар («Муш») (1847—1855) — сын Карла Маркса. — 1, 87, 89—91, 93, 95, 108, 116—118, 123, 137, 154, 176, 243, 244, 271, 279, 281, 284; 2, 120—123, 169.

Маркс Эдуард (1826—1837) — брат Карла Маркса. — 1, 124.

Маркс-Эвелинг Элеонора (Тусси) (1855—1898) — деятельница английского и международного рабочего движения 80—90-х гг.; младшая дочь Карла Маркса, жена Э. Эвелинга. — 1, 13, 45, 99, 101, 103, 107—115, 116—118, 120—128, 130—136, 141—144, 151, 152, 154, 155, 157, 166, 175, 179, 180, 182, 186, 188, 189, 228, 243—245, 266—275, 277, 278, 280—282, 284—294, 318, 322, 330, 333, 362, 365, 367, 368; 2, 15, 20, 29, 36, 47, 54—57, 66, 80, 94, 97, 102, 103, 107, 108, 113, 138, 139, 146, 151, 157, 163, 172, 189, 191, 192, 194, 195, 199, 201, 204, 208, 215, 219, 220, 222—230, 232, 234, 243—245, 247, 257.

Марриэт Фредерик (1792—1848) — английский писатель, автор приключенческих романов. — 1, 111, 112.

Марселау Николо Алонсо — испанский анархист, один из руководителей испанской организации Альянса; делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872), исключен из Интернационала решением Генерального Совета от 30 мая 1873 г. — 2, 153.

Мартенс Иоахим Фридрих (ок. 1804—1877) — участник немецкого рабочего движения, один из руководителей общины Союза коммунистов в Гамбурге; по профессии столяр; впоследствии перешел на либеральные позиции. — 1, 346.

Маршалл Альфред (1842—1924) — английский экономист, профессор политической экономии Кембриджского университета. — 2, 34.

Мезенцев Николай Владимирович (1827—1878) — русский государственный деятель, с 1864 г. начальник штаба корпуса жандармов; в 1876—1878 гг. шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения. — 2, 246.

Мейер Петер — знакомый семьи Карла Маркса в Лондоне в 50-х гг. — 1, 94.

Мейерер Герман (1813 — ок. 1882) — немецкий писатель, демократ, член Союза отверженных, а затем Союза справедливых, с 1843 г. жил в Париже, участник революции 1848—1849 гг. в Германии. — 1, 84.

Мейснер Альфред (1822—1885) — австрийский писатель демократического направления; в 40-х гг. «истинный социалист», позднее либерал. — 2, 128—132.

Мейснер Отто Карл (1819—1902) — гамбургский книгоиздатель, издал «Капитал» и ряд других работ Маркса и Энгельса. — 1, 103, 166; 2, 128—132.

Мелос — мать жены Фердинанда Фрейлиграта. — 1, 346.

Мендельсон Мария (урожденная Залеская, по первому мужу Янковская) (1850—1909) — участница социалистического движения в Польше в 80—90-х гг., жена С. Мендельсона. — 1, 185; 2, 95.

Мендельсон Станислав (1858—1913) — польский социалист, публицист, один из основателей Польской социалистической партии (1892); во второй половине 90-х гг. отошел от рабочего движения. — 1, 185; 2, 83, 95.

Меринг Франц (1846—1919) — деятель рабочего движения Германии, историк и публицист; биограф Маркса; сыграл видную роль в создании Коммунистической партии Германии.— 1, 354, 377; 2, 104.

Меса-и-Леомпарт Хосе (1840—1904) — деятель испанского рабочего движения, один из руководителей Испанской федерации I Интернационала и организатор Испанской социалистической рабочей партии; по профессии рабочий-печатник; сторонник Маркса и Энгельса.— 1, 167.

Микель Иоганн (1828—1901) — немецкий политический деятель, в 40-х гг. член Союза коммунистов; впоследствии национал-либерал.— 2, 159.

Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский экономист и философ-позитивист.— 2, 54, 99.

Минье Франсуа Огюст Мари (1796—1884) — французский либерально-буржуазный историк периода Реставрации.— 1, 21.

Михайлов Александр Дмитриевич (1855—1884) — русский революционер; один из организаторов «Земли и воли», член Исполнительного комитета «Народной воли». — 2, 53.

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — русский социолог, публицист и литературный критик, идеолог либерального народничества.— 2, 14, 53, 86.

Моген Франсуа (1785—1854) — французский юрист и политический деятель, до 1848 г. один из вождей либеральной династической оппозиции; в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, примыкал к правым депутатам.— 2, 126.

Мошотт Якоб (1822—1893) — ученый-физиолог и философ, родом из Голландии, представитель вульгарного материализма.— 1, 16, 223.

Молль Иосиф (1813—1849) — деятель немецкого и международного рабочего движения; один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов; участник революции 1848—1849 гг., по профессии часовщик.— 1, 310, 339, 340.

Мольтке Хельмут Карл Бернхард (1800—1891) — прусский офицер, впоследствии генерал-фельдмаршал, реакционный военный деятель и писатель; начальник прусского (1857—1871) и имперского (1871—1888) генерального штаба.— 1, 305.

Монтиго Евгения (1826—1920) — жена Наполеона III.— 2, 171.

Мораго-Гонсалес Томас — испанский анархист, по профессии рабочий-гравер; один из основателей и руководителей Альянса в Испании; исключен из Интернационала решением Генерального Совета от 30 мая 1873 г.— 2, 153.

Морган Льюис Генри (1818—1881) — американский этнограф, археолог и историк первобытного общества; стихийный материалист.— 2, 26, 29.

Морли Джон (1838—1923) — английский публицист и государственный деятель, либерал; в 1867—1882 гг. главный редактор «Fortnightly Review». — 2, 272.

Морозов Николай Александрович (1854—1946) — русский революционер-народник; член Исполнительного комитета «Народной

воли»; с 1882 по 1905 г. находился в заключении в Шлиссельбургской крепости, позднее ученый в области химии и астрономии, почетный член Академии наук СССР.— 2, 44—57.

Моррис Уильям (1834—1896) — английский поэт, художник и общественный деятель, в 80-х гг. участвовал в рабочем и социалистическом движении.— 1, 187; 2, 246, 257.

Мост Иоганн (1846—1906) — немецкий социал-демократ; затем анархист, в 1878 г. эмигрировал в Англию, в 1882 г.— в США; в 1880 г. исключен из социал-демократической партии.— 1, 42; 2, 94.

Моттелер Эмилия (урожденная *Шварц*) (1850—1919) — жена Юлиуса Моттелера.— 1, 185, 292.

Моттелер Юлиус («Красный почтмейстер») (1838—1907) — немецкий социал-демократ; во время исключительного закона против социалистов ведал транспортировкой нелегальной социал-демократической литературы в Германию.— 1, 185, 285, 286, 317.

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791) — австрийский композитор.— 1, 253.

Мур Самюэл (1838—1911) — английский юрист, член I Интернационала, перевел на английский язык I том «Капитала» (вместе с Э. Эвелингом) и «Манифест Коммунистической партии»; друг Маркса и Энгельса.— 1, 131, 162, 188, 318, 319, 363; 2, 232, 234, 237.

Мур Томас (1779—1852) — ирландский поэт и писатель.— 2, 172.

«*Муш*» — см. *Маркс Эдгар*.

Мюллер Вильгельм (1794—1827) — немецкий писатель.— 1, 229.

Н

Назарбек (Назарбеков А., Назарбекян) Аветис Варданович (псевдоним *Леренц*) (1866—1939) — армянский политический и общественный деятель, с 1883 г. жил за границей, один из основателей и руководителей партии социалистического направления «Гнчак» (1887); издавал произведения К. Маркса и Ф. Энгельса на армянском языке; в 1934 г. вступил в ВКП(б).— 1, 318.

Наполеон, принц — см. *Бонапарт Наполеон Жозеф Шарль Поль*.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815).— 1, 249; 2, 170, 171.

Наполеон Мальй — см. *Наполеон III*.

Наполеон III (Шарль-Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — принц, племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848—1851), французский император (1852—1870).— 1, 75, 88, 92, 116, 143, 221, 222, 225, 260, 289, 312, 328, 370; 2, 129, 170, 171, 175, 176.

Наторп Пауль (1854—1924) — немецкий философ, неокантианец.— 2, 89.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) — русский поэт.— 1, 55.

Непомук (Иоанн Непомук) (ок. 1330—1393) — чешский священник; казнен королем Вацлавом IV; провозглашен церковью «святым».— 2, 164.

Нечаев Сергей Геннадиевич (1847—1882) — русский революционер-заговорщик, участник студенческого движения в Петербурге; в 1869—1871 гг. был тесно связан с Бакуниным, создал тайную организацию «Народная расправа» (1869); умер в Петропавловской крепости.— 2, 156.

Николай — он — см. *Даниельсон Николай Францевич*.

Николай II (1868—1918) — русский император (1894—1917).— 2, 96.

Нобилинг Карл Эдуард (1848—1878) — немецкий анархист; в 1878 г. покушался на жизнь Вильгельма I.—2, 38.

Нобре-Франса Жозе — участник португальского социалистического и рабочего движения; один из организаторов первых секций I Интернационала в Лиссабоне; в 1872—1873 гг. поддерживал переписку с Марксом и Энгельсом.— 1, 167.

Носке Густав (1868—1946) — немецкий правый социал-демократ, в период Веймарской республики военный министр (1919—1920), организатор расправы с революционными рабочими в 1919 г.— 2, 216.

Нотьюнг Петер (1821—1866) — член кёльнского Рабочего союза и Союза коммунистов; участник Эльберфельдского восстания (1849); один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852); по профессии портной.— 1, 339, 345.

Ньювенгейс Фердинанд Домела (1846—1919) — один из основателей голландской социал-демократической партии; в 90-х гг. перешел на позиции анархизма.— 2, 260.

О

О'Брайен Джемс (литературный псевдоним *Бронтер*) (1802—1864) — английский публицист; видный деятель чартистского движения, автор ряда утопических социально-реформаторских проектов; организатор Национальной лиги реформы (1849).— 2, 271, 272.

О'Донован-Росса — жена О'Донована-Росса; в 1865—1866 гг. организатор сбора средств в пользу семей ирландских политических заключенных.— 2, 172.

О'Донован-Росса Джеримая (1831—1915) — деятель ирландского национального освободительного движения; один из основателей и руководителей тайного революционного общества фениёв; в 1865 г. арестован и приговорен к пожизненному заключению; после амнистии 1870 г. эмигрировал в США.— 2, 172.

О'Коннор Фергюс (1794—1855) — один из лидеров левого крыла чартистского движения, редактор газеты «The Northern Star», после 1848 г. реформист.— 1, 373.

Олдфилд — учитель рисования.— 1, 100.

Оппенгейм Макс — брат жены Людвиг Кугельмана, Гертруды.— 1, 267.

Освальд Ойген (1826—1912) — немецкий журналист, буржуазный демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848—1849 гг.; после поражения революции эмигрировал в Англию.— 2, 245.

Отто Карл (род. ок. 1810) — немецкий химик, в 1848—1849 гг. член кёльнского Рабочего союза и Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852).— 1, 345.

Отто-Вальстер Август (1834—1898) — немецкий журналист и писатель; член Всеобщего германского рабочего союза, затем социал-демократ, сотрудник газеты «Volksstaat», в 1876 г. эмигрировал в США.— 2, 241.

Оуэн Роберт (1771—1858) — английский социалист-утопист.— 1, 67, 128, 217, 229, 295, 360, 373.

Оффенбах Жак (Якоб) (1819—1880) — французский композитор, один из основоположников классической оперетты.— 2, 86.

П

Павловский Исаак Яковлевич (1852—1924) — деятель народнического движения в России в 70-х гг.; в 1878 г. эмигрировал в Швейцарию.— 2, 46, 52, 57.

Палларет.— 1, 97.

Пальмерстон Генри Джон (1784—1865) — английский государственный деятель, министр иностранных дел (1830—1834, 1835—1841, 1846—1851), министр внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865), в начале своей деятельности тори, с 1830 г. виг.— 1, 45, 74, 94, 119, 230.

Парвус — см. **Гельфанд Александр Лазаревич**.

Патти Аделина (1843—1919) — итальянская оперная певица.— 1, 299.

Перовская Софья Львовна (1853—1881) — русская революционерка, деятельница «Народной воли»; казнена за участие в убийстве Александра II.— 2, 48, 49, 53, 56, 57.

Петти Уильям (1623—1687) — английский экономист и статистик, родоначальник классической буржуазной политической экономии в Англии.— 2, 35.

Пий IX (1792—1878) — папа римский (1846—1878).— 2, 132.

Пиль Роберт (1788—1850) — английский государственный деятель, умеренный тори, премьер-министр (1841—1846), в 1846 г. отменил хлебные законы.— 1, 276.

Пинкау Иоганн Карл (1859—1922) — немецкий социал-демократ, по профессии литограф; с 1892 г. фотограф в Лейпциге; впоследствии член рейхстага.— 1, 286.

Пио Луи (1841—1894) — видный деятель датского рабочего и социалистического движения, пропагандист марксизма; один из создателей датских секций I Интернационала (1871), редактор газеты «Socialisten», один из основателей датской социал-демократической партии (1876); в 1877 г. эмигрировал в Америку.— 2, 21.

Пипер Вильгельм (род. ок. 1826) — немецкий филолог и журналист, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне; в 50-е гг. был близок к Марксу и Энгельсу.— 1, 89, 92.

Платер Владислав, граф (1806—1889) — польский публицист, участник восстания 1830—1831 гг., после поражения восстания эмигрировал за границу.— 2, 194.

Платон (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — древнегреческий философ. — 2, 92, 269.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — деятель русского и международного рабочего движения, философ и пропагандист марксизма в России, основатель первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда», в 80—90-х гг. выступал против оппортунизма и ревизионизма в международном рабочем движении; впоследствии меньшевик. — 1, 62, 186; 2, 44, 46, 48, 57, 59, 60, 62—67, 70, 72, 76—85, 88—94, 99—104, 107, 113, 233.

Плеханова Розалия Марковна (1858—1949) — жена, друг и соратник Г. В. Плеханова; во второй половине 70-х гг. участвовала в революционном движении в России; в 1880 г. эмигрировала вместе с Плехановым за границу, после его смерти принимала активное участие в собирании и публикации его литературного наследства, одна из организаторов Дома Плеханова в Ленинграде. — 2, 101—104.

Поллак (Полляк) Теофилия Васильевна (по мужу *Мощенкова*) (ок. 1855—1882) — участница народнического движения в России в конце 70-х гг.; в 1881 г. эмигрировала за границу. — 2, 101, 102.

Потель Фредерик (псевдоним *Люкен*) (ум. в декабре 1872 г.) — делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872) от французских секций; входил в комиссию по расследованию подрывной деятельности бакунинского Альянса. — 2, 142, 146, 155, 156.

Прейс Карл. — 1, 261.

Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, один из родоначальников анархизма; в 1848 г. депутат Учредительного собрания. — 1, 10, 12, 43—44, 71, 208; 2, 8, 9, 23, 33, 78.

«*Пумпс*» — см. *Рошер* Мери Эллен.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — русский поэт. — 1, 144; 2, 73, 110, 114.

Пфендер Карл (1818—1876) — деятель немецкого и международного рабочего движения, художник-миниатюрист; с 1845 г. эмигрант в Лондоне, член Союза коммунистов, член Генерального Совета I Интернационала (1864—1867 и 1870—1872); друг и соратник Маркса и Энгельса. — 1, 206, 207, 244, 346, 353.

Р

Рабле Франсуа (ок. 1494—1553) — французский писатель-гуманист. — 1, 246.

Равашоль Франсуа (1859—1892) — французский анархист, участник ряда террористических актов, казнен в 1892 г. — 2, 261.

Райт — английская актриса. — 2, 219.

Раковиц Янко (ум. в 1865 г.) — румынский дворянин; в 1864 г. смертельно ранил Лассаля на дуэли. — 1, 105, 262.

Ранвье Габриель (1828—1879) — французский революционер-бланкист, по профессии художник-декоратор; член Парижской коммуны, после подавления Коммуны эмигрировал в Англию; член Генерального Совета I Интернационала (1871—1872), делегат Гаагского конгресса (1872); в связи с решением конгресса о переводе

Генерального Совета в Нью-Йорк вышел из Интернационала.— 2, 142, 154.

Раппопорт Шарль (1865—1941) — французский социалист, выходец из России; впоследствии деятель Коммунистической партии Франции, автор ряда работ по философии и социологии.— 2, 96—100.

Ратнер Фанни — жена Шарля Раппопорта.— 2, 96.

Редфорд (урожденная *Мейтленд*) *Каролина* (Долли) (ум. в 1920 г.) — английская поэтесса, близкий друг Элеоноры Маркс-Эвелинг.— 2, 219.

Рёзер *Петер Герхард* (1814—1865) — деятель немецкого рабочего движения; по профессии рабочий-сигарочник; в 1848—1849 гг. заместитель председателя кёльнского Рабочего союза; член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), позднее примыкал к лассальянцам.— 1, 345.

Рейф *Вильгельм Йозеф* (род. ок. 1824) — член кёльнского Рабочего союза, член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852).— 1, 345.

Реклю Жан Жак Элизе (1830—1905) — французский географ и социолог, один из теоретиков анархизма; после государственного переворота 1851 г. эмигрировал за границу; в 1857 г. вернулся во Францию, член I Интернационала, участник Парижской коммуны; после подавления Коммуны изгнан из Франции.— 2, 37.

Рело Франц (1829—1905) — немецкий ученый, основоположник немецкой школы теории механизмов.— 1, 255.

Риббентроп Адольф — немецкий юрист; эмигрант в Париже, фейербахианец, друг Эвербека.— 1, 84.

Рихардо Давид (1772—1823) — английский экономист, один из виднейших представителей классической буржуазной политической экономии.— 1, 31, 223; 2, 54.

Риль Алоиз (1844—1924) — немецкий философ, неокантианец.— 2, 89, 92.

Рипли Джордж (1802—1880) — американский писатель, публицист и литературный критик; один из редакторов газеты «New-York Daily Tribune» (с 1849 г.) и «Новой американской энциклопедии».— 1, 120.

Риссе Жозеф (род. в 1843 г.) — певец в Ганновере, в 1870 г. составил и издал сборник ирландских народных песен.— 2, 172.

Риттинггаузен Мориц (1814—1890) — немецкий адвокат и публицист; демократ, участник революции 1848—1849 гг., делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872), до 1884 г. состоял в социал-демократической партии, из которой исключен за оппортунистические взгляды.— 1, 350.

Рихтер Дмитрий Иванович (1848—1919) — русский статистик, экономист и географ; в 70-х гг. жил в Германии, сотрудничал в журнале «Вперед!», выходившем в Лондоне под редакцией П. Лаврова.— 2, 20, 21.

Ришар Альбер (1846—1925) — французский журналист, один из руководителей лионской секции I Интернационала, член тайного Альянса, после подавления Парижской коммуны эмигрировал в Англию.— 2, 156.

Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — деятель французской революции XVIII в., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794).— 1, 313.

Родбертус-Ягецов Иоганн Карл (1805—1875) — немецкий вульгарный экономист и политический деятель, идеолог обуржуазившегося прусского юнкерства, теоретик прусского реакционного «государственного социализма».— 1, 31; 2, 101.

Роджерс Джемс Эдвин Торолд (1823—1890) — английский буржуазный экономист, автор ряда работ по истории народного хозяйства Англии.— 2, 271.

Роже — см. *Рожье Шарль Латур*.

Рожье Шарль Латур (1800—1885) — бельгийский буржуазный государственный деятель, умеренный либерал; в 1847—1852 гг. министр внутренних дел.— 2, 120, 122.

Розенкранц Иоганн Карл (1805—1879) — немецкий философ и историк литературы, гегельянец.— 2, 161.

Роуз Эдуард — английский драматург.— 2, 219.

Рошер Вильгельм Георг Фридрих (1817—1894) — немецкий вульгарный экономист, основатель так называемой исторической школы в политической экономии.— 2, 34, 239.

Рошер Мери Эллен («Пумпс») (урожденная *Бёрнс*) (род. ок. 1860) — племянница жены Ф. Энгельса.— 1, 161, 365; 2, 136, 221, 232, 234, 244, 251.

Рошер Перси Уайт — английский коммерсант, с 1881 г. муж Мери Эллен Бёрнс.— 2, 244.

Рошфор Анри (1831—1913) — французский публицист и политический деятель, левый республиканец; член правительства национальной обороны, после подавления Парижской коммуны сослан в Новую Каледонию, бежал в Англию; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию; с конца 80-х гг. монархист.— 2, 213.

Руге Арнольд (1802—1880) — немецкий радикальный публицист и философ, младегегельянец; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 50-х гг. один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Англии; после 1866 г. национал-либерал.— 1, 10, 43, 60, 67, 71, 84, 302.

Русанов Николай Сергеевич (литературный псевдоним *Сергеевский*) (1859—1939) — русский революционер, народник; впоследствии эсер.— 2, 68—77.

Руссель Фердинан Франсуа (1839—1914) — французский социалист, активный деятель Рабочей партии; по профессии портной.— 1, 185.

Руссо Жан Жак (1712—1778) — французский философ и писатель, представитель Просвещения.— 1, 272; 2, 35.

Рюдер Кристиан Фридрих Рудольф (1809—1890) — немецкий чиновник; участник революции 1848—1849 гг.; в 1866—1881 гг. полицей-директор в Лейпциге.— 2, 204.

Рюккерт Фридрих (1788—1866) — немецкий поэт-романтик и переводчик восточной поэзии.— 2, 166, 194.

Рязанов Давид Борисович (1870—1938) — русский социал-демократ, меньшевик, в 1917 г. вступил в РСДРП(б), автор ряда работ

по истории марксизма; в 1921—1931 гг.— директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса; в 1931 г. исключен из ВКП(б).— 2, 44, 48.

С

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — русский писатель-сатирик.— 1, 144.

Сальвини Томмазо (1829—1915) — итальянский актер-трагик.— 2, 38.

Сандерс Уильям (род. в 1871 г.) — английский социалист, член Фабианского общества, секретарь Независимой рабочей партии.— 1, 187.

Саускотт Джоанна (1750—1814) — английская религиозная проповедница, основательница секты, примыкавшей к социнианам.— 2, 217.

Саути Роберт (1774—1843) — английский поэт и писатель.— 2, 269.

Саффи Аурелио (1819—1890) — итальянский революционер и писатель, деятель национально-освободительного движения, сподвижник Мадзини; участник революции 1848—1849 гг. в Италии; в 1851 г. эмигрировал в Англию; с 1872 г. возглавлял республиканскую партию в Италии.— 2, 132.

Сварм — см. *Дантрег* Эмиль.

Секст Эмпирик (II в.) — древнегреческий философ-скептик.— 2, 90.

Семере Бартоломей (1812—1869) — венгерский политический деятель и публицист; министр внутренних дел и глава революционного правительства (1849); после поражения революции эмигрировал из Венгрии.— 1, 93.

Сенар Антуан Мари Жюль (1800—1885) — французский юрист и политический деятель, в июне 1848 г. председатель Учредительного собрания, в июне — октябре 1848 г. министр внутренних дел в правительстве Кавеньяка.— 2, 126.

Сен-Симон Анри (1760—1825) — французский социалист-утопист.— 2, 36.

Сервантес де Сааведра Мигель (1547—1616) — испанский писатель.— 1, 143, 214; 2, 171, 198.

Сергеевский — см. *Русанов* Николай Сергеевич.

Серрайе Огюст (род. в 1840 г.) — деятель французского и международного рабочего движения, по профессии рабочий по выработке обувных колодок; член Генерального Совета I Интернационала (1869—1872), секретарь-корреспондент для Бельгии (1870) и Франции (1871—1872), член Парижской коммуны, соратник Маркса.— 2, 142, 154, 155, 200.

Сковорода Григорий Саввич (1722—1794) — украинский философ, поэт, педагог.— 2, 79.

Скотт Вальтер (1771—1832) — английский писатель.— 1, 111, 112, 143.

Смит Адам (1723—1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии.— 1, 27, 223; 2, 54, 73, 110, 114.

Смит Каролина — см. *Шмальггаузен Каролина*.

Сократ (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ.— 1, 191; 2, 211.

Солдат — см. *Либкнехт Вильгельм*.

Софокл (ок. 497 — ок. 406 до н. э.) — древнегреческий драматург, автор классических трагедий.— 2, 177.

Спенсер Герберт (1820—1903) — английский философ и социолог, позитивист.— 2, 26, 42, 43.

Спиноза Барух (Бенедикт) (1632—1677) — голландский философ.— 2, 65.

Сплэнгар Рош — делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872) от одной из бельгийских секций, анархист; исключен из Интернационала решением Генерального Совета от 30 мая 1873 г.— 2, 146, 155, 156.

Степняк — см. *Кравчинский Сергей Михайлович*.

Стил Ричард (1672—1729) — английский писатель и журналист.— 1, 184.

Струве Густав (1805—1870) — немецкий адвокат и публицист, мелкобуржуазный демократ; один из руководителей баденских восстаний в апреле и сентябре 1848 г. и баденско-пфальцского восстания 1849 г.; после поражения революции эмигрировал; один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Англии; участник Гражданской войны США на стороне северян.— 1, 199, 201, 206, 302.

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — русский буржуазный экономист и публицист, «легальный марксист», с 1905 г. кадет, после Великой Октябрьской социалистической революции белоэмигрант.— 2, 89.

Свинтон Джон (1830—1901) — американский прогрессивный журналист, редактор ряда крупных нью-йоркских газет, в том числе «Sun» (1875—1883); основатель и редактор еженедельника «Swin-ton's Paper» (1883—1887), в котором отстаивал требования рабочих.— 2, 210—214.

Т

Такер — издатель в Лондоне.— 1, 94, 119.

Таунсенд Уильям — английский рабочий; член Генерального Совета I Интернационала (1869—1872), участник социалистического движения в 80-х гг.— 2, 271, 272.

Таушер Леонард (1840—1914) — немецкий социал-демократ, по профессии рабочий-наборщик; во время исключительного закона против социалистов участвовал в издании газеты «Sozialdemokrat» в Цюрихе, затем в Лондоне; позднее редактор социал-демократических изданий в Штутгарте.— 1, 185; 2, 248—251.

Тацит (Публий Корнелий Тацит) (ок. 55 — ок. 120) — римский историк и оратор.— 1, 214.

Тедеско Виктор Андре (1821—1897) — бельгийский адвокат, социалист, один из основателей брюссельской Демократической ассоциации; член Союза коммунистов; в 1847—1848 гг. был близок к Марксу и Энгельсу.— 1, 358.

Тейлор Байард (1825—1878) — американский путешественник, писатель и журналист; корреспондент «New-York Daily Tribune».— 1, 120.

Теккерей Уильям (1811—1863) — английский писатель.— 1, 253.

Тенге (урожденная **Болоньяро-Кревенна**) Тереза (род. ок. 1833) — жена Тенге-Ритберга, близкая знакомая семьи Л. Кугельмана в Ганновере.— 2, 165—167.

Тенге-Ритберг К. Ф. — крупный вестфальский землевладелец.— 2, 165.

Тестини Джузеппе Винченцо — итальянский анархист, бакунист, член Миланской секции I Интернационала.— 2, 148, 149.

Тетов Густав Адольф (1813—1893) — прусский офицер, демократ, участник революционных событий 1848 г. в Берлине, начальник генерального штаба пфальцской революционной армии; после революции эмигрировал в Швейцарию, затем в Австралию.— 1, 308.

Тиндаль Джон (1820—1893) — английский физик.— 1, 349.

Тирсо де Молина (литературный псевдоним **Габриэля Тельеса**) (1571—1648) — испанский драматург.— 2, 198.

Тиртей (7—6 вв. до н. э.) — древнегреческий поэт.— 1, 204.

Тит (род. ок. 41—81) — римский император (79—81).— 2, 133.

Тихомиров Лев Александрович (1852—1923) — русский публицист, член Исполнительного комитета «Народной воли»; в конце 80-х гг. порвал с революционным движением и перешел на позиции монархизма.— 2, 45, 53, 54, 62, 84.

Ткачев Петр Никитич (1844—1885) — русский революционер, публицист, один из идеологов народничества.— 2, 83.

Тозер — хозяин скобяной лавки в Лондоне.— 1, 275.

Толен Анри Луи (1828—1897) — французский рабочий, правый прудонист, один из руководителей парижской секции I Интернационала; депутат Национального собрания 1871 г.; во время Парижской коммуны перешел на сторону версальцев и был исключен из Интернационала; впоследствии сенатор.— 1, 139.

Толстой Григорий Михайлович (1808—1871) — русский помещик, либерал; знакомый Маркса и Энгельса в Париже в 40-х гг.— 1, 84; 2, 4.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — русский писатель.— 2, 42.

Торн Уильям (1857—1946) — деятель английского рабочего движения, член Социал-демократической федерации; в конце 80—90-х гг. генеральный секретарь Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих.— 1, 186, 318.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — русский писатель.— 2, 35, 47, 166.

Тусси — см. **Маркс-Эвелинг Элеонора**.

Тьер Адольф (1797—1877) — французский буржуазный историк и государственный деятель; премьер-министр (1836—1840), президент

республики (1871—1873), палач Парижской коммуны.— 1, 21; 2, 32, 142, 273.

Тьерри Огюстен (1795—1856) — французский либерально-буржуазный историк периода Реставрации.— 1, 21.

У

Уотс Джон Хантер (ум. в 1924 г.) — английский социалист, один из лидеров Социал-демократической федерации, впоследствии член Британской социалистической партии.— 1, 187.

Уркарт Давид (1805—1877) — английский дипломат, реакционный публицист и политический деятель, тори; в 30-х гг. выполнял дипломатические поручения в Турции, выступал с разоблачениями внешней политики Пальмерстона и вигов; основатель и редактор газеты «Free Press».— 1, 94, 119, 228—230, 254.

Утин Николай Исаакович (1841—1883) — русский революционер, эмигрант в Швейцарии, один из организаторов Русской секции I Интернационала; вел борьбу против Бакунина и его приверженцев; в середине 70-х гг. отошел от революционного движения.— 2, 156.

Уэст Уильям («Билли») — американский мелкобуржуазный радикал, служащий в банке Вудхал; член Центрального комитета североамериканских секций I Интернационала, секретарь секции № 12 (Нью-Йорк); исключен из Интернационала Гаагским конгрессом.— 2, 144.

Ф

Файе Мариус Эжен (1840—1912) (псевдоним *Дюмон*) — деятель французского рабочего движения, участник Парижской коммуны, делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872); после подавления Коммуны эмигрировал в Бельгию; после амнистии 1880 г. вернулся во Францию; впоследствии член французской Рабочей партии.— 2, 142.

Фарнивел Фредерик Джемс (1825—1910) — английский филолог.— 2, 226.

Фейербах Людвиг (1804—1872) — немецкий философ.— 1, 9, 14, 15, 43; 2, 41, 78, 88.

Феокрит (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт.— 2, 114.

Фигнер Вера Николаевна (1852—1942) — русская революционерка, народница, член Исполнительного комитета «Народной воли»; в течение 20 лет находилась в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости; после Октябрьской революции занималась литературным трудом.— 2, 46.

Филдинг Генри (1707—1754) — английский писатель.— 1, 111, 143.

Филипс Август (ум. в 1895 г.) — двоюродный брат Карла Маркса, адвокат в Амстердаме.— 1, 103.

Филипс Антуанетта (Наннетта) (ок. 1837—1885) — двоюродная сестра Карла Маркса, дочь Лиона Филипса.— 1, 102.

Филипс Жак — двоюродный брат Карла Маркса.— 1, 100.

Филипс Карл — двоюродный брат Карла Маркса, купец в Ахене.— 1, 103.

Филипс Лион (1794—1866) — голландский купец, дядя Карла Маркса со стороны матери.— 1, 91, 100, 102, 103.

Фирек Луи (1851—1921) — немецкий журналист и издатель, социал-демократ, в период действия исключительного закона против социалистов один из лидеров правого крыла партии; в 1884—1887 гг. депутат рейхстага, в 1896 г. эмигрировал в Америку и отошел от социалистического движения.— 2, 241.

Фитте Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ.— 2, 161.

Фишер Рихард (1855—1926) — немецкий социал-демократ, журналист, по профессии рабочий-наборщик; секретарь Правления партии (1890—1893), член рейхстага (1893—1926).— 1, 185.

Флеровский-Берви Н. — см. *Берви* Василий Васильевич.

Флобер Гюстав (1821—1880) — французский писатель.— 1, 147.

Флокон Фердинан (1800—1866) — французский политический деятель и публицист, демократ; один из редакторов газеты «La Réforme»; в 1848 г. член временного правительства.— 1, 72, 87, 116, 172, 373; 2, 126.

Флуранс Гюстав (1838—1871) — французский революционер и естествоиспытатель; в 1866—1868 гг. принимал участие в национально-освободительной борьбе греков на о-ве Крит против турецкого господства; член Парижской коммуны 1871 г., бланкист; зверски убит версальцами.— 1, 289, 290.

Фоглер Карл Георг (род. ок. 1820) — немецкий издатель и книго-торговец в Брюсселе, издатель работы Маркса «Нищета философии». — 1, 87.

Фогт Карл (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, вульгарный материалист, мелкобуржуазный демократ; в 1848—1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания; в 1849 г. эмигрировал из Германии; в 50—60-е гг. тайный платный агент Луи Бонапарта, один из активных участников клеветнической травли пролетарских революционеров.— 1, 16, 75, 98, 99, 260, 296, 328; 2, 207.

Фокс Гай (1570—1606) — один из участников «порохового заговора» католиков в Англии (1605), целью которого был взрыв парламента во время пребывания там депутатов и короля.— 1, 89, 271.

«**Фоксик**» — см. *Маркс* Генрих.

Фоше Леон (1803—1854) — французский буржуазный публицист и политический деятель, орлеанист, министр внутренних дел (декабрь 1848 — май 1849 г.); позднее бонапартист.— 2, 126.

Франкель Лео (1844—1896) — деятель венгерского и международного рабочего движения; член Парижской коммуны и Генерального Совета I Интернационала, один из основателей Социал-демократической партии Венгрии (1890); по профессии рабочий-ювелир, соратник Маркса.— 1, 363, 364; 2, 142, 153.

Фрëбель Юлиус (1805—1893) — немецкий радикальный публицист и издатель прогрессивной литературы; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; после поражения революции эмигрировал в США.— 1, 84, 205, 302.

Фрейбергер Луиза — см. *Каутская Луиза*.

Фрейбергер Людвиг (род. ок. 1860) — австрийский врач; в 90-х гг. жил в Лондоне; с 1894 г. муж Луизы Каутской. — 1, 185; 2, 103, 111, 115.

Фрейлиграт Фердинанд (1810—1876) — немецкий поэт-романтик, позднее революционный поэт, член Союза коммунистов, в 1848—1849 г. один из редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*»; в 50-х гг. отошел от революционной деятельности. — 1, 85, 92, 119, 203, 204, 338, 339, 346, 353; 2, 128.

Фридлиндер Гуго — немецкий социал-демократ, делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872). — 1, 350.

Фридлиндер Макс (1829—1872) — немецкий публицист, буржуазный демократ; входил в редакции газет «*Neue Oder-Zeitung*» и «*Die Presse*», в которых в 50—60-х гг. сотрудничал Маркс; основатель и редактор «*Neue Freie Presse*» (1864—1872); двоюродный брат Фердинанда Лассалья. — 1, 100.

Фридрих II (прозванный «Великим») (1712—1786) — прусский король (1740—1786). — 1, 242.

Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) — прусский король (1797—1840). — 1, 70.

Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — прусский король (1840—1861). — 1, 99, 153.

Фрост Джон (1784—1877) — английский радикал, в 1838 г. примкнул к чартистскому движению, за организацию восстания горняков в Уэльсе в 1839 г. приговорен к пожизненной ссылке в Австралию; в 1856 г. после амнистии вернулся в Англию. — 1, 229.

Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н. э.) — древнегреческий историк. — 1, 222.

Фукс — немецкий журналист. — 1, 199, 246.

Фурье Франсуа Мари Шарль (1772—1837) — французский утопический социалист. — 2, 9.

Фут Джордж Уильям (1850—1915) — английский журналист, автор многочисленных атеистических работ; основатель (1881) журнала «*Freethinker*»; один из основателей и редакторов журнала «*Progress*» (1883—1887). В 1883—1884 гг. отбывал тюремное заключение по обвинению в богохульстве. — 1, 135.

Х

Хазенклевер Иоганн Петер (1810—1853) — немецкий художник-жанрист. — 1, 121.

Хейлз Джон (род. в 1839 г.) — деятель английского тред-юнионистского движения, по профессии ткач; член Генерального Совета I Интернационала (1866—1872) и его секретарь; возглавлял реформистское крыло Британского федерального совета, вел борьбу против Маркса, исключен из Интернационала решением Генерального Совета от 30 мая 1873 г. — 2, 200.

Хениш — в 1918 г. сотрудник журнала «*Die Glocke*». — 2, 205.

Хётберг Карл (1853—1885) — немецкий социал-реформист, в 1876 г. примкнул к социал-демократической партии, основал и финансировал ряд газет и журналов реформистского направления. — 2, 234, 242.

Холио́к Джордж Джекоб (1817—1906) — английский публицист, реформист, в 30—40-х гг. примыкал к оуэнистам и чартистам, затем деятель кооперативного движения.— 1, 40.

Хофштетте́н Иоганн Баптист (ум. в 1887 г.) — баварский офицер, лассальянец, издатель и один из редакторов газеты «Social-Demokrat» (1864—1867) — 1, 105.

Христиа́ни Рудольф (1797—1858) — немецкий юрист, адвокат в Люнебурге, либерал, близкий знакомый Генриха Гейне.— 2, 162.

Ц

Цвейфе́ль — прусский чиновник, реакционер, обер-прокурор в Кёльне, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к правому крылу.— 1, 341.

Цице́рон (Марк Туллий Цицерон) (106—43 до н. э.) — римский оратор и государственный деятель, философ.— 2, 90.

Ч

Ча́мпион Генри Хайд (1859—1928) — английский социалист, издатель и публицист; до 1887 г. член Социал-демократической федерации, редактор-издатель газеты «Labour Elector»; в 90-х гг. эмигрировал в Австралию, где принимал активное участие в рабочем движении.— 1, 187.

Че́ркезов Варлаам Николаевич (Джан Асланович) (1846—1925) — анархист; в 1876 г. эмигрировал из России; принимал активное участие в анархистском движении в Западной Европе.— 2, 80, 90.

Че́рнышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — русский революционный демократ, философ-материалист, писатель и литературный критик.— 2, 14, 17, 20.

Че́х Генрих Людвиг (1789—1844) — прусский чиновник, бургомистр города Шторкова (1832—1841); казнен за покушение на Фридриха-Вильгельма IV.— 2, 237.

Чи́черин Борис Николаевич (1828—1904) — русский философ, историк, публицист и общественный деятель.— 2, 42.

Чу́ров Александр Иванович (1842—1908) — русский буржуазный экономист, статистик и публицист; специалист по экономике железнодорожного транспорта.— 2, 30.

Ш

Шабе́лиц Якоб Лукас (1827—1899) — швейцарский издатель и книготорговец; в 1848 г. член Союза коммунистов; в конце 40 — начале 50-х гг. поддерживал связи с Марксом и Энгельсом.— 1, 93.

Ша́миссо Адельберт фон (1781—1838) — немецкий поэт.— 2, 166, 194.

Шапе́р Юстус Вильгельм Эдуард фон (1792—1868) — прусский государственный деятель, регирунгс-президент в Трире (1837—

1842); обер-президент Рейнской провинции (1842—1845) и Вестфалии (1845—1846).— 2, 203.

Шаппер Карл (1812—1870) — деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии наборщик; один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов; участник революции 1848—1849 гг.; после революции один из лидеров сектантской фракции в Союзе коммунистов; с 1856 г. вновь сблизился с Марксом и Энгельсом; с 1865 г. член Генерального Совета I Интернационала.— 1, 41, 67, 310, 326, 336, 339, 346, 354, 362; 2, 94.

Швейцер Иоганн Баптист (1833—1875) — один из лидеров ласальянства в Германии; в 1864—1867 гг. редактор газеты «Social-Demokrat», президент Всеобщего германского рабочего союза (1867—1871); поддерживал проводимую Бисмарком политику объединения Германии «сверху» под гегемонией Пруссии.— 1, 105, 158, 263, 292.

Швицгелль Адемар (1844—1895) — швейцарский анархист, по профессии гравёр; член I Интернационала, бакунист, один из руководителей Альянса социалистической демократии и Юрской федерации, исключен из Интернационала в 1873 г.— 2, 156.

Шёй — дочь Андреаса Шёя — 2, 246.

Шёй Андреас (1844—1926) — деятель австрийского и английского социалистического движения, редактор газеты «Gleichheit» (1870—1874); член I Интернационала; в 1874 г. эмигрировал в Англию; один из основателей Социал-демократической федерации; брат Генриха Шёя.— 2, 245, 246.

Шёй Генрих (1845—1926) — австрийский социал-демократ, художник; делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872), в 1875 г. эмигрировал в Англию, где участвовал в рабочем движении.— 1, 305, 350; 2, 151.

Шейдеман Филипп (1865—1939) — один из лидеров правого оппортунистического крыла германской социал-демократии, социал-шовинист, предатель рабочего класса.— 2, 216.

Шекспир Вильям (1564—1616) — английский драматург и поэт.— 1, 110, 111, 115, 139, 142, 214, 242, 271, 272, 297; 2, 29, 166, 168, 171, 198, 219, 220, 226.

Шёлер Каролина (Лина) (1819—1891) — учительница в Кёльне, друг семьи Маркса.— 1, 97, 100, 109.

Шелли Перси Биши (1792—1822) — английский поэт.— 2, 226.

Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775—1854) — немецкий философ.— 2, 41.

Шертнер Август Фердинанд (1817—1859) — бондарь в Ханау; участник революции 1848—1849 гг. и баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрант в Лондоне, владелец кабачка, где собирались немецкие мелкобуржуазные эмигранты.— 1, 370.

Шефтсбери Антони Эшли Купер, граф (1801—1885) — английский политический деятель; в 40-х гг. в парламенте возглавлял группу тори-филантропов, с 1847 г. виг.— 1, 236, 276, 277.

Шеффле Альберт Эберхард Фридрих (1831—1903) — немецкий вульгарный экономист и социолог.— 2, 46.

Шили Виктор (1810—1875) — немецкий мелкобуржуазный демо-

крат, по профессии адвокат; участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрировал во Францию, член I Интернационала.— 1, 92.

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург, историк и философ.— 1, 206, 233; 2, 164, 195.

Шиптон Джордж — деятель английского тред-юнионистского движения, реформист; в 1881—1885 гг. редактор газеты «Labour Standart»; в 1871—1896 гг. секретарь Лондонского совета тред-юнионов.— 2, 257.

Шлегель Август Вильгельм (1767—1845) — немецкий поэт-романтик, переводчик, историк литературы, критик.— 2, 209.

Шлейгер Роберт — врач в Трире, акционер Рейнской газетной компании.— 1, 86.

Шлехтендаль Густав Адольф (1840—1912) — муж одной из племянниц Фридриха Энгельса.— 1, 319.

Шлиман Генрих (1822—1890) — немецкий археолог.— 1, 273.

Шмальхаузен Вильгельм Роберт (1817—1862) — муж сестры Карла Маркса Софи.— 1, 103.

Шмальхаузен Генриетта (Иетхен) (род. ок. 1843) — племянница Карла Маркса.— 1, 84.

Шмальхаузен Каролина — племянница Карла Маркса.— 1, 103, 122.

Шмальхаузен Софи (1816—1883) — старшая сестра Карла Маркса, жена Вильгельма Роберта Шмальхаузена.— 1, 84, 103, 110, 122.

Шмидт Конрад (1863—1932) — немецкий социал-демократ, экономист и философ; в 80—90-е гг. был близок к марксизму; впоследствии перешел на позиции неокантианства и ревизионизма.— 2, 252—255.

Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ.— 2, 89, 161.

Шорлеммер Карл (1834—1892) — немецкий химик-органик, профессор в Манчестере; материалист-диалектик; член германской социал-демократической партии; друг Маркса и Энгельса.— 1, 131, 162, 186, 188, 190, 191, 363; 2, 65, 66, 232, 234, 245.

Шоу Бернард (1856—1950) — английский драматург.— 2, 228, 246.

Шрайнер Оливия (1862—1920) — английская публицистка и писательница, родилась и жила в Южной Африке; в 80-е гг. находилась в Лондоне, близкий друг Элеоноры Маркс-Эвелинг.— 2, 229.

Шрамм Конрад (1822—1858) — немецкий журналист; участник революции 1848—1849 гг. в Германии, член Союза коммунистов, с 1849 г. эмигрант в Лондоне, ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», с 1851 г. эмигрант в США; друг и соратник Маркса и Энгельса.— 1, 90, 97, 244, 274, 275, 298, 299.

Шрамм Рудольф (1813—1882) — немецкий публицист, в 1848—1849 гг. мелкобуржуазный демократ; депутат прусского Национального собрания, после революции эмигрировал в Англию; выступал против Маркса; в 60-х гг. сторонник Бисмарка; в 1865—1866 гг. — консул в Милане; брат Конрада Шрамма.— 2, 137, 147, 154, 155.

Штейн Лоренц (1815—1890) — немецкий юрист, государствовед, историк, вульгарный экономист.— 1, 18; 2, 23.

Штейнгардт Карл (псевдоним *И. Грубер*) (1875—1963) — деятель австрийского рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Австрии; делегат I, II и III конгрессов Коминтерна; в 1945 г. избран членом ЦК КПА.— 2, 265—268.

Штерн Якоб (1843—1911) — немецкий социал-демократ, журналист, автор ряда работ по истории философии.— 2, 65.

Штибер Вильгельм (1818—1882) — прусский полицейский чиновник, один из организаторов процесса над членами Союза коммунистов в Кёльне (1852); впоследствии начальник прусской политической полиции.— 1, 326.

Штирнер Макс (псевдоним *Каспара Шмидта*) (1806—1856) — немецкий философ, младогегельянец, один из идеологов анархизма.— 2, 78.

Штраус Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий философ-младогегельянец, публицист; после 1866 г. национал-либерал.— 2, 78.

Шульце (*Шульц*) Готфрид (род. в 1849 г.) — делегат берлинских рабочих на похоронах Фридриха Энгельса.— 1, 319.

Шульце-Делич Герман (1808—1883) — немецкий политический деятель и вульгарный экономист, сторонник объединения Германии под главенством Пруссии; в 60-х гг. один из лидеров прогрессистов, пытался отвлечь рабочих от революционной борьбы путем организации кооперативных обществ.— 1, 104.

Шумахер Георг (род. в 1844 г.) — немецкий социал-демократ, по профессии рабочий-кожевник, позже предприниматель; делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872), депутат рейхстага (1884—1898), принадлежал к оппортунистическому крылу социал-демократии, в 1898 г. отошел от партии.— 1, 350.

Шурц Карл (1829—1906) — немецкий демократ, участник баденско-пфальдского восстания 1849 г.; эмигрировал в Швейцарию; позднее государственный деятель США.— 2, 175.

Щ

Щедрин — см. *Салтыков-Щедрин* Михаил Евграфович.

Э

Эвелинг Эдуард (1851—1898) — английский социалист, публицист; один из переводчиков первого тома «Капитала» на английский язык; член Социал-демократической федерации, затем Социалистической лиги; муж Элеоноры Маркс.— 1, 131, 135, 182, 186—189, 191, 273—275, 278, 281, 282, 286, 318, 320, 333, 368; 2, 66, 94, 97, 107, 139, 195, 228, 244, 245, 247.

Эвербек Август Герман (1816—1860) — немецкий врач и литератор; в 30—40-х гг. руководитель парижских общин Союза справедливых, позже член Союза коммунистов, из которого вышел в 1850 г.— 1, 84; 2, 127.

Эджворс Френсис (1845—1926) — английский экономист и статистик, представитель вульгарной политической экономии.— 2, 34.

Эйзенбарт Иоганн Андреас (1661—1727) — немецкий врач.— 1, 196.

Эйре.— 1, 97.

Экхариус Иоганн Георг (1818—1889) — деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии портной; член Союза справедливых, затем Союза коммунистов, член Генерального Совета I Интернационала; после Гаагского конгресса (1872) примкнул к реформистским лидерам тред-юнионов, впоследствии деятель английского тред-юнионистского движения.— 1, 99, 346, 353; 2, 154, 200.

Эли Рихард Теодор (1854—1943) — американский экономист.— 2, 139.

Элиот Джордж (настоящее имя Мэри Энн Эванс) (1819—1890) — английская писательница.— 2, 226.

Энбер — жена Жака Энбера.— 2, 123.

Энбер Жак (1793—1851) — французский социалист, участник лионского восстания 1834 г., в 40-х гг. эмигрант в Бельгии, вице-президент брюссельской Демократической ассоциации, после февральской революции 1848 г. комендант Тюильри.— 2, 123.

Энгель Эрнст (1821—1896) — немецкий статистик; в 1860—1882 г. директор королевского Прусского статистического бюро в Берлине.— 2, 26.

Энгельс Герман (1822—1905) — брат Фридриха Энгельса, фабрикант в Бармене.— 1, 318.

Энгельс Фридрих (1796—1860) — отец Фридриха Энгельса.— 1, 56, 59, 90, 98, 118, 128, 130, 161, 173, 257, 275, 300, 305, 313, 362; 2, 216.

Энгельс Элизабет Франциска Мауриция (урожденная Ван Хаар) (1797—1873) — мать Фридриха Энгельса.— 1, 128.

Эпикур (ок. 341 — ок. 270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист.— 1, 9, 43; 2, 90, 91.

Эрмен Готфрид (1812—1899) — фабрикант в Манчестере, один из совладельцев фирмы «Эрмен и Энгельс» (с 1851 г.).— 1, 98.

Эрхардт Иоганн Людвиг (род. ок. 1820) — немецкий торговый служащий; член Союза коммунистов, один из обвиняемых на кёльнском процессе коммунистов (1852), оправдан судом присяжных.— 1, 345.

Эссер И. П. — прусский судебный чиновник, друг отца Маркса.— 2, 269.

Эстил (525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург.— 1, 142, 207.

Ю

Ювенал (Децим Юний Ювенал) (род. в 60-х гг.— ум. после 127 г.) — римский поэт-сатирик.— 1, 214; 2, 23, 83, 114.

Юм Давид (1711—1776) — английский философ, историк и экономист.— 1, 15, 16.

Юнг Георг (1814—1886) — немецкий публицист, младогегельянец, один из ответственных издателей «Rheinische Zeitung», демократ; в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу.— 1, 86.

Юнг Герман (1830—1901) — деятель международного и швейцарского рабочего движения; участник революции 1848—1849 гг. в Германии, член Генерального Совета I Интернационала; после 1877 г. отошел от рабочего движения.— 2, 200.

Юта Генри (1857—1930) — английский адвокат и общественный деятель; племянник Карла Маркса, сын его сестры Луизы и Иоганна Карла Юты.— 2, 37, 219.

Юта Иоганн Карл (1824—1886) — голландский купец, муж сестры Карла Маркса Луизы; книготорговец в Кейптауне.— 1, 94, 103.

Юта Луиза (1821—1893) — сестра Карла Маркса, жена Иоганна Карла Юты.— 1, 94, 110; 2, 37.

Юта Чарлз — племянник Карла Маркса, сын его сестры Луизы и Иоганна Карла Юты.— 2, 37.

Я

Якоби Абраам (1830—1919) — немецкий врач; член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), оправдан судом присяжных; впоследствии эмигрировал в США.— 1, 92, 345, 372, 375.

Якоби Иоганн (1805—1877) — немецкий публицист и политический деятель, буржуазный демократ; в 1848 г. один из лидеров левого крыла в прусском Национальном собрании; с 1872 г. член Социал-демократической рабочей партии.— 1, 302.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Альберих — карлик, один из персонажей из «Песни о Нибелунгах».— 1, 109.

Антигона — героиня трагедий Софокла и Эсхила.— 1, 293.

Ариадна — в древнегреческой мифологии дочь критского царя Миноса.— 2, 63.

Артур — персонаж пьесы В. Шекспира «Король Джон».— 2, 219.

Ахилл — в древнегреческой мифологии храбрейший из предводителей греков в Троянской войне, герой «Илиады» Гомера.— 1, 246.

Вахт (греч.), **Батус** (лат.) — в античной мифологии одно из имен Диониса, покровителя виноградарства и виноделия.— 1, 307.

Верный Эккарт — герой немецких средневековых сказаний, образ преданного человека, надежного стража.— 1, 284.

Гамлет — герой одноименной трагедии В. Шекспира.— 2, 38.

Ганс Рёкле.— 1, 110.

Гектор — в древнегреческой мифологии герой «Илиады» Гомера; один из предводителей троянского войска.— 1, 246, 273.

Дамон — персонаж из древнегреческой мифологии.— 1, 135; 2, 133.

Джон Булль — персонаж из книги Джона Арбетнота «История Джона Булля» (XVIII в.); его имя стало нарицательным для характеристики английского буржуа.— 1, 297.

Дон Жуан — персонаж многих литературных произведений.— 1, 234.

Дон-Кихот — герой романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский». — 1, 89, 187; 2, 198, 199.

Зевс — в древнегреческой мифологии верховный бог, владыка богов и людей.— 2, 22, 37, 167, 219.

Иаков — согласно библейскому преданию, младший из двух сыновей-близнецов Исаака и Ревекки, родоначальник древнееврейского народа.— 1, 113.

Ино (Левкодея) — персонаж нескольких древнегреческих трагедий.— 1, 235.

Иоанн — в христианской мифологии один из апостолов Христа; согласно традиции, автор «Откровения Иоанна» («Апокалипсис»), одного из евангелий и трех посланий.— 1, 135.

Ифигения — в древнегреческой мифологии дочь Агамемнона, предводителя греков, осаждавших Трою; персонаж поэмы Гомера «Илиада». — 1, 234.

Левкодея — см. *Ино*.

Лепорелло — слуга Дон Жуана.— 2, 217.

Макбет — персонаж одноименной трагедии В. Шекспира.— 2, 168.

Маргарита — персонаж трагедии Гёте «Фауст». — 2, 47, 55.

Мефистофель — персонаж трагедии Гёте «Фауст». — 1, 242.

Минерва — в древнеримской мифологии богиня мудрости, покровительница ремесленников и художников.— 2, 163.

Моисей — согласно библейским преданиям, пророк и законодатель, освободивший древних евреев из египетского пленения и давший им законы.— 2, 97.

Мюнхгаузен — герой сатирических произведений немецких писателей Р. Распе (1785 г.), Г. Бюргера (1786 г.) и К. Иммермана (1838 г.).— 1, 304.

Нестор — в древнегреческой мифологии старейший и мудрейший из греческих героев, участвовавших в Троянской войне.— 2, 133, 205.

Ниоба (Ниобя) — в древнегреческой мифологии дочь Тантала. После смерти своих 14 детей, окаменевшая от горя, была перенесена на вершину горы Сипил, где обречена вечно проливать слезы по убитым детям.— 1, 280.

Одиссей — главный герой поэмы Гомера «Одиссея». — 1, 235, 246.

Орест — в древнегреческой мифологии друг Пилада, образец верной дружбы.— 1, 173.

Пенелопа — жена Одиссея, персонаж поэмы Гомера «Одиссея». — 1, 277.

Пиквик — персонаж романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». — 1, 238.

Пилад — в древнегреческой мифологии друг Ореста, образец верной дружбы.— 1, 173.

Пола, маркиз — одно из действующих лиц трагедии Шиллера «Дон Карлос»; образ благородного и свободолюбивого придворного, пытавшегося оказать влияние на короля-деспота.— 2, 202, 206.

Приам — в древнегреческой мифологии последний царь Трои, персонаж поэмы Гомера «Илиада». — 1, 273.

Рахиль — согласно библейскому преданию, жена Иакова, легендарного родоначальника древнееврейского народа. — 1, 113.

Рем — по древнеримскому преданию, брат первого римского царя Ромула, вместе с ним основавший Рим. — 2, 133.

Роланд — главный герой поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд». — 1, 123.

Ромул — согласно римскому преданию, основатель Рима и первый царь его (754/753—717/716 до н. з.). — 2, 114, 133.

Сизиф — в древнегреческой мифологии царь Коринфа, приговоренный за обман богов вечно вкатывать на гору камень, скатывавшийся обратно; отсюда выражение «сизифов труд». — 2, 274.

Сцилла и Харибда — в древнегреческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого морского пролива (Гибралтара) и губившие всех проплывавших мимо мореплавателей. — 1, 100.

Телль Вильгельм — герой швейцарской народной легенды, отразившей борьбу швейцарского народа против Габсбургов в XIV в. — 2, 48.

Фальстаф — персонаж ряда пьес В. Шекспира. — 1, 214.

Финтий — персонаж древнегреческой мифологии. — 1, 135; 2, 133.

Хейлинг Ганс — согласно легенде, молодой пастух, завоевавший любовь речной нимфы Эгер. — 2, 192.

Христос — в христианском церковном учении — основатель христианства. — 1, 330.

Шиптон (матушка Шиптон) — мифическая пророчица, якобы жившая в Англии в XVI в. — 1, 281.

Эгер — согласно легенде, речная нимфа. — 2, 192.

Эккарт — см. *Верный Эккарт*.

Элеонора — персонаж из «Любовной лирики» Парни. — 1, 234.

Юпитер — согласно древнеримской мифологии, верховный бог, громовержец, соответствующий греческому богу Зевсу. — 1, 107, 114, 134.

«*Былое*» — журнал по истории революционного движения в России; основан В. Л. Бурцевым в Лондоне; выходил в 1900—1904 гг. за границей, в 1906—1907 гг. (ежемесячно) — в Петербурге под редакцией В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева, в 1908—1913 гг. — в Париже, в 1917—1926 гг. — в Петрограде под редакцией П. Е. Щеголева. — 2, 29.

«*Вестник Европы*» — русский ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления, основанный М. М. Стасюлевичем; выходил в Петербурге под его редакцией с 1866 до 1908 г., а с 1909 до лета 1916 г. — под редакцией М. М. Ковалевского. — 2, 30.

«*Вперед! Двухнедельное обозрение*» — русская газета, издавалась П. Л. Лавровым в Лондоне в 1875—1876 гг., отражала взгляды «лавристского» направления в революционном народничестве. — 2, 60.

«*Вперед! Непериодическое обозрение*» — русский журнал; издавался в Цюрихе (1873—1874) и в Лондоне (1875—1877), всего вышло 5 выпусков; с 1873 по 1876 г. издателем журнала был П. Л. Лавров, в 1877 г. 5-й выпуск был издан под редакцией В. Н. Смирнова и Н. Г. Кулябко-Корецкого; отражал взгляды «лавристского» направления в революционном народничестве. — 2, 20.

«*Гнчак*» («Колокол») — армянский ежемесячник социалистического направления, орган партии под тем же названием, выходил с 1887 по 1915 г., в 90-х гг. печатал статьи по вопросам марксизма.

«*Журнал положительной философии*» — см. «*La Philosophie positive. Revue*».

«*Критическое обозрение*» — русский журнал научной критики и библиографии в области общественных наук; издавался в Москве в 1879—1880 гг. два раза в месяц, одним из издателей его был М. М. Ковалевский. — 2, 28, 39.

«*Листок «Народной воли»*» — неперидическое издание революционно-народнической организации «Народная воля», выходило нелегально в 1880—1886 гг. Всего вышло 7 номеров. — 2, 45, 49, 51, 53.

«*Московские ведомости*» — старейшая русская газета; выходила с 1756 по 1917 г., с 1859 г.— ежедневно; с 60-х гг. XIX в. приобрела реакционный характер.— 2, 62.

«*Отечественные записки*» — русский литературно-политический журнал; издавался в Петербурге с 1820 по 1884 г., был закрыт царским правительством; в редактировании журнала принимал участие В. Г. Белинский (до 1846 г.), сотрудничал А. И. Герцен; в 1868—1877 гг. выходил под редакцией Н. А. Некрасова; после 1877 г. преобладающее влияние в журнале приобрели народники.— 2, 28, 86, 88.

«*Петроградский голос. Политическая, общественная и литературная газета с рисунками в тексте*» — издавалась с 1864 г. под названием «*Петербургский листок*», под данным названием выходила в 1917—1918 гг.— 2, 17.

«*Под знаменем марксизма*» — философский и общественно-экономический журнал, издавался в Москве в 1922—1944 гг.— 2, 79.

«*Русское богатство*» — научный, литературный и политический ежемесячный журнал; выходил в Петербурге в 1876—1918 гг.; в 90-х гг. XIX в.— орган либеральных народников.— 2, 94.

«*Социаль-демократ*» — литературно-политическое обозрение; первый социал-демократический журнал на русском языке; издавался в 1890—1892 гг. в Женеве группой «*Освобождение труда*»; вышло всего четыре номера; в редакцию входили Засулич, Плеханов, Аксельрод.— 1, 62.

«*Юридический вестник*» — русский ежемесячный журнал, основанный Московским юридическим обществом; выходил в Москве в 1867—1892 гг. В 1888 г. в журнале было опубликовано письмо К. Маркса в редакцию «*Отечественных записок*». — 2, 28.

«*Allgemeine Zeitung*» («*Всеобщая газета*») — немецкая ежедневная консервативная газета, издавалась с 1798 по 1914 г., с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге.— 1, 98, 206, 260.

«*Arbeiter-Zeitung*» («*Рабочая газета*») — орган австрийской социал-демократии; выходила в Вене с 1889 по 1893 г. еженедельно, в 1894 г.— два раза в неделю, с 1 января 1895 г.— ежедневно; редактором газеты был В. Адлер; в 90-х гг. на страницах газеты опубликовал ряд своих статей Энгельс, в газете сотрудничали А. Бебель, Элеонора Маркс-Эвелинг и другие деятели рабочего движения.— 1, 185; 2, 266.

«*L'Atelier, organe spécial de la classe laborieuse, rédigé par des ouvriers exclusivement*» («*Мастерская, специальный орган трудящегося класса, редактируемый исключительно рабочими*») — французский ежемесячный журнал, орган ремесленников и рабочих, находившихся под влиянием идей христианского социализма; изда-

вался в Париже с 1840 по 1850 г.; в состав редакции входили переизбиравшиеся каждые три месяца представители рабочих.— 1, 373.

«*The Bee-Hive Newspaper*» («Газета-Улей») — английский еженедельный тред-юнионистский орган; издавался в Лондоне с 1861 по 1876 г.; находился под сильным влиянием буржуазных радикалов и реформистов; в ноябре 1864 г. газета была объявлена органом Интернационала, с 1869 г. фактически стала буржуазным органом, в апреле 1870 г. Генеральный Совет по предложению Маркса порвал с ней всякие отношения.— 2, 30.

«*Brüsseler Deutsche Zeitung*» — см. «*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*».

«*Bulletin de la Fédération jurassienne de l'Association internationale des travailleurs*» («Бюллетень Юрской федерации Международного Товарищества Рабочих») — орган швейцарских анархистов; выходил под редакцией Дж. Гильома в 1872—1878 гг. на французском языке сначала два раза в месяц, а с июля 1873 г. — ежедневно.— 2, 156.

«*The Commonwealth*» («Республика») — английская еженедельная газета, орган Генерального Совета Интернационала; издавалась в Лондоне с февраля 1866 по июль 1867 г. как продолжение газеты «*Workmen's Advocate*», с сентября 1866 г. находилась под влиянием либеральной буржуазии.— 1, 169.

«*Crimmitschauer Bürger- und Bauernfreund*» («Криммичауский друг горожанина и крестьянина») — немецкая ежедневная социал-демократическая газета, издавалась в Криммичау (Саксония) с июля 1870 по январь 1879 г.— 2, 233.

«*The Daily News*» («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 г.— 2, 128.

«*The Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature*» («Демократическое обозрение британской и иностранной политики, истории и литературы») — английский ежемесячный журнал, орган левого крыла чартистов; издавался Дж. Гарни в Лондоне с июня 1849 по сентябрь 1850 г.; в 1850 г. в журнале сотрудничал Энгельс.— 1, 373.

«*Deutsch-Französische Jahrbücher*» («Немецко-французский ежегодник») — издавался в Париже на немецком языке под редакцией К. Маркса и А. Руге. Вышел в свет только первый и второй сведенный выпуск в феврале 1844 г., в котором был опубликован ряд произведений Маркса и Энгельса.— 1, 10, 43, 60, 67, 71, 84, 163, 195, 201; 2, 90, 261.

«*Deutsche-Brüsseler-Zeitung*» («Немецкая брюссельская газета») — основана немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе;

выходила с января 1847 по февраль 1848 г. С сентября 1847 г. Маркс и Энгельс являлись постоянными сотрудниками газеты, под их влиянием она стала органом революционно-коммунистической пропаганды.— 1, 43, 67, 72, 325, 337, 358, 373.

«*Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*» («Немецкий ежегодник по науке и искусству») — литературно-философский журнал левых гегельянцев, выходил в Лейпциге под редакцией А. Руге с июля 1841 по январь 1843 г. Закрыт саксонским правительством и запрещен постановлением Союзного сейма на всей территории Германии.— 2, 90.

«*Le Devenir social*» («Социальное развитие») — французский социалистический ежемесячный журнал, выходил в Париже с 1895 по 1898 г.— 2, 103.

«*Le Figaro*» («Фигаро») — французская реакционная газета; выходит в Париже с 1854 г., была связана с правительством Второй империи.— 1, 135.

«*Fliegende Blätter*» («Летучие листки») — немецкий еженедельный сатирический журнал, выходил в Мюнхене с 1845 по 1929 г., в период революции 1848—1849 гг. занимал антимоноархическую позицию.— 1, 306.

«*The Fortnightly Review*» («Двухнедельное обозрение») — английский журнал по вопросам истории, философии, литературы; основан в 1865 г. группой буржуазных радикалов; впоследствии принял буржуазно-либеральное направление; под данным названием выходил в Лондоне до 1934 г.— 2, 272.

«*Frankfurter Journal*» («Франкфуртская газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, издавалась во Франкфурте-на-Майне с XVII в. по 1903 г., в 40-х и 50-х гг. XIX в. имела либеральное направление.— 1, 307.

«*The Free Press*» («Свободная пресса») — английская буржуазная газета, оппозиционная по отношению к правительству Пальмерстона; издавалась Уркартом и его сторонниками в Лондоне с 1855 по 1865 г.; в газете было опубликовано несколько работ Маркса.— 1, 120.

«*Freethinker*» («Свободомыслящий») — английский атеистический журнал, издавался в Лондоне с 1 мая 1881 г. под редакцией Дж. Фута.— 1, 135.

«*Friend of the People*» («Друг народа») — английский еженедельник, орган левого крыла чартистов; выходил в Лондоне с декабря 1850 по июль 1851 г. под редакцией Дж. Гарни.— 1, 373.

«*Glasgow Sentinel*» («Глазговский страж») — английская еженедельная газета, выходила в 1850—1877 гг.— 1, 94, 119.

«*The Globe*» («Земной шар») — сокращенное название английской ежедневной вечерней газеты «*The Globe and Traveller*» («Земной шар и путешественник»), выходящей в Лондоне с 1803 по 1921 г.; вначале орган вигов; с 1866 г.— орган консерваторов.— 1, 94.

«*Die Glocke*» — еженедельный немецкий журнал, выходил в Берлине и Мюнхене с 1915 по 1925 г.— 2, 205.

«*Hamburger Echo*» («Гамбургское эхо») — немецкая ежедневная социал-демократическая газета, выходила в Гамбурге с октября 1887 до марта 1933 г.— 1, 317.

«*Hermann. Deutsches Wochenblatt aus London*» («Герман. Немецкий еженедельник из Лондона») — орган немецкой мелкобуржуазной демократической эмиграции, выходил с 1859 г., с января по июль 1859 г. его издателем и редактором был Готфрид Кинкель.— 1, 328, 348, 363.

«*Illustrierter Neue Welt-Kalender*» («Иллюстрированный новый всемирный календарь») — немецкий ежегодник, издавался в Штутгарте (1883—1914) и Гамбурге (1915—1933) редакцией социалистического журнала «*Die Neue Welt*» («Новый мир»).— 1, 265.

«*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*» («Ежегодник социальной науки и социальной политики») — журнал социал-реформистского направления, издавался в 1879—1881 гг. К. Хёхбергом (под псевдонимом Людвиг Рихтер) в Цюрихе, вышло три выпуска.— 1, 321.

«*The Jersey Independent*» («Независимый Джерси») — английская газета демократического направления, выходила на острове Джерси в 1855—1875 гг., с июля 1856 до ноября 1862 г. ее редактором был Дж. Гарни.— 1, 97.

«*Justice*» («Справедливость») — английская еженедельная газета, издававшаяся в Лондоне с января 1884 по 1925 г.; орган Социал-демократической федерации, затем Британской социалистической партии; с 1886 по 1913 г. ее редактором был Гарри Квелч.— 1, 187.

«*Karlsruher Zeitung*» («Карлсруэская газета») — немецкая ежедневная газета; выходила с 1757 г.; до и после революции 1848—1849 гг.— официальный орган правительства великого герцогства Баден, в мае — июне 1849 г.— орган правительства Брентано.— 1, 307.

«*Kölnische Zeitung*» («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, выходила под данным названием с 1802 по 1945 г.; с начала 40-х гг. XIX в. выражала интересы рейнской либеральной буржуазии.— 1, 70, 307.

«*Kreuz-Zeitung*» — см. «*Neue Preußische Zeitung*».

«*The Labour Prophet and Labour Church Record*» («Рабочий пророк и вестник рабочей церкви») — английский журнал, орган сторонников «рабочей церкви», пытавшихся соединить рабочее движение с религией; выходил в Лондоне в 1892—1900 гг.— 1, 191.

«*Leipziger Volkszeitung*» («Лейпцигская народная газета») — немецкая ежедневная социал-демократическая газета, выходила с сентября 1894 до 1933 г.— 1, 317; 2, 255.

«*Leipziger Vorwärts*» — см. «*Der Volksstaat*».

«*Il Martello*» («Молот») — еженедельная итальянская газета, орган Миланской секции Интернационала; издавалась в феврале — марте 1872 г.; под влиянием Т. Куно, являвшегося членом редакции, опубликовала ряд статей против бакунистов.— 2, 136.

«*Milwaukee Herald*» («Милуокский вестник») — американская газета, издавалась с 1854 г., с 1885 г. издателем ее был К. Бауэр.— 1, 216.

«*Modern Thought*» («Современная мысль») — английский прогрессивный ежемесячный журнал по вопросам религии, политики, этики, науки и литературы, выходил в Лондоне в 1879—1884 гг.— 2, 215.

«*Neue Oder-Zeitung*» («Новая одерская газета») — немецкая ежедневная буржуазно-демократическая газета, выходила в 1849—1855 гг. в Бреславле (Вроцлаве), в 1855 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс.— 1, 45.

«*Neue Preußische Zeitung*» («Новая прусская газета») — немецкая ежедневная газета реакционного направления; выходила в Берлине с июня 1848 по 1938 г.; орган прусского юнкерства и придворных кругов; известна также под названием «*Kreuz-Zeitung*» («Крестовая газета»), так как в ее заголовке был изображен железный крест.— 1, 73.

«*Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie*» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») — немецкая ежедневная газета, орган революционно-пролетарского крыла демократии в период германской революции 1848—1849 гг.; выходила в Кельне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. с перерывом между 27 сентября и 12 октября 1848 г.; в состав редакции входил Энгельс.— 1, 12, 41, 44, 61, 68, 72—74, 87, 117, 130, 163, 174, 177, 195, 201, 204, 205, 257, 258, 296, 298, 300, 303, 326, 339—341, 360, 361, 370, 373—374, 380; 2, 124, 125, 127, 201.

«*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — журнал,

основанный Марксом и Энгельсом в декабре 1849 г. и издававшийся ими до ноября 1850 г.; теоретический орган Союза коммунистов.— 1, 44, 68, 74, 90, 130, 178, 296, 305, 362, 375.

«*Die Neue Welt*» («Новый мир») — немецкий двухнедельный социал-демократический журнал, издавался в Штутгарте с 1877 по 1886 г.— 2, 241.

«*Die Neue Zeit*» («Новое время») — теоретический журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по октябрь 1890 г. ежемесячно, затем до осени 1923 г.— еженедельно; с 1885 по 1894 г. в журнале сотрудничал Энгельс.— 1, 38, 45—48, 122, 301, 354, 355; 2, 36, 79, 88, 245.

«*Neuer Welt-Kalender*» — см. «*Illustrierter Neue Welt-Kalender*».

«*The New Moral World: and Gazette of the Rational Society*» («Новый нравственный мир и Газета разумного общества») — английская еженедельная газета социалистов-утопистов; основана Р. Оуэном в 1834 г.; издавалась до 1846 г. сначала в Лидсе, а с октября 1841 г.— в Лондоне; с ноября 1843 по май 1845 г. в газете сотрудничал Энгельс.— 1, 67, 129, 373.

«*New-York Daily Tribune*» («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходила с 1841 по 1924 г. Основанная Хорасом Грили, газета до середины 50-х гг. была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии; в 40—50-х гг. выступала против рабства негров. С августа 1851 по март 1862 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс.— 1, 45, 74, 93, 94, 96, 99, 100, 120—121, 161, 166, 176, 178, 208, 221, 282, 283; 2, 31, 210.

«*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» («Северогерманская всеобщая газета») — немецкая ежедневная консервативная газета, в 60—80-х гг.— официоз правительства Бисмарка, выходила в Берлине с 1861 по 1918 г.— 1, 258—261.

«*The Northern Star*» («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов; выходила с 1837 по 1852 г. сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г.— в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор, в редакцию входил Дж. Гарни; с 1843 по 1850 г. в газете сотрудничал Энгельс.— 1, 67, 129, 360, 373; 2, 133, 134.

«*Notes to the People*» («Заметки для народа») — английский еженедельник, орган левого крыла чартистов; выходил в Лондоне в 1851—1852 гг. под редакцией Э. Джонса. Маркс и Энгельс принимали участие в его редактировании и издании и опубликовали в нем ряд статей.— 1, 373.

«*Pall Mall Gazette*» («Газета Пэл-Мэл») — английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне с 1865

по 1920 г., с июля 1870 по июнь 1871 г. в газете был опубликован ряд статей Энгельса.— 1, 135, 169, 183, 363.

«*The People's Paper*» («Народная газета») — английская еженедельная чартистская газета, основана в мае 1852 г. в Лондоне Э. Джонсом; с октября 1852 по декабрь 1856 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс.— 1, 94, 119, 120, 373.

«*La Petite République Française*» («Маленькая французская республика») — французская ежедневная радикально-республиканская газета, выходила в Париже в 1875—1893 гг.— 2, 273.

«*La Philosophie positive. Revue*» («Позитивная философия. Обзорение») — французский философский журнал; издавался с 1867 по 1883 г. 6 раз в год, пропагандировал философию О. Конта.— 2, 22.

«*Die Presse*» («Пресса») — австрийская ежедневная буржуазная газета либерального направления; издавалась в Вене с 1848 по 1896 г.; в 1861—1862 гг., когда газета занимала антибонапартистскую позицию, в ней публиковались статьи и корреспонденции Маркса.— 1, 45, 100.

«*Progress*» («Прогресс») — английский ежемесячный журнал по вопросам науки, политики и литературы; выходил в Лондоне с 1883 по 1887 г. Одно время был близок к социалистическим кругам. В журнале сотрудничали Элеонора Маркс-Эвелинг и Эдуард Эвелинг.— 1, 135.

«*The Red Republican*» («Красный республиканец») — чартистский еженедельник, издававшийся Дж. Гарни в Лондоне в июне — ноябре 1850 г.; в нем был опубликован первый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии». — 1, 373.

«*La Réforme*» («Реформа») — французская ежедневная газета, издавалась в Париже с июля 1843 по январь 1850 г.; орган республиканцев-демократов и мелкобуржуазных социалистов; с октября 1847 по январь 1848 г. в газете печатались статьи Энгельса.— 1, 373.

«*Revue*» — см. «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*».

«*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — немецкая ежедневная газета; выходила в Кёльне с 1842 по март 1843 г.; с апреля 1842 г. Маркс сотрудничал в газете, а с октября того же года стал одним из ее редакторов.— 1, 9, 10, 43, 70, 71, 116, 136, 163, 195, 375; 2, 203.

«*Rheinische Zeitung*» («Рейнская газета») — немецкая ежедневная социал-демократическая газета, основана в 1888 г., под данным

названием выходила в Кёльне с 1892 по 1933 г., в 1894—1895 гг. редактором газеты был К. Гирш.— 1, 354.

«*Rheinische Zeitung*» — см. «*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*».

«*Romanul*» («Румын») — румынская газета, выходила в начале 80-х гг. XIX в.— 2, 32.

«*Der Rote Teufel*» («Красный черт») — сатирическое издание, выпускавшееся редакцией газеты «*Der Sozial-Demokrat*» в 1887 г.— 2, 248.

«*Sächsische Arbeiter-Zeitung*» («Саксонская рабочая газета») — немецкая ежедневная социал-демократическая газета, выходила в Дрездене с 1890 по 1908 г., в начале 90-х гг.— орган оппозиционной полуанархистской группы «молодых». — 1, 354.

«*Schwäbische Tagwacht. Organ der Sozialdemokraten Württembergs*» («Швабский часовой. Орган социал-демократов Вюртемберга») — немецкая ежедневная социал-демократическая газета, под этим названием выходила в Штутгарте с 1890 до 1933 г.— 1, 354; 2, 251.

«*Social-Demokrat*» («Социал-демократ») — немецкая газета, орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза; издавалась в Берлине с 15 декабря 1864 по 1871 г.; в 1864—1867 гг. редактировалась И. Б. Швейцером; в газете было опубликовано несколько статей и заявлений Маркса и Энгельса.— 1, 105, 263.

«*Social-Demokraten*» («Социал-демократ») — датская ежедневная газета, орган Социал-демократической рабочей партии Дании; издавалась в Копенгагене с 1871 по 1954 г.— 2, 258.

«*Der Sozialdemokrat*» («Социал-демократ») — немецкая еженедельная газета, центральный орган Социал-демократической партии Германии; выходила с сентября 1879 по сентябрь 1888 г. в Цюрихе и с октября 1888 по 27 сентября 1890 г.— в Лондоне. В 1879—1880 гг. газету редактировал Г. Фольмар, а с 1881 по 1890 г.— Э. Бернштейн; в газете сотрудничали Маркс и Энгельс.— 1, 185, 321, 367; 2, 233, 237, 249, 251, 257, 258.

«*Sozialdemokratische Monatsschrift*» («Социал-демократический ежемесячник») — австрийский журнал, выходил в Вене в 1889—1890 гг.— 1, 127.

«*Spectator*» («Зритель») — английский еженедельник либерального направления, выходил в Лондоне с 1828 г.— 1, 184.

«*Die Staatsbürgerin*» («Гражданка») — немецкий журнал социалистического направления для женщин-работниц, издавался в Оффенбахе-на-Майне с апреля 1883 по 1886 г.— 2, 245.

«*The Standard*» («Знамя») — английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1827 г.— 2, 273.

«*Süd-Deutscher Postillon. Illustriertes politisch-satirisches Arbeiterblatt*» («Южногерманская почта. Иллюстрированный политико-сатирический рабочий листок») — немецкий социал-демократический еженедельник, выходил в Мюнхене с 1882 по 1910 г.— 1, 257, 302.

«*Das Volk*» («Народ») — еженедельная газета; выходила на немецком языке в Лондоне с 7 мая по 20 августа 1859 г.; была основана как орган лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих и других обществ немецких рабочих в Лондоне. Начиная с № 2 газета выходила при ближайшем участии Маркса, который с начала июля был ее фактическим редактором.— 1, 45, 75, 98, 328, 348, 363.

«*Volksfeuilleton*».— 1, 199, 246.

«*Volksfreund*» («Друг народа») — немецкая демократическая газета, издавалась Ф. Геккером в 1848—1849 гг. в Швейцарии.— 1, 201.

«*Volks-Kalender*» («Народный календарь») — социал-демократический ежегодник, издавался в Брауншвейге с 1875 по 1878 г., главным редактором и издателем был В. Бракке.— 1, 302.

«*Der Volksstaat*» («Народное государство») — центральный орган германской Социал-демократической рабочей партии; издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. два раза в неделю, с июля 1873 г.— три раза; Маркс и Энгельс сотрудничали в газете с момента ее основания.— 1, 68; 2, 60, 204, 233.

«*Volkswille*» («Воля народа») — австрийская рабочая газета, выходила в Вене с января 1870 по июнь 1874 г.— 2, 248.

«*Vorwärts!*» («Вперед!») — немецкая газета демократического направления, выходила в Париже с января по декабрь 1844 г. два раза в неделю.— 1, 43.

«*Vorwärts. Berliner Volksblatt*» («Вперед. Берлинская народная газета») — немецкая ежедневная социал-демократическая газета, основана в 1884 г.; выходила под данным названием с 1891 до 1933 г. как центральный орган Социал-демократической партии Германии; с 1891 по 1901 г. главным редактором газеты был В. Либкнехт.— 1, 47, 68, 315, 354; 2, 68, 69, 76, 94, 272, 273.

«*Weekly Times and Echo*» («Времена и отклики. Еженедельник») — английская еженедельная газета либерального направления; издавалась в Лондоне с 1847 г.; под данным названием выходила с октября 1885 по 1912 г.— 2, 102.

«*Das Westphälische Dampfboot*» («Вестфальский пароход») — немецкий ежемесячный журнал «истинных социалистов»; выходил с января 1845 по март 1848 г. в Билефельде, затем в Падерборне.— 1, 43.

«*Die Zukunft*» («Будущее») — немецкий еженедельник буржуазно-демократического направления; издавался в Берлине с 1892 по 1922 г.— 2, 255.

III

П. В. Анненков

Из очерка «Замечательное десятилетие»

4

Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом

11

Из записи беседы с Г. А. Лопатиным
от 3 ноября 1913 года

16

Г. А. Лопатин

Каждому свое

17

Д. И. Рихтер

Из воспоминаний «Житейские встречи»

20

М. М. Ковалевский

Из статьи

«Мое научное и литературное скитальчество»

22

М. М. Ковалевский

Встречи с Марксом

28

* Воспоминания, впервые включенные в состав сборника, помечены одной звездочкой; впервые публикуемые на русском языке — двумя звездочками. *Ред.*

Н. А. Морозов

Поездка к Карлу Марксу

44

Н. А. Морозов

Карл Маркс и «Народная воля»
в начале 80-х годов

51

Г. В. Плеханов

Из статьи «Первые шаги
социал-демократического движения в России»

59

Г. В. Плеханов

Из статьи «Бернштейн и материализм»

65

** П. Б. Аксельрод*

Из воспоминаний

66

Н. С. Русанов

Мое знакомство с Энгельсом

68

А. М. Воден

Из воспоминаний

78

Ш. Раппопорт

Воспоминания о Фридрихе Энгельсе

96

Р. М. Плеханова

Из рукописи «Моя жизнь»

101

* П. Д. Боборыкин

Из книги «Столицы мира.
(Тридцать лет воспоминаний)»

105

Ф. М. Кравчинская

О встречах с Фридрихом Энгельсом

107

Ф. М. Кравчинская

Из воспоминаний

113

IV

** Стефан Борн

Из книги «Воспоминания участника
революции 1848 г.»

118

** Себастьян Зейлер

Из книги «Восстание 13 июня 1849 г.,
или Последняя победа буржуазии во Франции»

126

Альфред Мейснер

Из книги «История моей жизни»

128

Джордж Джулиан Гарни

Об Энгельсе

133

Теодор Фридрих Куно

Из воспоминаний

135

Франциска Кугельман

Несколько штрихов к характеристике
великого Маркса

159

Ансельмо Лоренцо

Из книги «Борющийся пролетариат»

196

*** Вильгельм Блос*

Из книги «Воспоминания социал-демократа»

201

*** Вильгельм Блос*

Карл Маркс как человек
(Письмо редактору журнала «Die Glocke»)

205

Юлиус Вальтер

Карл Маркс

208

Джон Суинтон

Воспоминания о Карле Марксе

210

Эрнест Белфорт Бакс

Из книги «Воспоминания и размышления»

215

Марианна Комин

Мои воспоминания о Карле Марксе

219

*** Карл Каутский*

Воспоминания о Марксе и Энгельсе
(Из книги «Переписка Фридриха Энгельса
с Карлом Каутским»)

231

**** Леонард Таушер**

В годы исключительного закона
против социалистов

248

**** Конрад Шмидт**

Воспоминания о Фридрихе Энгельсе

252

**** И. Йенсен**

Воспоминания о встречах с Энгельсом

257

Шарль Виктор Жаклар

Из статьи «Международный
социалистический конгресс в Цюрихе»

260

Лили Браун

Из книги «Мемуары социалистки»

263

Карл Штейнгардт

Моя встреча с Фридрихом Энгельсом

265

Макс Бер

Из книги

«Пятьдесят лет международного социализма»

269

Примечания

276

Указатель имен

335

Указатель периодических изданий

383

В77 **Воспоминания** о К. Марксе и Ф. Энгельсе.
Ч. 2 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК
КПСС.— 3-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1988.—
398 с.: ил.
ISBN 5—250—00152—I
ISBN 5—250—00195—5

В $\frac{0103010000-040}{079(02) - 88}$ 30—88

ББК 13.2

ВОСПОМИНАНИЯ
О К. МАРКСЕ И Ф. ЭНГЕЛЬСЕ

Часть 2

Художник

Ю. Н. МАРКАРОВ

Художественный редактор

О. Н. ЗАЙЦЕВА

Технический редактор

Е. В. ВАСИЛЬЕВСКАЯ

ИБ № 7451

Сдано в набор 29.09.87. Подписано в печать 10.02.88. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л.
22,68. Усл. кр.-отт. 45,99. Уч.-изд. л. 23,11. Тираж 200 000 (100 001—
200 000) экз. Заказ № 3594. Цена 1 р. 50 к., в бумажном переплете 1 р. 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

2

Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе